ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ
ФАКУЛЬТЕТ СОЦИОЛОГИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ:

журнал метадисциплинарных исследований

2010. № 2

(апрель - июнь)

Научный журнал

Издается с 2009 года

Политическая концептология:

журнал метадисциплинарных исследований
Научно-аналитическое издание

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации: Эл № ФС77-32422 от 09 июня 2008 г.

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»

Редакционная коллегия:

Главный редактор
Заслуженный деятель науки РФ, академик Академии педагогических наук Украины, Доктор политических и доктор философских наук, профессор **В.П.Макаренко**
Кандидат философских наук, доцент **С.П.Поцелуев** (зам.главного редактора)
Кандидат политических наук **М.С.Константинов** (ответственный секретарь)

Редакционный совет:

Председатель редакционного совета
Доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор А.В.Лубский (Ростов-на-Дону)
Доктор политических наук, доцент А.И.Бардаков (Волгоград)
Доктор экономических наук, профессор В.В.Вольчик (Ростов-на-Дону)
Профессор ординарный, доктор габилитованы Анджей Захариаш (Жешов, Польша)
Доктор политических наук, профессор В.С.Малахов (Москва)
Доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ О.Ю.Мамедов (Ростов-на-Дону)
Доктор философских наук, профессор Н.С.Розов (Новосибирск)
Доктор философских наук, профессор В.В.Савчук (Санкт-Петербург)
Доктор исторических наук, профессор В.Н.Ткаченко (Киев, Украина)
Доктор исторических наук, профессор И.М.Узнародов (Ростов-на-Дону)
Доктор философских наук, профессор С.Г.Чукин (Санкт-Петербург)
Доктор философских наук, кандидат психологических наук В.И.Шкуратов (Ростов-на-Дону)

Электронная версия журнала: **http://politconcept.sfedu.ru**

Адрес учредителя:
344006, г.Ростов-на-Дону
ул. Б.Садовая, 105
тел.: (863) 263 3158 263 8498
факс: (863) 264 5255
e-mail: rectorat@sfedu.ru

Адрес редакции:
344038, г. Ростов-на-Дону
пр.Нагибина, 13, к.308
тел. (863) 230 3090
факс: (863) 230-30-71
e-mail: politconcept@mail.ru

Содержание

Слово редактора
МАКАРЕНКО В.П. Jus resistendi и дрессированные зайцы….....4

Русская власть: описания и рефлексии
Система русской власти: диссонансы или созвучия концептов? (материалы круглого стола).....15
ЛУБСКИЙ А.В. Концепт «русская власть»: метафорические возможности интеллектуального дискурса.....116
МАКАРЕНКО В.П. «Свой чужой»: концепт русской власти.....130

Научное сообщество
ПАВЛОВ А.В. Аналитическая политическая философия?.....175
СУББОТИН А.И. О смысловом потенциале культурологической терминологии М.К.Петрова.....185
ГАТИНА М.Р. Возникновение науки в Англии в XVII веке: случай имперско-колониальной модели взаимодействия науки и власти.....202
ПАНТЕЛЕЕВА Е.В. Учёные и приматы перед лицом государства: к советскому опыту этатизации науки.....214

Книжная полка
КУРЕННОЙ В.А. Немецкие мандарины: критические заметки.....224

Наши авторы.....238
Contents.....239
Summaries.....240
К сведению авторов.....243

Слово редактора

JUS RESISTENDI И ДРЕССИРОВАННЫЕ ЗАЙЦЫ

В.П. Макаренко
Южный федеральный университет

Личные обстоятельства не дали мне возможности непосредственно участвовать в дискуссии на тему «Ученый и власть», которая состоялась в Санкт-Петербургском университете профсоюзов в ноябре 2009 года. Однако я ознакомился со стенограммой дискуссии. На этой почве возник ряд соображений. Оттолкнусь от суждения Э.И.Колчинского: «Взаимодействие ученого и власти всегда сложно, особенно если власть преступная. А власти, которая хорошо бы относилась к народу, не бывает. Правда, иногда общество способно контролировать власть, но в России таких периодов было достаточно мало». Для анализа русской власти в ее экономических, политических и идеологических измерениях я разработал концепты политического отчуждения, гражданского отчуждения и гражданского сопротивления. Гражданское сопротивление – это реализация классического jus resistendi (права на сопротивление), которое включает в свой состав когнитивное сопротивление. Проиллюстрирую применимость данных концептов к анализу ранее указанной темы.

Советская политика в области науки

В статье 44 Конституции РФ записано: «1. Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом». Между тем события и процессы в современной России развиваются в ином направлении. Власть нарушает право на свободу научного творчества, записанное в «Конституции РФ», и способствует деградации научной культуры страны. В таких условиях классическое право сопротивления (jus resistendi) фиксирует серьезное отношение ученых к своему достоинству, условиям труда и жизни.

В чем состоит нарушение свободы научного творчества? Для ответа я бы строго определил свободу научного творчества как возможность использования

учеными следующих свобод: устного и письменного высказывания о состоянии дел в обществе и в науке; выбора тем, проблем, теоретико-методологической ориентации, когнитивной и философской перспективы; взаимодействия для создания и определения значения познавательных ценностей; создания обществ и союзов, защищающих интересы ученых; воспитания и образования новых поколений ученых.

Все эти свободы систематически нарушались в Российской империи, СССР и не соблюдаются в современной России. Значит, при реализации всех свобод требуется независимость от власти. Проблема сводится к определению меры такой независимости, включая независимость от текущих интересов и потребностей общества.

Как известно, советские «командиры науки» принадлежали к верхушке КПСС или назначались ею, сотрудничали с политической полицией и пропагандой в целях ограничения и ликвидации свободы науки. Они входили в партийно-хозяйственный актив, среди которого были и беспартийные. Но отсутствие партбилета не мешало им обслуживать советскую политику.

Советская политика в области науки может быть обозначена как комплекс следующих приемов и процедур:

- цензура на основе произвольно установленных властью идеологических, политических и полицейских критериев;

- всеобщий надзор, слежка, провокация, давление сотрудников госбезопасности и их агентов на ученых;

- составление и применение гласных и негласных инструкций, позволяющих репрессировать и дискриминировать лиц, получивших негативную оценку партийных структур;

- оценка партийным аппаратом кандидатов на все должности, награды, ранги, премии, субсидии на основе принципов неявности и конформизма;

- отрицательная оценка лиц, поведение которых нарушало верноподданность;

- направление львиной доли денежных и материальных средств (под видом финансирования науки) на потребности военно-промышленного комплекса и партийно-государственного аппарата;

- отбрасывание идеала объективной истины при определении целей и задач науки;

- систематическое и целенаправленное вмешательство в научную жизнь (в виде кампаний апологетики или диффамации конкретных лиц и целых научных направлений, вплоть до расистской ксенофобии);

- манипуляция, коррупция, давление на ученых для превращения их в холуев правительства и общества «реального социализма», послушно выполняющих указания разведывательной природы и нарушающих нормы профессиональной этики.

Так было во времена СССР. Особая проблема состоит в описании механизмов воспроизводства указанных приемов и процедур. В частности, сегодня расходы на науку таковы, что это затрудняет или полностью исключает свободу научного творчества.

Свободы науки нет, если:

- нет средств для проведения научных исследований, вытекающих из современной проблемной ситуации или подтверждающих преемственность эпистемологической, технологической и гуманистической функций науки;
- затруднены научные (прямые и опосредованные) коммуникации и издание научных публикаций;
- не обеспечена достойная жизнь ученого на таком уровне, когда побочная деятельность дополняет научную работу, а не превращается в основную.

Научная культура – это состояние общества, тождественное постоянному, всеобщему и значимому присутствию научного знания на всех социальных полях. Общество не обладает научной культурой, если:

- академический уровень ниже мирового;
- расходы на научную и педагогическую деятельность ниже мировых стандартов;
- популяция кандидатов на профессии ученого и педагога не позволяет выбрать достойных наследников мастеров из сообщества учеников;
- сеть университетов не тождественна центрам, в которых есть научная среда для нормального развития.

Как показал Б.Г.Юдин, в России на протяжении XX в. не сложилось нормальное научное сообщество. Поэтому современная Россия не является обществом научной культуры и постепенно отдаляется от ее мировых стандартов. Власть скорее продолжает, чем ревизует советскую политику в отношении науки. После событий 1991-1993 гг., а особенно после прихода к власти команды В.В.Путина, политики в отношении науки нет, хотя бумаг в виде законов и постановлений вышло множество. Одновременно на многих постах находятся люди с дипломами кандидатов и докторов наук, членов-корреспондентов и академиков. Значит, руководители государства не хотят всерьез заняться вопросами: кем должны быть ученые в России и должна ли быть в ней наука?

Общая ситуация выглядит следующим образом. Вопросы науки рассматриваются и решаются без участия ученых. Нарушается правило использования экспертиз о структурном и функциональном характере науки как культуротворческом факторе развития общества. Не учитываются потребности ученых, большинство которых не имеет средств на научную и педагогическую деятельность, достойную жизнь. Пренебрегается специфика науки как формы знания, познания и творчества. Происходит отождествление университетов и научных институтов с супермаркетами, бюро услуг и другими конторами, работающими по заказам клиентов. Отсутствует понимание того, что свобода науки – это

комплекс механизмов пользования свободами, образующими состояние свободы.

На этой основе научное сообщество может составить иск (или обвинительный акт) власти. Власть принимает решения о субсидиях на науку, статусе ученых и институтов научной жизни, нарушая принципы компетенции (знание предмета) и функциональности (обязанность принятия решений с учетом потребностей объекта решения). Нарушение обоих принципов свидетельствует об опасной для науки и общества болезни *административного восторга* – убеждения, что само право принятия решения – разновидность чудотворства (или магического знания предмета решения). Административный восторг переплелся с *юридическим упоением* – верой в то, что законы позволяют преодолеть любую ситуацию, неудобную для власти.

Власть проявляет наглость и мегаломанию в отношении журналистов, ученых, врачей, учителей, художников. Эта тенденция усиливалась на протяжении последнего двадцатилетия. Властвующие убеждены в том, что они обладают магическим знанием, позволяющим управлять наукой. Само существование такого убеждения может служить источником и стимулом для сопротивления ученых.

Большая ложка или окопная правда?

Законность и польза – необходимые условия одобрения и выполнения решений власти. Отсутствие законности бросает тень на знание дела, эффективность действий и пользу выполнения решений. Бесполезность порождает проблему моральной, интеллектуальной и технической квалификации властвующих. Законность властвующих сомнительна, поскольку они не умеют и не хотят быть полезными для общества. Падение авторитета власти – господствующая тенденция последних 20-ти лет. Отсюда вытекает проблема выполнимости ее решений. Отказ может быть пассивным или активным сопротивлением.

Фронт такого отказа может состоять из плана и движения сопротивления. То и другое можно составить на основе определения реального положения науки, ученых и управления наукой в стране. Причем, это знание имеет лишь косвенное отношению к правительственным бумагам по данному предмету. Надо исходить из того, что в состав политики, законодательства и управления не входят решения о научном поиске – комплексе познавательных стремлений, форм выполнения познавательных действий и применяемых при этом теориях и методах. Принятие решений о науке – это комплекс процедур, не мешающих ей развиваться в любых направлениях. Речь идет об установлении законов, функциональных в отношении научного познания, и выделении средств для его функционирования.

Внутренние дела науки есть предмет самоуправления ученых, автономии научного познания. Власть должна отвечать только за функциональность законов и выделение на науку средств для обеспечения механизмов научного поиска. Их легитимность зависит от гарантирования бюджета, оборудования, зданий, штатов, кадров для соблюдения условий существования науки в системах экономики, культуры и государства.

Настоящее состояние вещей в российской науке – продукт властных решений. Оно дисфункционально с точки зрения потребностей и задач науки и способствует развитию следующих феноменов:

1. Расцвет теневой жизни ученых – выбор коррупции как нормы поведения, мнимо-научная деятельность, занятие другими видами деятельности, дающими доход.

2. Отток из науки значительного числа людей, придающих вес собственному социальному (а не научному) статусу. Эти люди переходят на другие поля активности, эмигрируют путем прямого или косвенного взаимодействия с механизмами утечки мозгов, бросают отечественную культуру.

3. Создание предпосылок для движения сопротивления, направленного на замену вредных властителей полезными для науки людьми.

Государственная политика в области науки бесполезна или вредна для ученых. Она закрепляет раздел сферы науки на мир политических и научных ценностей (целей). В традиции социальной и политической мысли такое состояние вещей называется делением на мир политиков и мир людей содержательной компетентности. Первые стремятся реализовать свои доктрины и планы независимо от потребностей науки и общества. Другие отстаивают формулу: не существует никакой другой науки кроме той, которой занимаются с полной самоотдачей как главной целью жизни, располагая средствами на познавательную деятельность.

Деление на политиков и ученых универсально. Но в России вторичная институционализация науки после 1917 г. сформировала следующие нормативно-ценностные структуры поведения отечественных ученых: установка на самоизоляцию; отсутствие автономии и самоорганизации; определение приоритетов развития науки путем закулисного сговора политической и академической бюрократии; конфликт между гражданским и профессиональным статусом ученых. Современная отечественная наука есть воплощение английских (колониально-имперских), французских (революционно-бюрократических) и российских (самодержавно-бюрократических) интересов и амбиций власти и ученых. Поэтому в России нет нормального научного сообщества. Все это позволяет отвергнуть идентичность политиков и управленцев с учеными (от кандидата наук до академика).

Со времен Сталина и до настоящего времени министерства и ведомства заполняются лицами с научными степенями и званиями. В верхней и нижней палатах Думы, Общественной палате и прочих конторах и синекурах тоже сидят

остепененные «мужики и бабы». Данное сборище людей предварительно можно разделить на следующие группы:

1. Представители власти считают политический театр выгоднее театра научной жизни. Но на всякий случай или для продвижения на рынке политических карьер приобрели научные степени и звания.

2. Представители партий относятся к науке в соответствии с требованиями партийной тактики и стратегии (не только коммунистической).

3. Специалисты разных дисциплин пошли во власть на основе собственного представления о своих умениях и целях или после соответствующей вербовки.

Не надо особо доказывать, что члены первой и второй категории либо не имели ничего общего с наукой в строгом смысле слова, либо решительно порвали все корни с ней. Они культивируют иной ценностный порядок по сравнению с ценностным порядком участников битвы (или «игры», как сказал бы Л.Витгенштейн) за научную истину. Их можно назвать мнимыми учеными, которые прикрываются учеными степенями и званиями, но не соблюдают элементарные нормы научного этоса. Благодаря связям в политических кругах они могут выторговать разнообразные виды modus vivendi и даже устойчивый мир между учеными и политиками. Но такая торговля ведет к отказу от принципов и капитуляции научного этоса[1].

Люди третьей категории пытаются избежать дискомфорта, обусловленного конфликтом ролей политика (законодателя, управленца) и ученого. Им кажется, что они ведут себя иначе в статусе ученого и в статусе политика. Они хотят быть слугой двух господ. Служить тем и другим, в зависимости от присутствия в академической лаборатории, на университетской кафедре, среди министерских крыс или парламентских болтунов. Наука требует быть хорошим специалистом. Политика приказывает защищать reason d'etat. Достаточно провести границу между ними, как снимается конфликт указанных ролей и проблема идентичности политиков и ученых. По сути, такое рассуждение обосновывает двоемыслие.

Правда, некоторые осознают: политика не терпит конкуренции и требует быть ее преданным слугой. Но они ощущают принадлежность к ученому миру. В их сознании возникает идея такой ложки, которой можно хлебать вместе с чертом из одной кормушки. Однако спустя некоторое время возникает «задний ум»: такой ложки не существует. Всякий, кто когда-либо хлебал из государ-

[1] В свое время кардинал Ришелье изобрел концепт государственного разума (reason d'etat), который не равнозначен отбрасыванию научного разума (reason d'science). Действительно, в правовой демократии reason d'etat требует, чтобы reason d'science был приспособлен к интересам нации или государства, которые (интересы) интерпретирует правительство. Этот шаблон мысли до сих пор является бродячим сюжетом в большинстве работ, посвященных отношению между политикой и наукой. Внесу одно уточнение. Мне уже приходилось писать, что государственный разум в единстве с законом иерархии и «теорией» разделения граждан на два класса – активных и сознательных (занятых в государственном аппарате) и пассивных и несознательных (не принадлежащих к государственному аппарату) образует элемент бюрократических отношений между обществом и правительством, а также отношений внутри правительства и аппарата управления. Поэтому всякая ссылка на некие «высшие государственные соображения» ведет к маскировке конфликта между политикой и наукой.

ственного корыта, – тот обслуживал такую политику, которую ревнители научной истины признают вредной для науки и ученых. Нахлебники непричастны к миру битвы за научную истину по причине измены главной норме научного этоса: преданность науке выше любых обязанностей – перед reason d'etat, правительством, партиями, семьей и т.д. Научный этос требует не иметь ничего общего с людьми, способствующими деградации науки.

Итак, разрыв между политикой в отношении науки и требованиями научной культуры раздваивает социальное пространство на политиков (чиновников) и ученых (воспитателей ученых). Состояние раздвоенности ставит перед каждым человеком с научной степенью и званием проблему выбора: принадлежать к политикам (чиновникам) или быть верным научному этосу? Эта ситуация позволяет проверить на верность научному этосу всех, кто номинально является ученым.

Раздвоение на политику и науку появляется там, где «командиры науки» руководствуются иной концепцией бытия и функции науки и статуса ученого по сравнению с действительными окопными «солдатами науки». Вследствие противоположности этих концепций образ политика и чиновника в сознании ученых тождествен человеку, принимающему вредные для науки решения. Такова окопная правда натуральных российских ученых. Я пока не слышал, чтобы кто-нибудь из прошлых и современных политиков и чиновников добровольно отказался от научных степеней и званий. Значит, они хотят существовать и действовать в политико-административном мире. И потому должны осознать факт собственного систематического обмана ученых, журналистов и граждан, от имени которых действуют. Формы такого самообмана (самооправдания) могут быть предметом художественной литературы, клинической психологии и социологии науки.

Право сопротивления и проблема терапии научной жизни

Ученые имеют право на сопротивление при условиях: власть не обеспечивает свободу научного творчества в конституционном смысле слова; принимает бесполезные (вредные) для науки и ученых решения; политический курс правительства в отношении науки дисфункционален; круг авторитетных ученых (на основе мнения специалистов-науковедов) определяет ситуацию как основание для реализации права на сопротивление. Если властвующие связывают некомпетентность и дисфункциональность с невежеством и произволом, то основанием формирования фронта отказа является элементарная норма научного этоса о профессиональной ответственности ученых.

Такая профессиональная ответственность связана с соблюдением следующих условий:

1. Социальные нормы обязывают ученых исполнять действия, связанные с профессией научного работника.

2. Эти действия (или бездействие) влияют на социокультурную реальность (уровень научного знания, квалификация ученых, характер действительных функций науки).

3. Анализ положения дел приводит к выводу: ученые нарушают профессиональные нормы, что негативно влияет на социокультурную реальность.

4. Научное сообщество стоит перед выбором реакции по возмещению вреда, поскольку нарушение профессиональных норм наносит ущерб науке – т.е. достоинству, без соблюдения которого исчезает легитимность науки в целом или ухудшены условия соблюдения профессиональных норм.

5. Существуют законы о гражданской (уголовной) ответственности за нарушение указанных норм – т.е. измену научному этосу.

Иначе говоря, структуры измерения справедливости в отношении любого властного решения должны установить: нанесен ли вред науке? в чем он состоит? связан ли он с выполнением профессии ученого? кто отвечает за нанесение вреда? какова мера и сфера ответственности ученых?

Без надлежащих юридических образцов мысли и действия невозможно достичь такой профессиональной ответственности ученых, которая позволяют рассматривать ее как частный вопрос социального контроля научного сообщества над отдельными лицами и группами внутри и вне науки. Идея такого контроля давно высказана М.Оссовской. Она считала, что вместо умножения профессиональных этических кодексов надо детально изучить вопрос о социальных и политических источниках и следствиях множества нарушений традиционных принципов профессиональной морали ученого. Но в отличие от М.Оссовской я полагаю: при рассмотрении случаев нанесения вреда науке путем действия (бездействия) надо использовать (mutatis mutandis) комплекс правовых категорий – вина, вред, нанесение и возмещение ущерба, обязанность, мошенничество, права субъекта, иск, удовлетворение иска.

Профессиональная ответственность ученых – это ответственность за последствия действий при выполнении профессии научного работника. Можно выделить три вида ответственности: за продукты профессиональной деятельности – познавательные ценности, использование которых влияет на удовлетворение человеческих потребностей и решение социальных проблем; за воспитание и образование учеников; за соблюдение условий выполнения профессии. Такая ответственность возлагается на всех, у кого есть дипломы и аттестаты о научных степенях и званиях.

Политики, законодатели и администраторы России не соблюдают ответственность ни в одном смысле слова. Поэтому надо квалифицировать их измену научному этосу как умышленное действие, со всеми вытекающими последствиями. Властвующие сохраняют свои научные степени и звания, но принимают вредные для науки и ученых решения. Одновременно с помощью публичной риторики (в состав которой все более входит законодательство) научные работ-

ники принуждаются выполнять принятые указы и доверять властвующим. Все это я предлагаю рассматривать как разновидность истории об охоте на зайцев.

Подобно моим ровесникам, в детстве читал «Лесную газету» В.В.Бианки. До сих пор помню, что для зайца самым безвредным является охотник, который стреляет направо и налево и прет напролом. Значительно опаснее принюхивающийся пес, а еще более – маленькая собачка, переодетая в шкуру зайца. Но наиболее опасен настоящий заяц, выдрессированный для того, чтобы привлекать других зайцев под стволы ружья.

Русские ученые были и остаются реальными зайцами. А всю современную политико-управленческую сферу России я предлагаю рассматривать как дрессированных зайцев. Таковы реальные основания для того, чтобы ученые использовали jus resistendi – право сопротивления как последний аргумент в отношении власти. Я не буду здесь подробно описывать способы и средства его применения. Меня более интересует проблема морали во время реализации права сопротивления. Разделение на политиков и ученых и jus resistendi последних следует понимать как тест проверки на верность научному этосу. Мораль множества техник сопротивления может базироваться на следующих правилах конституирования солидарности его участников:

1. Поляризация – постановка ученых перед выбором между политико-административной и научной деятельностью. На этой основе проверяется их отношение к норме солидарности между участниками битвы за истину в вопросах бытия науки и статуса ученых.

2. Остракизм в отношении тех, кто в конфликте политики и науки пытается связывать верноподданность с принадлежностью к среде, мораль которой определяется научным этосом.

3. Информация всего научного сообщества о всех конфликтах, риторике и стратегиях поведения политиков, законодателей и администраторов при решении конкретных проблем. Прежде всего – о последствиях проигрыша или отказа от права сопротивления. Такая информация нужна для обсуждения данной проблемы всеми заинтересованными участниками. Обсуждение необходимо для уяснения причин права использования сопротивления и актуального раздвоения на политико-административную и научную деятельность в конкретных сферах науки.

4. Политизация – показ конфликта как значимого для общества. Деградация науки имеет фундаментальное значение для научной культуры общества, в котором граждане живут, учатся и работают.

Раздвоение на политику и науку – характеристика современной реальности. У политиков и чиновников нет доброй воли, воображения, рассудка, знания, умений, необходимых для принятия полезных решений. Поэтому право сопротивления есть выбор правильной позиции. Политики и чиновники обычно связывают свой политический курс с убеждением научного сообщества. Для этого они используют целую орду спичрайтеров, экспертов, публицистов. Вы-

воды политико-чиновничьих клик обычно содержат оптимистические образы мира и призывы к гражданскому единству властвующих и подвластных. На эти побрякушки и надо обратить особое внимание. Напомню, что апелляция к групповым интересам и идеалам – классическая техника разрушения морали тех, кто сопротивляется.

Автономия ролей исследователя, педагога и эксперта присуща обществу, в котором плюрализм, полицентизм и полиморфизм – конститутивные компоненты социального порядка. В советском обществе независимых экспертов не было. Пресекались даже попытки выполнения такой роли. Руководство СССР трактовало любых специалистов как «всю королевскую рать», независимо от их службы в академических институтах, университетах, партийном и административном аппарате. Независимые ученые-эксперты чаще всего использовали лозунг *улучшения и обновления социализма*. И не ставили перед собой цель подрыва советского общества и государства.

Чем руководствовались ученые в роли экспертов – оппортунизмом, партийной дисциплиной, карьеризмом или научной истиной? Вопрос требует специального обсуждения в отношении конкретных лиц, проблем и ситуаций. Но независимо от мотивов они выступали большими или меньшими холуями власти. Стиль и техника управления наукой в СССР сформировали особую ментальность политиков, чиновников, экспертов. Сегодня в России практически нет таких научных групп, которые способны выделить в разных ситуациях экспертов, работающих ради науки и ведущих борьбу с политико-чиновничьими кликами как элемент «обустройства России». А те, кто готов участвовать в сопротивлении, не могут найти компетентных специалистов, верных научному этосу при экспертизе. Большинство ученых не имеет представления о достоинствах науковедения. Все это отрицательно характеризует интеллект и мораль тех, кто сам или в группе обязан обеспечивать условия для ведения битвы за научную истину.

Поэтому в современной ситуации jus resistendi ученых крайне необходимо. Ученые постоянно сталкиваются с действиями, которые наносят вред науке, ученым и научной культуре как части социальной культуры. Субъектами таких действий являются лица, которые трактуют проблемы политики и науки по аналогии с миром реального социализма. Риторика современных политиков и чиновников напоминает язык советских клик и является зеркалом их ментальности. В ней реализовано убеждение в сверхкомпетенции и всемогуществе. Использование права сопротивления означает также дистанцию в отношении тех, кто управляет наукой на протяжении всего постсоветского времени. Современные политико-чиновничьи клики продолжают стиль прежних и дилетантизм новых «командиров науки».

Болезни общества реального социализма усилились на протяжении последних 20 лет и пополнились рядом новых. Деградация науки стала господствующей тенденцией на фоне коррупции, бессилия прокуратуры, суда, милиции,

ФСБ, компрометации политиков и администраторов, кризиса авторитета всех «государственных мужей» и институтов. Сегодня в вопросах истины, добра и справедливости доверять некому.

Болезни науки переплетены с болезнями всех сфер государства: юридической (установление и применение законов), политической (парламент, министерства, СМИ, реклама), кадровой (критерии продвижения на посты), экономической (государственное субсидирование культуры и науки) и ведомственной (отношения между министерством образования и науки, академическими учреждениями и университетами подобны отношениям между центром власти и сетью подчиненных структур). Бюрократизация структур научной жизни – реальность сегодняшнего дня. Большинство ректоров вузов выполняют роль уполномоченных Министерства образования и науки. В отношении вузовского сообщества они выступают сторонниками и защитниками reason d'etat. Их действия нередко направлены на то, чтобы поставить себя и бюрократическую олигархию над сообществом университета.

Наблюдается также отчуждение управленческих структур университетов и НИИ от большинства научных работников. Одновременно происходит деморализация большинства. В этой ситуации официальные речи руководства, провозглашающих необходимость «профессионализма», фиксируют состояния «административной грации и восторга». Большинством законов можно только подтереться. Или – вслед за С.Беккетом – назвать «курсом на худшее».

Возникает альтернатива между гипотезой о сознательном нанесении правительством России вреда науке или признанием политико-административным безумием экономии на науке и образовании. Я думаю, борьба за существование науки и статус ученых должна проводиться под девизом: «Ни одного решения без нашего участия». Надо заменить административную централизацию действительным самоорганизацией и гражданским просвещением ученых. Социальный порядок российского общества как «машины и винтиков» (М.Геллер) надо раз и навсегда перечеркнуть. Заменить архипелагом множества автономных сфер с признанием их прав. Роль государства в этом случае сводится к устранению помех для развития научной культуры. Деградация науки и статуса ученых деморализует мастеров и учеников. Отношение «мастер – ученик» все более заменяется отношением *шеф-персонал*, *патрон-клиент*. Все это свидетельствует о дальнейшей патологизации науки.

В заключение отмечу, что научные учреждения должны оставаться местом, в котором изучают, обсуждают и осмысляют проблемы, сходные для различных культур и пространств. Однако на протяжении XX века усилилась тенденция превратить научные учреждения в топосы, в которых насаждают или решают социальные и политические вопросы. Угроза потери научными учреждениями своих функций и превращения их в придаток государственной машины или властвующих партий возрастает. Поэтому, на мой взгляд, проблема колаборационизма ученых становится центральной.

Русская власть: описания и рефлексии

СИСТЕМА РУССКОЙ ВЛАСТИ: ДИССОНАНСЫ ИЛИ СОЗВУЧИЯ КОНЦЕПТОВ? (материалы круглого стола)

Материалы творческой мастерской, проходившей в г. Ростове-на-Дону 28-29 мая 2009г.

Участники:

Авдулов Н.С., кандидат исторических наук, профессор (Ростов-на-Дону)
Архипов А.Ю., доктор экономических наук, профессор (Ростов-на-Дону)
Байлов А.В., кандидат исторических наук, доцент (Таганрог)
Буйло Б.И., доктор философских наук, профессор (Ростов-на-Дону)
Венков А.В., доктор исторических наук, профессор (Ростов-на-Дону)
Вольчик В.В., доктор экономических наук, профессор (Ростов-на-Дону)
Глебова И.И., доктор политических наук, профессор (Москва)
Громов Р.А., кандидат философских наук, доцент (Ростов-на-Дону)
Денисова Г.С., доктор социологических наук, профессор (Ростов-на-Дону)
Ерохин Н.Е., ученый секретарь Южного федерального округа (Ростов-на-Дону)
Ерыгин А.Н., доктор философских наук, профессор (Ростов-на-Дону)
Захаревич В.Г., доктор технических наук, профессор (Ростов-на-Дону)
Иванников И.А., доктор юридических наук, профессор (Ростов-на-Дону)
Кирой В.Н., доктор биологических наук, профессор (Ростов-на-Дону)
Коротец И.Д., доктор философских наук, профессор (Ростов-на-Дону)
Лубский А.В., кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор (Ростов-на-Дону)
Макаренко В.П., доктор философских наук, доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, академик Академии педагогических наук Украины (Ростов-на-Дону)
Мамедов О.Ю., доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки России (Ростов-на-Дону)
Москаленко С.Г., кандидат исторических наук, доцент (Ростов-на-Дону)
Пивоваров Ю.С., доктор политических наук, профессор, академик РАН (Москва)
Поцелуев С.П., кандидат философских наук, доцент (Ростов-на-Дону)
Рожковский В.Б.,
Ткаченко В.Н., доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Академии педагогических наук Украины (Киев)
Шипилова Р.А., кандидат исторических наук, доцент (Ростов-на-Дону)

В.П.Макаренко: Уважаемые коллеги, разрешите начать творческую мастерскую на тему «Система русской власти: диссонансы или созвучия концептов». Первоначальный вариант подзаголовка звучал иначе: «Сравнительный анализ концепций Ю.С.Пивоварова-А.И.Фурсова и В.П.Макаренко». Но по ходу согласований выяснилось: позиции Ю.С.Пивоварова и А.И.Фурсова разошлись. Поэтому мы выбрали нейтральный вариант названия. Идея творческой мастерской состоит в привлечении известных современных учёных для выступлений с докладами по концепциям, которые уже опубликованы и обсуждаются в научном сообществе. Эта форма работы входит в рамки гранта ЮФУ по теме «Политическая концептология». Мы проводим уже пятую конференцию. Теперь нам надо не столько заниматься самовыражением или разговорами на общие темы, сколько обсуждать конкретные авторские концепции. Поэтому главное требование к участникам – знание анализируемого и критикуемого материала.

Дебаты будут развёрнуты вокруг следующих основных вопросов:

1. Каков теоретический и социальный контекст генезиса концепций.
2. Как авторы вычленяют объект исследования.
3. Какие основные понятия, метафоры, идеи и концепты вводятся для анализа.
4. Какие правила и закономерности поведения анализируемого объекта фиксируются концепциями.
5. Каковы социально-политические и теоретические следствия концепций.
6. Есть ли аномалии и нерешённые вопросы в структуре и следствиях концептов.
7. Какое влияние концепции оказывают на социально-политическую мысль России, ее отдельных регионов и сопредельных государств.

Основой обсуждения сегодня и завтра будут труды присутствующего здесь Ю.С.Пивоварова – академика РАН, директора Института научной информации по общественным наукам РАН. Вместе с А.И.Фурсовым он опубликовал в «Русском историческом журнале» (Лето 1998, Том 1, № 3) работу «Русская система – генезис, структура, функционирование (тезисы и рабочие гипотезы)». А также обсуждается моя книга «Русская власть: теоретико-социологические проблемы» (изд. СКНЦ ВШ, 1998). Она выполнена по гранту Российского гуманитарного научного фонда (проект 95-06-17929).

В нашей мастерской принимают участие ученые, преподаватели, студенты и аспиранты Москвы, Киева, Ростова-на-Дону, Таганрога, Новочеркасска. Пару слов о регламенте: у нас классический академический способ работы – доклады (30-40 минут), выступления в дискуссиях (10-15 минут), реплики (3-5 минут). Разрешите приступить к выполнению повестки дня. Слово предоставляется ректору Южного федерального университета профессору Захаревичу В.Г.

В.Г.Захаревич: Дорогие друзья! Я помню, как, ещё будучи молодым человеком, прочитал древнее изречение: «То, что знают мастера, не написано в книгах мастеров». Некоторое знание невозможно выразить в словах, будь то речь или письменный источник. Второй момент по поводу вашего мастер-класса – национальный проект дает нам широкие возможности. Мы можем себе позволить приглашать выдающихся людей России для общения на эти темы. Один из них здесь находится. Насчет темы конференции я хочу сказать пару критических слов. Тема тяжелая. Если взять в качестве примера социально-экономическое развитие японцев, то они любят начальство, любят работу, очень трудолюбивы, аккуратны и т.д. Послевоенная Германия – разрушенная страна – всё восстановила благодаря своей пунктуальности, хорошему отношению к труду и прочим вещам. А у нас историческая нелюбовь к начальству, выполнение любой работы спустя рукава. Если бы канцлер Гельмут Коль взял миллион немцев и приехал бы к нам в Россию и поуправлял, что бы получилось? У нас народ необычный. Какие нужно использовать необычные средства, чтоб русского человека поднять на деятельность? Это вопрос сложный. Поэтому я считаю, что актуальность темы мастерской несомненна. Желаю всем удачи в этом непростом деле!

В.П.Макаренко: Слово академику РАН, профессору Ю.С.Пивоварову.

Ю.С.Пивоваров: Спасибо, Владислав Георгиевич и Виктор Павлович, за приглашение и такие теплые слова. Но немного смешно – мы все научные работники, не более того. То, что мы сделали, узнают потом – через много лет, когда мы помрём. Многие работы, которые когда-то превозносились, уже забыты, о них никто не помнит. В любом случае, огромное спасибо, я впервые в Ростове-на-Дону, в университете и в этой библиотеке – мне очень приятно. Я постараюсь соответствовать и рассказать то, что могу.

Хочется несколько слов рассказать о своем институте. Это Институт научной информации по общественным наукам, сокращенно ИНИОН. Это часть РАН и самый большой гуманитарный институт ее структуры. Он основан в 1969 году, но ещё в 1918 году В.И.Ленин создал фундаментальную библиотеку по общественным наукам. Ленин, которого сейчас модно критиковать, был человеком вполне современным. Он хотел иметь то, что имеют американские президенты – Библиотеку Конгресса. Библиотека Конгресса США не просто библиотека – это исследовательский центр, он обслуживает деловую и политическую элиту правительства Штатов. В СССР такую библиотеку стали создавать большевики, которые в эмиграции работали в библиотеке Конгресса США. Правда, к 1936 году их всех порешили – кого в лагерь отправили, кого расстреляли просто, но как в России бывает – это никуда не исчезло, а начало перерабатываться. В конечном счёте, на основе этой библиотеки решением ЦК КПСС создали институт в 1969 году. Тогда основной задачей было – говорить правду власти, что происходит за рубежом. То есть, были люди, которые должны были сидеть и читать западные и восточные книжки и журналы, писать правду во все

органы, которые принимают решения (КГБ, МИД, Совмин и т.д.), в виде текстов «для служебного пользования». Этот институт привлёк много толковых людей, поскольку это было единственное место, где не было цензуры и были самые новые книги. Надо сказать, советское правительство потратило много денег на закупку литературы и создало прекрасную библиотеку. В 1980-е годы это была лучшая библиотека по общественным наукам, она уступала только библиотеке американского Конгресса. Но в 1990 годы наступил полный провал: нет заказчика, сейчас Академия Наук переживает не лучшие времена. Однако мы по-прежнему сохранили свою работу как мини-академия наук, имеем массу отделов: социологии, истории, философии, политологии. Мы работаем по всем дисциплинам социального знания и по всем регионам, выпускаем реферативные сборники, обзоры и библиографические базы данных, монографии и т.д. Наш институт – это такой холдинг – включает в себя библиотеку, исследовательский центр, лаборатории, издательства и т.п. Сейчас у нас более 14 млн. единиц хранения, это третья в России библиотека по количеству единиц хранения. Если кто-то будет в Москве, милости просим: метро «Профсоюзная», Нахимовский проспект, 51/21. Вы, как сотрудники университета, имеете право пользоваться нашими материалами, и я бы хотел сказать, что очень выгодно пользоваться нашими материалами, библиографическими изданиями, поскольку это такой моментальный снимок того, что происходит в науке – можно держать руку на пульсе. В этом смысле, это вещь достаточно полезная. Вот и всё, что я хотел рассказать о нашем институте. Ещё раз спасибо за приглашение. Я думаю, мы можем начинать нашу работу. Я и моя коллега, профессор Глебова И.И., постараемся соответствовать, насколько это возможно.

Вы знаете те книги, которые я со своими коллегами пишу. На их основе трудно управлять обществом, они могут лишь помочь что-либо прояснить. Например, Ваш вопрос, Владислав Георгиевич, по поводу Гельмута Коля: если бы он сюда приехал, он бы не смог работать. Между прочим, до революции треть русской деловой элиты были выходцы из Германии. Как-то работали и неплохо работали. Хотя как бывший германист могу сказать, что для меня является большой загадкой, как Германия, уничтоженная в 1945 году Советской армией, смогла всё так сделать. Они находились в гораздо большей разрухе, чем мы, все основные промышленные города были развалены, не осталось ни одного нетронутого города. Они сумели все поднять – это просто невероятно.

Вопрос из зала: А план Маршалла?

Ю.С.Пивоваров: План Маршалла, конечно, помог, но не сыграл решающую роль, там было много вещей: например, когда до 1956 года был запрет на вывоз валюты из страны – деньги должны были храниться в Германии. У них не было нефти, газа, и с углём непонятно что. Я думаю, причина кроется в немцах, в их характере. Но об этом мы можем ещё поговорить. Спасибо.

В.П.Макаренко: Слово член-корреспонденту Академии педагогических наук Украины, доктору исторических наук, профессору Василию Николаевичу Ткаченко.

В.Н.Ткаченко: Я, собственно, не активный участник сегодняшнего дискурса. Мне представляется наше собрание очень интересным. Было бы не корректно с украинской стороны вникать в анализ русской власти. Мы должны получить тот анализ, как сами русские относятся к своей истории и власти – это будет нормально. Это не значит, что мы самоустраняемся от этого дела – это очень деликатная проблема. У нас в исторической науке до сих пор не разобрались, где кончается история и начинается политика. Мне представляется, что мы должны быть весьма корректны в оценках друг друга. Я думаю, исследователи Ростова-на-Дону накопили немалый материал по этому вопросу, и мы сможем продуктивно общаться. Важно выслушивать точку зрения другого, уметь представлять, что у другого может быть своя точка зрения по этому вопросу. У меня она тоже есть, как у человека, проработавшего 13 лет в государственных органах, и старавшегося выстраивать отношения между соседями – Россией, Белоруссией, Молдавией – гармонично. Мы должны жить вместе дружно, но беспокоят некоторые тенденции. Вчера приехал в Ростов, как-то не спалось, и по телевизору часа в три ночи вышел на дискуссию – там Марков, Рыжов вместе с двумя журналистками обсуждали эту тему – связь между историей и политикой. И выяснили, что русская историческая наука хорошая, а вот украинская историческая наука призвана формировать из русских образ врага. Ну, сказал и сказал, но это ведь не я один только слышу, а многие, и формируется общественное мнение. Мне бы не хотелось оставлять этот вопрос просто так, в воздухе. Социологические данные показывают, что это не так. Вот опросы Центра Ю.Левады в Москве, они разрабатывают совместные методологии, чтоб не было различия в трактовках. Последние события в Грузии подогрели общественное мнение, но что характерно для Украины: как раньше 80% украинцев хорошо относилось к России – до грузинских событий, - так и после них.

Нас очень беспокоит такая цифра: до грузинских событий к украинцам в России хорошо относились 54%, а после грузинских событий – 37%. Мне представляется, что мы, научные работники, собираясь вместе, призваны не забывать о конечном итоге нашей научной работы. В этой аудитории я бы хотел вспомнить одну притчу – мудрость еврейской культуры: «В период беззакония евреи обратились к Господу Богу. Евреи говорят:

– Дай нам закон.

Господь Бог сказал:

– Хорошо, я дам вам закон, но где гарантия, кто может поручиться, что вы будете выполнять этот закон?

Тогда евреи сказали:

– Наши предки и будут гарантией, Авраам, Иаков и т.д.

Господь Бог сказал:

– Где вы такое видели, чтобы мертвый человек мог поручиться за деяния живого?

Тогда евреи сказали:

– Ну, тогда мы берём на себя ответственность, мы поручаемся, что будем выполнять закон.

Господь Бог тогда сказал:

– Где вы такое видели, чтоб тот, кто берёт, сам нёс ответственность за свои дела?

И евреи ответили:

– Тогда поручителями за нас будут наши дети.

И тогда Господь Бог сказал:

– Это правильно и это мудро».

Поэтому очень важно задуматься о том, что мы оставим нашим детям, какие деяния будут после нас. Спасибо, я думаю, наша работа будет идти в таком направлении.

В.П.Макаренко: Разрешите перейти ко второй части нашей работы. Здесь, в основном, собрались книжные люди. Начнем с рассказа о новых изданиях. Мы уже более 2-х лет продолжаем творческое сотрудничество с коллегами-экономистами. Предоставляю слово доктору экономических наук, профессору, Заслуженному деятелю науки РФ Октаю Юсуфовичу Мамедову.

О.Ю.Мамедов: Мне радостно, что, наконец, собрались здесь все обществоведы. Ведь как это важно, чтобы были вместе историки, политологи, экономисты. Я считаю, присутствие здесь экономистов не случайно, т.к. можно спросить прямо: скажи мне, какая у тебя экономика, и я тебе скажу, какая у тебя власть. Можно наоборот: от власти идти к экономике, – ничто так не говорит о нашей экономике, как исследование в пределах института русской власти. Уважаемые коллеги, мы с 2003 года издаем журнал, который называется очень просто – «Экономический вестник Южного федерального университета». Мы с самого начала хотели, чтобы это был теоретический журнал. В провинции теоретический журнал делать очень сложно, но мы стараемся. Он завоёвывает определённые позиции: у нас печатаются москвичи, ленинградцы, и зарубежные коллеги пишут оригинальные статьи, которые нигде раньше не публиковались. Я Вам покажу первый номер за этот год, он называется «Terra Economicus» – пространство экономики, и должен сказать, что у нас есть не только экономисты, но и юристы, социологи, политологи. Вот, я передаю Вам журнал, – пожалуйста. И еще я хочу сказать: мы считаем, и с самого начала наш журнал шел как обществоведческий; экономисты – это основа социального знания. Мы приглашаем всех наших коллег по социальной отрасли публиковаться с актуальными статьями в нашем журнале. У нас ещё вышла книга, которая так и называется «Terra Economicus», она, на мой взгляд, должна была «взорвать» читающую публику.

В.П.Макаренко: Слово доктору экономических наук, профессору Алексею Юрьевичу Архипову.

А.Ю.Архипов: Дорогие коллеги, о свежих публикациях я рассказывать не буду, скажу лишь об одном издании, хочу вручить его нашим коллегам в президиуме. После небольшого затишья у нас была проведена международная конференция по проблемам глобализации, уже вторая в подобном роде. Приятно, что кроме экономистов в ней участвовали философы, социологи, политологи. Вышел первый том, а таких у нас будет три после конференции, где собраны эти материалы. У нас активно иностранные учёные участвуют, из Варшавского университета, из Украины немало было коллег. Я думаю, мероприятие, которое сегодня у нас идёт, очень важно, такое обсуждение необходимо, оно поможет нам самим, обществу и власти двигаться вперёд. Желаю всем успехов!

В.П.Макаренко: Слово моему младшему коллеге, кандидату философских наук, доценту Сергею Петровичу Поцелуеву. Он выпустил интересную книжку, её часть опубликована в журнале «Полис».

С.П.Поцелуев: Я написал книжку, которая финансировалась Федеральным проектом «Образование», при поддержке ректората ЮФУ. Сама книжка возникла из статьи, статья из философского удивления перед дискурсом нашего телевидения. Книжка называется «Политические парадиалоги». Название немножко заумное, но я понял, что не одинок в такого рода названиях, т.к «псевдо», «пара», «квази» – все это слова, отражающие целое явление.

В.П.Макаренко: Теперь, коллеги, разрешите представить Вашему вниманию наш журнал «Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований». Это новое научное направление, которое я разрабатываю в ряде книг, начиная с «Русской власти». Кроме Интернетовского варианта мы издали печатный вариант. В России это первый и пока единственный журнал по этому направлению. Его идея состоит в интеграции учёных гуманитарного профиля, от историков до философов. С удовольствием сообщаю, что академик Ю.С.Пивоваров и профессор И.И.Глебова привезли нам свежие статьи. Мы стараемся отойти от ростовского хуторянства. У нас публикуются авторы из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, а также ростовчане – экономисты, историки, политологи, философы. Приглашаю всех к сотрудничеству.

Забегая вперёд, скажу о двух опасностях, которые подстерегают вузовских учёных: бесконечный пересказ учебников; диссертационная машина, 90% коллег считают, что диссертация – это наука. Но это не так. Думаю, Юрий Сергеевич об этом расскажет. Полемика с этими банальностями – одна из целей нашего журнала.

Перейду к третьему пункту нашей программы. Я сегодня нашел образ – трио бандуристов. Мы трое в течение двух дней будем вам рассказывать о наших свежих публикациях. Готовы вести открытый бой по их защите. Первым поднимается в атаку Юрий Сергеевич Пивоваров.

Ю.С.Пивоваров: Виктор Павлович уже сказал по поводу диссертаций, я не знаю, что он имел в виду, но видимо то, что я являюсь, к несчастью для себя, председателем экспертного совета ВАКа по истории. Раз в две недели имею счастье или несчастье участвовать в рассмотрении докторских диссертаций по истории. Очень тяжело становится, когда смотришь на эти диссертации. Когда людей вызывают в ВАК и задают вопросы, вырисовывается чудовищная ситуация. Я не знаю, как в других науках, но у историков ситуация чудовищная. С одной стороны, есть докторские диссертации с такой темой: «Подвиг ленинского комсомола в годы Великой Отечественной войны». Я ничего против комсомола не имею, сам в нем в своё время состоял, но когда диссертация называется «Подвиг…», то зачем её вообще писать, в названии и так уже всё сказано. Или, например, есть масса диссертаций такого типа: кандидатская была у человека лет 25 назад – «Деятельность партийных органов Дальнего Востока в 1923-1925 годах», а докторская – «Деятельность православной церкви в …» и т.п. Или приезжают какие-нибудь люди из РАО ЕЭС с темой «История русского парламентаризма» – докторской. Я спрашиваю: «Когда парламент в России был создан?». Они отвечают: «В XVIII веке». Вот такие существуют диссертации. Конечно, ситуация чудовищная. Общий уровень диссертационных работ резко упал. С одной стороны, больше свободы, больше возможностей получать независимую информацию, чем в наши молодые годы, но почему-то уровень упал. Хотя есть отдельные блистательные работы, но в общем… Думаю, диссертация – это не то место, где научная истина ищется. Это, скорее, некий обряд инициации, обряд приобретения должностей. Но и должность в России важна. Как говорил великий русский историк С.М.Соловьёв: «В России чин – это пистолет».

Но давайте к теме. Виктор Павлович нашел меня в Москве и предложил рассказать о концепции Русской системы, одним из авторов которой я являюсь. Это была попытка создать концепцию под названием «Русская система», которую предприняли два, тогда ещё не старых человек, 15 лет назад, в середине 1990-х годов. Одного звали Андрей Ильич Фурсов, он есть и сейчас, работает в институте; вторым был я, Юрий Сергеевич. Мы люди скромные, не хотим писать 12 томов, чтоб прославить себя в веках. Написали 1 том, листов на 12; как книжка, он нигде не вышел, печатался в виде статей в разных журналах. Некоторые материалы вы читали. Основной и наиболее полный текст «Русской системы» вышел в 1997 году в журнале «Политическая наука». Затем авторы поссорились. Каждый из них развивает то, что может, и концептуальности нет; видимо, мы были лучшими поодиночке. Так получилось. То, что я буду рассказывать сегодня, – это моя версия. Мы разошлись в 2001 году, и уже 8 лет работаем отдельно.

Должен сказать, неожиданно для меня словосочетание «Русская система» вошло в науку, многие цитируют несколько терминов из этой концепции – то, что мы называли русскую власть моносубъектом русской истории. Это почему-то многим понравилось. Почему мы стали писать эту работу?

Это связано с институтом, в котором мы служили. Поскольку мы не всегда были начальниками, а были и младшими научными сотрудниками, наша задача была – читать западные и восточные научные книжки, реферировать и писать обзоры. Вот мы их читали-читали, и годам к 40 поняли: та наука, прежде всего западная, которую мы изучали всю свою молодую жизнь, не годится для описания того, что происходит в родной стране. Естественно, в 1990-е годы все это было достаточно обострено. Один режим сломался, что будет – неизвестно. Людям думающим надо как-то это понять. С помощью западной науки это сделать не получалось. Причём, в самом прямом смысле слова. Конечно, концепции западные я знаю неплохо, как исторические, так и социологические. Мой коллега востоковедные вещи знает. Они тоже не подходили для исследования действительности, которую мы наблюдали и в которую были погружены как обыватели и люди. Мы с коллегой договорились, что не будем использовать слов, которые уже заняты в каких-то других концепциях, например: мы не пользуемся такими словами, как государство, народ, нация, классы и что-то ещё. В этом можно увидеть оригинальничанье, но нет. Это было связано с тем, что ничего невозможно было нам объяснить. Наша Русская система имела два эпиграфа. Эти два человека – авторы эпиграфов – люди, выросшие в России. Первый – Илья Пригожин, биолог, лауреат Нобелевской премии. Он писал: «Мир слишком богат, чтобы быть выраженным на одном-единственном языке. Мы должны использовать ряд описаний, несводимых друг к другу, хотя и связанных между собой тем, что технически именуется трансформациями». То есть, мы исходили из того, что на одном единственном языке нельзя выразить мир. Второе принадлежит поэту, тоже лауреату Нобелевской премии, Иосифу Бродскому: «Любой опыт, исходящий из России, даже отраженный с фотографической точностью, просто отскакивает от английского языка, не оставляя видимого следа на его поверхности. Безусловно, память одной цивилизации не может, и, наверное, не должна стать памятью другой. Но когда язык не в состоянии воспроизвести отрицательные реалии другой культуры, может возникнуть наихудшая из тавтологий.». В эти слова надо вдумываться, тем не менее, их смысл понятен: трудно выразить реальность одной культуры и цивилизации на языке другой культуры. Может быть, возможно, но трудно. Например, авторам по фамилиям Фурсов и Пивоваров это казалось невозможным, поэтому они стали говорить о своём.

Поскольку у нас трехактная сцена, я буду исходить из того, что что-то расскажу сегодня, что-то завтра – в свободном режиме. Как выяснилось, в зале сидят специалисты разных специальностей, социологи, политологи, историки. Так вот, создание «Русской системы» – это попытка ухода от этих дисциплинарностей. Мы не хотим быть историко-центричными, экономико-центричными, политико-центричными и т.д. Все мы связаны. Все эти специальности возникли в лоне западной науки. Гуманитарные науки, которыми мы с вами занимаемся, – детище западной цивилизации. Ни одна другая культура, ни одна дру-

гая цивилизация не создала науки как способа рационального познания мира, рационального самопознания человека. Действительно, посмотрите на русскую культуру и русскую цивилизацию. Я сразу скажу, что исхожу из идеи: Россия – это не Запад и не Восток. Мы не есть ни какая-то отсталая Европа, ни передовой Восток. Мы – нечто иное, об этом я буду говорить. Если посмотреть на русскую культуру и цивилизацию, то наука у нас появляется вместе с реформами Петра I. До этого наши предки по какой-то причине не имели потребности в рациональном самопознании и познании общества, в котором жили. Можно сказать, что зачатки рационального познания были, но науки как системы абстрактного мышления не было. Если посмотрим на другие великие цивилизации, такие, как Индийская, Китайская, Арабская, то мы там тоже не найдём науки в современном смысле слова. Кстати, историки науки датируют существование науки XVII-ым веком. Современная наука возникает на Западе – это уникальный плод уникальной цивилизации.

Но из-за того, что другие уникальные цивилизации не выработали такой уникальный продукт, как социальная и гуманитарная наука, получилось, что западная наука, будучи уникальной по генезису, приобрела универсальный характер. Например, работая в ИНИОНе, – есть у нас такой белый зал, куда новую литературу привозят, – просматриваешь книгу из Дели или Токио, неважно, какой язык, но ясно, что это принадлежит к одной социальной и гуманитарной науке. Это все одна наука, со всеми делениями на историю, политологию, социологию. Безусловно, это связано с особенностями западного общества. Запад создал тип самопознания, который адекватен для западного самопознания. Вся дисциплинарная сетка наук связана с особым типом западного мышления и с особым структурированием западного общества. Например, власть там отделена от экономики, религия отделена от политики, и т.д. В других цивилизациях и культурах мы найдём совершенно другие соотношения и сочетания.

Проблема возникновения науки вообще и гуманитарной в особенности связана с тем, что Европа, как и мы, есть христианские цивилизации. В христианстве есть то, чем оно отличается от всех остальных религий. Я всегда своим студентам говорю: сходите в Третьяковскую галерею, там есть художник с характерной русской фамилией Ге; на его картине изображён Понтий Пилат, который спрашивает Иисуса Христа: «Что есть истина?». Стоит римский генерал и молодой тридцатилетний еврей, у которого он и спрашивает, а еврей опустил голову и молчит. Я у студентов спрашиваю, мол, почему он всё время молчит, он ведь Бог? В христианстве не может быть вопросов – что есть истина? В христианстве могут быть вопросы – кто есть истина? Христос и есть истина в христианстве. Это персоналистическая религия, религия Богочеловека; тема личности и есть единственная тема единственной западной цивилизации. Личности в христианском смысле слова нет ни в одной другой цивилизации. А личность – это существо, наделённое свободой воли. В этом смысле социальные науки Запада исследуют поведение этой личности со свободой воли. Это очень слож-

ное дело. В других цивилизациях и культурах такого подхода к человеческой природе нет. Если западную науку применить даже к нам, то ничего не получается, как показывает практика.

Почему не получается? Здесь экономисты сидят – я могу судить как обыватель – в 1991 году наши реформаторы опирались на доказавшие себя неолиберальные экономические концепции. Они полностью провалились здесь. На Западе это себя оправдывало, у нас наоборот. Так было и в 1917 году, когда взяли марксизм. На то время марксизм был продвинутой и адекватной наукой, но не получилось применить ее в России. Могу сказать, что это зафиксировано даже на уровне языка. Приведу элементарный пример: я прошу своих студентов перевести на русский язык слово «state» – вроде, государство. Но когда возникло слово «state”? Мы знаем, что оно возникает от итальянского «stati», в период Макиавелли или чуть позже. То есть, это термин для описания особого типа власти, который складывается в Европе, когда она входит в Новое время. И в словаре мы прочтём, что «state» – это тот тип власти, который существует на Западе с XVII века по сегодняшний день. До этого на Западе такого термина не было. А наше «государство» восходит к дописьменной славянской древности, к Киеву, его этимология совсем другая. Когда, например, в российской Конституции написано, что мы – «правовое государство», – так вот, «правового государства» в русско-славянском смысле не может быть! Поскольку оно не предполагает правового компонента. Более того, даже в английском языке нет термина «правовое государство»! Там есть «правление права», но это немного другое. То есть даже терминология, если переводить «state» как русское «государство», мы будем наводить тень на плетень. Что и есть в нашей Конституции. Тот тип власти, который описывается русским термином «государство», не предполагает никакой правовой компоненты в западном смысле этого слова. Это побудило нас искать собственный язык и видение. Я закончил Институт международных отношений (МГИМО), занимался Германией, написал по ней кандидатскую диссертацию. Докторская была посвящена одной из громких концепций политической науки – концепции political culture. Она была посвящена возможности применения этой концепции к обществам незападного типа. На примере России я показал, что это невозможно. Это одна из главных концепций американской послевоенной политической науки. С моей точки зрения, она не применима к описанию России, которая не является западным обществом.

Я со своим соавтором, – он как востоковед, а я как германист – стали писать эту вещь на примере русской истории, которая нам обоим была известна. К этому времени мы оба – преподавали в МГУ русскую историю. Нами двигало ещё и то, что у подавляющего числа российских обществоведов отношение к России, её прошлому, настоящему и будущему – как к чему-то девиантному, отклоняющемуся. Есть некая норма, а наше развитие отклоняется. Это норма может быть любая. Например, люди, которые ориентированы на Запад – запад-

ники считают, что западное развитие нормальное и нормативное. Должен быть парламентаризм, партии, правовое государство, социально-ориентированная рыночная экономика, права человека и т.п. Все должны становится такими же; норма там, а мы девиантны, в силу опоздания в развитии, татаро-монголов, смуты, поляков, Петровских реформ, которые были проведены не вовремя, или вовремя, но неправильно и т.д. Потом революционеры плохие, царизм отсталый, плохой Ленин, ещё хуже Сталин, или наоборот – хороший Сталин, а плохие в оппозиции были, НАТО, жидо-массоны и т.д. Всегда есть чем оправдать, что мы как-то сбивались. Вот такой подход имплицитно, имманентно присутствует в среде российских обществоведов.

Для других нормой может стать Восток. Говорят: китайцы развиваются, а мы не смогли свой социализм удержать! Китай берётся за норму, или наоборот, норма может быть в прошлом. Помните, говорухинская «Россия, которую мы потеряли»? Или когда говорят о Советской России, мол, так было замечательно в советские времена, особенно это говорят люди, которые жили в советское время. Тоже – некая норма. Мы со своим коллегой сказали: нет! Русская история, русское государство не девиантно, оно нормативно для нас. Был немецкий правовед в начале XX века Георг Еллинек, он говорил о нормативности фактического. И мы со своим коллегой исходили из нормативности фактического: то, что было и есть, – не есть отклонение. Мы сразу отбросили все попытки мыслить в рамках концепции, в рамках теории модернизации, догоняющей модернизации или чего-то ещё. С нашей точки зрения, это неадекватно, полный бред и вещь крайне неинтересная. Если в этой связи будут вопросы, я обязательно отвечу, поскольку знаю: эти идеи популярны в отечественной научной среде, пользуются авторитетом. Нас тоже это волновало и инспирировало показать русское развитие не как отклоняющееся.

И мы придумали слова. Мы не пишем историю, а пытаемся создать концепцию, с помощью которой можно понять, что происходило и происходит в России. Это первое. Второе: мы исходили из принципиальной позиции – необходимы и другие концепции; нашей концепцией не исчерпывается все то, о чём мы хотим сказать. Я для себя это называю поссибилистский (возможностный) подход. Есть и предполагаются другие точки зрения, чтобы увидеть предмет стереоскопически. Мы об этом писали. Сегодня есть люди, которые пытаются эту концепцию использовать как идеологический твёрдый штамп. Я резко против этого. Итак, мы это назвали «Русской Системой». Понятие «система» уже занято, скажем, «политическая система» или «социальная система». Наша «Система» – скорее, метафора. Вообще, наши понятия и категории носят метафорический характер. В этом большая слабость нашей концепции: когда наука начинает пользоваться метафорами, – это опасный путь. Этот путь может завести в тупик, и многих уже заводил. Но нам нечего было делать – мы стояли перед фактом: у нас не было языка, на котором это можно было описать. Потому что на языке, который существует и существовал в 1990-е годы в науке и до сих

пор господствует, я не могу описать то, что происходило и происходит в российской истории.

Компоненты Системы расположены по углам треугольника. Наиболее важный угол мы назвали «Русская Власть». Второй угол треугольника – это «популяция». Термин взят из биологии, нас могли обвинить в русофобстве, но тем не менее. «Популяция» – это население, не народ, а население, исторически имевшее, но утратившее субъектные характеристики. Нас всегда интересовала тема субъекта – кто делает? Например, в 1990 годы, когда в Россию стала возвращаться русская зарубежная мысль, очень популярны были евразийцы, сейчас они менее популярны. Так вот, в евразийстве нет темы субъекта – я этой темой давно занимаюсь, написал шесть книг по русской мысли. Так, кто всё это делает? «Популяция» – это «население, исторически имевшее, но утратившее субъектные характеристики, чья субъектность при нормальном функционировании Власти отрицается по определению». Действительно, мы заняли русофобскую позицию и обвинили русский народ в отсутствии субъектности. Мы сказали, что в русской истории последних пяти столетий (русская система существует около пяти последних столетий) была популяция.

Третий элемент треугольника мы взяли из литературы. Россия – литературоцентричная страна. В XIX столетии литература имела абсолютно креативный характер. Поэтому термин «Лишний Человек» мы взяли из литературы. «Лишний Человек» может быть как индивидуальным (часть дворян и интеллигенции в XIX – начале XX вв.), так и коллективным (казачество в XVII в.). Речь идет о тех индивидах и группах, которые не “перемолоты” Властью и потому не стали ни ее органом, ни частью Популяции, или же о людях, “выломившихся” из Популяции и Власти, нередко в результате ее же, Власти, деятельности, целенаправленной или побочной», – это я цитирую статью, которая была опубликована в журнале «Полис» (2001. №4) и называлась «“Русская система” как попытка понимания русской истории». Коротко процитирую: «Русская Система предполагает такой тип взаимодействия перечисленных элементов, при котором единственным социально значимым субъектом оказывается Власть. Если Русская Система – это способ контроля Русской Власти над русской жизнью, то «Лишний Человек» – мера незавершенности Системы, индикатор степени “неперемолотости” русской жизни Системой и Властью. Процесс взаимодействия, с одной стороны, Русской Системы и Русской Власти, а с другой – Русской Системы и русской жизни (в которой Система далеко не все исчерпывает и охватывает, а в Системе не все Власть) и есть русская история».

Когда мы писали, то исходили из того, что русская система прошла две стадии своего развития. После того, как перестали писать, я придумал третью стадию. Первая стадия – «самодержавная», вторая – «советская» (мы её назвали «властепопуляционная»). Третью стадию я называю «стадией Властной плазмы» – это то, где мы с вами находимся по сегодняшний день. Но на всех стадиях присутствует Власть, то есть Власть в Русской Системе является системооб-

разующей субстанцией. Причем, слово «субстанция» мы берём не как метафору, а в классическом смысле, как определял субстанцию Б.Спиноза в «Этике»: «Субстанция – это то, что существует само в себе и представляется само через себя, и представление чего не нуждается в представлении другой вещью, из которой оно должно образоваться». Субстанция – это то, что лежит в основе всего, она не является функциональной, не зависит ни от чего, все зависит от неё. В этом смысле Власть субстанциональна, является единственным субъектом, двигателем, моносубъектом российской истории.

Что касается Властепопуляции – это, примерно, то же, что ленинская кухарка должна научиться управлять государством. В советский (перевернутый) период русской системы сущность системы сохранена, но в совершенно другой социально-властной конфигурации. Процитирую Зинаиду Гиппиус: «Идея самодержавия – это власть одного над всеми, идея коммунизма – это власть всех над одним». Это сказала умная женщина, не написавшая ни одной диссертации. Но в том и в другом случае продолжает осуществляться подавление индивида – что и является содержанием русского типа социальности. Природа русского общества – это подавление индивида, а Русская Власть – это насилие и процесс насилия. В этом смысле природа Русской Власти в корне отличается от природы западной власти. Там власть в большинстве своем – продукт конвенции, договора, носит конвенциональный характер. Там носители власти вынуждены договариваться с кем-то, это можно проследить с XIII-го века, Иоанна Безземельного и далее.

Далее – важнейшей характеристикой Русской Власти является её дистанционный характер. Слово дистанционность можно по-разному рассматривать, я знаю, Виктор Павлович им тоже пользуется. Мы размышляли и задались вопросом: почему в русской истории столицы периодически переносятся? Как какой-то новый период, так столицы переносятся! Русская Система начинается с Киевской Руси. Парадоксально, историки, когда узнают об этом, плюют в нас с коллегой, так как мы во многом инспирировались идеями марксиста М.Н.Покровского, которого кто только не оттоптал в последние десятилетия. Мы даже хотели ему посвятить Русскую Систему, чтобы его реабилитировать. Потому что у этого «вульгаризатора исторического процесса» была масса гениальных идей, прозрений. Мы опирались на идеи Покровского. Возвращаясь к дистанционности, мы увидели, что первым поменял столицу Андрей Боголюбский. Это Северо-Восточная Русь. Потом Грозный. Он Вологду хочет – не получается. У Петра получилось. У большевиков тоже. Ещё не будучи президентом, Б.Н.Ельцин хотел перенести столицу в Свердловск или Новосибирск или куда-то ещё. Павел Пестель – яркий и кровожадный диктатор – тоже хотел перенести столицу. Так почему они всё время столицу переносят?

В этой связи для нас была интересна история монголов. Понадобились знания моего коллеги А.Фурсова, он востоковед, его кандидатская посвящена монголам, ему тут и карты в руки. Мы обнаружили то, что знали до нас тысячи ис-

следователей – невероятную зависимость Москвы от Золотой Орды. В этом смысле мы согласны с евразийцами. Некоторые украинские историки тоже говорят, что Московия имеет свои корни в Золотой Орде, а не в Руси. Я согласен, конечно! То, что мы называем Русской системой – Московское царство, Петербургская империя, Советский Союз и современная Российская Федерация,– безусловно, являются наследниками Киевской Руси и Золотой Орды. Я совершенно согласен со словами лидера евразийцев Николая Трубецкого, которой сказал: «Если бы Орда крестилась, то Сарай, а не Москва объединил бы вокруг себя русские земли». Или, как сказал Георгий Федотов, известный русский философ, эмигрант: «Ханская ставка была перенесена в Кремль». Конечно, мы являемся наследниками. Мы поняли, что формирование Русской Власти как единственного моносубъекта было бы невозможно без многосотлетнего общения русских с Золотой Ордой. По этому поводу много чего написано мной и моим коллегой. А как Золотая Орда управляла Восточной Русью? Дистанционно. Есть два способа, когда кочевники приходят управлять завоеванной страной: - осесть и смешаться; - управлять дистанционно. Орда не пошла в Северную Русь, не было материальных предпосылок. Она приобрела характер дистанционный – то есть внеположенный обществу. На Западе власть есть продукт и следствие гражданского общества, складывающегося в XVIII-XIX веке. В России Власть – предпосылка общества, как Орда была предпосылкой того, что развивалось в северных княжествах в XIV-XV веках.

Кстати, по поводу написания Русской Системы. Мы с коллегой совершили антипатриотический поступок. Слава Богу, что мы это не опубликовали, а то нами бы занялась Комиссия по фальсификации истории. Так вот, мы главу посвятили нашему «самому любимому герою» – Александру Невскому. И со всей страстью молодых людей показали (не первые) подлинную суть этого человека. На наш взгляд, это одна из самых негативных фигур в русской истории, повинная очень во многом. Я могу на эту тему долго распространяться, хотя у меня нет личных счётов с Александром Ярославовичем. Так вот, дистанционный характер русской власти: Петр I уезжает строить Петербург потому, что в Москве ему бы не дали всего этого делать, его бы здесь съело старое боярство. Поэтому он мог править только с дистанции. То есть, это в прямом физическом смысле власть дистанционная! Но она, если угодно, и социологически дистанционна.

Ну, я думаю, моё время уже подходит к концу, оставлю время для вопросов, и если кто-то ещё придёт, то продолжу изложение других позиций.

В.П.Макаренко: Большое спасибо, Юрий Сергеевич! Мы поступим так: бегло зададим несколько вопросов, на реплики у нас особое отведено время.

И.Д.Коротец: Очень всё интересно, но если мы заглянем в существование советского периода, то получается, что это промышленная организация на Руси. А какая субъектность власти, о которой Вы говорите, противоположна

промышленной организации? Это серьёзное противоречие. И я бы попросил Вас очень коротко это противоречие определить.

В.П.Макаренко: Эту тему Юрий Сергеевич не затрагивал. Я ведь просил задавать вопросы по тексту, а в том материале, который мы обсуждаем, 1930-е годы не затрагиваются.

Ю.С.Пивоваров: Можно, я отвечу? Я же сказал, что нет концепции Русской Системы, есть попытка создания концепции. Мы принципиально исходили из того, что не собираемся объяснять всё. Все попытки создания универсальных концепций, к примеру, одна из самых гениальных – это марксистская концепция объяснения всего общества, даже эта величайшая попытка оказалась, как мы знаем, крайне неудачной. Мы совершенно не собирались объяснять – это не в нашей компетенции. Мы не компетентны здесь, но вместе с тем, я могу сказать: то, о чем Вы говорите, не противоречит этой концепции никак. Я готов по ходу нашей дискуссии ответить на это более развёрнуто. Я могу сказать, что уже потом, позднее, когда мы свои работы написали, мы узнали работы одного новосибирского автора – Ольги Бессоновой из новосибирского Академгородка, автора концепции раздаточной экономики. Концепция раздаточной экономики корреспондирует с Русской Системой с экономических позиций. И на Ваш вопрос, с позиции концепции русской системы и раздаточной экономики, вполне можно ответить. Я думаю, здесь никакого противоречия нет.

И.А.Иванников: Меня заинтересовало Ваше понятие «Властная плазма». В связи с этим вопрос: какой у нас политический режим и как Вы его охарактеризуете?

Ю.С.Пивоваров: Я бывший германист, читал работы крупнейшего немецкого социолога Ральфа Дарендорфа. Он сейчас живет в Англии, стал там каким-то лордом, сэром и т.д. У него в «Социологии конфликта» есть понятие «социальной плазмы». Что это такое? Дарендорф говорит: «Вот общество, как сделать так, чтоб оно не перевернулось, как лодка у вас на Дону может перевернуться? Средний класс представляет из себя социальную плазму, где и варится основная часть населения. В рамках этой социальной плазмы купируются, как в киселе, самые острые социальные проблемы. Но в рамках социальной плазмы вырабатываются также формальные процедуры, в рамках которой эти конфликты решаются». А в чём принципиальное отличие подхода Дарендорфа? – он полемизировал с марксизмом. Марксизм настаивал на том, что справедливое и эффективное общество – это такое, в котором не будет антагонистического конфликта. Так мы учили и так нас учили. Дарендорф сказал: «Маркс ошибался, только такое общество жизнеспособно, где есть конфликты; конфликт и порождает развитие. Но одновременно конфликт не должен разорвать общество на куски. Значит, конфликт не должен доходить до стадии антагонизма, конфликт должен купироваться и решаться в рамках формальных процедур, а не на баррикадах, без кирпичей. Вот эта социальная плазма и есть совокупность меха-

низмов и организм, в котором западные общества преодолевают негативную энергию конфликта и сохраняют общество животворным».

Как настоящий сотрудник ИНИОНа, я «забрал» у Дарендорфа все его идеи, и сказал: в России сегодня существует ситуация Властной плазмы, это совершенно другая ситуация. Почему? При большевиках конфликт отрицался, его не было. Современное постсоветское общество говорит: конфликт есть, он признается властью. И если в ельцинский период конфликт раздирал наше общество, конфликт между различными центральными и региональными группировками, то в путинский период, во многом через создание властной вертикали и целого ряда изменений в Конституции и прочих процедурах, создана Властная плазма. Почему я её называю не социальной, а Властной плазмой? Потому, что создана целая армия чиновников, привластных лиц. Они создали некий бульон, в котором варится конфликтная ситуация. У меня получилась такая сложносочинённая штука, но смысл именно такой: если на Западе социальная плазма держится на среднем классе, обладателе собственности, то у нас это Властная плазма. Я исхожу из того, что в России власть и собственность составляют единый феномен. То есть я принадлежу к тому числу исследователей, которые говорят о власти-собственности, едином феномене. Конфликт «Путин-Ходорковский» – конфликт двух частей одного феномена; конфликт, в котором субстанция объяснила функции, кто есть кто, кто хозяин в доме. Власть – хозяин собственности, а не наоборот! Тот, кто властвует, тот и обладает собственностью! Поэтому я и говорю о Властной плазме, но не через правовые процедуры, как у Дарендорфа. Конфликт сохраняется – в этом принципиальная черта современного периода русской истории. Конфликт остается, разрешается, допускается. Я объясняю: Лужкову можно это, Шаймиеву – это, Чубу – это, Прохорову – это, Дерипаске – это, мне – это, а вам вообще ничего нельзя. Я цитирую Черномырдина, который сказал: «Кто сказал, что нужно давать всем?».

Б.И.Буйло: Я бы хотел уточнить. Вы говорите, что Русская Система складывается в XV-XVI веках?

Ю.С.Пивоваров: Да. Мы, два автора, видим Русскую Систему уже в XV-XVI веках. До этого она могла быть – и не быть.

Б.И.Буйло: Получается, что Ваша концепция подобна евразийскому подходу, который начинает исчисление Руси с Московского царства и татарского элемента в русской социальности?

Ю.С.Пивоваров: Вы можете сказать также, что акцентировка власти – это близко к государственной школе русской историографии. Мы что, не читаем книги?

Б.И.Буйло: Я просто хотел уточнить, почему именно в XV-XVI веке?

Ю.С.Пивоваров: Была ещё масса влияний: Москва сумела вокруг себя объединить довольно большие земли: монгольское влияние; ряд византийских влияний; и я ещё не брал ряд религиозных моментов. То есть, это целый ряд процессов, которые шли, и о которых я могу говорить довольно долго, по этому

вопросу надо отдельно говорить. Я могу сказать, что возникновение Русской Системы достаточно случайно, она могла и не родиться! Мой соавтор и я отрицаем традиционную для советской науки веру в закономерность исторического процесса. Мы считаем историю открытым процессом. Мы не считаем, что в истории есть законы, закономерности и коридор возможностей. Нет законов, насколько они есть в естественных, точных науках. В этом смысле появление Русской Системы есть случайное событие. В определённом смысле случайное – есть целый ряд причин, которые привели к ее становлению. Я могу, например, назвать такую причину, как завоевание Новгорода. Кстати говоря, Русская Система, видимо, не выжила бы, если бы в своё время не присоединила то, что сейчас называется Левобережной Украиной; может быть, Советская Система не выжила бы, если бы Сталин не присоединил Восточную Европу, и т.д. Это связано и с другими характеристиками Русской Системы, о которых я не сказал. Я понимаю, что не ответил на Ваш вопрос, но готов отвечать на него в ходе дискуссии и дальнейшего рассказа. Это очень важный и принципиальный вопрос – о происхождении Русской Системы!

С.Г.Москаленко: Скажите, пожалуйста, а такие фрагменты отечественной истории, как Киевская, Новгородская, Псковская Русь, – Вы их выводите за рамки Системы?

Ю.С.Пивоваров: Да, конечно.

С.Г.Москаленко: А не отдаёте ли Вы их украинским националистам?

Ю.С.Пивоваров: Я не знаю, кто такие украинские националисты, ни одного не видел. Я люблю очень Украину, – но не видел. Как русский человек могу сказать: многих русских националистов видел и знаю их, а украинцы пусть сами со своими националистами разбираются.

Да, мы писали о Киеве, у нас есть несколько достаточно интересных глав о Киеве. Такой подход к Киеву, как у нас, думаю, не находится в мейнстриме науки, но он достаточно интересен. Мы трактуем Киев как цивилизацию торгового типа. Киевская Русь умерла не потому, что её татаро-монголы разгромили, а потому, что цивилизации, возникающие по поводу торговых путей, существуют постольку, поскольку эти пути актуальны и являются важными для экономических взаимосвязей. А в XIII веке это уже стало исчезать, возникла проблема торгового экономического взаимодействия Севера, Европы и Византии. Мы касаемся Новгорода и Пскова, но это никакого отношения к Русской Системе не имеет. Мы пишем о четырёх возможных путях развития Руси в период с Киевского по ордынско-удельный период истории Руси. Русская Система – это реализация одного варианта, который первым предложил Андрей Боголюбский – вариант Северо-Восточной Руси. Мы объясняем, почему Москва стала центром, и совсем не так, как в учебниках, что там географически она была расположена и т.д. Все это ерунда – Тверь гораздо лучше была расположена. Это было связано с тем, что Москва стала московско-ордынским союзом. Надо иметь ввиду, что Даниловичи – те Рюриковичи, которые правили на Москве, –

были дети Александра Невского. Москва воплотила в полной мере союз с Ордой. Она воплотила основную стратегию Невского – бороться с Западом с опорой на Орду, поскольку Орда максимум, что может сделать – это убить, а для христианина физическая смерть не страшна. А Запад хочет перевернуть душу – он хочет перекрестить, католицизировать. Это самое страшное – потеря идентичности. В этом случае Москва была лучшим союзником Орды, проводником ордынской линии на Руси, именно поэтому вокруг неё произошла централизация. Дмитрий Донской пошел на Куликово поле, защищая легитимность Чингизидов против темника Мамая, который не имел права, т.к он был самозванец, на этот престол. Чингизидовская легитимность – это православная церковь, которая первая в 1260-е годы легитимизировала монгольское завоевание. В русских церквях всего через 20 лет после кровавого завоевания и разорения Руси стали молиться за белого царя! Несколько столетий русская церковь молилась за белого царя – это монгольский хан. Только начиная с XVI века она стала молиться за русского, московского царя. Монголы дали здесь все преимущества; как только возникла Русская Власть, у церкви стали их отбирать, вплоть до большевиков. Да, мы пишем о Новгороде как об одном из вариантов. Мы считаем завоевание Новгорода Москвой трагическим событием для мировой истории. Это привело к совершенно колоссальным мировым событиям.

Р.А.Громов: Мой вопрос касается тезиса о власти как главном и единственном действующем субъекте. А какое место в Вашей концепции может занимать феномен подвижничества? Фигура подвижника – национальная фигура. На мой взгляд, многое, что было достигнуто в науке и в культуре, было достигнуто не благодаря, а вопреки!

Ю.С.Пивоваров: Ну да, я вообще считаю, что были периоды, когда Власть переставала быть моносубъектом, Популяция – Популяцией, Лишний Человек – Лишним Человеком. Тогда Популяция обретала субъектность, Лишний Человек превращался в субъекта истории, а Власть теряла свои моносубъектные, метафизические характеристики. Я ещё не говорил о метафизическом измерении этой власти. Такие периоды были. Например, период пореформенный, между отменой крепостного права и революцией; во времена перестройки в 1990-е годы. Безусловно, моя версия Русской Системы – это не сведение всей русской истории к элементам Русской Системы. Сама Русская Система, если её представить как наличное состояние российской жизни, не объемлет всей России. Россия намного шире и больше, в ней есть многое другое. Эта концепция и не предполагает все описывать, она на это и не поднимает руку. То, о чем Вы сказали, – это совершенно другой взгляд на русскую жизнь, на русскую историю, безусловно, имеющий право быть. Но этот взгляд не корреспондирует с нашей точкой зрения. Как и любая концепция, она имеет ограниченное применение и не универсальна.

В.Б.Рожковский: XIX век очень напоминает попытки создания Русской Системы. А вопрос такой: время сейчас славянофильствует? Готовы Вы согласиться с этим тезисом Эрна?

Ю.С.Пивоваров: Вообще, конечно, интересно то, что «Время славянофильствует» написал человек с немецкой фамилией. Наизусть почти знаю эту статью и очень её люблю. Причём, Эрн никакой не славянофил, славянофил – это совсем другое. Самое лучшее определение славянофильства дал Алексей Хомяков: «Славянофильство – это сомнение в правоте сомнения в России». Это очень тонко. Об этом можно поговорить, но это выходит за рамки. Вообще, я эти термины – славянофилы и западники – оставляю периоду 1840-1850 годов. Уже Эрн употребляет их как метафору. Поэтому сегодня время не может славянофильствовать. Сегодня 2009 год, а не 1849 год. Совершенно другая историческая ситуация, никаких оснований для того славянофильства нет. Русская Система Вам что-то напоминает из XIX века? Нет, ничего не напоминает. Мы люди с опытом XX-го столетия, которого у людей XIX-го столетия не было. Хомяков, Самарин, Аксаковы, Киреевский не знали, что такое советская власть, и еще они очень многого не знали. Это принципиально новый опыт, принципиально новое знание. Конечно, то были гениальные люди. А мы обычные исследователи, но люди с советским опытом, такие как мы, такие как я, уже не могут оставаться в рамках науки XIX века. Более того, я Вам должен сказать: я противник как цивилизационного подхода к истории, так и формационного. Оба эти подхода к истории устарели. Это не значит, что их нет, что эти великие завоевания не нужны, они прекрасны, хороши и западники, и славянофилы, и евразийцы, но сейчас время совершенно других идей и мыслей. А поскольку мы говорим и думаем по-русски, и думаем о России, хотим мы того или нет, мы, естественно, воспроизводим какие-то тексты, которые читали. Наши тексты – это продукт всего того, что мы читали. Это нормально и естественно. Конечно, что-то продолжаем, что-то отрицаем, как и все в своей работе.

С.Г.Москаленко: А как быть с широким областным самоуправлением? Это по поводу плазмы.

Ю.С.Пивоваров: Безусловно, и работы по русской деревне, и работы Хомякова по петровскому периоду очень важны для понимания. Я должен сказать, что не только Александра Невского не люблю, но и терпеть не могу Петра Великого в русской истории. Меня в 1983 году чуть не выгнали из Академии Наук, когда я написал, хотя робко, что Петр не во всем гений был, а было и плохое в его реформах. Я считаю, что реформы Петра – трагические, ужасные по своим последствиям. У меня есть целая концепция раскола России на две субкультуры, – по поводу Петра. Я её уже около 20 лет пишу. Конец XVII века был один из вариантов шанса русского, тот же Голицын. Если бы ему удались Крымские походы, он бы пришел с победой и остался бы у власти… У него была похожая программа реформ, что и у Петра, кроме одного: Петр всё поставил на рабство, на дальнейшее закрепощение, а Голицыным был, предположи-

тельно, сделан шаг в сторону эмансипации и освобождения основных сословий. Закрепощены были все. Я хочу сказать, что конец XVII века – это была одна из возможностей России выйти за пределы. Я противник Русской Системы, противник Власти как моносубъекта. Я описываю это, но как нормативность фактического. Мой коллега является её певцом, почему мы и разошлись. Я являюсь её критиком. Я вижу, как в русской истории были периоды, когда мы могли выйти из этого проклятья, из этой ситуации. Это один из этих периодов. Как царская, так и советская историография оболгали совершенно предпетровский период. Когда там рисуют каких-то совершенно просвещенных птенцов гнезда Петрова и каких-то толстобрюхих дураков – бояр, то наоборот! То была утончённая и просвещенная аристократия, которая хотела медленно и спокойно проводить реформы. Напротив, «птенцы гнезда петрова» – это бандиты просто, это новые русские. Это те, которых мы знаем, которые покупают Челси и проч. Они были вокруг Петра, он на них опирался. В этом тоже была трагедия – он опирался на худшие силы в русском обществе, на весь этот международный сброд. В отличие от Голицына и других иных. Да, это был громадный шанс.

В.Н.Кирой: У меня такой вопрос. Одно основание Вашего треугольника – Популяция. Я хотел бы услышать более подробно определение термина. Если это биоценоз – то это одно, а если это особи одного вида, живущие на определённой территории? Что это?

Ю.С.Пивоваров: Ничего не понимаю в биологии, только то, что проходил в школе. Я сразу понял: это вопрос профессионала к непрофессионалу. Я повторюсь: Популяция – это народ, население страны, которые лишены субъектности, субъектной энергии, которые являются объектом чего-либо. Это тот самый, молчащий столетиями русский народ, только иногда не молчащий. Это тот самый русский народ, который, если говорить историко-социологически, находился в состоянии крепостного права, рабства. Он был лишен исторической субъектности, не играл исторической роли, а та роль, которую он играл в восстании Пугачёва, была роль разрушителя. Что касается Лишнего Человека, – это те, которые не перемолоты Русской Системой, это та часть, которая не лишена субъектности. К примеру, казачество, дворянство, интеллигенция – это те люди, которые играли какую-то контр-игру с властью, противостояли ей, иногда работали на власть. Это разные вещи. Лишний Человек – это та сторона треугольника, которая как бы развивает устойчивость Русской Системы. Бывали периоды в русской истории, особенно перед революцией 1917 года, когда Лишний Человек превращался не в лишнего, а в подлинного человека русской истории. Итак, Популяция – это та часть населения, которая лишена субъектности, а Лишний Человек – это та часть популяции, которая не лишена субъектности, и поэтому не популяция.

В.Н.Кирой: Тогда давайте зайдём с другой стороны. Часть, которая лишена субъектности, развивается по своим законам, а та часть, которая не попадает

– развивается по своим законам. Они корреспондируют между собой хоть каким-то образом?

Ю.С.Пивоваров: Я могу Вам ответить – это действительно сложная вещь. Очень сложно всю жизнь прожить в науке и не придумать сложную вещь. Во-первых, относительно Популяции, – мы вообще не описываем популяцию. А надо было, так как это жизнь русского народа, и без неё совершенно не понятно, её надо описывать. Мы потомки, в общем, Популяции.

В.Н.Кирой: Вот мы здесь популяция!

Ю.С.Пивоваров: Я думаю, сегодня уже нет! Что касается Власти, то для нас власть – понятие метафизическое. Более того, загадка Власти заключается в конфликте между физической природой персонификатора власти и её метафизической природой как власти. Русская Власть всегда персонифицирована! Да, Ельцин говорил (сам видел по телевизору – это в Сергиевом Посаде, когда он у умершего Патриарха был в 1996 году поддатый, и вышел на балкон): «Я есть президент от Бога». Вот это ощущение – я, моя власть. Это персонифицированная Русская Власть. А русский царь – это икона, живая икона, живой Бог. Сталин – живой Бог, а в 12 часов 31 декабря 1999 года Ельцин вылез на телевизор и сказал: я ухожу, вот вам наследник – этого наследника никто не знал. И буквально через несколько месяцев у так называемого наследника рейтинги стали такие, что он стал тем, кем он является по сей день. Власть абсолютно персонифицирована – его никто не знал, кроме нескольких сотен бюрократов, которые сидят наверху. Что касается власти, то привластные группы различны, они обслуживают власть. Это может быть чиновничество, бюрократия, дворянство, – они совершенно материальны и не метафизичны. Но это уже детализация.

Когда я говорю о персонификации власти, это значит, что западная власть деперсонализована. Джордж Буш был президентом! Теперь он никто. Там власть носит абстрактный характер, у нас она носит совершенно телесный, физиологический характер. Что в России власть? Раньше было два лица, сейчас одно. Должен Вам сказать, что бываю в Кремле и ни одного портрета Владимира Владимировича уже нету, тотчас же сняли. Неважно, что пишет пресса, кто главный, в Кремле только Дмитрий Анатольевич, его портреты висят. Это власть всегда самодержавно-персоналистическая. Я глубоко убеждён, что у власти в этом тандеме останется президент. Не потому, что он умнее, моложе, образованнее. Целый ряд русских традиций играет в пользу первого лица. Так же, как мои старшие знакомые из бывшего ЦК говорят: «Ты не можешь представить, насколько власть даже слабого и дряхлого генсека была выше относительно молодого и влиятельного члена Политбюро!» Черненко или Леонид Ильич в старости – это все равно была икона для членов Политбюро, не то, что для всех остальных. Я в Центре Горбачёва видел многократно, как Горбачёв более старшим людям, членам Политбюро, Вадиму Медведеву и т.д. говорил: «А ну-ка ты, беги туда, закрой там форточку». Вот русская традиция!

В.П.Макаренко: Я вынужден прервать вопросы, оставить их на дискуссию, так как мы не соблюдаем регламент. Дискуссия развернётся после трёх докладов, каждый может выступить с развёрнутым изложением своей позиции в течение 10 минут. Сейчас выступлю я с докладом «Концепт русской власти»[1].

* * *

Продолжение работы творческой мастерской (вопросы по докладу В.П.Макаренко «Концепт русской власти»).

Т.А.Марченко: Не является ли концепт гражданского сопротивления разновидностью политической мифологии?

В.П.Макаренко: Конечно, невозможно идеальное общество и государство. Вопрос в том, когда появляется понятие гражданин. Например, Юрий Сергеевич ссылался на работу Г.Алмонда и С.Верба о гражданской культуре. Эти авторы на основе методологии М.Вебера противопоставили идеальные типы гражданина и верноподданного. Отсюда вытекает, что гражданское сопротивление существует там и тогда, где и когда существуют граждане. Из понятия гражданина следует также определенная политическая теория. Я имею в виду, прежде всего, теорию политической критики Майкла Уолцера. Политическая критика включает множество жизненных и мировоззренческих позиций. Но мера их практического воплощения всегда представляет проблему, даже в Европе.

Это первая часть ответа на вопрос. Теперь вторая. Если иметь в виду политическую историю XX века, то можно исходить из того, что в ней были практически воплощены различные формы сопротивления. Это позволяет отвергнуть противоположность между тоталитаризмом и модернизацией, которую предлагают либералы. Взамен я предлагаю альтернативу между сопротивлением и коллаборационизмом. Например, использование московскими князьями чужой власти (в данном случае татар) для подавления своей Популяции – отечественная разновидность властного коллаборационизма. Чужой властью здесь выступают те, которые номинально принадлежат к одному народу. Сопротивление тоже может быть разное. Например, Кондратий Булавин остался воевать с холуями Петра I и потерпел поражение. Атаман Некрасов увёл своих казаков вначале на Кубань, потом в дунайские плавни и остался там, под турком. Потомки казаков-некрасовцев служили в турецкой армии, воевали с русскими солдатами во время Первой мировой войны. Это конкретный пример преобразования внутреннего сопротивления власти во внешнее. Таких форм сопротивления довольно много. Это острая политическая проблема. Например, мужество в боях с внешними врагами нередко сопряжено с гражданской трусостью, а гражданская смелость тоже часто преобразуется в трусость на поле боя. Я показал, что понятия коллаборационизма и сопротивления эвристичнее понятий модернизации и тоталитаризма. Концепт гражданина можно записать в Конституции, а в реальности его нет (или есть частично), подобно нынешней России.

[1] См. в настоящем номере.

Г.С.Денисова: Не могли бы Вы кратко, в сжатой форме прокомментировать системные характеристики Русской Власти в Вашей концепции.

В.П.Макаренко: Чтобы не прибегать к риторике, я ограничусь намеком. Например, в течение семестра мы изучаем философию истории Гегеля. Комментируем высказанные им суждения. Заставляем студентов искать ответы на вопросы, которые вытекают из конкретных работ. Посылаем их в библиотеки: ищи комментарий того, что написано о философии истории Гегеля. Я тоже посоветовал бы Вам пойти в библиотеку и узнать мой ответ на вопрос о различиях между характеристиками русской власти Ю.С.Пивоварова и моими.

Г.С.Денисова: Тогда некорректно поставлено название нашего семинара: «Диссонансы или созвучия концептов?» Я не могу понять, где они созвучны, а где нет?

В.П.Макаренко: Я Вас понимаю, Галина Сергеевна! Я прочёл, что написал профессор Ю.С.Пивоваров, проконспектировал его текст. У меня заготовка примерно на 40 страниц. Далее я покажу на основе разборов конкретных положений Ю.С.Пивоварова сходство и различие наших подходов. Общими рассуждениями здесь не обойдешься.

С.П.Поцелуев: Виктор Павлович, в каком смысле Систему Русской Власти можно назвать аномальной системой?

В.П.Макаренко: Все зависит от понятия нормы. Существует или нет некая универсальная норма? На этот вопрос одного ответа нет. Дуглас Норт вводит понятие аномалии, и на этой основе создал целое направление в социо-гуманитарном знании. Но проблема остаётся дискуссионной. Если мы согласны с позицией Канта: никаких норм в социальном бытии и мышлении существовать не может – тогда возможен один ответ. Если согласны с Гегелем, Тойнби, Фрейдом, Юнгом и прочими, которые постулируют существование неких абсолютов, то возможен другой ответ.

С.П.Поцелуев: Меня интересовала Ваша позиция. Можно говорить об аномальности или нет?

В.П.Макаренко: Да, можно. Я ввожу понятие человеческого абсолюта, соединяя концепт человека с концептом негативной свободы от внешних обстоятельств. Я определяю человека как негативную свободу от самых распространенных человеческих страстей: материального своекорыстия, властолюбия (*любоначалия*, в терминологии А.С.Пушкина), стремления к духовному господству. Таков мой методологический идеал. По отношению к нему никакая социальная и политическая система не является нормой. Есть целые направления мысли и действия, которые провозглашают приоритет материальных ценностей и считают это нормой. Но если мы начнем изучать реальную историю, например, историю концлагерей, то убедимся, что даже в нечеловеческих обстоятельствах некоторые люди не поддаются искушению. Они даже перед лицом смерти могут сохранять человеческое лицо. Большинство не может. Из богатой литературы о концлагерях приведу лишь один фрагмент: утром обычно

приносят в барак пайку на всех добровольцы; а другие набрасываются на них, отталкивают и пожирают все, не думая о соседях, подобно собакам! Значит, даже в таких обстоятельствах одни индивиды живут с нравственным императивом, другие уподобляются животным. Если мы согласимся с концепцией человека как животного (а это целая традиция консерватизма, существует и направление биосоциологии) и скажем: человек в большей степени животное, нежели нравственное существо, то мы оправдаем эти действия. Но есть и ряд противоположных примеров: Христос изгнал из храма торговцев; в христианстве существуют такие ветви, которые называют греховным занятия торговлей и считают, что любое своекорыстие принадлежит к числу семи смертных грехов. Я думаю, на этой основе возможен синтез религиозных и светских идеологий.

И.Д.Коротец: А можно ли дать определение абсолюта, не определяя его позитивно?

В.П.Макаренко: Я же определяю. Вначале давайте разберёмся с негативной стороной!

Ю.С.Пивоваров: Можно, можно! Есть апофатическое богословие! Можно.

В.П.Макаренко: Разъясняю: речь не идёт о чисто теоретических вещах. Например, после аспирантуры мне предлагали стать заместителем декана философского факультета. Я тогда отказался! Почему? Потому что чётко представлял: занятия наукой несовместимы с властно-административными функциями. Это – предмет практического выбора. Но для большинства он вообще не стоит, не существует как проблема! Для них наука всегда на подхвате, как средство обретения статуса и т.д. Не надо же рассказывать, что в самой академической структуре с помощью должностей возможны самые разные вещи!

Ю.С.Пивоваров: А можно и мне ответить на этот вопрос? Не пополемизировать с Вами, а занять другую точку зрения. Мне кажется, это не очень корректный вопрос: «Можно ли назвать систему русской власти аномальной?» Представьте себе такую ситуацию: Система Русской Власти, предположим, признается аномальной. Виктор Павлович склонился к тому, что с определённой точки зрения, при введении определённых ценностей эта система аномальна. Хорошо, тогда система русской экономики аномальна, система чего-то ещё – тоже аномальна. Теперь давайте посмотрим: совокупность систем русской жизни на протяжении всей своей жизни были аномальными! Может ли нормальный человек, трезвый, занимающийся наукой и при звании, помыслить, что на протяжении тысячи лет некое общество и некие люди живут в условиях аномальности по всем направлениям? Я себе такое помыслить не могу. Более того, я вам должен сказать, что если мы признаем эту систему аномальной и встанем на позиции Виктора Павловича, его абсолюта, то мы должны признать, что те люди, которые здесь живут на протяжении тысячи лет, не подлежат этой абсолютной точке зрения, – они тоже аномальны! Ну, если эти люди аномальны, то они и порождают аномальную ситуацию. Это чисто формальная логика!

Я думаю, эта система не аномальна. А знаете, почему? В этом году исполнилось 200 лет с того дня, как великий русский юрист Сперанский по предложению Александра I написал проект первой русской Конституции, которая была отвергнута. При жизни Сперанского она не была реализована. В 1864 году, когда была Земская реформа, реализовали нижнюю часть его проекта: земская реформа, управление новыми губерниями и уездами. 23 апреля 1906 года Николай II от своего имени даровал русскому народу первую Конституцию. Это была полная реализация плана Сперанского, то есть, с небольшими изменениями была реализована идея Сперанского. Эта Конституция действовала до 1917 года. Потом она рухнула. 12 декабря 1993 года многие из присутствующих, наверное, участвовали во всенародном референдуме по поводу принятия Конституции, которая сейчас называется Ельцинской, когда участвовало всего 25%, и 13% ее поддержали – она действует. Эта Конституция является римейком конституции Михаила Сперанского, причем перед Вами сидит человек, который знает двух авторов российской Конституции, он их интервьюировал. Это Сергей Шахрай и Сергей Алексеев, член академии из Екатеринбурга. Я у них спрашивал: «Вы Конституцию Сперанского читали?». Оба когда-то читали. Но когда они писали эту Конституцию, они не думали о Сперанском. То есть, через 200 лет после Сперанского у совершенно других людей рождается Конституция, где властная конфигурация прочерчена абсолютно так же! Можно ли назвать эту ситуацию аномальной?

Это значит, что есть некое, извиняюсь за метафору, дыхание почвы. Есть некая органическая традиция, которая пробивает себя именно в этом виде. Причём там было только одно несоответствие – у Сперанского был наследственный император, а в Конституции Ельцина – выборный президент. Но он имел такие полномочия, что известный политолог Лилия Шевцова назвала это выборным самодержавием. Как вы знаете, теперь и выборного самодержавия нет – все наше выборное право, которого не было у Сперанского, сведено к тому, что президента выбирает один человек. То есть один человек выбирает одного человека. А мы это регистрируем определённым образом: Ельцин выбирает Путина, а Путин выбирает Медведева. Путин прямо сказал: «Моя задача – вырастить наследника». Я цитирую! И он его вырастил. Даже это подработало – двести лет прошло. Говорили про какие-то индустриальные дела – эти дела прошли, рухнули. А через двести лет Россия живёт по все той же властной модели. Можно ли назвать эту модель аномальной, если она органически возникает, неожиданно возникает! Когда её никто не хотел повторять, она опять возникает! Эта ситуация не аномальна, если судить изнутри русской политической системы! Это нормативность фактического! Это и есть русская норма.

В.П.Макаренко: Я ещё немного в развитие своей позиции скажу. Недавно я прочёл книжку Игоря Бирмана «Я – экономист». Это – известный экономист, в СССР он находился в конфликте с КГБ, в 1970 годы эмигрировал в США, там вступил в конфликт с ЦРУ. В 1991 году он написал книжку «Реформа экономи-

ки абсурда», в которой показал: система экономики, которая существовала в странах советского блока, является абсурдной. Почему я это вспомнил? В книге «Аналитическая политическая философия» я обосновываю идею: политика – это практическое воплощение абсурда. Но в рамках определенной нормативно-оценочной системы! Это когда мы уточняем понятие «рациональность» через достижение целей. Начиная с Макса Вебера, эта проблема является дискуссионной: надо разводить материальную, формальную, субстанциальную, социальную рациональность и т.д. Универсального понимания рациональности не существует. Но концепт политики как практической реализации абсурда позволяет описать те формы, которые мы видим. Некоторые рассматривают это как норму. Вот проблема.

Слово профессору Ирине Игоревне Глебовой.

И.И.Глебова: Уже подошло время заканчивать, все устали, наверное. Выступали двое мужчин, два мэтра, я постараюсь периферийно и кратко.

Тема моего доклада: «Переход от советизма к постсоветизму – кратократический транзит». Я не ставлю методологических задач, не излагаю концепций, а просто изложу свое мнение. Что-то происходило на рубежах 1980-90-х, потом в конце 1990-х – начале 2000 годов с нами, со страной, с властью, с обществом. Все ощущали, что произошло, и как мы живём. Есть разные объяснительные модели, которые к этому переходу предлагаются. Одним из самых популярных и влиятельных направлений было направление транзитологии в 1990-е – начале 2000 годов. Причём это как раз тот вариант, когда концепции, возникающие в рамках западной науки и механически перенесённые в нашу страну, не то что не работают, а вызывают такие абсурдистские реакции, требуют нашу реальность называть как явно не нормальную. Эта транзитологическая идея или концепция возникла в 1970-х годах в американской науке, и она прикладывалась к тем процессам, которые происходили в Латинской Америке при переходах от авторитарных режимов к режимам более открытым, либеральным и демократическим. После падения этих систем и после падения СССР возникло желание приложить эту концепцию к странам Центральной и Восточной Европы, что отчасти удалось и сработало, наверное. И приложить к бывшему СССР-России. Среди российских политологов эти идеи развивал профессор Андрей Юрьевич Мельвиль. Но практика показала, что Россия в варианте линейном, последовательном – от некоего пункта А (общества тоталитарного) к пункту Б (обществу демократическому) – двигаться не пожелала. Она двигается, явно, по-другому. Если описывать это движение пунктами, то это скорее движение от пункта А в пункт А, а может быть от него – и дальше куда-то назад. Я попыталась понять, что это за переход. Он адресует прежде всего к каким-то культурным вещам, как это делает Юрий Сергеевич. Исходила я из того, что русская цивилизация власте-центрична, и поэтому я предположила: главное, что изменялось, происходило и определяло этот переход – это те изменения, которые произошли с властью. Ведь не случайно именно власть инициировала этот переход. Необра-

тимость ему придали не общественное мнение и не общественное движение; необратимость распада административных структур, властных структур и властных отношений – это все очевидно. И я решила, что возможно предложить для описания этого перехода идею кратократического транзита.

Это понятие позволяет описать многообразные по форме и содержанию процессы перехода от одного состояния власти – советского, к другому – постсоветскому состоянию как способу организации власти. От состояния, которое перестало соответствовать определённым условиям, к состоянию, которым эти изменения соответствуют. Содержательно транзит был связан с модернизацией власти в ответ на вызовы. В рамках этого транзита была преодолена неспособность старой советской власти контролировать выросший из неё социальный порядок. Власть начала этот переход, чтобы скорректировать своё поведение в новых условиях, восполнить все дефициты, которые были порождены новой социальной реальностью, как внутренней, так и внешней, мировой. Смысл этих перемен, которые мы пережили, заключается во введении и институционализации неких новых «правил игры», которые требуются для эффективного решения очередных властных задач. А каковы они, мы все понимаем, об этом много пишут. Сейчас властный курс подчинен эксплуатации наличного ресурсного потенциала, распределением и перераспределением ресурсных доходов между элитными группами и основными хозяйствующими субъектами. Эти процессы идут от контрольной власти, которая придает им менее эффективный, организованный, более или менее справедливый характер. В результате эта властная бюрократическая вертикаль обрела качества бизнес-вертикали, которая теперь изменилась и стала даже преобладать во властной модели.

Теперь об идее демократии, которая тоже очевидна в рамках этого транзита. Идеи демократии и демократическая практика парадоксальным образом использовались властью как технологии самовыживания и самоорганизации, которая обеспечивала движение власти от себя прежней к себе новой. Т.е. демократия каким-то ненормальным, с точки зрения западной политической науки, а для нас вполне естественным образом стала той средой, в которой развернулся авторитарный режим. В этом главный парадокс тех процессов, которые происходили. Власть была субъектом этого процесса. Смысл транзита заключался как раз в том, чтобы дополнить какие-то дефициты этой самой субъектности. Смысл транзита заключался в том, чтобы сохранить прежние субъект-объектные отношения с обществом. При этом происходили некие процессы, которые можно охарактеризовать как демократические. В конце 1980-х – начале 1990-х годов для нашего общества открылись возможности самоорганизации, обретения субъектности различными социальными силами и институционализации представительства разных социальных интересов и открытой конкуренции. Об этом много писали, это тоже известно.

В конечном счёте, возникла возможность качественной трансформации основ общественного порядка, и отчасти эти возможности были реализованы

лишь отчасти. Но открытые возможности – это не такая реальность. И здесь как раз показательна судьба этих институтов демократии. Сейчас они не столько мешают власти, сколько становятся совершенно не существенными для решения её задач. Единственное назначение этих демократических институтов – презентационное. Они гарантируют лояльность западных политических партнёров, имеют характер легитимации власти и сохранения возможности презентации власти своему внутреннему сообществу как демократической, что есть аналог современности.

Здесь возникает вопрос: а что такого в этой модели и что такого в обществе произошло, что оно на такой переход согласилось? То есть, как произошло, что в России утвердилось политическое устройство, которому более всего подходит определение самодержавной демократии, в её различных вариантах – выборное самодержавие, преемническое самодержавие, как при Путине? Или вот такой вариант правительства, как нынешняя модель Медведева-Путина? Я полагаю, что наша самодержавная демократия – это не только демократия самодержца, это и демократия самодержавного народа. Почему-то наши граждане на такой вариант идут. Я не могу сказать, что у меня есть полный, абсолютный ответ на этот вопрос, но я предполагаю, что главной для нас стала следующая вещь: на рубеже 1980-90-х годов во время демократического обновления перед российским социумом и нашими гражданами встал такой вопрос: чего мы хотим? Свободы или несвободы? Так вот поиски свободы нашим обществом – всем обществом, и верхами, и низами, и массами, и элитами – закончился, в основном, отказом от неё, и русский человек со свободой в конце XX века не справился. Мне кажется, что наши отношения со свободой можно описать таким метафорическим образом: мы двигаемся от идеи опьянения свободой в её анархическом воплощении к тяжелому похмелью и снятию этого похмелья тяжелою, сильною рукой.

Я думаю, не надо много и долго рассказывать, что происходило в это время. После того, как это происходило, русский человек начинает бояться самого себя. Он вспоминает о государственной опеке и принуждении, о социальном величии и ведущей роли державы. Такого испытания свободой, иначе говоря, испытания на сложности, на вызовы, которые несёт с собой современность, видимо, наша культура не выдерживает. Она не находит достаточной глубины и сложности, богатства, чтобы с ними справиться. Но мы идём очень интересным путём. Феномен Путина как социально-политического явления, а не личности, на мой взгляд, в том и заключается, что через него выразилась и персонифицировалась эта тенденция – общество надорвалось от такой свободы и пошло на компенсаторное ограничение, добровольно пошло на рабство. И вот эта победа социальных тенденций к несвободе привела к усилению власти и сокращению сверху объёмов существующих свобод. Очень интересна операция по сокращению, которую провели совместно власть и общество. Сначала свободы были квалифицированы как бесполезные и вредные, были изъяты и уничтожены, а

полезные сохранены, причём полезные в одинаковой степени верхам и низам. Так вот, власть должна была найти человека, который бы этим вызовам, этой тенденции отвечал бы, который бы её персонифицировал, и им был В.В.Путин.

Почему победила такая свобода? Потому что свободу связывают с нестабильностью, беспорядком, анархией, со всевозможными диссонансами, которые проявляются вокруг нас и внутри нас. И это воспринимается, во всяком случае, массовым человеком, – это регистрируют социологи того же Левады-Центра, о котором сегодня говорил украинский коллега – как анархия, как нарушение некой нормы. Очень важно было в 2000-е годы эту норму восстановить. Свобода была привнесена в жертву установлению устойчивых, понятных и привычных условий существования. Сейчас опять все знают, что будет завтра, поэтому в этих условиях мы адаптируемся, подключая какие-то привычные адаптационные механизмы. Кстати говоря, ставится под сомнение миф о том, что хорошо выживает русский человек, ко всему приспосабливается. Видимо, нет. С появлением свободы выбора, с выбором вообще, видимо, русская культура справляется плохо. А ограничение выбора, причем это ограничение для всех – для верхних слоёв, для элитных групп и для господствующих групп, – это ограничение упрощает жизнь и делает её более предсказуемой. В этой ситуации срабатывает привычка, терпение и привычная адаптация. И то, что такое существование вполне понятно и привычно, обеспечивает власть и заставляет идти на то, чтобы она продолжалась, на то, чтобы она была неизменяемой. И она остается неизменяемой в том смысле, что Медведев – это Путин сегодня. Так вот мне кажется, что именно поэтому Медведев – это Путин сегодня, и за это наш человек будет голосовать.

Определённую эволюцию мы все-таки претерпели, и это сказалось на качестве транзита. Повторю: наше общество отстаивает себе часть свободы, полезной для него и одновременно полезной для власти. Потому что очень легко налаживались контакты с обществом на этой основе. Большей частью эти свободы социально-экономические, потребительские, свобода частной жизни и частного бытового самоопределения. Вот это то, что общество для себя оставило, то, что является необходимым элементом нашего социального организма, то, что наше общество оказалось способным переварить. Мне кажется, сейчас общество и власть вышли на компромисс между порядком и свободой. Порядок – это властная вертикаль, назначение которой – сосредоточить весь объём свобод наверху. Свобода – это сохранение того объёма, которое общество согласно для себя оставить и способно переварить. Это такой вариант демократизации – мы отказались от прав политических, и в этом смысле от демократии. Мы согласились на право частной жизни, потребительской и экономической свободы, и в этом смысле это демократия в таком, на мой взгляд, демократическом, частнособственническом варианте. Власть на это согласилась – это можно рассматривать как «откат» обществу за то, что оно оставило власти режим неограниченного, самостоятельного, автономного властвования. И откат здесь да-

леко не ругательство, не употребление терминологии из неправильного словаря. Кстати, наша власть в персонифицированном её виде постоянно этот словарь использует. И это не случайно, это отражение её качества, так же, как и употребление бизнес-терминологии, дворовой терминологии, современной политической терминологии: если это соединить, то и получается такой микс современной русской власти. Как мне кажется, дальнейшие социальные отношения будут развиваться в рамках этого отношения, в рамках этого компромисса. Говорить о наиболее существенных проблемах и перспективах современной России нужно, ориентируясь на этот компромисс.

И последнее, что я хочу сказать, буквально несколько положений. Возникает вопрос: насколько нова эта система? Ведь настаивают на её принципиальной новизне, отличии от советской и т.д. На мой взгляд, на сущностном уровне в случае с постсоветской системой мы имеем дело не с рождением системы новой, а с адаптацией прежней к эрозии и развалу. Как и почему произошла эта эрозия и развал советской системы? Скорее всего, советская система не выдержала изменения и модернизации, притом, что не любит никто этого слова, тем не менее такое явление есть. Можно по-другому сказать: не выдержала испытания вызовами, и произошло крушение. Но это очень интересное крушение, – в результате крушения выжило и укрепилось то, что вызревало в недрах системы в сталинские периоды, особенно в 1970-80-е годы. Это легальные и теневые институты, стратегии, ориентации, ожидания, которые составили основу современного массового, потребительского социального порядка. Поэтому гибель советской системы можно рассматривать как своего рода сделку между властью, элитными группами и обществом. Цель этой сделки – добить и окончательно разрушить основы ленинской, массово-мобилизационной модели социальности и помочь утвердиться брежневской, коррупционно-ресурсно-потребительской модели. Но это – унификаторы тенденций, это не конкретные люди. Речь идет о направленном развале советской системы. В ходе этого развала уничтожению подверглись советские структуры и нормы, которые бы создавали помехи этому коррупционно-ресурсно-потребительскому варианту развития, а по инерции они потянули много от советской системы, в том числе и лучшее. Ещё раз скажу: советское общество и власть есть продукты распада этой системы, которые приспосабливаются к новым социальным обстоятельствам. Эта адаптация, как социологи в массе отмечают, возможна только в негативной и понижающей форме, как привыкание к переменам и компенсация реакции на развал в дефицитах, комплексах, то есть всего того, что может обеспечивать современная власть. С различными акциями, различными движениями и имитационными выходами на общество.

Главная проблема нашей эпохи, и в большей части для власти, – как распорядиться наследием СССР? Постсоветизм, как мне представляется, если принять это определение, нацелен на эксплуатацию той части населения, которой позволяет выжить и устроиться в современном мире. А это – ресурсная база и

национальные запасы в широком смысле слова. Как системные, то есть природные, ресурсы, так и индивидуальные – это административные статусы и все возможности, которые они дают. Доминирующий способ эксплуатации тоже известен – это вывоз и конвертация, или вывоз или конвертация с помощью коррупционных механизмов индивидуальных запасов, сокровищ, денежной массы. Вот это эксплуатационные задачи и моменты, которые представляются мне главными и которые решают власть и господствующие группы. Им соответствует модернизационная задача создания новых социальных сегментов – экономических, – посредством которых возможна интеграция в современный мир. Это – банковская и финансовая системы, сфера обслуживания, информационная среда в современном смысле слова. Соединение этого рождает то, в чём мы сейчас живём. Многое из старой системы оказалось ненужным потому, что в рамках старой системы не работало, не подлежит сохранению и разрушается естественным образом. Мы это наблюдали на протяжении 90-х годов, и продолжаем наблюдать сейчас.

Излишнее для постсоветизма наследие – это промышленное производство, большая наука, сельское хозяйство как результаты советской индустриализации и коллективизации, культурной революции. Вместе с ними рухнули и были маргинализированы целые слои, которые за все эти вещи отвечали. В определённом смысле это наиболее образованные, производящие и кормящие слои. Отечественное производство, которое было поставлено на научно-техническую, высокотехнологичную основу, сейчас подменяется или замещается ввозом продуктов питания, промтоварами, технологиями и прочим. Можно сказать, что нашему социальному организму соответствует примитивный товарообмен сырьевого потенциала на готовую продукцию. В этом смысле мы очень похожи на натуральный товарообмен Киевской Руси – можно проводить исторические параллели. Очевидно, что такой организм, в рамках этой логики, ориентирован на принципиальную деиндустриализацию и демодернизацию. И это тоже сейчас очевидно, это – составляющие этой социальности. Парадокс ситуации в том, что деиндустриализация, демодернизация и их возмещение, такая точечная модернизация и точечное создание таких производств – они губительны для страны, но выгодны элитам. Они позволяют контролировать процессы эксплуатационные и тенденции модернизационные. Элиты нацелены на потребление, и в рамках этой потребительской модели они вынуждены делиться с массой народонаселения, что и делают по остаточному принципу.

Таков результат кратократического транзита для элит, для власти. С основной массой населения, с популяцией, тоже всё достаточно очевидно – сейчас мы ориентированы, в основном, потребительски. Нельзя сказать, что эти вновь созданные условия нам совершенно не подходят и нас совершенно не устраивают. Наоборот, если посмотреть, все обязаны той частной личной жизни, в том индивидуальном благоустройстве, и так или иначе готовы смириться с существующим порядком и дистанцироваться от него. Потому, что советский чело-

век в его постсоветском варианте получил то, чего он был лишён в рамках старой советской системы. В этом смысле не только власть может расцениваться в рамках кратократического транзита как победоносная, но и сам постсоветский человек себя вполне адекватно ощущает. Здесь, как раз, можно примерить в рамках этой системы, которая является даже более несправедливой, и точно является гораздо менее справедливой, чем постсоветский порядок.

Б.И.Буйло: Насколько я понял, Вы сегодня превращаете Россию в полуколонию, в разваливающееся государство?

И.И.Глебова: Это известные данные, и они не то, что непонятны, их никто не хочет принимать! А вот как это оценить – полуколония, или как-нибудь еще?.. Совершенно точно: мы – не сверхдержава. Мы региональная держава, с таким вот вариантом адаптации к современной экономике.

Б.И.Буйло: Так я не пойму, с чем мы должны согласиться, с этим?

И.И.Глебова: Я не говорю, что должны, я говорю, что соглашаемся. У меня было такое ощущение: все получили вольную, и в рамках этой вольной возможно какое-то самообустройство, какие-то общественные инициативы. Но вот как-то никто с этими инициативами не выступает!

Б.И.Буйло: Я просто хотел уточнить: в элитах были какие-то партии, какие-то группировки, к которым мы не могли примкнуть в начале 1990-х, которые могли альтернативой стать той самой ситуации, которая была? Быть может, у людей просто не было выбора в начале 90-х? Им навязала это власть, и выбирали из худшего, так как лучшего просто не было?

И.И.Глебова: Ну, можно трактовать это и так, да! Это навязанные сверху условия существования. Но это те условия существования, на которые мы согласились, хотя бы тем, что основным вариантом адаптации к ним выбрали вот этот пассивный вариант. Был такой исследователь известный, Эдгар Морен. Про советских граждан он говорил, что они адаптируются, пассивно сопротивляясь власти, сотрудничают с властью, сопротивляясь ей, и сопротивляются, сотрудничая. А из этого какого-то иного выбора не получается. Из этого получается то, что у нас получилось.

Б.И.Буйло: Ну, а реформы-то провалились, и найти виновных не смогли.

И.И.Глебова: Видите, вы весь негатив и всю ответственность возлагаете на власть и господствующие группы. А я сказала, что это общие вещи, это такой совместный проект, совместный кратократический транзит, это один из вариантов.

Б.И.Буйло: Я поэтому и хочу понять, что люди получили?

И.И.Глебова: Я обозначила, что люди получили. Выйдите на улицу и посмотрите, что люди получили. Это возможность заниматься трудовой деятельностью, индивидуальной; возможность выбора своей бытовой частной жизни, выбора, в общем, неограниченного. Нельзя сказать, что кто-то давит и указывает, что созидает и учит постоянно. От этого назидания можно легко уйти!

Б.И.Буйло: И что, ради этих свобод они отказались от политических свобод?

И.И.Глебова: Получается, что так!

Ю.С.Пивоваров: А можно, я добавлю? Вот Вы говорите, что не к кому было присоединиться, выбирали из худших. А что ж Вы выбирали – надо было своё порождать! Смотрите: российское общество в 1991 году могло само породить нечто, но оно не породило нечто. Вы сами это фиксируете, что оно так и было. Выбор между Ельциным и Зюгановым – небогатый выбор. Ну хорошо, тогда почему российское общество не породило каких-то других людей? И сегодня в обществе ситуация ненормальная, есть один голос, и это голос Кремля, больше ничего нету! Тогда я спрашиваю общество – что ж оно молчит, пусть говорит! Пусть появятся люди, которые будут формулировать интересы общества! Но русское общество не хочет этого! А получили тогда очень многое. Я впервые в Вашем городе, мы ехали по улице Малиновского, там были сплошные автомастерские, бани и т.д. Вы можете себе это представить в 1975 году? Я – нет! Мечтали об этом в 1975 году? Да. Получили. Березовский в крупных размерах, остальные в мелких! Человек хочет – работает, не хочет – не работает, безработица – это другая тема! Хочет в церковь ходить – ходит, не хочет – не ходит.

Запад построен на том, что называется privacy – частная сфера, куда государство не лезет, откуда оно отползло и сказало: «Ребята, у вас там медицина, ну лечитесь, как хотите, детей в детских садах – тоже, как хотите, сами занимайтесь!»

Б.И.Буйло: Смотрите, Вы же сами говорили о русской власти и становлении русской системы с XIX века. А в Смутное время тоже была бытовая свобода, в силу того, что власть рухнула!

Ю.С.Пивоваров: Нет!

Б.И.Буйло: Почему? Бояре практически не контролировали государство.

Ю.С.Пивоваров: Это была ситуация гражданской войны! Ситуация хаоса – это другое!

В.П.Макаренко: Я прошу дискуссию отложить и задавать вопросы!

Р.А.Громов: Мой вопрос об уникальности этого транзита. Насколько я помню, Вы предложили культурологическое объяснение общества. А как быть с подобными реставрациями на Западе, я имею в виду веберовское объяснение? Работает ли культурологическое объяснение?

И.И.Глебова: Я думаю, такие аналогии неуместны. Это известная вещь – объяснить в рамках двух тенденций: мы похожи, на то, что уже проходили, и будем двигаться так же, как они, европейское общество, и мы двигаемся с некоторыми недостатками. Я не вижу здесь большого сходства.

Р.А.Громов: Я и хотел сказать, что у разных культур разные ситуации!

И.И.Глебова: Только нужно иметь в виду: после чего Веймарская республика возникла и в результате чего у нас возник вот этот порядок? Нам не пона-

добилось участие в мировой войне, я думаю, это уже ответ, после чего нужно как-то иначе посмотреть на наш порядок.

В.П.Макаренко: Я вижу, Вы исходите из концепции Клиффорда Гирца, наверно, уместно будет сослаться на него.

И.И.Глебова: Не думаю, что это нужно – мы можем и политическую параллель задать, – здесь всё ещё более очевидно. Думаю, это не очень удачное дополнение.

А.В.Венков: Вот Вы, когда говорите, что мы все сначала хотели свободы, потом этой свободы испугались, Вы могли бы выделить, сколько процентов хотело, а сколько сомневалось?

И.И.Глебова: Вы знаете, могу. Чтобы не отрываться от дискуссии и не бежать за моими материалами, я замечу, что говорила не так. Я сказала, что появилась возможность самоопределения и выбора. Но возможность – это ещё не самоопределение и выбор. Можно использовать эту возможность по-разному – и мы её использовали так, как использовали. Создавая эти рамочные условия существования, которые ориентируют, в том числе, на объём этой субъектной энергии, которые в то же время есть существование безответственное. Так как вся ответственность перекладывается на власть. То большинство, которое говорит, что оно против, что оно за демократию, само эту демократию понимает как путинский порядок: ограничение свободы слова и политических свобод, минимизацию политических партий. Это какая-то другая демократия, нежели принятая в западных обществах и западных моделях. И ориентирует как раз это большинство, его предпочтения – власть. И моделирует ситуацию: мы сами даем зелёный свет! Наличие такого большинства дает зелёный свет. Активная часть носит вспомогательный характер, поскольку участвует в выборах.

Ю.С.Пивоваров: Ещё по поводу процентов. Был опрос: сколько процентов за свободу, а сколько против? Мне кажется, что в нашей ситуации социологические опросы только затуманивают голову и нам, и принимающим решения. Помните, в марте 1991 года советский народ высказался за сохранение Советского Союза, когда Горбачёв инициировал референдум. А что произошло через несколько месяцев? Рухнул Советский Союз. Даже Украина проголосовала за уход, хотя там были самые высокие цифры за сохранение. Это первое.

Второе. В марте «Известия» провели опрос: Кому принадлежит суверенитет в России? В Конституции написано – народу. 25% говорит: президенту. Кто автор Конституции? Президент. Кто президент (а уже год прошел)? Путин. Всё! Вот что такое социологические опросы! А к вопросу о большинстве, Вы говорите, что и меньшинство играет роль. Вот в Веймарской республике в январе 1933 года были выборы, где большинство привело к власти лидера немецких социалистов, которого звали Адольф Гитлер. Большинство выбрало себе социалистического лидера Адольфа Гитлера. Немцы сказали: Великая социалистическая революция парламентским путём. Вот большинство выбрало!

А.В.Байлов: Процесс перехода от советского к постсоветскому обществу, как ни парадоксально, был разработан ещё в начале 1920-х годов, в рамках концепции евразийства. Они уже прямо тогда писали, что советская власть снята для потомков в исторической перспективе. Что она уйдет, будет теократическое общество, которое будет формироваться теми же, кем и советская власть, только без коммунистической идеологии. Вопрос такой: Вы говорили, что западные концепции не работают в наших условиях. Так вот, авторы этих теорий хоть немножечко читали тексты русских евразийцев? То, что наша политическая элита их не читала, я не сомневаюсь. Ну вот, западные теоретики перед тем, как планировать процесс модернизации, работы наших классиков смотрели?

И.И.Глебова: Я думаю, никакие западные теоретики никакого перехода не планировали. У них другие задачи были, и им вряд ли были нужны евразийцы. А вот модель, которая использовалась – это для Запада адекватная модель, – она и сейчас обновляется, и ищутся какие-то другие возможности. Обсуждается, в каком варианте можно адаптировать эту концепцию демократического транзита к нашим реалиям и реалиям этого постсоветского мира. Но, когда берётся одна идея и из своего времени вырывается, и говорится, что она очень адекватно описывает наши реалии, – это ерунда. Это была идея того времени, и на то время она работала. А мы – это продукт другого времени, значит, это какой-то другой переход, не описанный евразийцами. Можно какие-то векторы угадать, но это другая вещь. Постсталинская и постбрежневская Россия, как на это реагировали люди в массе, как они будут адаптироваться к ситуации, – об этом евразийцы даже думать не могли.

Ю.С.Пивоваров: То, о чем говорят евразийцы, никакого отношения к нам не имеет. Евразийцы прокляли бы сегодняшнюю ситуацию, они были врагами её. Они говорили о переходе коммунистической идеологии к православной. И Вы знаете, что до 1990-го года не было ни одной русской книжки о евразийцах, все были западные. Это во-первых. А гораздо интереснее теория есть – в рамках НТС (Народно-Трудовой Союз). Слышали, был такой? За принадлежность к нему расстреливали при советской власти. В 1950-е годы была разработана концепция в городе Франкфурте-на-Майне, где был штаб, называлась «Революция секретарей ЦК КПСС». Они писали, что где-нибудь, в середине 1980-х годов в России появится секретарь ЦК, не исключено, что станет генсеком, видимо, откуда-то с динамичного юга, который поймёт закостенелость этой системы и сверху инициирует демократические изменения. Это Михаил Сергеевич, это о нём написано в 1950-е годы! Она так и называется – «Революция секретарей ЦК». И особенно на юге, как более динамичном, более открытом и современном, чем какая-нибудь Сибирь.

Б.И.Буйло: А у Ильина была похожая концепция!

Ю.С.Пивоваров: У Ильина была другая концепция – авторитарного перехода от тоталитаризма к демократии. Но он бы проклял нынешнюю ситуацию, поскольку говорил совершенно о других вещах!

И.И.Глебова: Там ценностная основа иная, я бы так прокомментировала.

В.Попов: Вопрос следующий – есть достаточно тонкие вещи, например, денежное обращение, которое даже у специалистов вызывает много вопросов. Но, тем не менее, денежное обращение очень сильно влияет, оно структурирует общественные отношения. И вот, когда Вы, в частности, говорили о том, что общество на что-то согласилось. Как оно может согласиться на то, о чем оно имеет смутные представления? Интересно, что когда большевики в своё время задумывали денежную реформу в 1924 году, то свёртывание НЭПа шло по пути свертывания именно системы денежного обращения, проводимой именно благодаря этой реформе. То есть в основе структурных преобразований лежали какие-то очень тонкие и ещё не осознанные большинством вещи. Поэтому можно ли говорить о том, что большинство было на что-то согласно, не понимая на что?

И.И.Глебова: Вы знаете, когда Вы говорите о каких-то тонких механизмах, то Вы прямолинейно их понимаете, и из этого своего прямолинейного понимания делаете прямолинейные выводы. Когда я говорю, что общество на что-то не согласилось, я же не говорю, что оно пошло и за это проголосовало. Есть некие тенденции, есть некие идеи, которые обретают массовый характер, они фиксируются и в какой-то момент они определяют и формируют социальный вызов. И не только в денежном обращении есть скрытые механизмы. Скрытые механизмы есть и в человеческих обществах, для регулирования которых и применяются эти скрытые механизмы. Во-первых, денежные механизмы у нас регулируют совсем другой порядок и выполняют принципиально иную функцию. А второе – общество соглашается не на денежные механизмы, а на тот вариант и порядок функционирования, который, в конце концов, восстанавливается. Люди же не устраивают революцию, не выходят на улицу и не говорят, что мы не хотим такого. Значит, есть какая-то тенденция, есть вещи, которые это настроение определяют. Люди хотят, чтоб все осталось как есть, они не хотят перемен. Вот это значимая социальная тенденция, и в рамках этой тенденции можно работать власти, можно существовать господствующим группам, и в рамках этой тенденции можно налаживать денежные механизмы, и я совершенно не вижу противоречий.

Ю.С.Пивоваров: Все спрашивают, как ими управлять. А речь идёт о самом управлении. В России есть профсоюзы? Нет. Наёмные работники защищают свои права? Нет. Я директор института, у меня тысяча подчинённых. Я им говорю: «Защищайте свои права передо мной». Да что Вы! «Я либерал и буду с Вами либеральным». Не хотят! И Россия не хочет сама управлять, и у нас нет местного самоуправления, и дело не в законах. Дело в том, что наша природа веками и столетиями отбила у русского человека навык самоуправления.

Из зала: Не хочет или не может?

Ю.С.Пивоваров: А это одно и то же! Исторически это одно и то же. Если мы это осознаём и не делаем, значит мы не хотим этого.

В.Н.Кирой: Вы знаете, у меня было ощущение, что Вы пытаетесь ставить диагноз нашему обществу, в том числе и власти. Но, с моей точки зрения, он был бы актуален лет 15 назад, а сейчас это уже некая констатация прошлого, к сожалению. Власть немножко не та уже, и тем более есть постоянные конфликты между политической властью и экономической властью. Есть локальные конфликты между властью вообще и той частью общества, которая имеет определённую свободу. Более того, сегодня власть инициировала многие вещи в экономике, которые меняют её содержательную сторону, и они потребуют в экономике уже другой популяции – в смысле её квалификационного и культурного потенциала. Поэтому, с моей точки зрения, это уже прошлое. А вот куда мы движемся? Этот вопрос более актуален и более интересен сегодня, ведь очевидно, что мы должны перейти к экономике инновационной. И президент говорит: «Я возглавлю это движение». Эта власть конфликтует с элитами, показывая их место. Куда в этом смысле трансформируется наше общество? Какова будет наша структура, социально-властная, скажем, через 10 лет?

И.И.Глебова: Вы знаете, книжка у меня вышла, где я об этом писала. Я считаю, что это актуально и сейчас, и то, о чем вы говорите, развивается в рамках этого порядка. И это существенно, именно это, и оно придает качество современному развитию. Вот Вы говорите о модернизационных потребностях, и ясно, что они есть, и они тогда были. Вопрос в том, как их будут удовлетворять! Понятно, выращивается этот модернизационный и социальный потенциал общества. Только он работать будет в рамках этой системы, и условия ему будут созданы такие, что он работать будет в рамках этой системы.

В.Н.Кирой: Понимаете, как только вы заставляете человека в рамках инновационной экономики вести себя по-другому, стать креативной личностью, которая здесь, сейчас и каждодневно порождает инновации, он, по определению, задумывается, что происходит вокруг него, и, следовательно, между ним и властными структурами.

Ю.С.Пивоваров: Можно ответить? Я был на общем собрании Академии наук, где было произнесено, что Россия занимает в мире по инвестициям и инновациям сто пятьдесят какое-то место. Все разговоры Медведева о том, что он пойдёт во главе инновации, это то же самое, что мне обещали, что я в 1980-ом году буду жить при коммунизме. Вы ездили по стране, видели, какая там инновационная экономика? Нет и экономики XIX-го века, она рухнула. Мы занимаем 117 место по инвестициям в образование, Туркмения впереди нас находится. О какой инновационной экономике можно говорить всерьёз? Медведев сказал, что у нас все провалено по этому делу. На нанотехнологии Кудрин деньги отобрал у любимца народа Чубайса, – нет денег ни на какие нанотехнологии –финансовый кризис. Это всё лирика. У нас сырьевая экономика была и будет, в

лучшем случае, сырьевая экономика! А когда построят Южный поток вокруг нас, Европа перестанет быть абсолютно зависимой от нас, и у нас останется единственный надёжный потребитель – это Китай. У власти нет выбора, хотя она и искусна, но есть тенденции, которые она перебороть не может. Например, тенденцию, что каждой весной 700 тыс. человек уходят на тот свет, 12 млн. живёт на Дальнем Востоке, и около 1 млрд. подпирает с Китая. У них черным по белому написано, что большая северная страна нуждается в новых северных территориях. У нас нет никаких союзников – Путин и Медведев всё это прекрасно понимают. А когда говорят про инновационную экономику, – это то же самое, когда больному говорят: «Вася, ты выживешь», а приговор уже известен. Ситуация очень опасная в стране. Поэтому надежды, что вот будет инновационная экономика и креативный человек возникнет... Вся русская история в надежде на креативного человека. Он возник?

И.И.Глебова: У известного социолога Юрия Левады есть такой термин, такой диагноз – «инерционный тупик». Мне вот кажется, что уже этот вариант был, мы его в СССР прошли. Создан был этот модернизационный потенциал, модернизационное качество новое появилось. Но оно не было ей альтернативным – не было создано нечто альтернативное этой системе, с любой точки зрения, даже с точки зрения экономической.

В.Н.Кирой: Это что, нежелание выйти из тупиков?

Ю.С.Пивоваров: Это когда говорили, что наша история в тупиках? Вы знаете, что к 1914 году Витте построил железные дороги так, что пропускная способность железных дорог была выше американских. Другое дело, что нам даже этого не хватило. Но это был фантастически успешный эксперимент. Росло население, росла экономика, росла культура. Когда это было? В петровскую эпоху – тоже не было. Мы впервые в такой ситуации находимся.

В.Н.Кирой: А реформы Петра, это что было? Это не попытка таким образом развернуть страну из тупикового варианта развития?

Ю.С.Пивоваров: Нет! Допетровский период не был тупиковым. Петровский переход был насильственным, варварским!

В.Н.Кирой: Я говорю о выходцах «гнезда петрова», они интерпретировали это как выход из тупика!

Ю.С.Пивоваров: Да они просто таких слов не знали! Компания Петра – это были безграмотные авантюристы просто! Да вы что!

В.В.Вольчик: Мы в своё время, благодаря Виктору Павловичу, исследовали институт власти-собственности. Юрий Сергеевич тоже сказал об этом. И мы подумали, что власть-собственность основывается на том уровне социального капитала, который в России сложился. Мы пытались его выразить простыми словами – и придумали с моим коллегой два таких слогана. Российский капитал – это коллективизм несвободных людей, а западный социальный капитал – это солидарность свободных людей. Поэтому любой процесс в России – это будет Совбез. В сообществе несвободных людей ничего другого, за отсутствием

институтов, не позволяется сделать. Более того, я немного исследовал власть-собственность и скажу про экономику Витте. Была конференция по экономической истории, и я поражаюсь, когда в записях конца XIX-го – начала XX-го века большинство промышленников мечтало отдать свою собственность в руки государству, в обмен на государственные заказы. Все к этому шло, а коммунисты только это завершили.

В.П.Макаренко: Волевым порядком я прекращаю прения – мы уже просрочили время фуршета.

Перерыв.

В.П.Макаренко: Слово предоставляется одному из интеллектуальных лидеров нашего околотка, профессору, кандидату исторических и доктору философских наук Анатолию Владимировичу Лубскому.

А.В.Лубский: Во-первых, околотка – это хорошо, это метафора русской системы власти, а во-вторых, спасибо Виктору Павловичу за предложение поработать в творческой мастерской.

Позвольте, я не буду выходить за заданную тематику: «Система русской власти: диссонансы или созвучия концептов»? Предложено было говорить по поводу двух концептов – концепта русской власти, предложенной В.П.Макаренко, и концепта Русской Системы, предложенной Ю.С.Пивоваровым и А.И.Фурсовым. На обсуждение было вынесено несколько вопросов, я остановлюсь на трёх из них. Первый вопрос – это контекст, который позволяет понять, почему вдруг появились концепты подобного содержания. Второй вопрос – по поводу совпадения или диссонансов, – попытаюсь здесь дать сравнительный анализ, третий – остановлюсь на некоторых аспектах той критики, которая существует в современной академической и неакадемической среде, и выскажу некоторые соображения[2].

По первому вопросу обращаю ваше внимание, что я рассмотрю два аспекта – социально-политический и эпистемологический контекст, в условиях которого появились эти два концепта. Я думаю, вы обратили внимание, что они появились в конце 1990-х годов, кроме этих концептов появились и похожие концепты, например, чуть ранее была сформирована концепция Янова, тоже базирующаяся на интересной литературной метафоре – «тень грозного царя». Концепция Пастухова, базирующаяся на метафоре «русский ген». Концепция Аузана, базирующаяся на метафоре «русская колея». С этими концептами корреспондировались указанные здесь Бессонова, со своей «раздаточной экономикой», концепция Фонотова – «Россия как мобилизационное общество». Плюс концепции Кирдиной об особой цивилизационной матрице развития России; концепции российской государственности и целый ряд других. Появились они в конце 1990-х или чуть-чуть позже. Что это был за период? Я не буду о нём говорить, профессор Глебова об этом говорила, я укажу некоторые сюжеты: про-

[2] Полный текст доклада А.В.Лубского см. в статье «Концепт "русская власть": метафорические возможности интеллектуального дискурса», опубликованной в данном номере.

шли иллюзии, связанные с демократическим транзитом, русское общество вступило в сделку с властью, обменяло свободу на порядок, произошел откат – минимизация свободы. Начался переход от картельного политического режима Ельцина к корпоративному режиму Путина, то есть мы видим, как Русская Система вернулась в русскую колею.

То есть установился русский социальный порядок, тот, который предпочитает население, тот, который оно легитимизирует – порядок с хозяином в доме, сочетающем в себе атрибуты сильной руки и атрибуты продавца счастья. Вот, примерно, то, что произошло. А главное то, что Русская Система вошла в русскую колею, воспроизвелась в новых исторических условиях. Отсюда возник вопрос: почему? И ответа на этот вопрос политическая наука в то время не смогла дать. А дать она не смогла потому, что в отечественной политологии четко обнаружилось два момента. Первый – синдром когнитивного подражательства. Он выразился в том, что в наших научных практиках, философских практиках и светских практиках стали использовать достаточно раритетные концепции модернизации, транзита и т.д. Стали использовать концепты гражданского общества, то есть те концепты, от которых современная интеллектуальная мысль как бы отказалась и не использовала их. А во-вторых, этот понятийный аппарат и эти теоретические конструкты оказались неподходящими и малоэффективными в методологическом плане. У нас не оказалось языка, как сказал Юрий Сергеевич, адекватного для описания социально-политической ситуации в России. В то же время отечественная политология обнаружила и дефицит креативности – способности разрабатывать новые способы познания политической реальности. И вот, естественно, в этих условиях наиболее креативные учёные, прежде всего из академических центров, поставили перед собой такую задачу – выработать понятийный аппарат и теоретические конструкты, для того, чтобы более-менее адекватно описать, объяснить и понять те процессы, которые происходят и происходили в России в исторической ретроспективе и происходят сейчас. Вот такой социально-политический и эпистемологический контекст.

Теперь по поводу двух концептов – «Русская Система» и «русская власть». Я начну с моего товарища Виктора Павловича Макаренко. Если вы посмотрите на его книжку, то там есть подзаголовок: теоретико-социологические проблемы русской власти. Иначе – социология власти. Кто же субъект этой власти? В книге Виктора Павловича такой субъект найден – он выступает единым в трёх лицах, и отсюда идея троевластия. Это властелин-собственник-жрец (или идеолог, на современном языке). Отсюда мы видим, что, поскольку есть один субъект – властелин-собственник-жрец, – то атрибутом его деятельности выступает государственная власть. Я хочу обратить ваше внимание, что концепт Виктора Павловича разрабатывался в рамках деятельностного подхода, это такой новый для нас подход, в котором власть рассматривается как средство деятельности, опирающаяся на определённые ресурсы. В рамках деятельностного подхода к

власти сложилось две теории. Одна теория рассматривает власть как авторитарно-властное господство, а вторая как авторитетно-властные полномочия. Виктор Павлович работает в русле теории власти как авторитарно-властного господства. Отсюда он поднимает вопрос, что такое власть. Власть – это атрибут собственника и жреца, а с другой стороны, власть у него приобретает такой метафизический смысл, поскольку для всех остальных (а это объекты власти) – подданных и верноподданных – она приобретает метафизический смысл. Виктор Павлович использует метафору неопределённой, вездесущной и дьявольской власти. Мы видим, что тут два подхода. Один работает в русле онтологического осмысления русской власти, другой в рассмотрении власти как властно-авторитарного господства. «В чём же природа этой власти?» – ставит вопрос Виктор Павлович. «Если власть – это средство государственного управления, то на какие ресурсы она опирается?» В.П. Макаренко отвечает на вопрос так: «Опирается на принцип централизованной редистрибуции, то есть власти-собственности». Дополним функцию властелина функцией идеолога, жреца. Отсюда его концепция троевластия. Таково общее краткое содержание концепта русской власти, представленной в работе профессора В.П.Макаренко.

Если в таком же сравнительном плане посмотреть на концепт Русской Системы, представленный Ю.С.Пивоваровым и А.И.Фурсовым, то мы увидим, что такое власть для русской жизни. Русская жизнь властецентрична, а сама власть моноцентрична. Русская Власть определяет все и вся. Мы видим здесь метафизический заход – Русская Власть разлита во всем и всё определяет. Благодаря этому устанавливается особый русский порядок, который авторы называют Русской Системой. Эта Система организует, контролирует русскую жизнь на основании принудительного господства. Метафизический характер Русской Власти позволяет авторам объяснять, почему Русская Система постоянно воспроизводится в исторически различных ситуациях. Она воспроизвелась, как мы уже сегодня слышали, и в современной России. Вместе с тем, Русская Система переживает кризисы, дает сбои. Авторы предлагают физикалистский подход к пониманию этих сбоев, который заключается в метафорах. Перефразирую на свой лад эти метафоры: срывы Русской Власти связаны с тем, что утолщается слой тех, кто находится у кормушки государственной власти, и наоборот, – уменьшается сама кормушка, то есть уменьшаются источники кормушки. Соответственно, власть начинает перераспределять ресурсы, которые оказались распыленными или сконцентрированными в руках определенной группы. Если сравнить две эти концепции, то мы не увидим особого диссонанса. Общее – это онтологическая, метафизическая интерпретация русской власти, это метафорический способ презентации этой власти. Есть и различия.

Вы, наверное, обратили внимание, что Юрий Сергеевич апеллировал к идеям евразийской цивилизации, и это было сделано неспроста. Речь шла о том, что русский порядок базируется на трех основаниях: власть моноцентрического характера, бессубъектное население, которое готово легитимизировать власть

при определенных условиях, и определенный слой субъектников, то ли как субъектники, сложившиеся в определенных обстоятельствах, то ли как субъектники – побочный продукт самой этой власти. Поскольку власть моноцентрична, основу её составляет идея насилия, идея господства, идея принуждения. Это принуждение воспринимается бессубъектной массой, как должное, как разумное. Поскольку это существует, то власть нуждается в определенном основании. Таким основанием выступает Яса Чингисхана – то есть запреты и наказания, в отличие от Хартии вольности в Европе, изданной на три года позже. Отсюда, с одной стороны, прослеживается такой почвеннический аспект концепции, с другой стороны, направленность, связанная с концептом евразийской цивилизации. У Виктора Павловича, по моему мнению, концепт сложился на основе иных методологических оснований. Идея власти-собственности лежит в основе особого азиатского способа производства (идея, которую после Карла Витфогеля развивал у нас Л.С.Васильев). Поэтому концепция русской власти В.П.Макаренко тяготеет к концепции восточно-деспотической цивилизации. В этом разница. По некоторым основаниям – идея перераспределения ресурсов и идея власти как господства – эти концепты близки между собой. Несколько слов о критике этих концепций.

Концепция Пивоварова-Фурсова вызвала живой отклик и разную реакцию. Концепция Макаренко осталась замеченной, в основном, в академической среде. Появились критики этих концепций. Я приведу два примера этой критики. Есть критика негативная и критика позитивная. В рецензии на книгу В.П.Макаренко проф. А.А.Миголатьев назвал эту концепцию надуманной, в прокрустово ложе которой автор хочет втиснуть все сложные процессы, которые происходят в политической реальности России – прошлой, настоящей и т.д. Почему она кажется надуманной А.А.Миголатьеву? Потому что у него своеобразный стиль мышления. Он сразу заявляет об этом стиле, когда обвиняет Виктора Павловича в нападках на гегелевскую философию истории, обвиняет его в том, что он не признает такое прогрессивное течение общественной мысли, как либерализм. В чем суть мышления проф. Миголатьева, которому концепция В.П.Макаренко кажется надуманной? Это мышление особое. Основу её составляет методология однолинейного прогрессизма. Есть человечество, есть правильные народы, и все они идут по одной линии прогресса. Идеалы, вектор этого движения задают наиболее развитые и продвинутые страны. Соответственно, такие страны, как Россия, запаздывающие страны, хотят они этого или нет, идут в этом направлении. Можно использовать тот понятийный аппарат, тот тип теоретической конструкции, которые создавались западно-европейской интеллектуальной мыслью, причем создавались на особом материале. Кстати, некоторые исследователи считают, что западно-европейская цивилизация – это аномалия в общем развитии человечества. Такая аномалия, которая дала преимущества. Но я не буду об этом говорить. Эти конструкты, которые были разработаны на материале этой аномальной социокультурной среды, можно впол-

не использовать и при изучении российских политических реалий. Виктор Павлович эти конструкты критикует как надуманные. Это стиль особого мышления. Этим стилем обладают многие наши современные ученые. Потому, что они воспитывались на традициях марксизма, а методология однолинейного прогрессизма – это позитивистская методология, в том числе и того марксизма, в рамках которого формировались эти ученые.

Есть другой профессор – Виктор Ковалев, он тоже подвергает критике, но уже концепцию Русской Системы. Он называет её фантастической и не меньше, как самобытное теоретизирование. Я попытался понять, в чем же фантастичность – с точки зрения этого автора – концепта Русской Системы. По моему мнению, автор не критикует концептуальное положение Русской Системы, он избрал другой путь. Он говорит: «Вот современный политический режим – это последнее воплощение Русской Системы в жизнь. Последнее и в хронологическом, и в прямом смысле слова». И критикует сложившийся политический режим с точки зрения обоснованности этого режима в концепте Русской Системы. Почему он считает фантастическим концепт Русской Системы? Потому что он лишает Россию будущего. Потому что он фаталистичен. Потому что эта Система постоянно воспроизводит русский порядок, и тем самым лишает Россию будущего.

Есть так называемые позитивные критики. Одним из них является Эмиль Паин. Он говорит, что, являясь этнографом и антропологом, понимает, что такое культурный код, какую роль играет он в воспроизводстве прошлого или традиций. Но он рассматривает концепцию Русской Системы не как традиционную систему, а как инерционную систему, которая опирается на определенные ресурсы, в том числе и на этот код. Он утверждает, что в современных условиях эта инерционная Русская Система себя изжила, то есть истощились её ресурсы. И, прежде всего, в социокультурной сфере. Он говорит: «Поскольку код воспроизводится, то он воспроизводится не сам по себе, не метафизически, а благодаря более или менее адекватным условиям. Одним из таких условий является социокультурная составляющая. И если эта социокультурная составляющая будет меняться, то есть сознание людей будет меняться, то Система отомрёт».

В подтверждение этой идеи Игорь Клямкин опирается на ряд социологических данных из социологических исследований, проведенных по заказу одного из либеральных фондов. Получается, что русское общество переросло Русскую Систему. Почему? Оказывается, по его данным, только 7% россиян за Русскую Систему, за основные её принципы. Ну, ещё около 20% , которые кое-что из этой системы приветствуют. А 96% россиян критикуют произвол русской власти. Вот где русское общество переросло. Не одобряют, а критикуют произвол русской власти. Паин-Клямкин утверждают, что Русская Система не фаталистична, то есть она не перманентно воспроизводится, а достаточно социокультурного изменения сознания, а в условиях постиндустриального

прорыва такое сознание, по их мнению, меняется, поэтому Русская Система отмирает.

И последнее. Существует также позитивная критика со стороны Н.И.Розова и его коллег. Концепция эта состоит в том, что термин «Русская Система» представляет собой метафору. Как всякой метафоре, ей присущи образность, выразительность, и это очень хорошо, то есть схватывается суть явления. Но метафоре Русской Системы не хватает концептуальности, то есть не достает теоретической и эмпирической обоснованности. Поэтому задача сейчас состоит в том, чтобы превратить Систему Русской Власти из метафоры в концепцию. Вот основная позитивная критика Н.И.Розова. В связи с этим он предлагает несколько вариантов того, как это можно сделать. В частности, он предлагает конструкт вертикального договора или контракта, который в российском обществе заменяет горизонтальный контракт. Вертикальный контракт помогает перераспределять ресурсы. В связи с этим я хочу обратить ваше внимание на одну очень интересную концепцию понимания русской власти. Эта концепция заключается в следующем.

Если русскую власть мы рассматриваем, как средство, то она опирается на определенные ресурсы. Одним из таких ресурсов является кормление. То есть это определенная система. Она была отменена при Иване Грозном, но постоянно воспроизводится, реактуализируется на протяжении всей русской истории, и существует сейчас. Кормление – это очень специфическая русская традиция, которая облачается в символические формы. Причем кормление в двух аспектах. Во-первых, в русском языке кормление и правление – синонимично, как например, стол и престол. Кормчий – это не лодочник, который знает, куда лодку нужно вести, это тот, кто знает, как добыть корм. Так, на Севере, кормчий – это вожак промысловиков, который знает, как добыть корм, то есть он кормит. Поэтому синоним кормления-правления в России позволяет нам увидеть этот ресурс русской власти. И он заключается в двух аспектах. Кормление-правление, как способ кормиться. Во-вторых, правление как способ кормить.

Что такое способ правления, как способ кормиться? У кого власть, у того и собственность, у того и корм. А правление как способ кормить – пока не особенно проясненный феномен, – но он присутствует. Кормление – это демонстрация власти. Я не буду приводить примеры русских царей, но раздача пайков, подарков – любой начальник, который едет заграницу и привозит сувениры для подчиненных – это все демонстрация власти, ее атрибут. Он об этом даже не задумывается. А как рассаживаются за столом? В русской ментальности стол не должен быть ни круглым, ни квадратным, он обязательно П-образный, – это самая удобная форма. За такой стол садятся приближенные к власти во главе с хозяином, садятся все по ранжиру, по иерархии – друг напротив друга. То есть, принцип один – на каждой иерархической лестнице все равны в службе. Сам этот образ «не так сидите», «не так сели» – это символическое выражение формулы кормления.

Теперь, коллеги, основной вопрос состоит вот в чем. Критики обращают внимание на фатализм, содержащийся в концепте Русской Системы. И обращают внимание, что при любых условиях воспроизводится Русская Система, то есть Россия попадает в западню русской колеи. Вы, наверное, тоже уловили эту мысль в выступлении уважаемого Юрия Сергеевича о том, что ситуация меняется, а все остается по-старому, и менталитет управляющих, и менталитет управляемых и т.д.

Тот же Н.И.Розов предлагает в связи с этим концепцию формирования полисубъектности, я бы её назвал идеей формирования низовой субъектности. В формировании низовой субъектности он видит переход от Русской Системы к чему-то новому. Я хотел бы задать Юрию Сергеевичу вопрос: сейчас воспроизвелась Русская Система в привычном виде; в то же время на каждом углу говорят о необходимости создания среднего класса, но средний класс – это субъектники, это – Лишние Люди, которых Система должна перемолоть, так как это её задача. Это что, парадоксы современной Русской Власти? Это имитация или побочный продукт её деятельности? Для меня это остается пока не проясненным местом. Мне кажется, что все это имитация. Русской Власти Лишние Люди не нужны. Она их или расстреливала, когда была слабой, а когда была сильной, просто сажала в психушку или высылала за границу. С субъектниками так разделывались. Чем сильнее власть, тем более либеральные формы проявления юродства на Руси. Русская Власть рассматривает всех этих диссидентов, субъектников как юродивых. Но юродивые – не больные. Юродивые пребывают в подвиге Христа-ради. Им дозволено критиковать власть и демонстрировать образцы праведной жизни.

Коллеги, отвечая на вопрос о фатальности, неизбежности воспроизводства русской системы, я хотел бы обратить внимание на новые методологические возможности, которые открывает неоклассическая парадигма научного исторического и политологического исследования. Особенно я хотел бы обратить внимание на то, как воспринимается само историческое время. Историческое время воспринимается нелинейно, то есть в настоящем сосуществует одновременно и прошлое и будущее. В качестве примера я сошлюсь на работы современного немецкого исследователя Рейнхарда Козеллека, который предложил такой подход: «В настоящем всегда присутствует поле прошлого опыта и горизонт будущих ожиданий». И этот синтез поля прошлого опыта трансформирует будущность ожидания. Но будущее ожидание трансформирует этот опыт. Я бы так сказал, используя привычные нам метафоры: современный русский человек хочет жить, как в Америке (это горизонт ожидания), а работать, как в России (поле прошлого опыта). Я не буду вам говорить о Дугласе Норте, о неоинституционализме, который предлагает рассматривать институты, в том числе и властные институты, не как застывшие, а как формирование институтов, где прослеживается сложная зависимость между прошлыми и современными

институтами. Но, самое главное, эти институты трансформируются в условиях коммуникации.

Ю.С.Пивоваров: Я попросил бы несколько слов. Тут некоторое недоумение, в том смысле потому, что Русскую Систему, я думаю, никто не читал. Дело в том, что Русская Система планировалась как большое исследование. И в самом большом формате, листов двенадцать, она вышла в журнале «Политическая наука», 1993г., №№ 2,3. Люди, которые читают Русскую Систему, видят только осколки. Но не их вина в том, так просто получилось. Эти осколки в разных журналах показывают только кусочки концепции, которые, как я вижу по восприятию, ничего общего не имеют с тем текстом, который писался авторами как большой текст. Во-первых, мы исходили и исходим из ситуации открытости исторического процесса. Второе, мы не утверждаем, что Русская Система существует. Это теоретическая игра. Мы формулируем некую концепцию и стараемся с её помощью что-то понять. Нам приписывают утверждение: Русская Система существует. Я совершенно этого не утверждаю. Я говорю о том, что это одна из многих возможностных попыток понять, что происходит. А это – принципиально другой подход. Здесь вообще нельзя говорить о какой-то фаталистичности. Нет ничего более противоположного нам, чем евразийцы. Ничего общего. Могу сказать вам как эксперт. Нет ничего общего между евразийцами и попыткой Пивоварова-Фурсова в 1990-е годы. Ничего, кроме одного. Один из этих авторов, то есть я, хорошо знает труды евразийцев и даже их издавал, их комментировал. Действительно, ничего общего нет. Далее, что значит – «почвенная»? Совершенно непонятно. Что касается восприятия Русской Системы, что она воспроизводится или не воспроизводится. В этом всё дело. Я сегодня сказал, что поскольку работы никто не читал, я должен рассказать о ней. Например, одной из главных тем Русской Системы является тема соотношения времени и пространства – темпоральности. Этому посвящена большая часть страниц этой работы. И одним из условий существования Русской Системы, по мнению авторов, является её пространственное расширение. Притом, что сейчас тенденция явно обратная. Клямкин – мой приятель, он читал всю работу. Что касается Ковалёва, он её не читал, а так умозрительно и т.д.

Я бы хотел серьезной критики, разбора своих идей, поскольку – как любому автору – это помогает и инспирирует. Но в том изложении, в котором Русская Система попала в научный оборот, она абсолютно искажена. Вы говорите: «моноцентрична», это не наш термин. Этот термин придумал Игорь Бунин, мой приятель, но ни в коем случае не автор Русской Системы. Между моносубъектом и моноцентричностью есть громадная разница. Когда мы говорим о моносубъекте русской истории, мы говорим не только о верховной власти, мы говорим о каждой клеточке российского общества, например, ваш университет, мой институт, колхоз, баня, Академия наук, Министерство обороны. Там воспроизводятся некоторые структуры, коллизии, связи Русской Системы.

«Лишний человек» – это совсем не то, что Вы называете «субъектники». Это сложный инструмент.

Далее, что касается Русской Системы, она описывается в разных стадиях совершенно различно. Мы постоянно говорим, что это теоретический подход к пониманию, то есть мы номиналисты. Если вспомнить спор номиналистов и реалистов, то мы занимаем номиналистическую позицию. А евразийцы – это реалисты. Мы, когда писали эту работу, вообще не считали, что занимаемся наукой. Мы просто весело писали роман про то, что мы думали. Мы, как я вначале сказал, и не хотели это вписывать ни в какие современные научные школы. Что касается метафор, они используются, хотя я и не поклонник их, но без них очень трудно. Но доказательная база существует вот в этих больших кусках, которые, к сожалению, публика не видела. Предложения Розова, которого я очень ценю как замечательного автора, бессмысленны по той простой причине, что это игра, но это и теория. А теорию никакими цифрами, никакими Клямкинскими выводами не сделать. Клямкин – это мой близкий товарищ, один из замечательных, умнейших людей. Он в 1990-е годы провел психологический анализ религиозного сознания в России и выяснил, что религиозное сознание в России приблизилось к протестантскому. Я спрашиваю: «Игорь, ну и о чем говорят твои цифры? Пойди на улицу, в церковь сходи, почитай… Это, конечно же, не так!».

Ещё один пример того, что применение к русскому – проблема. На этом ломаются очень многие даже на Западе, ещё с 1928 года, когда начали проводить психологические опросы. У нас эти прогнозы ни о чем не говорят. Я постараюсь завтра-послезавтра отклониться от заявленной темы и немного поговорить о Русской Системе. Потому что мы совсем другое писали. Нас совсем другое интересовало. Причем, там есть масса такого, чего в эти короткие статьи не попадало. Это и до периода рождения Русской Системы. Это и Ордынский и Киевский периоды, это и ментальные вещи – взаимоотношения с церковью, концепция симфонии светской власти с церковной, противопоставление ей концепции двух мечей католической церкви и т.д. Мы исходили из того, что это одна из возможных попыток понимания, а не призыв к тому, что есть Русская Система! Её нет вообще! «Она фаталистична...» – как можно так сказать, когда история – это открытый процесс и свобода воли человека. Я своим студентам говорю: «В 1918 году Людендорф со своими американскими пулемётчиками лег за пулемёт, остановил немецких большевиков, и они не взяли Рейхстаг. В 1941 году немцы не смогли взять Москву, а взяли бы, – и мировая история пошла бы иначе». Принципиально открытый исторический процесс. Напротив, мы говорим, что нет законов исторического развития, а нам «шьют дело» о фатализме. Нам, волюнтаристам! Следовательно: читают то, что как бы сами понимают.

А с другой стороны – это техническая проблема, что люди не читали, пусть даже недописанного, но цельного куска текста, где авторы последова-

тельно разворачивают систему доказательств. Я хотел сказать, что и в этом смысле критика Русской Системы никакая не фаталистичная. И я не говорю, что Русская Система возродилась в том виде, в котором она возродилась. Я говорю, что эта концепция не устарела, через неё можно понять многое из того, что сейчас происходит. И есть масса другого, что не вписывалось в эту концепцию. Она на это понимание и не претендовала. К примеру, концепция О.Бессоновой: пока она занималась экономикой, это было ничего, а теперь решила написать, как всякий русский философ-гений, объяснить, как существует мир… Русская Система на это не претендует, она очень ограничена. Она не может быть прочитана в духе шовинистическо-великодержавно-почвеннической возни. Это то, что одному из этих авторов так же противно, как, скажем, теплая водка.

А.В.Лубский: Юрий Сергеевич, мне было приятно Вас слушать. Я также постоянно сталкиваюсь с тем, что читающая публика постоянно извращает текст. Есть, как я говорю, тот ортодоксальный текст, который создали авторы, и есть текст неортодоксальный. Второе, мне были очень приятны Ваши разъяснения, связанные с тем, что, в рамках неоклассической парадигмы существуют различные конструкции реальности, различные способы интерпретации этой реальности. И это исследование дает картины мира, которые не являются взаимоисключающими: одна – правильной, а другая – неправильной, и не могут претендовать на универсальность.

Ю.С.Пивоваров: Абсолютно верно. С этого мы начинаем.

А.В.Лубский: Поэтому, всякие претензии на универсальность – обречены.

Ю.С.Пивоваров: Абсолютно верно.

В.П. Макаренко: Спасибо, значит, разобрались, что А.В.Лубский немного не о том...

Ю.С.Пивоваров: Нет! Наоборот, это был великолепный совершенно анализ! Я такого не слышал ни разу!

А.В.Лубский: Виктор Павлович, не приписывайте мне идеи тех, кого я пересказываю…

Ю.С.Пивоваров: Правильно. Я думаю, что Пивоваров и Макаренко должны сказать спасибо за такую реконструкцию.

В.П. Макаренко: Конечно, спасибо!

А.Н.Ерыгин: Я несколько опоздал, разрешите спросить. Юрий Сергеевич, Вы только что сказали, что где-то она изложена наиболее полно?

Ю.С.Пивоваров: Это издание «Политическая наука». Издается с 1997 года издательством «ИНИОН». ВАКовское, ежеквартальное издание. №№ 2,3 – Москва, 1997г. Там изложена самая большая часть, хотя есть ещё ряд статей, которые появились и, в частности, особенно важная статья в «Русском историческом журнале», который издавал РГГУ в конце 90-х годов, посвященный Екатерине II. Там довольно много авторы говорят о том, о чем мы не говорим в Русской Системе. И далее, в развитие этого, моя книжка издательства

«РОССПЭН», вышедшая в 2006 г., называется «Русская политика в историческом и культурном отношении». Это маленькая, удобная карманная книжка. Там есть как бы некоторое развитие отчасти.

В.П.Макаренко: Пока коллеги будут размышлять, я хотел бы предложить несколько иной способ прочтения. Я не могу сказать, что изучил концепцию Юрия Сергеевича, я всего лишь трижды прочитал публикацию в «Русском историческом журнале». Скажу о моем способе чтения книг. Первая моя книжка посвящена феномену бюрократии в ранних работах К.Маркса. Передо мной тогда стояла задача: работая в рамках официальной марксистской идеологии, опровергнуть те положения, которые вошли в учебники. С помощью классиков марксизма я выступал против официального советского марксизма. Технология стара как мир. В истории культуры ее называют по-разному: обратить Библию против Бога, экзегетика, герменевтика и т.п. В результате моей переработки классических текстов Маркса из ста листов черновиков получилось десять листов готового материала для книжки. Официальные марксоведы потом удивлялись: «Макаренко, ты это где-то списал?». Двадцать лет спустя мне в этом признался один из них: «Как же так, я это читаю всю жизнь, но не увидел того, что увидел ты?». Дело в том, что ту интерпретацию Карла Маркса, которую я предложил, никто до сих пор не смог опровергнуть. Никто не смог доказать, что я ошибаюсь. На нее до сих пор ссылаются. Значит, перспектива открыта. Хотя за превращение слов в научные метафоры меня тоже критиковали (например, Валерий Подорога).

Второй момент – организационный, для меня был не менее важен. Я проходил докторантуру в Институте философии АН СССР, в секторе философских проблем политики. Получил допуск к защите. Думаю: «Куда ткнуться?». Пошел в ведущий институт советского марксизма – Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в сектор К.Маркса, которым тогда руководил Г.А.Багатурия. Мы с ним пересеклись в Сухуми на одной из международных конференций, где я предварительно спросил: «Можно ли вашу контору избрать в качестве ведущей?». – «Да, приноси». После того, как я получил допуск к защите и принес работу, он говорит: «Виктор Павлович, мы структура подневольная – необходимо посоветоваться с директором института». Минут через двадцать прибегает и говорит: «Нет, академик А.Г.Егоров не разрешил». Диссертацию, которая была посвящена анализу проблемы бюрократии в трудах Карла Маркса, директор Института марксизма-ленинизма запретил рецензировать!? Тогда я пошел в МГУ. Мне приятно, что я дал такую интерпретацию текстов Маркса, которую до сих пор никто не опроверг. Такой способ чтения я применяю к любым текстам. Попробую его проиллюстрировать.

У меня конспект работы Ю.С.Пивоварова-А.И.Фурсова из «Русского исторического журнала», страниц на сорок. Сегодня я взял с собой десять страниц. Расскажу о некоторых фрагментах. Я хотел бы обозначить исходные пункты дискуссии. Дело ведь не просто в чтении, не в том, что я открыл велосипед,

типа экзегетики или герменевтики. Мой опыт чтения накладывается на опыт поколения. Что я имею в виду?

Я родился в 1944 году. Первые девять лет везде висели портреты батьки Сталина. Помню букварь, который начинался с портрета Сталина, могу процитировать стихи, ему посвященные в том букваре… Но пришел 1953 год. «Кокнули вожачка», – как говорят герои «Оптимистической трагедии». Помню 9 марта, когда его хоронили: остановились и гудели паровозы, я шел по глубокому снегу вблизи железнодорожной станции, это отложилось навсегда. Прошло три года. И вдруг Сталин – «враг народа». Как же так? То нас принимали в пионеры под его портретами, а 30 июня 1956 года вышло постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий». Будучи пацаном, я хорошо запомнил, как мой отец, член партии с 1930-х годов, вместе с соседом-инвалидом, который воевал под Москвой и остался без ноги, обсуждали этот текст и говорили: «Сталин – враг народа». Будучи пятиклассниками, мы в 1956-м году осенью пришли в школу и из рогаток обстреляли портрет Сталина. Так мы реализовывали очередную партийную указивку. До сих пор помню побелевшее лицо директора школы. Хорошо, что вскоре бывшего вождя низвергли, свергли и его памятник в шинели и картузе генералиссимуса на районной площади.

Пришел Никита Сергеевич Хрущев. И спустя совсем недолгое время его назвали «верным ленинцем». Хорошо помню плакат с Лениным в кепке и подписью: «Верным путем идете, товарищи» (так Хрущев закончил свою речь на XXII съезде партии). Была свёрстана программа строительства коммунизма, опять загудели фанфары… Прошло десять лет правления Хрущева, «верного ленинца» назвали «волюнтаристом», скинули.

Пришел Леонид Ильич Брежнев и, спустя непродолжительное время, получил титул «верный марксист-ленинец». Затем его тоже развенчали.

Итак, на протяжении сорока лет жизни моего поколения прошло свержение трех идолов, не говоря о Ленине. Опыт поколения, в данном случае мой, способствует выводу: тот, кто сегодня объявляется вождем-полубогом, завтра «загремит по мелкому указу», – так один из героев В.Белова обозначает указ о мелком хулиганстве. Вот что я имею в виду, когда говорю, что на протяжении сорока-пятидесяти лет было низвергнуто четыре вождя. Это требует рефлексии, и эта рефлексия началась у меня ещё в школе. Дистанция от людей, олицетворяющих власть, началась в далеком детстве. Знаю многих коллег, людей постарше, ровесников, и помоложе, у которых началось аналогичное отторжение, без всякого копания в доктринах, на уровне поведения и т.д. Это – как непроизвольная рвота от всей официальной сферы «гусударства», как говорят герои В.Шукшина. Я думаю, от опыта поколения нельзя уйти при освоении любых текстов, особенно связанных с рефлексией о власти.

Теперь я хотел бы с удовольствием сослаться на коллег-москвичей – Бориса Дубина и Льва Гудкова. Они занимаются не только социологическими штудиями, но и литературоведческими. Написали ряд работ о современном истори-

ческом романе. Что же такое? Вроде бы произошла перестройка. Но они на основе разбора современных исторических романов показали: то, что раньше, в советское время, было официальной версией истории, сегодня навязывается с помощью книжного рынка. Таким образом, рыночные механизмы используются для внедрения в массы старой советской идеологии. Средством служит современное массовое искусство.

На этой основе я предлагаю исходный тезис: нужны концепции, направленные против монархических, советских и постсоветских вариантов историографии, а также всех механизмов ее распространения, включая рыночные, в той степени, в которой они некритически воспроизводят монархические и советские идеологемы. Я думаю, что идеи, сформулированные Юрием Сергеевичем и его коллегами, позволяют обсудить эту проблему.

Теперь некоторые иллюстрации. Один из тезисов Юрия Сергеевича – теоретическое прочтение русской истории. Он пишет о том, что «…придает исследованию научный характер, превращая эмпирические факты в научные, а хронику – в историю». Я согласен также с Вашей номиналистской установкой при понимании истории. Здесь уже упоминалось имя Н.С.Розова. В 1995 году вышел целый номер «Вопросов философии», в которых он опубликовал статью «Возможность теоретической истории: ответ на вызов Карла Поппера». На основе анализа К.Поппера Н.С.Розов приходит к выводу: «В итоге деятельности К.Поппера в социально-историческом познании укрепился безответственный иррационализм, отказ от труда теоретического мышления в сфере истории». Н.С.Розов высказывает также идею о необходимости построения теорий среднего уровня. В данном случае – теории политики и теории власти. Он это подчеркивает. По его мнению, эти теории могут быть названы холизмом моделей в противовес холизму тотальностей. Вы говорили, что выступаете против реализма, но он ввел различие для определения видов холизма. Здесь есть тонкие различия в методологии социальных наук – пять параметров, пять измерительных шкал, возрастающих по точности: наименования, порядка, интервалов, отношений, абсолюта. Как их использовать при описании исторических фактов?

Количественные методы в историографии используются широко, а в политике – темное дело. Хотя клерки из спецслужб здесь уже давно пасутся. Прекрасно несколько раз Юрий Сергеевич говорил, что результаты конкретных социологических исследований – дискуссионная вещь. Я жалею, что не сохранил те социологические исследования, которые проводились в 1989-91 гг. Ростовским Обкомом КПСС. В них утверждалось, что позиция Обкома наиболее социологически репрезентативна. Тогда впервые я увидел, как целые институты лгали с опорой на социологические исследования, которые вроде бы не вызывают сомнения.

Моя следующая идея такова. Заключая от противного, – от К.Поппера и от версии Н.С.Розова – нужна такая методология социального знания, которая ба-

зируется на противоположных посылках: не прогресса и свободы, как предлагают либералы, а регресса и рабства. Или, как сказал кто-то из московских концептуалистов, «про-регресса». Считаю, что такая методология может быть не менее доказуемой, чем предложенная К.Поппером. В книжке «Русская власть» я частично и реализую эту установку. Методологические выводы можно использовать для всей сферы социальных и политических наук, не буду их всех перечислять. Здесь интересен как раз вывод об отрицании любых форм онтологии. Вы, Юрий Сергеевич, проговорили это хорошо на другом языке, как «возможность совершенствования разнообразных онтологий».

Далее. Мне очень понравились вводимые Вами метафоры. Всякое исследование начинается с метафоры. Могу сослаться на К.Маркса: «Общество – это организм». На этой метафоре держится целый теоретический конструкт, заимствованный у Гегеля. Мне очень понравился Ваш термин, концепт или метафора «Великая Самодержавная Революция 1517-1649 гг.», в ходе которой в форме самодержавия окончательно сформировалась Русская Власть. Вы пишете: «...Суть **великих** социальных революций заключалась вовсе не в том, что некий класс приходит к власти..., и даже не просто в том, что возникает новая система... Суть, прежде всего, в том, что возникает качественно новый исторический субъект, способный строить новую систему». Это представляется продуктивным, и здесь я с Вами согласен. Для укрепления этой позиции можно применить теорию революций. Петр Штомпка в книге «Социология социальных изменений» дал обзор существующих теорий революций и указал пять парадоксов, которые должны быть решены, я их назову.

Возникновение революции – неизвестно, что собой представляет та взрывчатая смесь или тот синдром, который должен проявиться в данном месте и в данное время, чтобы произошла революция. То есть, называя нечто революцией, необходимо анализировать те парадоксы, которые уже социологами зафиксированы. Второй парадокс – революционная мобилизация. Неизвестно, почему масса людей вдруг преодолевает барьер апатии, пассивности, инертности и решает сражаться за свои интересы. Третий парадокс – революционное наследие. Неизвестно, где находится общая причина, лежащая в основе революционных порывов. Четвертый парадокс – результаты революции. Неизвестно до сих пор, почему результаты революции обычно так сильно отличаются от того, о чём мечтали революционеры. Пятый – предсказуемость. Это завершающий парадокс, и я процитирую с удовольствием профессора Ягеллонского университета: «…теория революции бессмысленна, ибо если она способна предсказать, то предсказания будут опровергаться, если же не способна, то это вовсе не теория».

Как тут быть? Забегая немного вперед, скажу о голландском ученом Ойген Розеншток-Хюсси, его книге «Великие революции. Автобиография западного человека». Он высказал идею: Папская революция предвосхитила все социаль-

ные революции Европы и России. Возникает вопрос: «Что такое – Папская революция?». Я не узнал ни у коллег-историков, ни в Интернете.

Ю.С.Пивоваров: У него есть такая толстая книга «Революция», но я, честно сказать, давно её читал и не помню.

В.П. Макаренко: Да. Он постоянно на Папскую революцию ссылается, но в книжке я не нашел. Идея, конечно, очень интересная. Он из Папской революции, произошедшей в лоне официальной церкви, выводит всё последующее социальное развитие. Возникает тогда вопрос – насколько Ваша концепция может быть сопоставлена с тем, что пишет он? То есть может ли быть сопоставлена Ваша идея Великой Самодержавной Революции и идея Папской революции? Как реализовать эти установки, я не знаю.

Ю.С.Пивоваров: Мы пишем ещё о Великой Капиталистической Революции…

В.П.Макаренко: Меня заинтересовал частный случай. Вы очень хорошо прописываете, в отличие от официальной историографии: не Москва, а Литва – реальный модельный наследник Киевской Руси. Наверное, Василий Николаевич, в Киеве об этом пишут, но в наших учебниках, я просмотрел, даже упоминания об этом нет. Правда, до революции 1917 года в гимназиях мужских и женских это преподавалось как два потока русской истории. Один – это Литовское государство от моря и до моря, где основное население – малоруссы и белорусы, где славянский язык и т.д. Это наследница Киевской Руси. Это была официальная историографическая дореволюционная точка зрения. И называлось – Русско-Литовское государство, которое первым начало объединять русские земли, а не Москва.

Из зала: Сейчас на Украине, используя вашу концепцию Русской Власти, объявили украинцев «Лишними Людьми», «субъектниками», в отличие от россиян.

Ю.С.Пивоваров: Я счастлив за Украину.

В.П. Макаренко: Юрий Сергеевич, Вы пишете, что история не знает сослагательного наклонения. Многим эта мысль нравится, Вы с ней вступаете в полемику. Вы пишете, что она представляется ошибочной. Мне кажется, можно усилить Вашу концепцию, если связать с идеей ретроальтернотивистики Игоря Бестужева-Лада. У него эта идея прописана. Мне очень приятно, что Вы вступаете в полемику с евразийскими изысками. В тексте это прописано так: «…эта логика и необходимость были перебиты более сильными и масштабными – евразийскими, будто ломом прошедшими по хребту русских историй и сломавшими, погнувшими их». Это очень сильный образ: евразийство – лом по хребту России. Я предлагаю использовать его для критики прошлого и современного евразийства. Приведу примеры из литературы. Вышла книга «Живя всю жизнь в словах» – воспоминания о Л.Н.Гумилеве, Санкт-Петербург, 2006г. Зелинский пишет, что Гумилёв создал термин «сатаногенез» наряду с пассионарностью. Пассионарность известна, сатаногенез никому не известен. Смысл сатаногенеза

Л.Гумилев изложил в пьесе «Посвящение Асмодея», которая при жизни не публиковалась. Термин сатаногенез означает коллективную гибель. Вопреки учению о ноосфере Вернадского, Л.Н.Гумилев утверждал, что в «…научных кругах пора ставить проблему: ноосфера или сатаногенез». Но в то время, да и сейчас эту проблему ставить было негде. Я думаю, теперь можно поставить проблему сатаногенеза. И укажу два возможных аспекта.

1. В настоящее время в России преобладает понимание религии как элемента культуры. Есть множество концепций культуры, в том числе концепция насыщенного описания культуры. В состав этой концепции входят следующие постулаты: человек есть животное, окутанное сотканными им самим сетями смыслов, которые преобразуют культуру; интерпретативная теория культуры помещает людей в контекст их собственных банальностей, занимается экспликацией, расширяет границы человеческой деятельности и т.д.; культура не является самостоятельной органической реальностью. Короче говоря, Клиффорд Гирц пишет о вопиющей неполноте культурного анализа. Поэтому требуется постоянная связь культурного анализа с политической, экономической, социальной реальностью. Мне кажется, представленная Юрием Сергеевичем и его коллегами концепция эту задачу выполняет. Хотя Вы мало в ней о культуре пишете. Вот это одно из возможных направлений – включение религии в исследование русской власти.

2. Издано три тома книги Дж.Б.Рассела «Дьявол: Восприятие зла с древнейших времён и до раннего христианства». Автор показал, что историко-концептологический метод разработан для исследования экономического, ментального и духовного насилия и базируется на изучении прямого экзистенциального зла в христианстве и других религиях. Этот метод противостоит теории архетипов Юнга, феноменологии, структурализму. Для обобщения используется материал социологии и истории идей. Из всего этого можно вывести концепт совпадения религиозного зла и политического зла. Для понимания идеи зла и страдания, в том числе в России, этот метод чрезвычайно важен, поскольку позволяет описать связь религии и насилия. Например, Рене Жирар написал «Насилие и священное», и показал, как насилие входит в религиозные практики. Это насилие проявляется в концепте священной войны в исламе, христианстве и других религиях. На этой основе можно как минимум написать интересную статью. Я только чуть-чуть это зацепил.

Еще одна тема. Г.И.Зверева проанализировала интеллектуальный рынок с 1990 года. Она включила Вас в следующий список: Ахиезер, Дугин, Ерасов, Ильин, Кантор, Панарин, Платонов, Пивоваров, Троицкий, Уткин, Цимбурский, Чубайс, Шкаратан, Яковенко. Аргументирует это тем, что «основы этих работ образуют разные концепции цивилизационной специфики России». Но мне кажется, Вы цивилизационными штудиями не вдохновляетесь?

Ю.С.Пивоваров: Я первый, кто опубликовал в России Данилевского, но это не значит, что я являюсь его сторонником.

В.П. Макаренко: Я это и имею в виду. Г.И.Зверева осуществляет критику историософии, а если бы я писал ваш текст, то подумал бы: являюсь ли я историософом? У меня здесь длинный разговор, а закончу выводом Г.И.Зверевой: «В конечном счёте построения историософии в России выглядят попытками генерации и закрепления того научно-публичного дискурса, который претендует на нормативность в пространстве социогуманитарного знания, и одновременно в условиях становления российской государственной идеологии стремится принять на себя властные догматические функции в общественной сфере и образовании». Вот тут надо записать, что в эту компанию Вас зачислили зря. Мне представляется, что та работа, которую делает Юрий Сергеевич Пивоваров, весьма продуктивна. Она позволяет продвинуться от жвачки, которая на книжном рынке сегодня представлена на уровне «научных монографий». Надо взять на прицел догмы современной российской историографии.

Ю.С.Пивоваров: Я немного о евразийцах. Вы сказали про Гумилёва – это так история сложилась, что он считал себя евразийцем, и Пётр Савицкий его на царство венчал. На самом деле, между трудами Гумилёва и трудами евразийцев начала 1920-х годов нет почти ничего общего. Дело в том, что евразийцы по отдельности – Н.Трубецкой, П.Савицкий, П.Сувчинский, Н.Алексеев, Г.Вернадский – были замечательны в своей отрасли знания. Это были замечательные мыслители, их работы научная молодёжь должна знать, причём многие из этих работ не евразийские, а их собственные. А сегодня есть такая пошлая мода на евразийцев, это одно. Другое дело – общая евразийская концепция. Но есть третье – труды этих людей. Для меня, например, очень дорогим и интересным русским мыслителем является Н.Н.Алексеев – главный политолог евразийства. Его работы писались и в евразийский период и в постевразийский период. Они дают очень много для понимания природы власти и права. Или работы Савицкого по политической географии. Они тоже интересны. Или работы Вернадского на английском языке о русской истории не менее интересны, его работа 1927 года «Начертание русской истории» – это главное историческое произведение. То есть, критикуя пошлую моду на евразийцев, это извращение идеи, можно сказать, что написано много замечательных и потрясающих работ. К этому надо дифференцированно относиться, из 100% написанного там 85% – это подлинная наука и поиск. Другое дело, что эти 15% настолько отвратительны по своим политическим последствиям, будучи ранним аналогом национал-социализма в Германии. Есть работы, сравнивающие эти вещи. Евразийцы – очень серьёзные были люди.

В.П.Макаренко: Я отреагирую – действительно, к евразийству надо подходить дифференцированно. Возьму Георгия Флоровского, он был сначала евразийцем, потом стал их критиковать, но его потенциал пока не используется! Евразиец дает такой материал для критики евразийства, которая ещё не прописана. У евразийцев есть тяга к Востоку, «свет с Востока» – одна из магистральных банальностей. Как изучать эту банальность? Я сам заядлый читатель. В про-

шлом году под руку попалась книжка «Русские военные востоковеды». 400 офицеров-востоковедов занимались разведывательной деятельностью до Тибета, на этой основе возникли Рерих и Блаватская, её учение. Это всё единый мутный поток, который сегодня заливает мозги, как моча. Дело в том, что эта идеология кумулировалась среди русских военных востоковедов – это такой социологический пласт генезиса «тяги к Востоку». Теперь возьму, к примеру, книгу Шебаршина «Рука Москвы». Он пишет, что в МГУ были восточники, в МГИМО – западники. Я не буду говорить о научной и политической судьбе Юрия Примакова, бывшего премьер-министра, он был резидентом в пограничным восточных странах. Читать эти автобиографии очень интересно, я бы взялся за конкретное исследование евразийства с учетом прямой деятельности этих, так сказать, «любителей Востока»…

Ю.С.Пивоваров: Но ведь британские и немецкие востоковеды тоже были агентами их разведки. Как и специалисты по Западу были агентами на Западе.

В.П. Макаренко: Вы предвосхищаете, я люблю конкретный разговор. Хорошо. Возьму «Семь столпов мудрости» полковника Лоуренса – шпиона похлеще наших. Там совершенно другая идеология, чем в работах П.Савицкого и других евразийцев. Это несравнимые вещи. Полковник Лоуренс был английский разведчик, занимался конкретным делом, учил подрывать поезда и другим интересным занятиям, на него мочился верблюд в пустыне – он так смачно об этом пишет… Но тип рефлексии у него совершенно отличный от евразийцев – я никакой аналогии здесь не вижу.

Ю.С.Пивоваров: Но они иногда и пользу приносили. К примеру, Сталин узнал, что Америка начала осуществлять атомный проект из письма, которое Вернадский своему отцу отправлял. Тот сказал Капице, а тот позвонил Сталину. То есть, эти люди следили за тем, чтоб мир был равновесный. Кстати, чекисты в 1932 году раскрыли заговор – так называемое дело славистов, – что в ЧК и в штабе Тухачевского получили распространение евразийские идеи, и они действительно рассчитывали на евразийскую революцию в России. Да, чекисты внедрились в евразийскую среду, использовали евразийцев как агентов НКВД, но приняли евразийскую идеологию. В 1932 году их пустили под нож, но Тухачевского не тронули. Сергеев был резидентом советской разведки в Париже, на нём кровь Льва Седова, сына Троцкого, начальника разведки. Он был левый евразиец, и за это его советская власть по полной: его дочку в лагеря; жена повесилась; сын погиб на фронте. В том году была уничтожена вся резидентура советской разведки.

В.П.Макаренко: Мы несколько отвлеклись и подавили своими рефлексиями аудиторию. Кто хочет высказаться?

А.Н.Ерыгин: У меня есть вопрос. Ты в самом начале сказал, что нам нужны концепции, направленные против монархических, советских и аналогичных вариантов историографии, нам нужна методология социального познания, потом критика, критика. В таком варианте возможна наука, когда всё критикует-

ся, предлагается под нож все пустить? А с другой стороны, нам нужно то-то и т.д. У меня после твоего выступления, его второй части, сложилось впечатление, что в этой аудитории наука не нужна. И Русская Система куда-то делась, то есть мы уходим от темы. Я считаю, что обсуждать при наличии того, что Вы с Юрием Сергеевичем наметили, нечего. Концепции нет, до этого я Юрия Сергеевича не читал, благодаря Макаренко прочитал, потом посмотрел, что есть в Интернете. И здесь сказано – это всё не концепция, это намётки, тезисы. Плюс к этому было сказано, что это большая задумка и метафора. И с одной стороны есть эти намётки, а с другой – книга «Русская власть». Что сравнивать? Концепции русской власти нет. Я услышал призыв критиковать и нам нужно то-то. Зачем нам опровергать монархические концепции? Наука не занимается этим, она делает своё скромное и позитивное дело. Где тот элемент науки, который прозвучал в твоём выступлении к тому, что помещено в «Русском историческом журнале» в статье Пивоварова-Фурсова. Где тот элемент науки, который ты там заметил?

В.П.Макаренко: Юрий Сергеевич сказал: глупо считать Русскую Систему существующей, он выполнял эвристическую задачу. Она заключается в сколачивании табуретки, на которой можно сидеть и заниматься изучением. А я некоторые элементы этой табуретки попытался развить. Из твоего вопроса вытекает иное понимание науки, нежели номиналистическая версия методологии социального познания. Она противоречит твоему пониманию науки. Теперь насчёт позитива: в состав политической концептологии входит положение о необходимости дистанцирования всей системы социально-политических наук от политической конъюнктуры. Здесь я сослался на опыт поколения и сам опыт существования науки в XX веке свидетельствует о тупиках, которые известны. История России в XX веке и является таким тупиком.

А.Н.Ерыгин: Но всё-таки наука стремится к открытию строгих законов и фактов.

В.П.Макаренко: Ты говоришь, что читал книжку «Русская власть», а там описаны три версии фактуальности. Ты говоришь о факте, не учитывая, что существует несколько концепций фактов.

А.Н.Ерыгин: Предмет – Россия, а если это не так, то обсуждать нечего! Я читал то, что предлагалось к обсуждению, и Виктор Павлович по поводу этой статьи высказался.

А.В.Лубский: Если кто-то хочет искать исторические законы, то ищите. Мы предлагаем методологический конструкт. А кто не хочет их открывать и считает, что их не существует, пусть занимается другим. Он должен получать научные факты, но возникают интерпретации фактов.

В.П.Макаренко: Мы уходим от темы.

Ю.С.Пивоваров: Статью, о которой Вы говорите, я не считаю удачной, у каждого человека много статей. А в этой статье кое-что да сказано. Мне не совсем удобно говорить, так как я один из авторов этой статьи. Я уже говорил,

что цельного текста нет, есть отдельные материалы. По поводу законов я могу сказать, что мы убеждены: их в истории нет. Русская Система – это попытка обрести язык, с помощью которого можно разговаривать о методологических проблемах. Она выросла у авторов, которые по роду работы десятилетиями занимались анализом западной науки, касающейся России. Я думаю, нет ни одного такого человека на земле, который бы по роду своей деятельности написал бы такое большое количество рефератов по России. Мне просто зарплату платили за младшего и за старшего научного сотрудника в ИНИОНе, Фурсов там специализировался по Востоку. Мы просто сели и стали писать, что мы думаем по поводу попытки понять русскую историю и найти какой-то общий язык, на котором можно говорить о явлениях за пределами России. Как все русские люди, мы ставим гигантские цели построить коммунизм, но не можем газ провести в соседнюю деревню. Относится ли это к той науке, которую мы преподаём в университете? – точно не относится. Это не история, не социология и не политология, а просто попытка людей, которые думают, поразмыслить. Мы сами не историки по образованию, я – международник-германист, а Фурсов востоковед по образованию. Мы даже не претендовали на то, что это будет как-то изучаться и исследоваться.

А что такое факты? – факты это быт, как сказал Фернан Бродель. А что является фактом? Вот Вы говорите об открытии новых фактов. Каких фактов?

А.Н.Ерыгин: Я приведу пример. Ещё в середине XIX века С.М.Соловьёв, начиная свою «Историю России с древнейших времён», обозначил в предисловии свои задачи и обозначил основные явления русской истории. Кстати, до меня никто в литературе о Соловьёве эти факты не вычленил. Затем эти явления рассматриваются через совокупность конкретных фактов, которые могут быть строгим анализом, даже для историков получены. Первый факт, который мы констатируем – это протяженность той территории, где располагались славянские племена. Факт восточно-европейской равнины, который никуда не денешь и который определяет своим строением определённую конфигурацию единого государства, в отличие от ряда государств восточной Европы. Это явление, которое он зафиксировал: так случилось, что есть такая территория и на неё славяне осели, получилось единое государство.

Второй факт: в течение IX-XI веков на этой территории происходило расселение, связанное с географическими обстоятельствами. В это время не было многих вещей. Третий момент: во второй половине XII-го века начинается отток с Киевской Руси в сторону северо-восточной Руси, который до прихода татар обеспечил движение событий в том направлении, в котором потом ордынский толчок дал им импульс двигаться дальше. Но обеспечило это и те явления, которые мы можем зафиксировать и поставить. Они дали эффект появления новых городов, где нет княжеской власти с той формой собственности, которая была раньше. Города оказались княжескими – подчинёнными, и отношения сложились наподобие Киевской Руси – то есть, подданства. Появилась вотчинн-

ая собственность и та первоклеточка, на которой базируется вся последующая история. Это не факт?

А.В.Лубский: Так что же было для Соловьёва первично – те самые факты, которые ты называешь, или общая концепция Соловьёва, которая позволила отобрать эти факты? Я считаю, что сама концепция Соловьёва определяет, что изучать и что считать фактом.

А.Н.Ерыгин*:* Ты читал мою работу и знаешь, что сначала он выдвинул историко-философскую концепцию, и под влиянием Гегеля выдвинул концепцию изучения русской истории. Затем изучение русской истории создало обстановку, что ненормально навязывать все эти умозрительные обобщения эмпирическому материалу. Реальное изучение русской истории привело к тому, что он отказался от своей философско-исторической концепции. И вообще отказался от философии, начав строить строго научную концепцию истории. Он её менял несколько раз, изучая от тома к тому новые явления. Дойдя до середины XV века перестроил её ещё раз и т.д.

В.П.Макаренко: Коллеги, на исторической почве мы к согласию не придём никогда.

А.Н.Ерыгин: Каждый должен уважать в науке дело, произведённое строго научно. Если Соловьёв открыл какие-то факты, то их надо либо пересмотреть, либо ввести в новую систему связей, если они не согласуются с другими фактами.

В.П.Макаренко: Хочу прокомментировать: ты исходишь из явления существования одного-единого государства и говоришь о факте в теории Соловьёва. Выведение природы, характера рас и поступков людей – вся методология XIX века была сформулирована в духе романтизма.

А.Н.Ерыгин: Это теория географического детерминизма, но это роли не играет. Географический детерминизм – это абстрактная правда, а Соловьёв в своём труде применил её к анализу русской истории.

В.П.Макаренко: Не пойдёт! Когда Соловьёв писал свой вариант историографии, в Европе аналогичные варианты развивались – в Германии, Англии, Франции.

Ю.С.Пивоваров: На самом деле речь идёт не о Соловьёве. Вы когда говорили, что читали статью в «Русском историческом журнале» и не увидели там концепции, то я не обиделся. Просто мы с Вами по-разному понимаем науку, и Соловьёва Вы лучше знаете, а я, как и большинство в этом зале, простой читатель его работ. Но что Вы там прочли такое, что заставляет защищать Соловьёва, которого не надо защищать? Вы защищаете какой-то свой подход к науке?

А.Н.Ерыгин: Я должен сказать, что никакой отрицательной оценки к тому, что мы увидели, в этой работе нет. Я прочитал вашу статью, до этого я не читал ваших работ, и благодарен Макаренко за то, что он мне её дал. Потом я нашел Ваши материалы в других журналах, ответы на вопросы. Всё это меня привлек-

ло, поскольку соответствует тому духу, который я сам исповедую. Многое оттуда мне близко, многое я сам высказывал по поводу трактовок ранней русской истории. Эти вещи и многое другое мне показалось очень ценным, и сама статья и по тематике, и по нацеленности – очень серьёзный вклад, чтобы переменить устоявшиеся точки зрения и позиции. Но, начав что-то новое, мы должны быть бережными и аккуратными. Ломая, мы не должны попадать в ситуации, когда Юрий Сергеевич сказал, что у нас там всё хорошо. Меня восхитило понятие Великой Самодержавной Революции, в связке лютеранской реформации и идеи Москвы-Третьего Рима. Они совпадают по датам, и всё это выглядит красиво, – я читал и восхитился. Но я не уверен, что Вы докажете, что эти две революции по сути параллельны.

Ю.С.Пивоваров: Я германист, и легко Вам это докажу, что они синхронны и параллельны. Выехали с одного вокзала в разные стороны. В моей интерпретации это сопоставимые вещи, очень даже. Сопоставимые вещи, только прямо противоположные. В этом смысле я их сопоставляю. Это то же самое, как я могу сопоставить рейганомику, тетчеризм и горбачёвские реформы в экономике. И гайдаровские реформы – это было одно и то же, а привело к совершенно разным результатам. Но интенция была очень схожей. В истории есть такие вещи, которые бывают очень схожи. В Европе в довестфальский период, фигуры Лютера и Филофея – фигуры проблематичные в формировании нового на Западе и у нас. Думаю, что Соборное уложение сопоставимо с тем, что получила Европа после Вестфальского мира, то есть были сформированы новые порядки. Меня, как позитивиста, поражают эти совпадения. Я могу очень много говорить о таких совпадениях. Например, есть тема, не затронутая в Русской Системе – это передельная община в России. Её в истории вообще нет. Есть много вещей, не затронутых здесь, и мы много книг и статей написали – уже почти пенсионеры. Поэтому по этой статейке всё понять невозможно. Я говорил утром, что мы хотели посвятить русскую систему М.Н.Покровскому, – говорил провокационно. Мы не скрываем его влияния на нас, при всём отвращении к его социальной функции. Там есть продуктивные идеи.

В.П.Макаренко: Я предлагаю вашу полемику притормозить и дать слово А.В.Венкову.

А.В.Венков: Я наблюдаю, как это исследование попало к философам, и они стали рассказывать о себе и о своих работах – их характерная черта. Давайте вернёмся к русской власти. Прочитав работы, я могу сказать, что их трудно сравнивать. Но мне более импонирует первый докладчик, так как я сам учился в советский период, и мы привыкли связывать политические процессы с развитием экономики и социальной структуры общества. В докладе я обратил внимание на феномен Популяции, и здесь сделаю историческую ремарку. После войны немцы сразу Германию отстроили, мы формально тоже отстроили, но я сразу вспомнил воспоминания покойного А.И.Козлова: наши солдаты, вернувшись с фронта, первые два года только пили и никто не работал. Давайте на это по-

смотрим, так как власть в некоторой степени рекрутируется из популяции. Что из себя представляет наша популяция? Финны не боятся сухого закона, они ввели его. У нас в Покрове, например (это те же угро-финны), – качество населения! У нас на юге пьют, но так не спиваются – развит славянский элемент. Давайте вспомним: население северо-восточной Руси на стыке тысячелетий перешло Днепр, двинулось и оккупировало эту территорию, на которой потом возникла Московская Русь. Как говорил Есенин, «..растворилась Русь в мордве и чуде». Завоевателей не может быть больше коренного населения, их было примерно столько же. В итоге мы получаем: контингент популяции Московской Руси один, а в Руси власть иная, более того, – по религии иная; она принесла христианство. Потом власть рекрутировалась из тюркоязычных, Литвы, прибалтов, немцев. Некрасов нам говорил «Потомок татарки коня выводил на рынок раба-славянина».

Ю.С.Пивоваров: Ровно треть – выходцы из Европы, треть тюрки и треть славяне.

А.В.Венков: Да, а низовое население – угро-финны. Позже наш популяризатор Валишевский, когда писал об Иване Грозном, говорил, что власть оккупационная. Это наша русская власть. После Петра Первого, когда началось впитывание верхним слоем европейской культуры, а низы остались традиционалистскими, они снизу вверх смотрели на власть как на иностранцев. Аркадий Аверченко описывал, как европейски образованные пытаются любить русский народ и организуют хождения в народ. А народ рот раскрыл и шарахался при первой возможности, – Боже упаси! В итоге у нас власть и народ расколоты. Если власть по истокам своим оккупационная, то она к народу так и относится. С другой стороны, огромный ряд противоречий, который образовал нарыв, закончившийся революцией и гражданской войной – власть абсолютно поменялась. Когда мы с этой стороны пытаемся смотреть на историю России, то я считаю, что мы зря отбрасываем формационные подходы. То, что у нас было с 1920 до 1990-х годов, чётко объясняется формационным подходом. У нас революция и гражданская война выбила верхушку. По социальной структуре Россия откатилась на период Древнего Египта. По аграрному законодательству и Декрету о земле 98% земли отошло крестьянам-общинникам. У нас раздут бюрократический аппарат, так как полуграмотные батраки заняли свои места и могли исполнять функции царских чиновников. Рабочего класса было 2%. По социальной структуре у нас море крестьян-общинников и бюрократия. Это Древний Египет.

Мы декларировали построение социализма, коммунизма. А в реальности мы имели рабский труд и систему лагерей, где работали за еду. И в массе население пережило крепостное право, но уже в классическом, европейском варианте. Посмотрите, в России крепостное право есть прикрепление человека к человеку, а в 1932 году вышел паспортный закон о прикреплении человека к территории. У нас сейчас в паспорте прописка – это прикрепление к территории. Мы

должны здесь чётко соотносить: с точки зрения развития экономики, мы рванули вверх. А с точки зрения социальной структуры, у нас Древний Египет, но остались железные дороги, и мы вышли очень быстро, у нас появилась теневая экономика, мы пришли через феодализм к капитализму. А какой остался менталитет? К власти пришли крестьяне со своим общинным менталитетом. Ленин был с университетским образованием, Сталин с семинаристским, Хрущёв и его окружение были крестьяне неграмотные, менталитет у них крестьянский. Я был на совещании в Москве политологов, социологов и слышу там риторику, что народ должен поддерживать власть, а власть должна прислушиваться к голосу народа. Эти рассуждения о соборности идут с XVII века. Такой крестьянский менталитет оправдывает существование самой власти. В этой ситуации мы должны исходить из двух вещей: - социальная структура; - менталитет и его соответствие социальной структуре. Мы пережили урбанизацию, весь этот крестьянский народ ушел в город. Там эти крестьяне чувствуют себя одиночками. Живёшь на лестничной клетке и не знаешь своих соседей.

В.П.Макаренко: Понятие городской культуры сделалось чуждым городу как некоей духовной целостности, люди не чувствуют себя родными.

А.В.Венков: Почему всем захотелось свободы? Все пришли, и началось массовое движение несунов. Власть советская превратила колхозы в совхозы, собственность отобрала, сделала их наёмными рабочими, и они поехали в город – нужна свобода!

Вот в этой работе о русской власти для меня очень ценны были моменты о популяции. В этом смысле работа Юрия Сергеевича, действительно, достойна изучения. Мы должны по-новому рассматривать всё это, зрить в корень. У нас, действительно, были откаты. Мы идём прежним формационным путём – через феодализм к капитализму. Посмотрите на многострадальную Украину: Богдан Хмельницкий поднял восстание, разнесли панов, отменили эту зависимость, восстановилась у нас там военная демократия – гетманщина. А когда Петр Первый брал их в Северной войне участвовать, то украинцы шли очень охотно. Почему? Они захватывали чухонцев в плен и уводили на Украину, и там эти пленные чухонцы были рабами.

В.Н.Ткаченко: Да что Вы такое говорите? У нас есть другие факты.

А.В.Венков: Мы смотрим отчёты, которые писали, к примеру, Репнин, Шереметьев. Казаки захватили чухонцев и увезли их на Украину. Какой у них статус? Рабов. Потом на Украине Екатерина Великая устанавливает крепостное право. Возьмём нынешнюю Чечню – за короткий период через неё прошло 800 тыс. рабов и заложников, народ не сопротивлялся – и это в 1990-е годы! Они спокойно восприняли это рабство. Эта лесенка: родовой строй, потом рабство, феодализм, и опять к капитализму приходим. Эта формационная теория имеет рациональное зерно.

Н.С.Абдулов: Я читал статью и книгу, и мне далеко не всё понятно. Но я вынес из всех этих разговоров: власть – это бяка, русская власть – двойная бяка,

а советская власть – многократная бяка. И в эту линию подвёрстывается и Грозный и Сталин, в таком умозрительном сочетании, и нет даже попытки прояснить, какой смысл вкладывается в Русскую Систему. Постулируется три элемента, но никакая система из трёх элементов не состоит, а взаимосвязи? Я нигде в этой книге не прочитал, какой смысл Вы вкладываете в понятие «Власть»? Я очень положительно отношусь ко всяким поискам, но отсутствие логики… Логика требует определённости – каков предмет, о чем идёт речь. Логика требует обоснованности – у Вас же много оценочных суждений. И есть ли критерий, по которому можно отделить фантазию от научного объяснения? Мы можем фантазировать сколько угодно, предлагать концепции и схемы, но есть ли критерий? То, что я говорю – это моё восприятие, которое может быть таким же ошибочным, субъективным и произвольным. И вот у меня вопрос: Вы, Виктор Павлович, говорите, что любая социальная теория должна дистанцироваться от любой политической конъюнктуры. Но назовите мне любую теорию, которая могла бы дистанцироваться от социально-политической конъюнктуры. Даже в естественных науках главная задача в минимизации влияния аппаратов и оборудования на результаты исследования. А у нас самый ненадёжный источник познания – это человек. Мы не находимся в вакууме, мы также наполнены всякого рода конъюнктурами.

Я, честно сказать, пришел не столько выступать, сколько послушать, понять, разобраться для себя. Но, честно сказать, пока не разобрался.

В.Н.Ткаченко: Первое, что хотелось бы отметить, – это радостный приезд в Ростов. Информационное поле такое большое, на Украине сейчас разгул демократии и паралич власти. У нас никто не издавал закона «О комиссии при президенте по попыткам фальсификации истории в ущерб интересам…». Кто что хочет, то и пишет. Есть у нас газета «Россия-2000», и Костя Затулин имеет свой филиальчик там, пишет материалы в стиле Жириновского, Третьякова. У Третьякова есть такое: «Пусть украинцы не думают, что они титульная и государство-образующая нация. На Украине две государство-образующие нации: украинцы и русские. Мы смотрели сквозь пальцы, что часть русских людей и русская территория попала под украинские суверенитеты. Но сейчас, когда стоит вопрос о НАТО, то мы должны поставить вопрос, что русская государство-образующая нация должна самоопределиться…».

Как это понять? Это как если бы украинцы ставили вопрос: кубанские украинцы должны самоопределиться. Такие газеты в каждом киоске. Вот я приехал в Одессу и не нашел украинской газеты. Вся пресса русскоязычная. Русификация – 27% украинского населения в Крыму. Короче говоря, когда так смотришь и видишь, что делается, а власти нет, паралич, и смотришь на парламент – то ли там коалиция есть, то ли её нет. Правительство то ли действующее, то ли недействующее. Президент: какой у него статус – неясно. Такая тоска разбирает, а тут ещё надо ехать в Ростов, и там скажут, что мы такие-сякие. Оказывается, мы чухонцев брали в рабство!

Я 12 лет был на государственной службе и не отслеживал историческую литературу. Но я думал: сейчас приеду и буду смотреть Ю.С.Пивоварова, поскольку мне это стало интересно. Мы встречаемся и становимся интересными друг другу. Мы можем поднимать самые различные проблемы и увидеть резонанс. Я, сколько ни писал книг, старался уйти от темы того зла, которое «проклятые москали» причинили Украине. Потому что легче всего найти супостата зарубежного и снять с украинцев ответственность за свою судьбу. Сказать: мол, нам не давали, не пускали никуда и т.д. Что это за убогий народ такой, и что мы не понимаем, что с такой историей нельзя к детям выходить. Дитя подумает, мол, угораздило меня уродиться среди таких подонков, которые не знают, кто они и что они не могут определится, да лучше бы я родился в другом месте. Я это сам испытал – у моей дочери в 9-ом классе был такой кризис, она говорила: «Папа, эта твоя украинская идея и эта деятельность, ты видишь, что мама страдает, а я выйду замуж за русского, и в моей семье будут говорить по-русски». А когда появилась независимая Украина, то дети переменили своё отношение. Поэтому очень хорошо, что мы встречаемся, у нас есть что сказать друг другу. Если я буду говорить о борьбе за наследие Киева – у Чубарьяна эта идея проходит, – то не надо так за киевское наследие бороться. Есть такое направление в российской историографии, солидные учёные аргументируют и доказывают – и уже есть какие-то союзники, есть какое-то понимание, а не эти туполобые политики, которые будут говорить всё, что угодно.

Дальше насчёт Хмельницкого посмотрим. Когда рассматривают эту систему власти, – а там всё совершенно по-другому, – то не видят сюжет Переяславской рады. Просто объективно одну власть с другой было сложно соединить. 8 января 1654 года в Переяславе в Храме Святого Успения собралось духовенство московское и духовенство киевское, спели все псалмы и собрались подписать, а дело затянулось. Но когда пришли Хмельницкий и старшина, то говорят: «Надо, чтобы царь присягнул украинскому народу в том, что он будет соблюдать права и традиции, и тогда мы присягнём царю на верность, и не было такого, что Украина входила в состав России». Речь шла о том, что сюзерен-царь выступает одновременно царём российским и сюзереном украинским. Украина в состав России не входила, она принимала верховенство царя при протекции над собой и всё такое прочее. А как это царь будет вам присягать? Дело в том, что в составе княжества Литовского король нам присягал и была взаимная обязанность. «Да о чём вы говорите, когда это украинец будет присягать!» – Хмельницкий делает демарш, выходит, бояре остаются. Хорошо, что церковные песнопения заполняют эти паузы, но проблему нужно как-то решать! Потом подходит Иван Богун с другим старшиной и пытается уразуметь, говоря: «Что же мы скажем казачеству?». На это отвечают: «О чем вы вообще говорите, если вы старшина и не можете поставить эту чернь на место, то о чём вы говорите?»

Это две совершенно противоположные системы власти и конституционного права и понимания, кто и кому присягает. Хмельницкий был в таком состоянии, и русская сторона говорит, мол, давайте подпишем и поедем в Москву, а там уточним, придем к консенсусу. Собрались – надо подписать, одни понимали под этой бумагой одни права, а другие совсем другие, и это все тянулось сотню лет. Уже в 1762 году была целая поэма – «Разговор Малороссии с Великороссией». Малороссия говорит: «Я не тебе присягала, я присягала царю, и царь у нас общий, а мы с тобой равные». В ментальности было понимание, что мы живём ещё при старых тех порядках, а их уже не было. Эта традиция подминала под себя остатки Киевской Руси, а московская власть заявляла о себе. Потом вы говорите о чухонцах, а это напоминает, как вы в прериях индейцев отстреливали.

А.В.Венков: У нас тут и ногайцев в плен брали…

В.Н.Ткаченко: Давайте посмотрим на эволюцию, когда Хмельницкий и союзники воевали против Великого княжества Литовского. Иван Золотаренко идёт на Гомельщину, какова его политика? Он занял сторону Белоруссии и говорит: «Всем записываться в полки, феодальное право отменяется». Система показачиванья, которая была на Украине, автоматически переносится на Белоруссию, там создаётся гомельский казачий полк. А в Витебской области проводится совсем иная политика, – почитайте белорусских авторов, к примеру книгу «Странная война». Там просто захватываются территории, как это было в Новгороде и Пскове, население собирают и переселяют в центральные области. То есть пока шла война на Витебщине, осталось до 30% населения, потому что это живой товар. Существовала, с одной стороны, система показачиванья, а с другой – увод в рабство. После Андрусовского перемирия 1677 года Украину разделили на две части. Вся Киевская и Черкасская области были объявлены выжженной землёй. Шло насильственное переселение украинцев на левый берег, сжигались сёла. Человек, попавший в состояние, когда он терял землю, – терял всё имущество, попадал в кабалу к казацкому старшине, он уже терял свободу. Постепенно, уже при Мазепе, стали появляться крепостные дни. У всех мазеповцев стали отнимать имения. Всё население переводилось в крепостные. То есть, торговля людьми пошла уже как система власти. Если своих уже отдали в рабство, а там и Северная война, то грех чухонцев не взять, коль уж пошла такая пьянка, как говорится. А прошло всего-навсего 50 лет с того момента, как украинцы ввели показаченье в Белоруссии. Через 50 лет они уже своих закрепостили. Это то, что разъединяет.

Теперь говорят, что нас объединяет христианство. Я вспомнил после Майдана Драгоманова, когда он говорил об украинцах XIX-го века, как о набожных и т.д. Он говорит: «Какое христианство, на Украине двоеверие ещё с языческих времён, и как оно было, так оно и осталось, а особенно следы манихейства. Это мир, поделённый чётко на две части – это мир света, и это мир тьмы. Здесь собралась правда и наоборот, и пока правда не уничтожит неправ-

ду, на этой земле мира не будет!». Когда я смотрел это действо на Майдане, то где-то собрались силы света, а где-то собрались силы тьмы, и провозглашалось: «На нары и в тюрьмы сажайте!». Я смотрел, и у меня вопрос: что делается? И этот лозунг «Преступная власть». Неужели они не понимают, что он может быть использован против них же, как это и делалось. Мне кажется, надо преодолевать не христианство, а манихейскую психологию в широком смысле. По поводу украинского национализма я хочу вам сказать: когда Путин представлял Медведева Меркель, то сказал, что, мол, нормальный человек, такой же националист, как и я. Это не вызвало отторжения. Поэтому непонятно, почему украинский национализм вызывает такие вопросы.

В.П.Макаренко: Дорогие коллеги, на сегодня достаточно. Всем спасибо за участие. Завтра продолжение работы в зале заседаний СКНЦ ВШ.

Перерыв.

В.П.Макаренко: Разрешите приступить ко второй части. Вчера не успел высказаться А.Н.Ерыгин.

А.Н.Ерыгин: Продолжая вчерашний день и имея в виду то, что было передо мной, я не могу выходить за эти рамки. Если что не так скажу, – прошу не обижаться, так как я не слышал первых двух докладов. В основу того, что я должен в эти краткие десять минут сказать, я положу мое прочтение статьи «Русская система, генезис, структура, функционирование – тезисы и рабочие гипотезы». Эта статья произвела на меня большое впечатление. Сожалею, что в свое время ни «Русский исторический журнал», ни другие издания, в которых есть работы Ю.С.Пивоварова-А.И.Фурсова, мне не попадались. Это мое упущение. Что же мне предпочесть: остановиться с докладом, над которым я сейчас работаю и пишу критику или заняться изучением Пивоварова-Фурсова? На меня все это произвело большое впечатление. Напоминаю обстановку: обе работы – книга Виктора Павловича и статья Пивоварова-Фурсова вышли в 1998 году. 1990-е годы – это время, когда развалился Советский Союз, рухнула марксистская идеологическая система воззрений, исчезла теория из серьезного представления об истории, обществе, культуре. Но одновременно появилась трехтомная работа Ахиезера, которая проложила новые пути к рассмотрению русской истории. После Ахиезера пошло-поехало! Появилось много самых разных, как грибы после дождя, вещей. Читая эту работу, я погрузился в 1990-е годы, в ту свежую атмосферу, когда создавалась новая парадигма исследований в области истории, социальности, политики, то есть на стыке истории и философии. Сам я историк по исходному образованию, считаю себя историком, хотя у меня философские степени; свои работы пишу на стыке исторической и философской науки. Так вот, читая данную работу, я нашел много интересных и замечательных вещей, которые меня порадовали: и исторических, фиксирующих время 1990-х годов, так и сегодняшнего дня.

Коснусь момента, который вчера прозвучал по поводу Украины. Сегодня многие рассуждают на эту тему так: какая реальность есть, такая и есть. А в

свете Русской Системы у нас совсем другой взгляд: спокойный, взвешенный, разумный. Если мы признаем факт Русской Системы, проект которой сделан Пивоваровым-Фурсовым, то все просто и ясно. То, что произошло в годы перестройки, демократизации и всех последующих вещей, – дело временное, «халиф на час». Есть или нет государство Украина – это дело сегодня не принципиальное. Россия в четвертый раз находится в этом положении, Я нисколько не хочу обидеть Украину, – у меня старшая дочь замужем за украинцем, мать украинка, я себя наполовину считаю украинцем; но факт есть факт – есть Русская Система, а Украина, Прибалтика, Закавказье, даже Финляндия – все это ее части. Никуда не денешься – то, что русское государство освоило ко времени русско-японской войны (примерно) – и есть поле Русской Системы.

Вступая в противоречие со многими историками, я отстаиваю взгляд: русское государство возникло не в IX веке, не в XI веке, не в XVI веке, во время самодержавной революции, а возникло и сложилось в XX веке. Таковы наши громадные геополитические обстоятельства! И все это громадное историческое время было временем складывания российской государственности. Русско-японская война и вторая мировая война показали наши примерные границы. Все! Теперь они ясны! Трижды эти границы исчезали: после монголо-татарского нашествия, Смуты, Октябрьской революции. И снова восстанавливались, в той или иной мере с небольшими изменениями. Что сегодня будет? Восстановятся ли они в четвертый раз? Если восстановятся, мы можем вслед за Г.П.Предвечным признать: Россия – страна на тех исконных территориях, которые вначале были заняты славянами, а потом были заняты в ходе колонизации Россией, включая даже американскую часть территории. Да, Аляска – тоже российская территория! А как оно в итоге цивилизационно и геополитически сложится, – покажет будущее, не нами увиденное, нам до него не дожить.

Вот почему важно понятие Русской Системы. Оно ориентирует нас на устойчивый, стабильный, воспроизводящийся конструкт, который одновременно является творческой конструкцией автора. Этот конструкт отражает нечто в самой реальности – историю российского общества, культуры и цивилизации, которая глобально сложилась, развернулась и создалась. Вчера А.В.Лубский приводил слова Г.И.Зверевой, согласно которой Ю.С.Пивоваров находится в команде покойного А.С.Панарина и других почвенников. Я не знаю, чем Зверева руководствовалась. Но мы видим в гипотезе Русской Системы замечательную идею – выявление элементов, которые сегодня структурно начинают замечаться политологами, социологами, историками. Момент устойчивой государственности, неустойчивой базисной субстанции – народа, национальности, Популяции (как ни назови, это просто различные наименования одного и того же элемента), элемент «Лишних людей».

В концептуальном плане эта концепция развита в Ростове в работах М.К.Петрова. К сожалению, на работы Петрова ссылаются редко и мало, а зря. Потому что его анализ сопоставления Китая и Западной Европы, показываю-

щий роль «лишних людей» в формировании социальности, дает нам такое направление исследования, которое приоткрывает новые вещи. Совершенно стихийно, самостоятельно мы видим вклад, который сделан в анализ России под этим углом зрения в работе Пивоварова – Фурсова. Я считаю это замечательным моментом в данной работе. Кстати, даже С. М.Соловьев, которого я люблю и всегда на него ссылаюсь, замечал, что русская история делается государством, а также народом, его трудящейся частью, но и той частью народа, которая выступает вольно, творчески (казачество или иные формы). Тут я должен упомянуть: вчера профессор Венков говорил, что надо формационный подход использовать. Но давайте вникнем в понятие Русской Системы. На мой взгляд, это попытка синтеза формационного и цивилизационного подходов. Она предлагает систему понятий, представлений, образов, которые позволяют соединить достоинства формационного и цивилизационного подходов. В данном изложении Россия – не цивилизация, а система, но эта система напоминает общество, имеющее системный характер типа формации; я думаю, это сильная сторона концепции.

Наконец, последний пункт: понятие Самодержавной революции – самая уязвимая часть работы. Само понятие бросается в глаза как метафора, яркий образ, не более того. За образом революции что всегда стоит? Смена одного строя другим. На Западе понятно – когда капиталистическая система (то ли с учетом Вебера и его протестантской революции и роли Лютера, то ли без этого учета в марксовском исполнении, то ли в каком-то модернизационном исполнении) – но во всех случаях понятно, что один строй, одна общественная система, одна цивилизация, как бы мы ни назвали, сменяется другим. То есть, действительно, есть переворот, революция. А что сменяется, если мы признаем самодержавную революцию источником Русской Системы? Как формировался в ходе революции исторический субъект, далее строящий эту систему? По работе видно: Киевскую Русь мы не берем…

Ю.С.Пивоваров: Брали! Брали! Киевской Руси посвящено листов шесть!

А.Н.Ерыгин: Я сужу по работе.

Ю.С.Пивоваров: Я просто говорю: брали.

А.Н.Ерыгин: Вы говорите: мы берем ордынские истоки этой системы, и это логично, для того чтобы представить самодержавную власть, конечно, нужна опора на ордынскую идею евразийцев – тут никуда не денешься и это логично, но что меняется? У вас выходит, что вместо представления о феодальном характере периода Киевской Руси (который совпадает со средними веками Европы) мы получаем идею о поздневарварском обществе в Киевской Руси. На мой взгляд, неправомерно такое принижение уровня, статуса социальных структур, культуры, общественного сознания, политической силы, которая имела место на территории восточно-европейской равнины. Тем более что за поздневарварским обществом следует Самодержавная революция. Я считаю это

самым уязвимым местом. Зато Вы поняли, что Русская Система не радует глаз и плохо поддается объяснению.

Авторы много раз ссылаются на Чичерина, но ведь у Чичерина хорошо показано, что гражданское общество есть тот эквивалент, который в одинаковой мере, но по-разному присутствует и в средневековой истории России. Я имею в виду его работу «О духовных грамотах великих князей», которая до сегодняшнего дня остается непревзойденным историческим сочинением. Кто-нибудь может высказаться против? До сих пор в литературе никто не высказался. Эта гипотеза Чичерина пока никем не оспорена. Значит, перед нами в России – гражданское общество, правда, в чичеринском понимании. Так же, как и на Западе. Тогда логично и понятно: в конце XV – начале XVI-го века в России существует государство, то есть самодержавная власть, абсолютизм, а ему предшествуют и в России, и в Европе гражданское общество средневековья. Здесь логика понятна. Почему же автор, который столько раз ссылается на Чичерина и положительно о нем отзывается, пропускает эту возможность? Ну, в коротком выступлении всего не скажешь. Я хотел назвать самое крупное в этой работе, что я заметил, и в целом считаю серьезным, если не выдающимся вкладом в развитие отечественной науки, а также сопредельных областей, – прежде всего, философии и истории.

В.П.Макаренко: Спасибо, Александр Николаевич, – раскочегарил дискуссию. Слово Ю.С.Пивоварову. Должен сказать Вам комплимент: Вы всех вчера очень тронули и почти всем понравились.

Ю.С.Пивоваров: Спасибо! Я хочу несколько слов сказать еще для понимания позиции. Действительно, если бы тексты собрать о Русской Системе, то взгляд будет иной. Например, проблема Киева детально описывается, более того, авторы написали эту работу в середине 1990-х годов и подчеркивали, что много киевского есть в современной России, что мы все видим; я хочу еще раз подчеркнуть: «Русский исторический журнал» не является репрезентативным для понимания идеи Русской Системы. Но это проблема авторов, а не читателей, хотя она существует. Видимо, следует прочесть тексты и по другим источникам. Что еще хочу сказать: совместно эта работа писалась только до конца 1990-х годов. После этого пути авторов резко разошлись не только идеологически и человечески, но каждый из авторов, в той или иной степени, пытается продолжать линию Русской Системы в разных своих работах. Но уже не так целенаправленно, а, скорее, занимаясь своей конкретной научной работой, какие-то линии Русской Системы развиваются дальше. Я вчера сказал, что мы вообще не рассматривали эту работу как что-то серьезное, просто решили роман написать. Это делалось так: в комнате без телефона собирались два человека, мобильных телефонов тогда еще не было, и мы с утра до вечера каждый день писали, один сидел за столом и записывал за другим, потом менялись. Потом (тогда компьютеров у нас еще не было) на машинках перепечатывали, правили, и так далее. Это была такая веселая устная работа. Если прочесть текст, который написан и

опубликован в журнале «Политическая наука», там просто увидишь, что это с диктофона списанная работа. Она немножко редактировалась и поэтому во многом носит не наукообразный характер, а скорее характер полу-литературного творчества.

Сейчас в выступлении было сказано, что, с одной стороны, Галина Ивановна Зверева зачислила авторов «Русской Системы» в «почвенники», а с другой стороны, было сказано, что мы недооценивали эту систему. Я вам скажу: это действительно так. Когда «Русскую Систему» в конце 1990-х годов читал А.Проханов, он говорил, что это русофобия. А когда читал Ю.Афанасьев, он говорил наоборот: чуть ли не черносотенцы какие-то писали. Дело в том, что в 1990-е годы у нас не было никаких политических убеждений. Ну какие тогда могли быть политические убеждения? Оппозиция в России была отвратительной, власть – еще более отвратительной. Мы были абсолютно свободными людьми. Сейчас все поменялось: Андрей Фурсов стал одним из идеологов русского национализма, а я, наоборот, качнулся резко в либеральную и, если угодно, антипутинскую линию, чего никогда не скрывал и не скрываю. Вот и пишу об этом в «Независимой газете», пока публикуют. Значит, работа «Русская система» уже тогда была некий компромисс между двумя людьми: человеком, который собирался пойти в почвенническо-националистическую сторону, и мной (хотя мы тогда этого не понимали), я пошел в сторону либеральную.

Теперь что касается западничества. Вообще западничество – это не то, что мы думаем: западничество – не любовь к Западу, разница между славянофильством и западничеством в классическом смысле – это разница между теоцентричной и антропоцентричной мыслью; раскол между западниками и славянофилами (я этим занимался профессионально, несколько книг написал по истории русской мысли) заключается не в том, что одни страстно любили свою почву и особенно славян, а другие были влюблены в Запад. Если внимательно посмотреть, то наиболее культурными и образованными людьми в западном смысле слова были славянофилы, а целый ряд западников были малообразованными. Например, Белинский был уникальный человек – не знал иностранных языков, а Бакунину, основателю марксизма, некогда было получить классическое образование, – он всё время что-то замышлял. Хотя и среди западников были совершенно замечательные, образованные люди. Но я должен вам сказать опять, что политические и философские взгляды К.Кавелина и Ю.Самарина – двух ровесников, приятелей и антагонистов – очень похожи. Славянофилы вернули в русскую мысль её теоцентричность, – то, что было потеряно в русской культуре с реформами Петра; западники были антропоцентричны, то есть они были ближе к тому направлению мысли и культуры, которое развивалось на Западе, где человек стоял в центре мировоззренческом и цивилизационном. И в этом смысле ни наша работа, ни мы не являемся ни западниками, ни славянофилами. Для нас не существует тем, которые уже сняты наукой.

А вот очень интересно, – я весь вечер думал над словами, которые сказал Н.С.Авдулов, когда он прослушал выступление Виктора Павловича и мое. Ему показалось, что это метафора, что это не доказано. И я стал думать, а вот отчего же (не знаю, как Виктор Павлович) я не могу больше писать так, как меня учили, когда я был студентом, аспирантом, молодым научным сотрудником. Мне пришла в голову простая мысль, естественно, литературная: невозможно сейчас писать такую литературу, как русский реалистический роман XIX века. И невозможна больше такая наука, какая была в XX веке, не говоря уже о XIX-ом. Невозможна! Видимо, что-то изменилось в культуре. Действительно, когда Виктор Павлович вчера вёз нас в гостиницу, он сказал: толстые книги прочтет один человек, надо писать, наверное, что-то другое. Изменилась какая-то что-ли глубинная культурная ситуация. Изменилась даже такая формальная штука, что толстые книги «не идут». «Идут», становятся доступными и влияют на дальнейший интеллектуальный процесс другие формы. Я думаю, с этим нельзя не согласиться. Да и научный язык (чтобы в эти дебри не залезать, поскольку я не готов залезать туда) не может быть языком той старой, классической науки, которая удовлетворяет наши потребности в достоверности, фундаментальности. В этом смысле Сергей Михайлович Соловьев, который всегда для любого историка, гуманитария останется основополагающим, фундаментальным, – это ретро, как ретро-западники, ретро-славянофилы, ретро-русская религиозная философия; все это ушло неизвестно куда.

Вот у нас все говорят: Путин цитировал и постоянно цитирует Ивана Ильина. Я не знаю, как вы, наверное, кто-то читал Ивана Ильина, но ведь его читать совершенно невозможно. Это я вам говорю как специалист в том смысле, что всю жизнь этим занимался и изучал все эти тексты – их невозможно стало читать, вы понимаете? Тот же Иван Ильин, – это не тот язык. Видимо, то, что произошло в конце XX столетия, дало российскому человеку новый принципиально совершенно новый опыт, который нужно осознать. В «Русской Системе» он еще не осознан, авторы еще не знали, куда все это пойдет, куда качнется, сейчас более-менее ясно. Но также ведь еще нет опыта предыдущего. Моя точная, предельно четкая позиция заключается в том, что мы должны понять то, что произошло. Понять, что такое советская власть, что такое большевизм, что такое советский период русской истории. Научные работы пишутся, но не написаны, что-то сказано, но далеко не всё. Кстати, надо отказаться от исторической хронологии, ее придется менять. Я хочу обратить внимание: революция, которая произошла на рубеже 1980-90-х годов на территории Советского Союза, носила, наверное, три характера: один из них – национально-освободительный, это освобождение народов Российской империи; второй – антикоммунистический, антисоветский, это понятно, но интересно, что эта революция была первой революцией по Марксу, когда класс пролетариев стал классом-собственником, обрел нечто в ходе этой революции. Я имею в виду советскую номенклатуру. Мне страшно за тех, кто проводит мысль: то, что произошло, –

только фаза того периода, который стал складываться в хрущевско-брежневское время, когда номенклатура освободилась от страха перед тем, что было при Сталине, когда она становилась всевластной, и в то же время была управляющим бессобственническим классом, эдакое непонятно что. Я думаю, на рубеже 1980-90-х годов произошла удивительная вещь – правящий класс советской системы пожертвовал всей системой не только ради самосохранения, но и ради того, что она стала собственником. Можно долго об этом говорить, с разных сторон подходить, уточнять, спорить, но что-то в этом есть.

Я думаю, гибель советского режима во многом была связана с тем, что в нем не были решены две проблемы, центральные для любой культуры и цивилизации: трансляции власти и трансляции собственности. Вернее, даже не собственности, а некой вещественной субстанции, потому что собственность – это ведь не богатство, а сложный правовой институт, очень сложная правоотношенческая ситуация. Советский режим не решил эти две ключевых и тесно связанных между собой проблемы потому, что коммунизм исходил из презумпции: государство отомрет само собой, поэтому тему трансляции власти и обсуждать нечего; что до собственности, то коммунизм есть бессобственническое общество. А оказалось, что это не так. Причем, эти ключевые темы не прописаны в рамках концепта трансляции собственности и трансляции власти. Одной из сегодняшних страшных проблем для нашего общества является тема трансляции власти. То, что сделано у нас в 1999 году Б.Н.Ельциным, а в 2008 году – В.В.Путиным, – это крайне опасная ситуация с точки зрения русской истории.

Мы знаем, что вообще тема трансляции власти центральнее, чем, скажем, формы государства. Мы знаем, например, что неудачный указ о престолонаследии Петра I привел к тому, что Россию на протяжении всего XVIII столетия трясло, как в ознобе, – сплошные перевороты. Мы знаем, что указ Павла 1797 года о том, что власть по закону передается в режиме примогенетуры – от отца к старшему сыну – установил в России твёрдую власть. Историки-юристы считают это первым конституционным актом в русской истории. Недаром этот указ Павла стал первой главой русской Конституции – я имею в виду основной закон Российской империи в редакции 23 апреля 1906 года. Большевики этой темы не решили, у большевиков каждая смена власти была маленькой гражданской войной. Конституция РФ решает эту тему, но политическая практика практически нивелировала конституционный принцип. Россия опять стоит перед темой трансляции власти. Ситуация крайне сложная. Я зациклен на теме трансляции власти именно потому, что постоянно пишу и говорю о властецентричности русской культуры, о Русской Власти как о моносубъекте русской истории.

Кстати, еще одна из тем, не разработанных на самом деле (причем, не по какой-то технической причине), – это тема права, права Русской Системы. Бытует мнение, что для русской культуры характерен дефицит права; с другой стороны, есть совершенно вздорная концепция Ивана Ильина. Я – резкий про-

тивник Ильина – считаю его философом крайне вредным, опасным. Недаром он становится важным человеком для людей, типа Путина, Михалкова, светлейшего патриарха Кирилла и прочих. Я думаю, не случайно этот философ им по нраву. Ведь Ильин писал о каком-то особом православном правопонимании, что совершенно никак не доказывается. Но дело в том, что в рамках Русской Системы существовало особое право. Право западное является, в основном, публичным и частным, и носит характер разрешительный и запретительный. Особенностью русского права является запретительный характер. Недаром мы говорим о крепостном праве. Надо помнить, что в крепостном праве находились все сословия Российской империи, – а до этого – Московского царства, – а не только крестьянство.

Здесь вспоминали Чичерина, но применение термина «гражданское общество» к русской истории крайне сомнительно. Я и сейчас практически не вижу гражданского общества в России, хотя какие-то элементы, безусловно, есть. Я вообще думаю, что в этот период Русская Система может и закончиться, причём я ещё раз повторю: Русской Системы нет! Русская Система – это попытка понимания того, что происходит в России; это принципиальный повтор. Дело не в том, что Русской Системы нет, нет и других концепций. С помощью Русской Системы мы пытаемся понять это общество, так как и Соловьев, и другие. Они, если угодно, навязывали обществу своё понимание – и общество так понимало себя. Но это совсем другая тема, хотя и важная. Так вот, тема крепостного права тоже очень важна. В Русской Системе мы говорим частично об этом, показываем, что первым было закрепощено не крестьянство, а дворянство. Как известно, дворянское сословие первым возникло как сословие и сразу же было закрепощено. Но оно же первое и было раскрепощено, – это и есть мысль Чичерина. Государство закрепощало сословия в определенной последовательности, а потом в точно такой же последовательности их раскрепощало.

Я специально говорю импрессионистично, чтобы какие-то вещи вокруг Русской Системы объяснить. Вот тема Русской Власти здесь очень важная вещь, которая не прописана в Русской Системе, хотя частично что-то и есть, ведь Русская Власть формируется не только по линии заимствования из Орды; идея «Русской Системы» – не евразийская идея и не является симбиозом Орды и чего-то другого. Идея Русской Системы в том, что мы во многом взяли ордынское понимание власти, что совершенно не характерно для крестьянского общества. Причем, мы постоянно пишем, что до того, как возникла Русская Система (или то, что мы называем Русской Системой), русское общество было полисубъектно, как вообще принципиально полисубъектно любое христианское общество. Это можно видеть на развитии других обществ. Потом произошла редукция к моносубъектности. Во многом таков смысл Самодержавной революции, а мы специально ее назвали Великой Самодержавной Революцией. Как вы понимаете, это аналогия Великой Октябрьской революции. Это понятно для

людей, выросших в этой культуре и пользующихся этим языком. А можно ведь совершенно по-другому назвать, но смысл от этого, думаю, не изменится.

Есть ещё очень важная линия формирования Русской Власти – она идет от Византии по линии православия, затем уже по национально-православной линии. После Флорентийского собора русские стали смотреть на византийцев как на изменников, а потом вообще пришел каюк Византии. Концепция симфонии церкви и светской власти, которая пришла на Русь вместе с христианством, – это очень важная вещь. Я надеюсь, публика квалифицированная и знает, что это такое. Напомню, что в рамках концепции симфонии две эти части – церковь и государство, духовная и светская власть обречены на взаимопроникновение и на слияние. А на Западе этого не было. Концепция «двух мечей» резко разводила светскую и духовную власть, причем разводила даже территориально – один меч находился в Риме, другой – в имперских городах в руках императора. В России этого не было. Конечно, очень важным для формирования особого типа русской культуры, в рамках которой создается так называемая Русская Система, является влияние паламизма. Паламизм возник в Византии в XIV веке и пришел на Русь в начале XV века, во времена Андрея Рублёва. Это формирует особый психологический тип на Руси: с приходом паламизма Русь ставит барьер для всякого рода возрожденческих движений, что очень важно. Например, Д.С.Лихачёв не мой герой, я скептически отношусь к его роли в истории и еще более критически к нему как к исследователю, но человек он был замечательный. Он считал, что паламистский тип личности лежит вообще в основе дальнейшего развёртывания русского человека в историческом времени.

Ещё очень важна победа иосифлян над нестяжателями. Это ведь происходит именно тогда, когда мы – авторы Русской Системы – начинаем находить некие основания для того, чтобы утверждать: с помощью нашей концепции можно понять то, что происходило. Здесь был нанесен удар по свободомыслию. Одной из самых отвратительных для меня, схожих с Александром Невским, исторических фигур является Иосиф Волоцкий. Его известные слова: «Мнение есть падение». Вообще, любое мнение есть падение, падение не в том смысле, что споткнулся о кирпич и упал, а в смысле ниспадения в ад, это религиозный язык. Понятно, здесь закрываются вообще всякие пути для развития.

Затем наступает эпоха старца Филофея и концепции «Москва – Третий Рим». Концепция Филофея очень важна для формирования особого типа Русской Власти. Был или не был Филофей – неизвестно. Но мы специально свели Лютера и Филофея, поскольку из известных приписываемых Филофею посланий мы взяли то, которое адресовано наместнику в Пскове 1517 года. Взяли именно потому, что Лютер в 1517 году сформулировал и опубликовал свои знаменитые 95 тезисов, направленные против церкви как средства спасения души. Исторически мы имеем право на такую параллель. Так вот, обычно, когда мы говорим о концепции Филофея, мы знаем, что это – христианская концепция, в её основе лежит пророчество Даниила, фрагменты из Ветхого Завета – «Исто-

рия Царств» и т.д. Кстати, последняя реплика этой концепции – это нацистская концепция Третьего Рейха, но уже освобождённая от христианских коннотаций. Те люди, которые задавали эту концепцию в 1920-е годы, считали себя христианскими мыслителями. Таким образом, концепция Третьего Рима не является исключительно русской.

В этой концепции обычно обращают внимание на то, что «два Рима пали, Третий стоит, а четвёртому не быти». Но там есть вещь гораздо более важная в контексте Русской Системы. Почему мы сравниваем Филофея с Лютером? Что такое Лютер? О нём гениально сказал Томас Манн, не мыслитель, а писатель: «Когда Лютер сказал, что каждый сам по себе священник, с этого началась европейская демократия». Что значит: «каждый сам себе священник»? Это абсолютно полисубъектное общество, когда много субъектов. Когда у каждого человека есть прямой «телефон» туда «наверх», а не через католическую иерархию, через агент-коммутатор, так сказать. Томас Манн приводит известные слова Энгельса, что Лютер превратил попов в мирян, а мирян в попов. Лютер создает современный тип общества, что особенно характерно для протестантского мира.

А что делает Филофей? Он проводит операцию прямо наоборот – редуцирует полисубъектность в моносубъектность. Он говорит: «А кто же этот хранитель истины в последней инстанции? Кто он?». «Ну, как кто? Ты, царь!» – говорит он. «Ты! Один ты! Не какой-нибудь там митрополит», – мы знаем, что патриархов тогда ещё не было, – «не какой-нибудь там съезд епископов, а ты, царь». Ведь смотрите: только в русской церковной службе, – ни в одной другой православной церкви этого нет, – зафиксирована одна очень важная вещь: царь имеет право входить в царские врата. Светский человек не имеет права входить в царские врата, на службе они закрываются, там происходит основная мистерия, а царь имел право входить туда. Дело доходило даже до того, что туда пускали и цариц. Как мы знаем, девочка вообще туда не может попасть, мальчиков при крещении туда заносят, крестят, но девочку нет, потому что женщина – более порочное существо, с точки зрения христианской мифологии. Сделана фантастическая вещь: царь имеет право, и Николай II пользовался этим правом, – уже вполне современный человек, который занимался цветным фотографированием и водил автомобиль. Тем не менее, он тоже туда входил. Ни в одной другой православной церкви мира этого обычая нет, это только обычай Русской православной церкви и Московской Патриархии впоследствии. Тем самым царь становится тем, чем его называли: царь-священник. Он не только является предельным властителем земным, но и духовным, потому, что если подумать, что «Москва – это третий Рим», хранительница истины и четвёртому Риму не быть, и будет конец света, – а мы знаем, что все эти ожидания имели место, – и царь обладал абсолютной духовной властью. Всё это имеет очень важное значение для складывания фигуры этого моносубъекта. Поразительная вещь: с того мо-

мента, как построили Кремль при Софье Палеолог и завели там двуглавых орлов, пришла концепция «Москва – третий Рим».

Произвели следующую операцию: стали свозить со всей России мощи святых, укладывать их вокруг Кремля, ставить церкви; некоторые ещё даже сегодня в Москве остались, – там, где была раньше гостиница «Россия». Огромное количество небольших церквей, которые прикрывают мощи святых. И как бы намагничивалась земля вокруг Кремля и в Кремле. Одновременно с этим резко меняются взаимоотношения царя и подданных. Как показали историки, раньше цари (начиная с Ивана III) были простыми мужиками и лишь количественно отличались от населения. А здесь уже качественное отличие – народ начинает видеть своего царя только дважды в году: в крестный ход на Рождество и на Пасху. Пасха у нас весной, Рождество по новому стилю – 7 января; значит дважды в году видят москвичи своего царя и его свиту. Вокруг мощи святых, а вся земля намагничена. Что это напоминает? Советскую ситуацию – когда мощи главного святого, храм стоит, только уже языческий, светский, где главный верховный лежит, вокруг – погост, где прах основных его «апостолов», последователей. И так же дважды в году советские люди видели своих вождей: на Первое мая, это напоминает Пасху по времени, и 7 ноября – думаю, это вещи абсолютно не случайные. Это громадная коллективная память! Этого не произошло нигде, а только у нас по образу и подобию Московскому.

Потом стали так же делать и в соцстранах. Это к вопросу о том: Русская Система – не Русская Система, как говорил Пастернак, «здесь кончается искусство, и дышит почва и судьба!». Вот эти удивительные вещи, но ведь не только у нас в стране! То же самое и на Западе можно, и в европейских странах найти, Восток я не знаю, я не востоковед… Но если закончить с религиозной частью и сказать дальше, то Самодержавная революция была! Смысл её заключался в переходе от полисубъектного к моносубъектному обществу. От общества более-менее свободных людей, территорий, институций, к Соборному Уложению, где все абсолютно закрепощены! Такая служебно-крепостническая гармония охватывает всю сословную структуру Московского царства. Мы можем констатировать: самодержавие, крепостническая система, популяция (то есть полностью лишённый субъектной энергии закрепощенный народ), – всё это имеет уже место быть.

А что в это время происходит на Западе? Происходит то же самое – заканчивается тридцатилетняя война, Европа переходит от религиозной по преимуществу самоидентификации – к идентификации политической и государственной. Начинает складываться Новый мир, где будут рождаться гражданское общество, национальные государства, капитализм как способ организации экономической деятельности человека. Но я вам должен сказать, что Россия продолжает развиваться синхронно с Западом, решая схожие темы, а откуда это? Мы в Русской Системе пишем: «это два способа самополагания в истории двух различных христианских субъектов», это два пути христианских народов в

истории, поскольку единственной основой для русского западничества (не в том смысле, в котором я говорю, а в том, как все его понимают) является христианство. Нас ничего больше с Европой не объединяет, здесь другой климат, другие традиции, у них – латынь, а у нас – церковно-славянский, и т.д. Совершенно другая история! Конечно, как и во всём мире, есть сходства, но если сравнивать принципиально, дифференцированно, то очень разные истории. Нас больше всего объединяло и объединяет христианство.

Надо заметить, что крупнейший европеизатор Петр I (фигура, которую я тоже терпеть не могу) наносит удар по христианству самый страшный после Соборного Уложения. Это я к тому, что мы идём с Западом синхронно, решая схожие проблемы. Ведь что делает Пётр? Оставлю общую оценку реформ, она у каждого своя. Но он, например, лишает Россию выборов, – единственного на тот момент демократического института. Где были выборы? В церкви. Кого выбирали? Патриарха. Разумеется, можно сказать, что это было ограниченно, не современно. Конечно! Где тогда было «современно»? В России это был единственный институт выборов, – Пётр отнимает его у страны. В принципе, он вообще наносит удар по церкви. Процитирую Ф.М. Достоевского: «Русская церковь в параличе со времён Петра Великого». В параличе, то есть, когда ещё живёт, но уже не действует. Что ещё со времен Петра происходит? Происходит страшное дело, я вчера цитировал В. Ключевского, который сказал: «Из реформ Петра вышло не два периода русской истории, то есть допетровский и послепетровский, древняя и новая; вышли два враждебных друг другу склада жизни: Пётр разломал русскую целостную культуру на две субкультуры – евроипезированную верхушку, которая имела очень слабые корни в русской истории и традиционалистскую, почвенническую, старомосковскую, хранящую заветы тёмной старины». Это крупнейший результат реформ Петра. Бердяев не мой герой, но человек очень значительный, иногда даже полезный, в отличие от Ильина. Он говорил, что это была главная бомба под здание Империи, которую Пётр создал и сам же заложил под нее взрывчатку. А такой «тонкий» человек как К.Маркс (не очень любящий Россию) написал в 1856 году: «Настанет русский 1793 год! Господство террора этих полуазиатских крепостных будет невиданным доселе в истории, но зато вместо мнимой цивилизации, возведённой Петром Великим».

Я сделал акцент на господстве террора полуазиатских крепостных, но меня волновало иное – мнимая цивилизация, возведённая Петром. Мнимая! Не имеющая корней в русской почве! Весь XVIII-XIX вв. – это борьба этих субкультур. И это тоже очень тесно связано с проблемой Русской Системы. А в чём синхронность с Западом? Куда двинулся Запад? Запад двинулся туда, где он себя и нашел – в американской и английской революциях. Создание общества равных людей после сословного (неравного) общества, но на основе права. То есть, общество равных правовых субъектов. Маркиз ты или крестьянин, но ты равен в правовом отношении. А что произошло в России? Пётр создает об-

щество, которое великий историк Платонов назвал «обществом равенства и всеобщего бесправия». Пётр строит на Руси общество равных, как строят его французы, американцы, англичане, только там на основе права, а здесь – на основе всеобщего бесправия. Он доводит бесправие московской Руси до гораздо большего.

Что ещё важно для Русской Системы – коль мы заговорили о сословиях – русские сословия созданы и отличаются друг от друга по объему и типу несения ими «тягла», как и западные сословия тоже, но и по объему и типу свобод. В русской культуре не была тематизирована идея свободы, не возникла эта идея. В русской культуре не только не было места для рационального познания, а не было места именно потому, что не было всех этих монашеских споров, номиналистическо-реалистической борьбы, не было Ренессанса, который заимствовал идею римского права. Всего этого не было. Именно поэтому не возникла идея свободы. Русское сословное деление общества не связано с темой деления по принципу прав и свобод. Можно ещё долго об этом говорить, но в Русской Системе главной является тема времени и пространства. У меня даже возникла идея начертить здесь табличку, позвольте, я просто её прочту – мы сделали такую табличку:

Восток – это пространство и локальность. Эти цивилизации не знают темы времени в иудео-христианском смысле. Проблема времени и вечности не артикулирована. Время не отделено от вечности. Это локальные цивилизации, развивающиеся в локальном пространстве.

Запад – это время и внелокальность. Трансцендированная вечность, вынесенная из настоящего за пределы социального порядка. С возникновением часов это порождает проблему, когда время и вечность расходятся.

Россия – это пространство, которое постоянно темпорализуется властью, и внелокальность. Вечность вынесена из настоящего. Тема расширения пространства, его темпорализации. Русская Система может существовать только в условиях расширения пространства. Она не может существовать в условиях сокращения пространства. Бывают периоды, когда Русская Система жертвует пространством ради самосохранения власти. Пример: почему Ельцин развалил СССР? Ведь ещё Сталин говорил Ленину: «Вы доиграетесь!». Помните спор о форме государственного устройства СССР? Сталин был прав, но с точки зрения русского великодержавия. Дайте республикам права, – они когда-нибудь выйдут. Безусловно! Но почему давали права республикам? Потому, что надеялись, что другие вступят туда, на правах, так сказать, свободного входа-выхода. Но что сделал Ельцин? Он пожертвовал пространством ради власти. На какое-то время, такое бывало уже неоднократно. Ленин Брестский мир подписал, пожертвовал пространством, но укрепил свою власть. Мы об этом в Русской Системе много пишем на конкретных примерах принципов Невского, Донского, «власть – первична, территория – вторична», «власть – первична, население – вторично». Если тенденция к сокращению пространства преобладает, русское

пространство сокращается, – Русской Системе не быть. У неё не было ничего для «перемолота».

Очень важный момент – тема передела, если мне дадут ещё несколько минут, я расскажу о передельном по-преимуществу характере русской социальности, переделе как основном способе функционирования Русской Системы. Переделе власти, вещественных субстанций и проч. Даже из этой хаотической информации вы должны заметить, что концепция Русской Системы богаче, чем она представлена в статье. На этом я поставлю точку, чтобы потом оставить себе возможность продолжить. Кстати, моя тема сформулирована как русские революции, я хочу сказать несколько слов о русских революциях, прежде всего о главной, которая является принципиально новой революцией в истории человечества! Потому что до этого в ходе революций, как совершенно справедливо нас учили, – то новое, что вызревало в недрах Старого порядка, выходило и побеждало старое. А в ходе русской революции новое – то, что вызревало – погибло! Произошло возвращение к архаичному, тому, что Макс Вебер называл «первобытным коммунизмом». Но это не только русская революция, национал-социалистическая революция в Германии была такой же. Русская революция открыла череду новых революций, как Французская череду других революций за сто лет до этого.

И это имело очень большое значение. Всё, точка!

Б.И.Буйло: Что Вы думаете о происхождении номенклатуры?

Ю.С.Пивоваров: Я могу вам сказать, что такое номенклатура для меня. Есть три периода в русской истории – Московское царство, Петербургский и Советский период. Каждому периоду соответствует свой способ организации властных групп: местничество в XVI-XVIII столетиях, Табель о рангах в XVIII-XIX веках, и номенклатура в XX-ом столетии. Что такое номенклатура? В 1920 году Сталин создает учетно-распределительные отделы, в обкомах, губкомах, райкомах. Номенклатура – это люди, которые попадали в эти самые списки номенклатурные; то был новый правящий класс, который впервые в истории Европы и России был классом бессобственников. Раньше были правящие классы, которые имели собственность, даже петербургское чиновничество XIX-го столетия. В СССР они уже были бессобственниками. Эта группа правит страной до 1990 года. Как только кончается эта организация, кончается всё! Царь Фёдор Алексеевич отменяет местничество – и Московское Царство рухнуло. Это открыло возможность Петру привлекать во власть проходимцев, бандитов, авантюристов, а также умных, талантливых, достойных людей. Табель о рангах практически перестает действовать в начале XX столетия. По формированию высших слоёв мы видим, что всё не так. Скажем, карьера Витте показывает, как Александр III его вёл, ломая Табель о рангах, и что происходило в период Витте-Столыпина. Когда рушится СССР? Когда на последнем съезде летом 1990 года с подачи академика Кудрявцева, вице-президента Академии наук СССР и

главного юриста при Горбачёве, Горбачёв отменяет номенклатурный порядок формирования системы.

Номенклатура – это то, что управляло страной, класс советских управленцев-бессобственников. Но вся революция 1980-90-х годов не сводится к номенклатурной революции; я ещё раз говорю: там была демократически-правовая, антикоммунистическая и национально-освободительная части, потому что именно в результате советской модели произошло формирование наций. Я глубоко убеждён, что процесс строительства наций на территории бывшего СССР-Российской империи происходил под покровом советской власти потому, что до революции подавляющее большинство русских реформаторов были русификаторами. Сейчас все молятся на П.А. Столыпина. Между тем, этот человек во многом повинен в гражданской войне в России. Он проводил политику русификации, и поэтому национальные окраины восстали. При советской власти процессы были разные, – была и русификация, и формирование наций. То есть эта революция имела разные измерения, она была многовекторной. Но одной из важнейших её составляющих было то, что номенклатура стала собственником.

Когда мы ехали из аэропорта, я сказал Виктору Павловичу: возьмите Каданникова. Помните человека, который создал «Автоваз»? Это из его воспоминаний: когда он был в Турине и учился на «Фиате», – его туда молодым парнем послали, – а потом он там работал и всё время был тесно связан с «Фиатом», он всё время чувствовал, что хозяева «Фиата» передадут его детям, внукам. И они вкладываются полностью в этот завод, а он, Каданников, отдает всю свою единственную жизнь, физическую и духовную, этому заводу, а потом назначат кого-то другого, не его сына, внука, племянника, или кому бы он хотел передать. Эта тема волновала А.В.Вольского, я с ним хорошо был знаком. Это был, безусловно, умный, гибкий, глубокий человек несовременного типа, он не пользовался компьютером. Но когда утром, в 1990-е годы, он сидел в администрации Президента, бывшем здании ЦК КПСС, в том же кабинете, где он раньше был заведующим отделом промышленности, то по-прежнему «красные» директора, к тому же собственники, звонили ему. Будучи никем, он проводил селекторные совещания, по-прежнему управлял, знал наизусть сотни цифр, все имена-отчества, это был совершенно уникальный человек! Он мне несколько раз говорил: безусловно, нами движет то, что, в отличие от американцев или европейцев, мы – никто, нас могут вышибить. Мы чиновники, и естественно, наше стремление – получить собственность. Речь идет о стремлении всех этих черномырдиных.

Черномырдин, – кстати, не сам, а какие-то писатели за него написали – очень интересно описывает это и в своих мемуарах, как это происходило, как ЦК ему мешало, это была подлинная революция пролетариев, которые овладели собственностью. То есть, в рамках советской системы вызревала новая Россия, новая Украина, новая Белоруссия. Люди, которые работали тогда в ЦК, подтверждают это своим опытом. То, что произошло в 1990-е годы, вызревало

в недрах Советской системы. Не могло не вызреть – идея бессобственнического и безгосударственного общества, видимо, противоречит природе человека; я не антрополог, но не удалось марксистам этого сделать! Видимо, они наступили на какие-то грабли. Влияние Маркса на социал-демократическое, западное, профсоюзное развитие отрицать нельзя. Тем не менее, слава Богу, что социал-демократия это отбросила, но эти вещи, видимо, были невозможны. Они не получились ни у нас, ни у китайцев!

Это было тогда невозможно! При Сталине чиновники сменялись почти каждый день, их расстреливали. Тогда была другая ситуация – наращивания жира, стабильности, традиционности. Люди, пришедшие к власти в 1950-60-е годы, дожили до 1990-х годов! При Сталине каждый год всё менялось, летели головы.

Б.И.Буйло: Вы считаете, что сталинский режим не допускал стагнации?

Ю.С.Пивоваров: Можно, я потом скажу, что думаю о сталинском режиме? Он тоже прошёл несколько этапов и был разный, он не один. «Мы не знаем общества, в котором мы живём», – это слова Андропова, неглупого человека. Есть один советник, с которым мы с Ириной Юрьевной немножко дружим, – Ф.М.Бурлацкий – утверждает, что он вообще всё написал, – программы партии, конституции. Он вообще всё написал, всё рассказал, всех научил – Хрущёва, Брежнева, Андропова и т.д. Я думаю, что это не так, не знаю.

Р.А.Шипилова: Что Вы скажете о роли церкви в «Русской Системе»?

Ю.С.Пивоваров: Это концепция симфонии, когда патриарх и император вместе находятся в Византии, в Константинополе, дворцы их были рядом. До петровских реформ патриарх, как и царь, жил в Кремле. В петровский период всё разрушили. Примечательно, что одним из первых указов Ельцина, когда он выгнал Горбачёва и пожертвовал территорией ради власти, был указ о том, чтобы патриарху сделать кабинет в Кремле. Патриарх – единственный, из больших людей России, имеет рабочий кабинет в Кремле. Для сравнения: премьер-министр не имеет, Председатель правительства не имеет. Однако по Конституции президент – первое лицо, премьер – второе, Совет Федерации – третье, Дума – четвёртое, председатель Конституционного суда – пятое и т.д. Патриарх по обслуге приравнен к первым вице – премьерам. Так же к вице-премьерам приравнен председатель Счетной палаты, по российским делам. Самолеты, охрана, обслуживание, питание, санатории и т.п. То есть он вписан в систему государственной иерархии. Я думаю, что с таким патриархом, какого избрали сейчас (других кандидатов не было), процесс симфонизации отношений будет продолжаться. Я знаю Кирилла, выступал с ним вместе и полемизировал.

Кирилл – это то, что Бердяев назвал военно-спортивный тип личности. Ему бы быть президентом или верховным главнокомандующим или министром обороны! Это человек 1946 года рождения, уже не юноша. У него было три инфаркта. Но до недавнего времени его любимое занятие было гонять на скоростном автомобиле по горам в Швейцарии, – он долгие годы в Женеве работал; он

международник, на трёх языках говорит, выполнял всякие деликатные функции, прошёл хорошую школу внешнеполитической деятельности, и не всегда, как я понимаю, в рамках только Церкви. Это человек умнейший, образованнейший, изумительный оратор совершенно, политик. При нем, конечно, всё это будет, но ведь и свято место пусто не бывает, – ведь Сурков не тянет на роль ни Жданова, ни Суслова, просто под ним не стоит всей этой мощной марксистской традиции, а вот Кирилл может потянуться, – под ним стоит очень сильная традиция.

Только всё это никакого отношения не имеет к теме : «верят ли русские в Бога?», «возвращается ли православная вера в души людей?», это совсем другие процессы. Они будут идти. Я недавно был на совещании у Нарышкина, когда создавалась комиссия по фальсификации истории, там сидел ректор МГУ Садовничий, какие-то ещё людишки, и Нарышкин сказал: «Отдадим всё в истории, но не отдадим войну». А ведь в этом году 70 лет с начала Второй мировой войны. Власть в Кремле очень боится, что появятся произведения, где будут Сталина и Гитлера ставить на одну ступеньку, как поджигателей войны, поскольку был пакт Риббентропа-Молотова. Они, действительно, боятся, так как это испортит образ России. Нарышкин сказал, что войну не отдадим. По революции можно спорить, гражданская война, коллективизация, а войну не отдадим. Дальше он сказал: «И церковь не отдадим!». В каком смысле, – а Нарышкин – генерал-лейтенант ГБ, значит 1954 года рождения, прекрасно говорит по-английски, по-французски, так сказать, миляга, очень милый человек, – он говорит, что не отдадим церковь? Ошибка большевиков была в том, что они не связали идею социализма с идеей религиозной, идеей христианства, и, главное, с самой церковной организацией, а мы свяжем. Таков современный курс, Нарышкин – одно из первых лиц сегодня, он, как дядька, поставлен премьером к президенту.

В.П.Макаренко: Мой доклад называется «Большевизм и Россия – от азиатской чумы до основной личностной структуры»[3].

* * *

Продолжение работы творческой мастерской (вопросы по докладу В.П.Макаренко «Большевизм и Россия – от азиатской чумы до основной личностной структуры»).

Б.И.Буйло: Можно ли рассматривать большевизм как воплощение одной из вариаций «русской идеи»?

В.П.Макаренко: Попробую поставить себя в позицию историка. Переформулирую Ваш вопрос: какие источники считать адекватными для ответа на него? Являются ли тексты того же Бердяева репрезентативными? Вроде бы, да. А ещё какой комплекс текстов (видимо, с такой проблемой юристы сталкиваются, когда формируют комплекс каких-либо документов) считать репрезентативными? Я не обсуждаю этот вопрос, но вижу его. Моя задача – создать кон-

[3] См.: Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2009, № 4

цепцию для того, чтобы можно было работать с нею не только мне, но и моим аспирантам, последователям, коллегам. Историографические проблемы я здесь не обсуждаю. Так вот, Бердяев предложил свои критерии отнесения одних мыслителей к русским, других – к западным. Но есть и другие версии. Например, Фёдор Гиренок даёт свою версию того, кто относится к русским мыслителям, а кто не относится.

Б.И.Буйло: Я немного не о том спрашивал. Вы сказали, что есть два направления, которые рассматривают большевизм, как русское явление и как западное. Я считаю, что это и то, и другое.

В.П.Макаренко: Верно! Но есть и иные точки зрения. Приведу свежий пример. Покойная Наташа Козлова в своей книжке «Советские люди: сцены из истории» считает: за всё, что произошло в России, ответственными являются люди из Европы. То, что произошло в России, было реализацией проекта Просвещения. А этот проект будто бы нёс в себе железную диктатуру. Значит, виноваты не мы, а дядька со стороны. Я привел только один из свежих примеров, когда новый корпус источников (в данном случае – «народный архив», дневники простых людей) используется для аргументации схемы, которой двести, триста и более лет. Хотя от религиозных мыслителей мы её тоже можем вывести.

Вопрос из зала: Правильно ли считать большевизм реакцией феодального мышления на капиталистическую, буржуазную реформацию?

В.П.Макаренко: Да, такая позиция существует. Но я сейчас не возьмусь рассуждать в этом направлении. Если так считать, то приходится работать в концепции романтизма, относящейся к XVIII веку. Сейчас уже XXI век. Насколько эта духовная формация устарела? – особый вопрос. Но с ним связан иной интересный вопрос. Обращаю внимание на то, что делает Вадим Михайлин. В книге «Тропою звериных слов» он изучает генезис силовых структур. Показывает взаимосвязь антропологических типов «пса» (полицейского) и «волка» (военного). Описывает связь между магическим освоением мира и различными профессиями силовиков. Какой тип экономики они порождают? – Этот вопрос может быть предметом особого исследования. Хотя из чтения Макса Вебера можно узнать: экономика «набега» существует до сих пор. Многие народы просто не хотят работать. В этом никакого шовинизма нет, просто такой образ жизни сложился. Сама идея систематического труда и вознаграждения за него возникает только в отдельных цивилизациях.

Ю.С.Пивоваров: Вы коснулись очень важной темы. Дискуссия здесь ведётся постоянно. Большевизм – это русское явление, то есть вычитывается из русской истории, то есть оно было запрограммировано каким-то образом в русской истории, или это западная зараза, или наоборот, не зараза, а благо? Например, Солженицын на сто процентов был убеждён, что это всё пришло оттуда. При том, что он занимался русской историей, и знал её хорошо, особенно начало XX века.

В.П.Макаренко: А потом он промежуточную занял позицию.

Ю.С.Пивоваров: Нет, всё равно он считал, что это западная просвещенческая зараза. А Бердяев, про которого сегодня говорили, действительно считал, что это как-то связано со стихиями русской истории. Но у меня другой вопрос: разве мы можем говорить о большевизме как о том, что было раз и навсегда? Что это одно и то же? Или, может, две этих позиции связаны с тем, что мы видим два разных большевизма? Вот, смотрите: в 1920-е годы господствует интернационал-большевизм, с идеей мировой революции, – даже чуть раньше, на рубеже 1910-1920-х годов; идея мировой революции, где Россия – ничто, а надо захватить весь мир, по всему миру распространить советскую власть, лозунг «Земшарная республика советов!». В этом смысле и конституция специально принимается. Конституция 1922 года привела к тому, что СССР никто не признавал, вот мы раньше учили «эпоха непризнания», потом стали признавать СССР. Почему? Потому что в Конституции 1922 года был нарушен главный постулат международного права – связь государства с территорией. Каждая конституция описывает то, что в нее входит. А в конституции 1922 года нет такой связи, там записано, что все республики, по мере возникновения в мире, могут присоединяться к СССР. То есть, то был универсалистский проект единого Советского всемирного государства. Интернационал-коммунизм.

Дальше, люди, которые были его идеологами и практиками (например, Лев Троцкий), были глубоко культурные, эстетически продвинутые. Троцкий – автор очень не плохих очерков о русской поэзии, вообще знал западную поэзию, литературу, искусство. Эти люди обладали очень ярким футуристическим проектом. Пример: А.Эткинд, о котором Вы говорили, открыл в архивах, что у большевиков до атомного послевоенного проекта было два главных проекта в 1920-е годы. Их курировал Троцкий и Отто Шмидт, который потом прославится как полярный исследователь. Первый проект осуществлял Богданов, ближайший друг Ленина. Был создан Институт Крови, где он делал опыты над кровью, чтобы дать новую формулу крови, которая бы позволила человеку жить 200-300 лет. Он умер, делая на себе эти опыты. Второй проект ещё более сногсшибательный – скрещивание человека и обезьяны. Для этого использовались люди, которые оказывались (подобно генетику Вавилову) в странах, где водятся обезьяны. Они должны были по поручению ГПУ привезти обезьян сюда. Но опыты ни к чему не привели. То есть, это были весьма эстетически продвинутые люди, которые сформировала культура декаданса на рубеже XIX–XX века, Ницше и многие другие. Они пытались преодолеть физическую природу человека, ставили квазирелигиозные цели. Стремились преодолеть территориальность государства, двинули сексуальную революцию – движение «Долой стыд!». Мы не можем себе представить, что по Красной Площади ходили демонстрации абсолютно голых людей, во главе с Карлом Радеком, который был ростом метр пятьдесят с кепкой.

Вот такое громаднейшее влияние всей европейской совокупности просвещенческих и постпросвещенческих идей. И вдруг это всё кончается и провали-

вается. Появляются совершенно доморощенные люди, достаточно взглянуть на Политбюро 1920 года и Политбюро 1934 года, – это уже сталинские люди. Они связаны с русской провинцией, с русской почвой, никогда не были ни в каких Швейцариях, никаких языков не знали, дальше Орла никуда не выезжали. Люди с нулевым образованием, совершенно русские, почвенные, корневые. Именно на них делает Сталин упор. Кстати говоря, к нему присоединяется в этот момент целая куча людей, которые отброшены интернационал-коммунизмом. Я имею в виду черносотенное движение. Перед революцией оно было массовым, не очень успешным, но массовым. В архивах (например, в Амстердаме) есть свидетельства не абстрактные, а научные. Там есть документы, показывающие, что целый ряд черносотенцев потом служил в НКВД. Мы видим «социализм в одной стране», отрицание Запада, все фобии перед Западом. Это совершенно другой тип человека – психологически, антропологически, культурно. Это совершенно два разных большевизма. Один большевизм, условно – сталинский, второй, условно – Троцкого. Один даёт русские дела, другой – дела Европы, но на русской почве. Они сюда как в гостиницу приехали. Не случайно многие из них просто жили в гостинице, на ул. Горького были специальные коминтерновские гостиницы. Так вот, это два разных большевизма, когда один сменил другой, или это один большевизм? Думая всё время над этим, я нахожу: у Солженицына есть аргументы и у Бердяева есть аргументы. А вот как Вам кажется – большевизм – это целостное явление или на смену одному пришло совершенно другое? Например, с моей точки зрения, 1936-1937 гг. – это антикоммунистическая революция, которую провёл Сталин, по уничтожению ленинской гвардии, отказу от всех этих идей. Я думаю, Ленин был какой-то такой фигурой между ними связующей, третьей. Вот как Вы думаете, извините, за долгую постановку вопроса, меня, действительно, интересует Ваше мнение – это два разных большевизма или один большевизм?

В.П.Макаренко: Спасибо за вопрос, Юрий Сергеевич. Всякий вопрос приходится встраивать в собственную систему размышлений. Первая реакция, – я, конечно, пытался рассказать об идеологической традиции. Но примеры, которые Вы приводите, меня тоже интересуют. Я не дописал ещё статью, в которой как раз рассматриваю вариант скрещивания человека с обезьяной. Было бы интересно в сегодняшней Абхазии, в Сухуми провести цикл лекций на эту тему. Между прочим, множество женщин, в том числе абхазских, хотели пойти на скрещивание с обезьяной. В газете «Советская Абхазия» публиковали желания этих женщин претерпеть скрещивание с обезьяной ради выведения нового типа. Для меня это пока другая сфера. Вы свели вместе интернациональный и локальный большевизм. Я сейчас отвечу на этот вопрос предварительно, не как исследователь, а, скажем, как обыватель, – мне ближе интернациональная версия большевизма.

Ю.С.Пивоваров: Но это одно или два явления?

В.П.Макаренко: Ваш вопрос не для упражнений в риторике, а реальная проблема. Скажу пока о свежих способах подхода к ней. Карл Шлегель в книге «Берлин, Восточный вокзал» показывает связь (в рамках советско-фашистского интернационализма) дипломатии, расписания поездов, топографии местности, личного состава Коминтерна, генералов, типа Людендорфа, и возникающего советского генералитета, разведки (ГПУ и абвера), политических деятелей и т.д. Он называет это «сетевой историей». Уже есть традиция, позволяющая работать для ответа на Ваш вопрос. Хотя мне ближе, повторяю, интернациональный проект, поскольку он был отвергнут национальным большевизмом в СССР и Германии. Последствия хорошо известны. Но окончательного ответа я сейчас не дам. На Ваш вопрос смогу дать ответ спустя некоторое время, когда завершу исследование. Ведь речь не идет о простом реферировании «сетевой истории». Например, мы вчера затрагивали тему евразийства. К.Шлегель показывает, что концепция корпоративизма возникла в нацизме, а также в писанине эмигрантов из Советской России, включая евразийцев. Сегодня концепция корпоративизма пропагандируется в выступлениях В.В.Путина. Такова одна из многих совершенно определённых параллелей между прошлым и настоящим. Я очень хорошо помню, как в 1960-е годы на всех заборах писали «Научно-техническая революция!», потом пришла мода (целые институты работали) писать о «социалистическом образе жизни». Затем пришел черед «человеческого фактора». Теперь гундосят о «корпоративной культуре». Все это я считаю разновидностью политического эпигонства – одного из шаблонов бюрократического мышления. Поскольку эти идеи первоначально возникли в рядах идеологов белого движения, подход К.Шлегеля позволяет показать их эвристическую суть. Короче говоря, Юрий Сергеевич, этот вопрос я надеюсь с Вами обсудить в приватном порядке.

Ю.С.Пивоваров: По поводу корпоративизма. Я К.Шлегеля читал почти все работы, некоторые даже переводил и рецензировал. Без сомнения, это один из крупнейших современных ученых. Но корпоративизм возник в романтическом движении начала XIX века, затем в католической и социальной мысли XIX века, потом его переняли другие. Однако многие сейчас пишут, что национал-коммунизм (точнее интернационал-коммунизм) был первым вариантом глобализации в XX веке. Я к этому никакого отношения не имею, но люди говорят: надо вглядеться в этот опыт, поскольку предлагалось создать такой универсальный порядок, который уже юридически был заложен в Конституции 1922 года. Это была попытка глобализации на футуристически-коммунистический лад. Многие левые силы Запада (а коммунистическое движение на Западе уничтожено), социал-демократы, по-прежнему очень левая западная интеллигенция черпают в этом некое вдохновение. Что касается сталинского варианта «азиатского марксизма» (по определению Струве), это, безусловно, два совершенно разных проекта. С моей точки зрения, между ними много общего, но по другим линиям: насилие, отказ от компромиссов, ставка на борьбу и т.д. Этот вопрос

чрезвычайно важен для понимания русской истории, особенно советского периода. Конечно, феномен большевизма был абсолютно не случаен, его нельзя недооценивать. Мне кажется, он не закончился. Продолжается тот период русской истории, который начался с большевизма. Более того, я считаю, что в России продолжается сама большевистская революция в известном смысле. Например, в деятельности реформаторов начала 1990-х годов я отчасти вижу продолжение глобалистско-интернациональной линии по методам деятельности.

О.Ю.Мамедов: Я бываю на многих конференциях. А сегодня с тоской думаю: одно из самых больших преступлений русской власти – разделение экономистов, политологов, социологов по отраслям знания. Ничего, кроме бюрократизации науки это не дало. Думаю, все, кто защищался, знают, о чём речь. Это сделано ради принципа «разделяй и властвуй». Ни один экономист не знает, что творится у политологов, политологи не имеют представления об экономистах. Кроме бюрократизации, это ничего не принесло отечественной общественной науке. Как можно быть экономистом, не зная истории? Ведь история это фундаментальное общественное знание! Как можно быть историком, не зная экономики? Как можно быть политологом, не зная экономики и истории? Я преподаю на юрфаке, юристы ненавидят всё обществознание, вместе взятое. Экономику не хотят знать и всё! Я не знаю, что на других факультетах творится, но ситуация, мне кажется, очень тревожная. Такое незнание сплошь и рядом. Молодые друзья, надо быть обществоведом, а обществовед – это не политолог, не социолог, не историк, а политолог, социолог, историк! Обществовед, но не обществовод! Эту грань трудно перейти. Люди сами знают, куда им маршировать, наша задача – понять логику их марша.

Теперь относительно темы конференции: подходят к изучению русской власти как к чему-то такому, что надо изучать… Я пришел, поскольку мне не доставало, чтобы сказали, в чём специфика этого исследования, какова предметность, методология, я хотел бы, чтобы сначала, – знаете, как хирург делает? Сначала вату берет и спиртом протирает место операции. Вот я бы хотел, чтобы сначала спиртом расчистили: вот ограниченность экономического подхода, вот достоинства, а вот недостатки политологического и т.д. Без решения общетеоретических вопросов нельзя начинать исследование. Институт русской власти, как его описывали здесь, с его жаждой насилия над личностью, самодержавностью, нетерпимостью к гражданскому обществу, к демократическим институтам, не является оригинальным. Это всё всем давно известно, можно прийти от чего-то в отчаяние или в восторг. Экономический диагноз института русской власти – это архаичный социальный институт, отражающий индустриальную, а во многих случаях и сферах доиндустриальную ступень развития нашей экономики. Она у нас находится на переходе от доиндустриальной к индустриальной ступени. Эти две ступени и порождают все выверты, включая скрещивание обезьяны и человека.

Скрещивали Русь с Западом – не удалось, с Востоком – не удалось. Значит, за всем этим скрывается самобытность, и об этом принципиальном вопросе я хотел сказать два слова. Общественные науки остаются науками, как бы их не умаляли их представители. Можно, чтобы сто исследователей имели сто ответов на один вопрос. Но все-таки как-то потом реки сливаются. Я не представляю, что бы кто-нибудь из физиков сказал: «Ваши западные атомы никогда с нашими, восточными, не будут взаимодействовать!». Что за «западные атомы»? Почему они не будут взаимодействовать? Если развитие общества имеет объективные закономерности, – это условие научности, если нет закономерностей, то обществоведам говорить не о чем. Есть общие закономерности, общие принципы, общие подходы. Я не знаю истории, политологии. Но в экономике, например, категория «эффективность» – это машина по превращению расходов в доходы. Вот и всё. Экономика – это машина по превращению расходов в доходы. В нормальной, эффективной экономике малые расходы дают большие доходы. В сумасшедшей экономике большие расходы дают мало или вообще ничего не дают. Вся проблема в том, чтобы построить нормальную экономику. Будет нормальная экономика – будет нормальная власть.

Я не склонен любоваться всеми вещами, о которых здесь говорили. Говорят, есть славянофилы и западники. Мне не нравится это полуэтническое, полугеографическое разделение. Я знаю только два деления: научное и антинаучное. Сколько можно наследовать даже в терминологии этот навязанный советской властью «западный» подход? Молодые исследователи должны знать: есть научный подход и антинаучный, никаких других подходов на белом свете не бывает.

И последний пункт, а потом еще краткий комментарий. Практика разрешает всё, что не может разрешить теория. Пока теоретики «прыгают», практика идет, и вдруг мы обнаруживаем, что это – уже вчерашний день, никого не волнует. Например, в Ростове всю жизнь была монополия телефонистов, а некто Ухов был Богом! И моя тёща, ветеран войны, валялась у него в ногах, он плевать на неё хотел. И вдруг, Ухов исчез – мобильники пришли. На этом закончились уговоры Ухова быть человеком, то же самое произойдет и с нами. Идет процесс глобализации, о котором я здесь мало слышал. Можно к ней относиться по-разному, я видел людей, которые боятся, дрожат жутко перед ней, но мы-то с вами, извините, ученые! Глобализация – это главный, основной процесс современного развития мира. И мы не можем в нем не участвовать. Не будем участвовать – погибнем, это я вам говорю как экономист. Глобализация требует определенных принципов в организации экономики и в организации власти. До тех пор пока мы будем бояться всех этих вещей, или освящать их нашими традициями русской власти, – мы не сможем двигаться. Нужно модернизировать русскую власть. Если наша страна не займется настоящей модернизацией экономики, не будет идти туда, куда надо всем идти, – к гражданскому обществу, к демократизации, – я могу сказать: были не такие страны и народы, как мы, и ис-

чезли все. Ну, раз шанс дала история, ну два, но не может же бесконечно давать! Другие не стоят на месте.

Я хотел сказать ещё вот о чем. От нас, обществоведов, власть ждёт помощи, я надеюсь на это. Как преобразоваться, а не как застыть в бессильном самолюбовании и бесконечном сокрушении: вот мы какие особенные, не такие, как все! Сколько раз я разговаривал с обществоведами, – я видел, что им не жаль этой страны. Они хотели бы выяснять то, что давно уже выяснено всеми. Надо меняться по-быстрому. Экономисты избегают политики, не занимаются политикой, это большой недостаток экономического анализа, они сидят в производстве, это нас погубит. Но когда я бываю у своих коллег по обществознанию, я вижу, что там происходит то же самое. Мало кто говорит о реальных проблемах, несут какой-то бред об инновациях; преподаватель сейчас получает пять тысяч рублей, не остепененный, доцент получает восемь, девять, чего же вы от него хотите? Это человек, боящийся всех, посмотрите на профком, который прячется, когда проходит ректор. Посмотрите на ученых, которые зависят от внутривузовской бюрократии. Вот говорят: нам нужны инновации! Мы никогда не сделаем ни одну инновацию по одной причине: если только не займемся экономикой; тайна инновационной экономики – в её инновационной организации. Экономика, которая ставит барьеры, препятствия, монополии, бюрократизм, коррупцию, – в такой экономике инновации быть не может. Пока мы не начнем реально действовать, мы так и будем любоваться русской властью. В каждой науке есть свой скелет, который известен представителям этой науки. Нормальные экономисты-теоретики (правда, у нас есть много ненормальных, не будем о них говорить) боятся возврата к советской экономике. Советская экономика разрушила всю эту страну, помимо других причин. Хотел бы я знать: боятся чего-нибудь политологи или ничего не боятся?

В.П.Макаренко: Разрешите вручить Вам журнал «Политическая концептология» в качестве ответа.

Ю.С.Пивоваров: Октай Юсуфович, я хочу Вам ответить на вопрос: боятся или не боятся политологи? Я был президентом Российской ассоциации политической науки несколько лет и с уверенностью говорю: боятся. Боятся того анализа, который сделали Вы. Что я услышал сейчас? Опять экономоцентричный подход. Естественно, когда говорит экономист, но когда выступает политолог, или историк, или юрист и говорит о русской власти, то это историко-политологический центризм тоже. Понятно, поскольку мы этим занимаемся. Нам этого Вы почему-то не разрешаете, себе позволяете. Вы говорите: вы работаете на «втором этаже», а мы – на «первом». Это типично советский подход, объясняющий изменение всех социальных процессов экономическим базисом. Этот подход не действует в русской истории, он давно уже сломал себе там шею, а вот подход через Русскую Власть гораздо более устойчив в нашей научной традиции.

Например, Сергей Михайлович Соловьев – один из создателей государственно-юридической традиции в российской историографии, – он тоже «сидел» на «втором этаже». Поскольку «первого», с Вашей точки зрения, не касался. Моя позиция заключается в том, что возможны различные подходы, то, о чем Вы сказали, – «западные атомы» и «восточные атомы», – это ведь о чем говорит? О том, что Вы, видимо, не чувствуете разницу между науками естественными и науками социально-гуманитарными. Действительно, западные атомы не отличаются от восточных, а вот общества очень отличаются. Например, почему западное общество пошло по одному пути, а восточные по другому пути? Значит, атомы, из которых сделаны культуры и цивилизации, очень отличаются.

Что касается экономики. То, о чем говорите Вы, – совершенно европоцентрический подход к экономике. А на самом деле в таких цивилизациях, как Индия, экономика играет совершенно другую роль, там нет темы «расходов и доходов», поскольку там экономическая сфера жизни включена в совершенно другую картину мира. Вы это прекрасно и лучше меня знаете. Поэтому я не думаю, что подход реалистически-экономический – адекватно научный, а подходы историков, политологов, социологов, юристов (которые почему-то зациклились на власти) не являются научными. Совершенно разные люди на протяжении уже двух столетий, занимающиеся русской властью и по-разному её понимающие, сходятся в том, что именно этот элемент играет определяющую роль в русской истории; а экономика является следствием, «служанкой» института русской власти.

Что касается термина «Русская Власть», то я могу вам тысячу примеров привести (помимо Жириновского), когда люди и умные и глупые пользуются данным определением. А как ещё её определить? Это естественно! Во Франции – французская власть, в Германии – германская, и т.д.

Вы называете глобализацию главным событием в истории человечества. Я так не считаю. Это дискуссионный вопрос. Вообще в понимании глобализации очень многое зависит от того, в каком смысле она понимается. Более того, идёт и другой процесс, о котором пишут западные авторы – глокализация. Ситуация глобализации связана с ситуацией, когда нарастает плюрализм местных отличий. Они становятся важнейшими для развития общности, особенно в Западной Европе. Это я наблюдал неоднократно, работая там. Одна община делает ставку на это, другая – на то, и это не противоречит глобализации. Реальные процессы гораздо сложнее того, что мы называем глобализацией. Более того, можно участвовать в процессе глобализации, быть открытым экономически и совершенно закрытым культурно-идеологически, как Китай, например. Он чем-то вступает в глобализацию, а чем-то нет. То же самое происходит не только с Китаем, но и с другими странами, включая те же США, откуда идет процесс глобализации. Я думаю, эти процессы гораздо сложнее.

Я разделяю Ваш общий пафос, но не разделяю отношение к Вашим коллегам-обществоведам из других специальностей как романтикам, зацикленным на своих вещах; те темы, которые поставили западники и славянофилы, актуальны по той простой причине, что Россия их ещё не решила. Не актуален может быть подход этих людей, хотя их культурный и научный запас был намного больше, чем у наших обществоведов. То были культурнейшие и образованнейшие люди России. Понятно, что по прошествии почти двухсот лет многое изменилось, но Россия не решила этой темы, поэтому спор западников и славянофилов актуален. Но это не только в России, то же самое происходит во Франции, в Германии. Мы не стоим перед русской властью как перед чем-то заколдованным, мы её конкретно изучаем в разных её версиях. Я Вам должен сказать, что в концепции Русской Системы, к которой я имею отношение, как и мой соавтор, мы тоже касались соотношения Русской Власти и развития производительных сил, и вообще экономического развития России. Но в этом же и прелесть, когда экономисты смотрят на исторические процессы и когда мы, не экономисты, смотрим на экономику. Я думаю, в этом тоже есть интерес.

О.Ю.Мамедов: Конечно, мы интегрированы в единый объект изучения, общество очень сложно, и оно, действительно, представляет собой систему загадок, тайн и прочего. Но я глубоко убежден, хотя это было почему-то названо экономоцентричностью, что есть объективно определенная иерархия социального знания, и она отражает объективную иерархию строения общества. Я не против того, чтобы изучать какие-то специфики и прочее. Но сначала необходимо выстроить чёткую каузальную, причинно-следственную связь, где все истоки, все проблемы общественной жизни – это доказано мировой историей – порождены состоянием экономики. Это абсолютно точно. Есть строгая иерархия научного знания. Если предположить, что политологический подход, экономический, культурологический имеют равную ценность, мы окажемся в «тумане». Как в том анекдоте: вы правы, и вы правы, и вы тоже правы! Нет, дорогие друзья, есть четкое разделение, четкая каузальность. Человек, которого носили на руках одно время, сказал: «Если на все последовательно посмотреть, все это испарения, всё это находится в производстве». Точнее скажу: в экономике. Для нас, например, работа Ленина «Развитие капитализма в России» – одновременно исторический, политологический, социологический и экономический труд. Может быть, Маркс был философом, или политологом, или социологом, историком или экономистом? Вот идеал! Разобщая наши ряды, не объединяясь вокруг основы, которой может быть только экономическая стадия, эффективность наша ухудшается и мы не достигаем того потенциала, которым обладаем. Я не возражаю против многих вещей, но я хотел бы, чтобы всякое научное знание было выводным. Я хотел бы, чтобы выводили особенности и специфику русской власти так, чтобы это повторяло логику иерархического строения социального знания.

Ю.С.Пивоваров: А экономику можете вывести? Требуя от нас вывести что-то из экономики, выведите сначала экономику.

О.Ю.Мамедов: Она выводится из производства.

Ю.С.Пивоваров: Нет ни одной классификации в мире, где экономика поставлена в основу, таких классификаций вообще в научном мире нет! Это противоречит научному мировоззрению вообще!

В.П.Макаренко: Должен сказать, что Октай Юсуфович в своем журнале «Экономический вестник Ростовского государственного университета» раньше всех завел рубрику «Возрождая целостность обществознания». То, что он говорил здесь и сейчас, не столько отражает его общие методологические установки, сколько реакция на нашу разобщенность, которую мы сообща стремимся преодолеть. Мы работаем вместе с экономистами уже два года, они нас публикуют, мы их публикуем, и постепенно нащупываем контакты. Но, конечно, такие препирательства время от времени будут вспыхивать, потому что разобщены, сидим по своим ячейкам. Отсюда вытекает мера полезности или бесполезности наших споров. Я согласен с Юрием Сергеевичем: конкретные предметы надо определять. Что касается методологии социальных наук, то нет какой-то одной экономики; экономика Маркса не является авторитетом для Фридмана, и наоборот. Например, историческая школа экономики пересекается с исторической школой права, поскольку обосновывает возможность, необходимость и даже единственную правоту многофакторного анализа общества. Поэтому проблема выведения некой жесткой детерминации из одной сферы ко всем остальным просто не стоúт.

Т.А.Марченко. То, что сказал Октай Юсуфович, имеет иное значение, как у М.А.Булгакова в «Мастере и Маргарите»: относительно факта существования Иисуса Христа есть и такое мнение, есть и такое, но то, что было, не нуждается в подтверждении. По моему, Октай Юсуфович хочет сказать следующее: монодисциплинарные подходы создают приблизительное знание об обществе, в котором мы живем. А нужны междисциплинарные подходы. Это не отменяет высказанную Октаем Юсуфовичем мысль о том, что институты экономики и власти надо познавать в их причинно-следственной связи, поскольку в особенностях их функционирования есть определенная иерархия.

В.П.Макаренко: Но если есть иерархия, значит есть «старшие» и «младшие», «главные» и «второстепенные» науки…

Т.А.Марченко: Конечно, с одной стороны то, что говорят ученые, усваивается массами, и общество начинает так о себе думать. Но, если объективно анализировать общество, в котором мы живем, то Октай Юсуфович указал на белое пятно: несмотря на обилие талантливых ученых, мы не имеем подобных исследований и вынуждены приводить в качестве примеров далеко отстоящие от нас факты.

В.П.Макаренко: Ссылка на высказывание Андропова о том, что мы не знаем общества, в котором мы живем, относится к конкретному периоду, когда со-

циалистическая система стала трещать по швам. Ясное дело, у КГБ была такая информация. Поэтому фраза сказана под давлением обстоятельств, не являющихся универсальными. А оформить это могли многие, быть может, тот же Ф.Бурлацкий, или А.Бовин, или В.Печенев, или упоминавшийся уже Вольский. Всегда была шайка холуев-спичрайтеров, действующих по принципу: «Чего изволите?». В любом случае, это сказано под давлением груды проблем, которые были созданы самой советской властью. И они вылезли в виде прыща. На какой части тела? – особый вопрос. Для меня эта проблема связана с историей страны. Давайте поразмыслим: фразу о неизвестном обществе произносит человек, обладавший всей социальной информацией. Кого он дурачил – себя, структуру, которой командовал, население страны или мировое общественное мнение, так сказать? Фразу о неизвестном обществе приводят, а не обращают внимания на более важный факт: была водка «Андроповка», по четыре рубля семьдесят копеек, до того была «Рыковка», а до того была «Царская» водка, сегодня появилась водка «Путинка», есть и «Медведев». Вот эта традиция является универсальной для нашей истории и цивилизации. Ее и надо описывать, начиная от царева кабака и заканчивая нынешними политическими фигурантами. И помнить парадокс: Сталин насаждал всеобщее пьянство, но известен усами и кителем «сталинка», а не водкой!

Ю.С.Пивоваров: «Жириновский» есть водка!

В.П.Макаренко: Да, я знаю, «Горбачёв», «Александр Невский», «Святогор». Вот традиция! Почему я о водке говорю? Не только потому, что в прошлом я довольно лихо закладывал за воротник. Экономисты не дадут соврать: сколько сегодня составляет доля от продажи водки поступлений в бюджет? На этом конкретном факте смыкаются исторические (типа «История кабаков на Руси» Прыжова), экономические и политические исследования. Не говоря уже о социально-психологических зеленых чертях и других предметах, возникающих в похмелье!

Ю.С.Пивоваров: А вы знаете, сколько в царской России казённая монополия на водку, которая Витте была введена, давала российскому бюджету? Двадцать четыре процента! Именно на эти деньги существовали армия и флот. «Водочные» деньги были направлены на армию и флот.

А.В.Венков: Уважаемые коллеги, я хотел бы напомнить: идут процессы глобализации и локализации. Ведь это всеобщий закон, ещё в Экклесиасте сказано: «Все реки текут в море, но море не переполняется». Есть и обратный процесс: у нас сейчас идёт нивелировка национальная в городах, и в то же время, идёт процесс субэтнизации – последняя перепись населения показала появление новых субэтносов! Что касается этих глобальных споров, позвольте жизненный анекдот: в 1996 году, когда у нас все были в состоянии душевного потрясения, ко мне, тогда зам. декана по науке, приходили многие любители поговорить, «борцы», полусумасшедшие. И вот из Москвы приехал Николай Васильевич Глаголец, который пришел к нам, на исторический факультет, и ска-

зал: «Вот я работал в космическом центре, занимался подготовкой различных микроорганизмов, чтобы их с космонавтами засылать в космос на долгие годы; то есть, я работал в космическом центре, а занимался микроорганизмами; и я пришел к выводу, что весь космос, как и микроорганизмы, построены по одной схеме, по одной структуре, развиваются одинаково. Что глобально, что микро. И тут у меня проскочила мысль – перенести эту закономерность на общество. Как? Всё логично. Общество развивается по тем же законам, что и космос, и микроорганизмы». Я говорю: «Ну, а что вы сюда-то приехали?». А он отвечает: «А я просчитал: вот у нас Россия развалилась, должна собираться, и первым должно возродиться Донское казачество». Я говорю: «Я не верю, я сам казак и вижу, что там творится». Но прошло лет пять-десять, и я увидел, что он был прав.

Сообщество, внизу, в станице, возродилось очень рано. Вывеска такая: ходите в лампасах, в чем хотите, нас только не трогайте, мы здесь возродились и живем! Он был не сумасшедший, но с потрясенным сознанием человек. Определенная логика в рассуждениях была: существуют некие глобальные законы, но стоит глянуть в окно, мир многообразен и там такие процессы идут, а что касается конкретики… Ну, хорошо, давайте посмотрим! Само слово «политика» строится на основе полиса, города; изначально занялись этим греки, изучая правила жизни в городе, а через Средиземное море был Египет, где центром был не город, а деревня. Там развивалась абсолютно другая жизнь, абсолютно другая экономика, которая дала основу азиатскому способу производства. Азиатским способом производства до XIX века включительно занимались процентов восемьдесят территорий и населения Земли. Там законы, на мой взгляд, очень сильно отличаются от классических европейских, греческих, римских и т.д. И у нас страна, хотя она не Восток и не Запад, сильно копирует древний Египет, древний Китай, но в иных климатических вариантах. Потому, что субъективное воздействие власти на экономику здесь имеет гораздо больший вес, чем в той же древней Греции, – они компактно жили, там все было обусловлено друг другом, в лицо все друг друга знали, им и экономикой легче было заниматься, чем в древнем Египте или древнем Китае. У нас, на мой взгляд, экономика и история, хотя и самостоятельны, но всё же ближе к Востоку, нежели к Западу.

А.Н.Ерыгин: Возникший здесь спор по поводу экономоцентричного подхода и иных подходов, конечно, имеет реальные основания для существования, как имеют основания претензии тех и других на свои позиции. С одной стороны, Октай Юсуфович прав: с экономической точки зрения можно построить всё так, как он нам предлагает. В обществах, которые с экономической точки зрения будут объяснены, так и этак. Только возникает вопрос: с Вашей же точки зрения, надо же вести самоограничение? Даже в Вашей области экономической, самоограничение политической экономии, экономической теории должно вестись! Сегодня среди экономистов в Москве довольно долго муссировались идеи о том, что философия экономики и философия права – вещи разные, пото-

му что экономика и хозяйство тоже разные. Когда Вы говорите об экономике, Вы говорите не всю правду. И поэтому Ваш моноцентрический подход так сильно задел представителей концепции Системы Русской Власти. А говорите Вы не всю правду потому, что берете только экономическую формацию общества. То, что Маркс четко обозначил, имея в виду общество XIX века, как историзм. Всё остальное – это капиталистические, так называемые формации, о которых речь шла иначе. То были способы производства, построенные не на экономической основе, общества с внеэкономическим принуждением, типа Египетского, о котором только сейчас говорили. Речь идет об обществах совершенно иного типа. В них соотношение между властными, экономическими, хозяйственными, семейными, национальными и иными моментами были совершенно иным, чем в рамках экономической формации общества. А экономическая формация общества – явление уникальное, характерное только для Европы.

Сейчас хорошо было сказано: политика от слова полис, а экономика от чего? От слова ойкономос. Это хозяйство Одиссея, маленький дом, мой дом – моя крепость, который и есть фундамент всякого общества. Если европейская традиция экономики – ойкономии – идёт отсюда, то и полис отсюда произрастает, у него есть фундамент, но ойкономос, а не экономика рыночного типа, товарно-денежного общества в его развитой форме. Значит, мораль простая: даже в европейской линии развития мы не можем экономику положить в основу понимания механизмов хозяйствования. Россия в то время, о котором мы говорим, имеет книжку под названием «Домострой»; кто ее читал, тот знает: первая часть – политологическая, отношение человека как гражданина к царю, власти и т.д.; вторая часть – этика семейной жизни, что делать, как молиться, когда вставать, и прочее; третья часть – это типичная ойкономика, как вести хозяйство, как и когда пахать и сеять и т.д. Иными словами, определенный экономический, но не сугубо экономический в современном, капиталистическом смысле слова, такой хозяйственный подход, он всегда был и есть. И когда говорят о русской власти, то с ней гармонично сочетается определенная система русских хозяйственных отношений.

Вы, Андрей Вадимович, вчера говорили: надо больше формационному подходу доверять, способы производства брать за основу и привели пример России в эпоху сталинизма, квалифицируя ее как египетскую, рабовладельческую систему. Сегодня вы употребили термин «азиатский способ производства», и теперь можно как-то свести концы с концами. Давайте вспомним, что понятие «азиатский способ производства» ввел Маркс. И как бы сегодня ни говорили другие, кто пользуется этим понятием, пытаясь свои права путем своего какого-то особого толкования этого понятия отвоевать, по сравнению с Марксом, у них явно позиции вторичные. А что понимал под «азиатским способом производства» Маркс? Очень простую систему хозяйствования, вышедшую за рамки первичных обществ, и вместе с тем не доросшую до экономической формации. Общество с внеэкономическим принуждением. А в чем

особенность этого общества с внеэкономическим принуждением на Востоке, в отличие от полисной Греции или от феодализма в Европе? В том, что система земледельческих общин, с общей собственностью на землю, при наличии частного труда (в этом дуализм, противоречие этой общины), составляла замкнутую систему, на которой восточная деспотия и устроилась довольно приличным, самым разным способом. Эта система земледельческих общин – фундамент такого общества. Так у Маркса.

Как Маркс и Энгельс использовали это понятие для анализа русской ситуации? Ленин прямо называет «азиатский способ производства» основой русской экономики в эпоху Московского царства. Но, что касается Плеханова (я писал об этом специальную работу), у него детальный анализ идет: вплоть до XX века «азиатский способ производства» сохранился в России; почему они свою аграрную программу предлагали иную, чем большевики, то есть не ставили вопрос о национализации земли, она и так была национализирована. Теперь возникает вопрос: когда исчез «азиатский» способ производства в России? Вот принципиальный вопрос, ответив на который, мы поймем разницу между старой Россией и русской властью, и новой Россией, которая на наших глазах создается. Как только колхозы вошли в нашу жизнь, как только рухнула система сельских общин, над Русской Системой нависла угроза: она исчезает на наших глазах! Система сталинская – это новообразование, это не общество деспотическое, это не общество, возникшее на базе «азиатского способа производства», это парадокс, который в истории возник, и не имеет объяснения до сих пор! Это – общество, не имеющее цивилизационной выраженности, которое породило цивилизационную пустоту. Это – общество, которое антропологически подготовило крах человечества. Оно продемонстрировало всему миру, что отказывается от цивилизационных оснований, даже азиатских.

А вот общество даже в первые десять лет советской власти благополучно существовало. Все эти партийные дискуссии, вся эта битва националистов и интернационалистов в большевизме могла происходить почему? Потому, что жила Россия, изживая старое наследство от «азиатского способа производства». Я ничего обидного для России в «азиатском способе производства» не вижу, но вижу, что когда Столыпин попытался его на свой манер преобразовать, крестьяне ответили чётко: 10 % ушли в столыпинскую реформу, 90 % остались на прежних позициях. Советская власть в 1922 году проделала вторую столыпинскую реформу – сельским обществам было разрешено выпустить крестьян на свободу, известный факт. Сколько ушло на свободу? Наука знает ответ на этот вопрос, по крайней мере, историческая, не знаю, как экономисты: 10% , те же столыпинские 10%! Что это? Это стандарт русского существования! Это норма! Всегда есть небольшой процент людей творческих, способных, готовых капиталистически, товарно-денежно развиваться. Но есть масса, которая желает жить общиной. И этот общинный строй имеет (помимо недостатков, по логике капитализма) свои преимущества: сохранение и забота о своих членах; этот

строй был незыблемым до коллективизации в 1929 году, «великий перелом» всё разрушил. А создание безликих колхозов разрушило «азиатский» строй, разрушило русскую власть, разрушило Русскую Систему.

В.П.Макаренко: Мне очень приятно, что пошел контакт живой, помимо всякой официальщины. То, что кажется сегодня просто скоротечной дискуссией, на деле может породить (по своему опыту знаю), довольно интересные следствия – в творческом, организационном и тому подобных отношениях. Юрий Сергеевич, может Вы хотите отреагировать не только хлопками, но и словесно? Пожалуйста!

Ю.С.Пивоваров: Я не пользуюсь термином «азиатский способ производства», поскольку, как Вы, Александр Николаевич, уже сказали, он занят, но в целом, всё то, о чем Вы говорили, – это совершенно блестящий анализ русской истории. Правда, не 10% вышли в столыпинскую реформу, а 24%, – по разным губерниям по-разному. Причем, интересно, что гражданская война прошла наиболее жёстким образом там, где из общины вышла большая часть людей. Там, где община сохранилась, – войны было меньше, Русская Система не развалилась, если пользоваться этой концепцией, она приобрела другой характер. А вот то, что Вы сказали: 1929 год – год «великого перелома», – очень важно. Я считаю, что сталинская коллективизация в сто раз важнее, чем Великая Октябрьская социалистическая революция. Более того, тогда ещё был шанс, до 1929 года, причем это связано действительно с общинными делами. Есть совершенно потрясающая вещь: вот сама передельная община – это то, что нужно изучать, изучать, и изучать, хотя бы потому, что 90 % российского населения жило в этих условиях. И вы знаете, что явилось одним из спусковых крючков революции, что стало одной из причин страшного XX столетия для России? В 1893 году, под влиянием «национально» мыслящих людей, император Александр III издает распоряжение: переделы в общине должны принять двенадцатилетний цикл. То есть, если раньше переделы шли довольно часто, и это нарушало культуру хозяйствования, то теперь решили раз в 12 лет.

А в это время, как известно, в России раздался демографический взрыв, связанный с ним аграрный кризис – всю землю распахали, и ее больше не было, возникла «безземелица». И переделы после 1893 года пошли раз в 12 лет. Первый передел – 1905 год, и это связано абсолютно точно с революцией, поражением в русско-японской войне и финансовым кризисом. Почему (по анализу русской полиции) русская армия не хотела воевать уже к концу 1916 года? Потому, что в 1917 году должен был идти передел. Есть масса источников по губерниям о том, что происходило в 1916 году в общинах. Армия перестала воевать в 1917 году не из-за немецких действий, – мужики пошли делить землю. Потому что они боялись: пока Фёдор сидит в окопе, его сосед Василий землицу приберет к рукам. Конечно, то, что произошло в 1929 году, это, безусловно, смерть той России, которая какие-то шансы имела даже после прихода к власти большевиков.

Вообще община, – судя по всему, эсеры были правы, – община эволюционировала. Она могла стать каким-то особым способом ведения русского хозяйства, это был живой организм, в котором, например, по мнению крупнейшего специалиста по общинному праву Александра Изгоева (у него есть серия уникальных работ), в рамках общины шло становление института частной собственности, но который не разрывал общину – это совершенно иной подход; удар был нанесен именно по русской социальности. Община – это не синоним застоя, это тот плавильный котел, в котором складывалась какая-то новая Россия XX столетия и, кстати говоря, это неплохо описано в романе Василия Белова «Кануны» о Вологодской губернии. Насколько хорошо он почувствовал, как на подъеме была деревня в 1927 году! Например, именно в 1920-е годы, а не во время «подъема» столыпинского, российская деревня достигла максимума производительности. И ещё, что очень важно, – общинность коррелировалась с тем, что в обществе пошли процессы кооперативные. Первые большевики не разрушили кооперативного движения, его потом Сталин разрушил. Мне кажется, что это есть ответ на то, что нужно все эти властно-политические дела связывать с экономическим развитием. Мне кажется, это невозможно опровергнуть потому, что это действительно так. Разве тип экономики по принципу «расходы - доходы» является единственным?

В русском обществе темы экономики вообще не возникало, пока это было общество религиозное. Или, как Струве назвал, «литургическое». Главной темой было спасение души, а не минимизация расходов и максимизация прибыли. К этому можно относиться со смехом, но это реальный факт. Современное индийское общество, несмотря на все успехи в электронике и т.д., это индуистское общество, где нет вообще темы экономической в том смысле, в котором мы говорим. И насчёт жёсткой классификации наук, где экономика поставлена во главе, – где это? Самый важный для западных социальных наук человек – это Макс Вебер. Мне это не нравится, но это моё дело. У Макса Вебера экономику определяют ценности. И на этом зиждется мейнстрим западной науки и описание той экономики, о которой говорили Вы. Я, к сожалению, разделяю эту точку зрения. И я, как обыватель, хотел бы воспользоваться плодами этой экономики. И Ваш подход, с моей точки зрения, предполагает дальнейшее изучение и позволит создать многолетнюю историю хотя бы нашей страны.

В.В.Вольчик: Дело в том, что многие экономисты очень уверены в своей правоте. Существует такой экономический империализм, апологетов такой линии мысли много и в западном мейнстриме, и в нашем. Более того, все экономисты-неоклассики уверены, что экономика является наукой, всё остальное наукой не является, а политология должна заимствовать методы экономистов. И они уверены, что экономика – это метасоциальная наука, а всё остальное – наука, только если она заимствует методы из экономики. Я так не считаю, и Октай Юсуфович так не считает, но это существует объективно. С этим надо как-то разбираться.

В.П.Макаренко: Ещё раз хочу поблагодарить Октая Юсуфовича за то, что он сыграл роль запального шнура дискуссии. Значит, есть конкретные темы, помогающие интегрироваться и возрождать целостность обществознания. Как сказал бы какой-нибудь политический вождь или религиозный кормчий: мы на верном пути!

Отреагирую на выступление Юрия Сергеевича. Я в советское время написал книжку о Вебере, с 1977 по 1979 год занимался этим, в ИНИОНе фотографировал материалы. Но тогдашний ЛИТО (цензура) её не пропустил. Книжка пролежала в столе до 1988 г. Я о ней говорю потому, что Вы сказали: согласно Максу Веберу, ценности определяют интересы. Это не совсем так. Конституирующими для социального бытия являются материальные интересы, социальная структура и идеи. Все это в совокупности образует стиль жизни больших социальных групп. Но я сейчас в эту дискуссию вникать не хочу. Действительно, Макс Вебер – значимая фигура для всего корпуса социогуманитарной и экономической мысли Европы. Но в последнее время появился ряд новых теорий капитализма. Мы в течение года обсуждали концепцию Дугласа Норта. Видимо, есть смысл сделать эту тему предметом отдельного обсуждения. В советское время Веберу было посвящено всего несколько строк в «Философской энциклопедии». Сейчас он в России стал модным. Сегодня его концепция используется для апологетики существующего в России режима. Это – сложная тема. Хотя популярность Макса Вебера в России может считаться признаком ее интеллектуального провинциализма. Видимо, одну из конференций мы посвятим этой теме. Надо учитывать и те теории капитализма, которые появились в последние десятилетия.

Всем известно, что, по Веберу, этика определяет материальные интересы и стиль жизни. Но в новых теориях капитализма показано, что это работает только по отношению к отце-центричным экономикам, а к матере-центричным экономикам не относится. Тем самым, католические страны отстают от протестантских. Существуют и опровержения такого подхода. Так что все значительно сложнее. Ещё раз спасибо Октаю Юсуфовичу за то, что поджег шнур и выявил темы, которые смогли бы нас сгруппировать.

Второй пункт: я должен извиниться перед профессором Ириной Игоревной Глебовой за то, что не могу предоставить Вам слово. Мы приглашены к ректору ЮФУ и обязаны сейчас закончить наше заседание. Разрешите на этом закончить нашу творческую мастерскую, хотя повестку дня мы не исчерпали. Следите за нашим сайтом и журналом; всё, что здесь было, будет опубликовано. Может быть, есть у кого-то заключительные соображения? Кто-то хочет высказаться? Николай Ефимович Ерохин, учёный секретарь ЮФО.

Н.Е.Ерохин: Спасибо, Виктор Павлович! Конференция заканчивается, а спасибо Вам ещё никто не сказал! Я вторые сутки пребываю в состоянии пиршества ума, и это очень здорово. Вы вчера сравнили себя, Юрия Сергеевича и Ирину Игоревну с трио бандуристов. Это не совсем правильно, бандуристы

пели слепыми, и пели о том, что они видели, то есть вспоминали. А вы, скорее, трио баянистов – у вас такой слаженный хор, и я рад за это.

Второе. Я, когда припоздал утром и пришёл сюда, тут как раз коммунальный аспект поднимался. Я хочу сказать Вам, Юрий Сергеевич, что стоит заняться этой темой вместе с Виктором Павловичем. Говорили о характеристике нашего общества, а самая страшная из них – это мы и наша коммунальная жизнь. Когда человек не мог быть самим собой. Мы с профессором Лубским жили в одном общежитии. Утром в один туалет 27 человек – будьте любезны! А вечером наше белье висит на общей бельевой верёвке. Человек не имеет возможности быть самим собой, с самим собой, наедине с любимой женщиной и т.д. Это настолько исказило национальный тип, за который Вы так ратуете, когда говорите об общинах, о ценностях, о русском характере. И, хотя Ваша система очень изящная – Русская Система, – но я бы хотел, Виктор Павлович, родной, чтобы Вы отошли от известной формулы – «Философы лишь различным образом объясняли мир…». Я хотел бы, чтобы хоть иногда появлялась мысль о том, как изменить его. Дайте намёк, рычаг, как это делает Октай, чтобы изменить сложившееся положение вещей! Спасибо Вам!

В.П.Макаренко: Я бы хотел отреагировать. Может быть, в следующий раз мы пригласим специалистов по проблеме взаимосвязи советского коммунального быта со сталинским режимом и его последующими модификациями. Юрий Сергеевич ввёл понятие гражданско-коммунальной войны. Мы эти вещи непременно соединим. Спасибо за подсказку ещё одной идеи. Дорогие коллеги, разрешите поблагодарить всех участников за интенсивную работу. Особая благодарность действующему академику Ю.С.Пивоварову. Вообще-то, остались считанные люди – действующие академики и профессора. Это те, кто, получив маршальские погоны, не утратил творческого запала! Согласно классификации И.Бестужева-Лады, академики – это научные маршалы. Я, к примеру, только генерал-полковник. Мы отлично знаем, что люди, пока доползут до этих степеней, в большинстве случаев прекращают творчески работать. М.К.Петров называл их «пенсионерами от науки». Нам очень приятно убедиться в творческой молодости академика Ю.С.Пивоварова. За это предлагаю почтить его аплодисментами!

Аплодисменты

Ю.С.Пивоваров: Это неправда, я за последний год ни одной строчки не написал.

В.П.Макаренко: Юрий Сергеевич, это не Ваша вина. Ведь институтом тоже надо руководить! Нам очень приятно, что Вы приехали в Ростов-на-Дону. Это Вам скажут все присутствующие здесь. Большое спасибо, до новых встреч!

КОНЦЕПТ «РУССКАЯ ВЛАСТЬ»: МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ДИСКУРСА

А.В. Лубский
Южный федеральный университет

В конце 90-х гг. прошлого века появились работы В.П. Макаренко, Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова, посвященные «Русской власти» и «Русской системе», которые, как считают сами авторы, помогают лучше понимать, объяснять и более адекватно реконструировать исторический путь России; специфику государственной власти; национальный менталитет; особенности российских реформ, в том числе и в эпоху постиндустриального прорыва, а также причины нынешнего возвращении к «Русской системе» и в целом повторяемости такого явления в политической истории России[1].

В этих работах авторы предложил новые трактовки концепта Русской власти как метафорического понимания и теоретического обоснования русского пути и места России в современном мире. Выступая в Центре политической концептологии Южного федерального университета в мае 2009 г., Ю.С. Пивоваров этот путь образно представил так: «Когда приезжаешь в Россию из Китая, чувствуешь, что она движется на Запад, когда приезжаешь в Россию из Европы, понимаешь, что Россия – далеко не Запад».

В отечественном интеллектуальном дискурсе метафора пути имеет два особых значения. Первое связано со «склонностью русских к духовному странничеству, которое свидетельствует об их постоянной потребности в самоидентификации, в поисках правды и справедливости, а также своего места в меняющемся мире»[2]. Другое значение метафоры «путь» связано с духовными практиками интеллектуалов, отправившихся в «путешествие за истиной».

Новое «путешествие за истиной» в России началось в конце XX в., когда стало ясно, что ее «демократический транзит» закончился неудачей и очередная попытка России стать Европой провалилась. Государству не удалось побороть

[1] *Макаренко В.П.* Русская власть (теоретико-социологические проблемы). Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1998.*Фурсов А., Пивоваров Ю.* Русская Система: генезис, структура, функционирование: (Тезисы и рабочие гипотезы) // Русский исторический журнал. 1998. Т. 1. № 3. Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская Система и реформы // Pro et Contra. Т. 4. 1999. № 4.

[2] *Тиме Г.А.* Путешествие из Петербурга в Москву с остановкой в Берлине (Пути самоидентификации России в XX веке) // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 17.

ни «русский ген», ни выйти из «тени Грозного царя», ни освободится от пут «раздаточной экономики», ни выбраться из «российской колеи»[3]. Все это и побудило рефлексирующее сознание интеллектуалов к поиску причин неудач реформирования России сверху, в том числе и через осмысление ее особого пути развития.

Такое осмысление заставляет постоянно прибегать в интеллектуальном дискурсе к различного рода концептам, представляющим собой теоретические конструкты, наполненные ценностным содержанием. В структуре таких концептов всегда присутствуют ассоциативные компоненты, выраженные в форме образно-метафорических коннотаций. Эти компоненты играют очень важную познавательную роль, поскольку дают емкие представления, позволяющие в целом «схватывать» внутреннюю суть явлений. Кроме того, метафоры обычно становятся основой концептуализации исходного знания эмпирического, теоретического и аксиологического содержания.

В структуру такого рода концептов включаются также слова с повышенной эвристической нагрузкой. Так, в концепте «Русская система» Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова, как отмечает Г.И. Зверева, прилагательное «русский», будучи приложенным к социологическим универсалиям «система», «власть», «популяция», должно, по замыслу авторов, их качественно преобразовывать в новые понятия (не западные). В построениях неоевразийцев и традиционалистов-почвенников это прилагательное приобретает статус сакрального и наделяется сверхценными свойствами[4].

Появление новых концептов-метафор в конце XX в. было обусловлено также тем, что в это время в социальных и гуманитарных науках актуализировалась проблема языка научного дискурса. Эта проблема была порождена осознанием того, что в отечественном социально-гуманитарном познании пока отсутствует научный язык, адекватный для описания, понимания и объяснения российской действительности, поскольку при ее изучении многие исследователи пользуются исключительно языком западной академической науки, который сформировался в другой когнитивной среде при изучении иных социокультурных реалий. Было забыто методологическое предостережение П. Фейерабенда, который писал, что «словари и переводы являются весьма неудачным способом вводить понятие языка, синтаксис которого существенно отличен, например, от английского, или от идей, которые нельзя „подогнать“ под западноевропейский способ мышления»[5].

Возникновение проблемы языка научного дискурса объясняется тем, что в начале 90-х гг. прошлого века, на волне критики марксистской парадигмы науч-

[3] Примечательно, что в конце XX в. появилось сразу несколько концептов, претендовавших в метафорической форме выразить специфику «пути России»: «Тень Грозного царя» А.Л. Янова, «Русский ген» В.Б. Пастухова, «Российская колея» А.А. Аузана, «Раздаточная экономика» О.Э. Бессоновой.

[4] *Зверева Г.И.* «Присвоение прошлого» в постсоветской историософии России (Дискурсный анализ публикаций последних лет). URL: http://www.situation.ru

[5] *Файерабенд П.* Избранные труды по методологии науки // Пер. с англ. и нем. А.Л. Никифорова; общ. ред. и вступ. ст. И.С. Нарского. – М.: Прогресс, 1986. С. 432.

ного познания обнаружился дефицит креативности среди отечественных ученых, связанный с разработкой новых способов научно-исследовательской деятельности. Многие отечественные ученые, отказавшись от марксистской парадигмы научного познания, обратились к западноевропейской интеллектуальной традиции, сотворив себе новых кумиров в лице представителей академической науки на Западе. Теоретические конструкты этой науки, их понятийный аппарат, стали широко использоваться в отечественных научных исследованиях, посвященных российской проблематике. Некоторые из этих конструктов превратились в интеллектуально-когнитивные моды. Отсюда в отечественных научных исследованиях началось, как отмечает Б. Капустин, «бесконечное топтание на парадигме модернизации-либерализации-демократизации-глобализации, которая в виде предельно радикальной критики допускает лишь теоретически маловразумительные рассуждения об „отклонениях“ от якобы универсальных принципов развития, попятных тенденциях авторитаризма или чем-то еще в этом духе»[6].

Причины всего этого носят культурно-исторический характер и связаны они с особенностями стиля научного мышления многих российских ученых. Характеризуя этот стиль, Вс.Н. Иванов пишет: «Ни у одного народа мы не видим таких специфических особенностей научного и обычного восприятия, как видим это у нас, русских: мы чрезвычайно легко видим в окружающем нас мире то, что мы хотим, что мы привыкли видеть. Это является следствием некритичности русского познавательного духа, которому все равно, верить ли в святость кн. Владимира или в непогрешимость Карла Маркса»[7].

Некритичность русского познавательного духа, обусловившая склонность российских ученых к познавательной подражательности и интеллектуальным модам, способствовала интеллектуальной стагнации социальных и гуманитарных наук в современной России. В связи с этим появление новых концептов-метафор в научном дискурсе конца XX в. можно рассматривать как попытку, с одной стороны, преодоления синдрома подражания, свойственного русской интеллектуальной мысли, с другой – разработки языка, адекватного для изучения российской действительности. Речь, разумеется, при этом идет не о претензиях на создание особой, национальной версии гуманитарных и социальных наук, а о поиске пути выхода из той интеллектуальной стагнации, куда их завела когнитивная подражательность.

Трактовки концепта Русской власти, предложенные В.П. Макаренко, Ю.С. Пивоваровым и А.И. Фурсовым в качестве метафорического понимания и теоретического обоснования русского пути и места России в современном мире, также являются попытками разработки научного языка, понятийного и теорети-

---

[6] Политическая теория. Беседа с Борисом Капустиным // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. – М.: Изд-во Некоммерческий фонд «Наследие Евразии», 2006. С. 60.

[7] *Иванов Вс. Н.* Мы на Западе и на Востоке. Культурно-исторические основы русской государственности. – СПб.: Изд-во НУ «Центр Стратегических Исследований», 2005. С. 15–16.

ческого аппарата, адекватного для изучения российской политической специфики.

В современной науке можно выделить системный и реляционистский походы в трактовке политической власти. В рамках системного подхода власть рассматривается в качестве атрибута политической системы общества, раскрывающегося в способности власти поддерживать целостность общества, мобилизовывать его ресурсы, регулировать общественные отношения. В рамках этого подхода разработаны структурно-функциональная и мобилизационно-целевая теории политической власти. В русле реляционистского подхода, в котором власть трактуется как средство взаимодействия политических субъектов, созданы потенциально-волевая, инструментально-силовая, коммуникативная, обмена ресурсами и раздела зон влияния теории политической власти.

Методологический потенциал этих подходов и теорий (за исключением инструментально-силовой теории) оказался явно недостаточным при изучении российских политических реалий. В частности, В.П. Макаренко, предлагая свою трактовку концепта Русской власти, показывает наличие «мифических элементов» в трактовке власти как волевого отношения. Сам он при этом частично опирается на деятельностный подход, при котором власть рассматривается в качестве средства политического управления, включающего разнообразные ресурсы – от принуждения до убеждения. В рамках этого подхода разработаны такие теории политической власти, как авторитарно-властного господства и авторитетно-властного полномочия.

Работа В.П. Макаренко «Русская власть» посвящена теоретико-социологическим проблемам русской власти. В социологии власти основной вопрос – это вопрос о субъектах властных отношений. В концепте Русской власти В.П. Макаренко, основанном на идее «троевластия» присутствует только один субъект этих отношений – «властитель-собственник-жрец». Все остальные – «подданные, собственники, верноподданные» являются объектами этих отношений. Поэтому Русская власть у В.П. Макаренко выступает атрибутом «властителя-собственника-жреца», для всех остальных объектов властных отношений власть наполняется онтологическим смыслом: власть – это «неопределенная, вездесущая и дьявольская сила».

Таким образом, В.П. Макаренко разрабатывает концепт Русской власти в русле ее трактовки, с одной стороны, как авторитарно-властного господства (основа – концентрация власти и собственности в одних руках), а с другой – трактовки власти как социальной онтологии.

Следует обратить внимание на то, что трактовка власти как социальной онтологии уже получила дальнейшее развитие в отечественной литературе. В частности, некоторые исследователи, рассматривая пространство власти как пространство, где человек наделяется статусом, отмечают, что власть, соотносимая с высшей ценностью, задает основания аксиологической шкалы, структурирует общество, обеспечивает его «нерасчленимое единство». Для того чтобы

подобная структура могла сформироваться, по их мнению, необходимы три условия. Первое – это острая потребность в единстве при невозможности «естественного» объединения. Второе условие – наличие внешнего ресурса, значительно превосходящего местные, который власть может распределять, тем самым наделяя статусом подданного, чья способность осуществлять дальнейшее распределение зависит от объема распределенного в его пользу ресурса. Опираясь на этот ресурс (силовой, символический или хозяйственный), власть подавляет нежелательную активность низовых социальных групп и гармонизирует социальные отношения в подходящей для себя форме. Третье условие – дистанцированность власти. Чтобы легитимировать общество, полагают исследователи, власть должна быть сакральной («выведенной из зоны фамильярного контакта», говоря словами М.М. Бахтина). «Легитимация власти из трансценденции задает смысловой контекст существования общества, напрямую связывая причастность к высшей ценности с причастностью к власти. Опирающаяся на „трансценденцию“ власть не нуждается в признании со стороны общества (все претензии – к „источнику легитимности“), ее основания и принципы не могут быть предметом переговоров. Это не тема для обсуждения, а контекст, позволяющий договориться о чем-либо, „объективные условия“, в рамках которых должен жить и действовать социальный субъект»[8].

Трактовка концепта Русской власти была дана Ю.С. Пивоваровым и А.И. Фурсовым в «Русской системе», в которой Власть, иерархия и подчинение были объявлены глубинной сутью России. Концептуальное содержание «Русской системы» состоит в следующем: Русский мир, – утверждают авторы, – властецентричен. Власть становится условием существования всех и всего. Оформляется социальный порядок, который назвали Русской Системой.

Основу «Русской системы» составляет идея «насилия», включающая, с одной стороны, преимущественно принудительные социальные взаимодействия с постоянно присутствующей угрозой легитимированного государством насилия (побоев, ареста, конфискации имущества, лишения свободы, казни), а с другой – запечатленные в культуре символы и ценности «порядка» и «сильной руки», преобладание принуждения в установках сознания и поведения. Основные элементы «Русской системы» – это власть; популяция, то есть население, исторически имевшее, но утратившее субъектные характеристики, чья субъектность при нормальном функционировании власти отрицается по определению; «Лишний человек», который может быть как индивидуальным (часть дворян и интеллигенции в XIX – начале XX вв.), так и коллективным (казачество в XVII в.). При этом относительно «Лишнего человека» авторы подчеркивают, что речь идет о тех индивидуумах и группах, которые не «перемолоты» Властью, и потому не стали ни ее органом, ни частью популяции. Или же о людях, «выло-

[8] *Бляхер Л.Е.* Архаические механизмы легитимации власти в России, или очерки об истоках ностальгического сознания // Полития. 2008. № 3. С. 7–29.

мившихся» из популяции и власти, нередко в результате ее же, власти, деятельности, целенаправленной или побочной.

«Русская система» предполагает такой тип взаимодействия перечисленных выше элементов, при котором единственно социально значимым субъектом оказывается власть. Если «Русская система» – это способ контроля Русской власти над Русской жизнью, то Лишний человек – мера незавершенности Системы, индикатор степени «неперемолотости» Русской жизни Системой и Властью. Процесс взаимодействия, с одной стороны, Русской системы и Русской власти, а с другой – Русской системы и Русской жизни и есть, – констатируют авторы, – русская история».

В концепции «Русской системы» Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова Русской власти придается онтологический характер. Метафизическая природа Русской власти, как отмечают В.А. Дубовцев и Н.С. Розов, служит для них универсальным объяснением ее постоянного возрождения в России. Но поскольку метафизика оказывается малопригодной для объяснения периодических кризисов, сломов «Русской власти», то на помощь Ю.С. Пивоварову и А.И. Фурсову приходит, как подчеркивают авторы, метафора физикалистская: весь многовековой тренд трактуется ими как двойственный процесс «утолщения» слоя приближенных к власти лиц (боярство, опричнина, дворянство, разночинное чиновничество, советская номенклатура, организованная концентрическими кольцами умельчающихся партийных, советских и хозяйственных руководителей – «Властепопуляция»), с одной стороны, и «истончения» богатства (от боярских земель до советских пайков) – с другой[9]. По существу у Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова при рассмотрении причин сломов Русской власти речь идет о росте номенклатуры и истощении государственной «кормушки».

Сломы, смуты и последующие «переделы» Русской власти происходят, согласно Ю.С. Пивоварову и А.И.Фурсову, либо при излишней концентрации власти в каком-либо из привластных слоев, либо при чрезмерной ее распыленности.

Что общего и в чем состоят различия в трактовках концепта Русской власти В.П. Макаренко, Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова. Общим является то, что, во-первых, Русской власти придается метафизический характер, во-вторых, ее содержание подается в метафорической упаковке. Различия заключаются в следующем: в основе трактовки Русской власти В.П. Макаренко лежит идея «власти-собственности», а в основе трактовки Русской власти Ю.С. Пивоваровым и А.И. Фурсовым – идея «насилия». Сравнивая трактовки концепта Русской власти этими исследователями следует обратить внимание также на то, что представления В.П. Макаренко больше тяготеют к взглядам на Россию как разновидность Восточной цивилизации в понимании Л.В. Васильева, а представле-

[9] *Дубовцев В.А., Розов Н.С.* Природа «Русской власти»: от метафор к концепции // Политические исследования. 2007. № 3. С. 8–23.

ния Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова – к взглядам на Россию как особую цивилизацию.

Об этом свидетельствуют высказывания А.И. Фурсова, который спустя десять лет после публикации совместно с Ю.С. Пивоваровым «Русской системы» писал, что у русской власти «нет аналогов ни на Западе, ни на Востоке, это исключительно русский феномен. В то же время – и в этом один из главных парадоксов русской власти, одно из ее главных противоречий – она, во-первых, никогда не возникла бы на русской почве без взаимодействия с тенденциями и феноменами общеевразийского развития и, во-вторых, не получила бы своей завершенной формы вне капиталистической системы, без взаимодействия с тенденциями и феноменами общемирового развития. В связи с этим термин „русская власть“, который я буду использовать, отражает весьма сложную по содержанию и строению субстанцию, формировавшуюся как русский ответ на нерусские – евразийские и мировые – воздействия. Я буду называть эту власть „центроверхом“, чтобы не прибегать к таким терминам как „государство“, „патримония“ и т.п.»[10].

Концепты Русской власти в трактовке В.П. Макаренко и особенно Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова получили широкий, в том числе и критический резонанс в научной среде. В связи с этим стоит остановиться на некоторых критических сюжетах, посвященных работам В.П. Макаренко, Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова. Критиками этих работ выступили в первую очередь либерально-ангажированные авторы, не смотря на то, что в концепции Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова, как отмечает Г.И Зверева, широко использовались элементы либеральной миросистемности[11].

Есть критика негативная, а есть и позитивная. Примером негативной критики, т. е. без попытки разобраться в сути концепции, является рецензия А.А. Миголатьева на книгу В.П. Макаренко «Русская власть»[12]. А.А. Миголатьев – защитник гегелевской философии истории и сторонник либерализма – одного, как он сам пишет, из основных, ведущих течений современной общественной теории и политической практики, признающий универсальность либеральных ценностей прогресса, демократии и свободы, считает концепцию «Русской власти» В.П. Макаренко надуманной, в прокрустово ложе которой искусственно втискиваются сложнейшие социально-экономические, политические и духовные процессы в России.

Почему концепция В.П. Макаренко представляется А.А. Мигалатьеву «надуманной»? Потому что она, оказывается, не вписывается в стиль мышления А.А. Мигалатьева, основу которого составляет методология «однолинейного прогрессизма», суть которой состоит в представлении о том, что су-

[10] *Фурсов А.* Русская власть, история Евразии и мировая система: mobilis in mobile (социальная философия русской власти) URL: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st= 1212912480

[11] *Зверева Г.И.* «Присвоение прошлого» в постсоветской историософии России (Дискурсный анализ публикаций последних лет). URL: http://www.situation.ru

[12] Социологические исследования. 2000. № 2. С. 47–50.

ществует лишь одна линия общественного прогресса, ориентиры которого задаются наиболее развитыми западными странами. Соответственно, в рамках такого стиля мышления запаздывающие общества типа России, идущие по линии этого прогресса, успешно могут быть описаны в понятиях модернизации, гражданского общества, правового государства, прав человека, либеральной демократии, разделения властей, политической власти как авторитетно-властного полномочия, и поэтому никакой другой понятийный аппарат для описания, понимания и объяснения российской действительности не нужен.

Другой критик В.А. Ковалев называет «Русскую систему» Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова фантастическим вариантом[13]. Автор пишет, что российские обществоведы, в массе своей разочарованные результатами отечественных реформ последних полутора десятилетий, напряженно ищут ответа о причинах их неудачи. Сделать это, достичь теоретического прорыва, пребывая в состоянии ученичества у западных социальных наук, повторяя зады европейской и американской социологии и политологии, действительно трудно.

В связи с этим, отмечает В.А. Ковалев, понятен растущий спрос на самобытное теоретизирование, основанное на предположении о том, что мы очень серьезно отличаемся от Запада, и у нас свой порядок, который описывающие его авторы так просто и называют – «Русская система». «Практические выводы, которые я сделал из подобных представлений, сводились к фатальной безысходности произвола власть предержащих в России, при котором придется жить не только нам и нашим детям, но и внукам, правнукам. В переводе на житейский язык это значит, что Россия в рамках такой системы так и должна оставаться в состоянии перманентной холодной гражданской войны „верхов и низов“, со злоупотреблениями элиты, с нищетой населения, а правовое государство, либерализм и свободные выборы для нее не только недостижимы, но и противопоказаны в принципе».

Далее автор от критики «Русской системы» как концепции неожиданно переходит к критике современного российского государства как ее «последнему изданию». «В глазах общественного мнения, – пишет В.А. Ковалев, – российское государство выглядит неэффективным, некомпетентным, коррумпированным и все более пугающим. Соответственно все исходящие от такого государства инициативы воспринимаются с позиции презумпции его враждебности и чуждости обществу». Наш вывод – «дальнейшее существование такого государства несовместимо с перспективами России. Уже в среднесрочной перспективе выживание и развитие России и продолжение существования „Русской системы“ несовместимы». «Эта властно-центричная Система всегда была в нашей стране господином. В „Русской системе“ нет никакой мистики, чуда „вечного возвращения“ и т.п. Модернизация государства и экономики задержалась и принимает симулятивный характер, продолжают господствовать устаревшие,

[13] *Ковалев В.А.* «Русская система»: фантастический вариант // Россия и современный мир. 2006. № 1(50). С. 40–60.

архаичные уже политические формы. По сути, это до сих пор не преодоленное наследие имперского прошлого. Русская система, с непреодоленными имперскими пережитками в отношении собственного населения всегда будет чревата Смутой. Так будет и дальше, до тех пор, пока в диалектике „господина и раба“ роль господина будет оставаться за чуждым населению государством – без всяких вариантов. Без появления в России демократического национального государства (в смысле гражданской нации) так и будет».

Тем самым В.А. Ковалев признает существование в России «Русской системы» как ее «господина». Почему же в связи с этим «Русская система» Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова является фантастическим вариантом, остается загадкой.

Есть критика позитивная, признающая некоторые положения критикуемых концепций, но отрицающая их эвристический потенциал для понимания процессов, происходящих в социокультурной сфере современного российского общества и прогнозирования его будущего. В частности, Э.А. Паин, относит концепцию исторической инерции, которую Ю.С. Пивоваров и А.И. Фурсов назвали «Русской системой», а А.Л. Аузан «Российской колеей», к теориям исторического фатализма, основу которых составляет идея культурного кода, неизменного, воспроизводящегося при любых исторических обстоятельствах[14].

«Я как этнограф по образованию и политический антрополог по роду деятельности, – пишет Э.А. Паин, – разумеется, не отрицаю существование неких явлений культуры, которые можно охарактеризовать как культурный код. Почему Салтыков-Щедрин, – вопрошает в связи с этим автор, – воспринимается как наш современник, почему мы наблюдаем повторяемость именно тех стереотипов поведения, которые так сильно препятствуют утверждению конституционного строя в России и переходу ее от власти авторитета к власти закона? Да потому, что сохраняются фундаментальные черты в российских условиях жизни, они и воспроизводят культурный код».

«Несущим каркасом этих условий, – считает Э.А. Паин, – является господство природных ресурсов в экономике при дефиците человеческих. В какие-то времена эти „ножницы“ сжимались за счет прикрепления населения к территории, а в другие – прикреплением ее к государству и оскоплением социальных свойств человека, его гражданских качеств. Но одновременно происходил и рост безответственности государева человека: „Барин правит – пусть за все и отвечает. Барин думает, что он платит – пусть думает, что я служу. Барин имеет собственность – пусть он ее и охраняет“. Как торговала Россия сырьем при Петре – так и торгует, только вместо леса и пеньки продает лес и газ. Как сажали государи воевод и бояр на кормление – так и сажают. Воспроизводятся нравы города Глупова. Самое главное: как не было в России общества, способ-

[14] *Паин Э.А.* Традиции и квазитрадиции: о природе российской «исторической колеи». URL: http://www.polit.ru/lectures/2008/06/26/pain.html

ного контролировать государство и воспринимать себя как основной элемент политической системы, так его и нет».

Однако, как утверждает Э.А. Паин, «российская система инерционна, но не традиционна. Поэтому у „Русской системы“, как инерционной системы, а не о perpetuum mobile, есть ресурс, который расходуется, исчерпывается. И это исчерпание уже заметно и будет нарастать, прежде всего социокультурной сфере. Поэтому я, – говорит Э.А. Паин, – выступаю против мистификации культурных кодов, поскольку, нет подтверждений распространенному мнению об их неизменности».

Этой идеи придерживается и И.М. Клямкин, который ссылается на результаты социологического исследования, проведенного по заказу одного из центров либеральных исследований. Убежденные сторонники «Русской системы» в таких ее проявлениях, как доминирование государства над личностью, патернализм и закрытость страны, по данным И.М. Клямкина, составляют менее 7% респондентов. Невелик и их резерв (22%), в котором сохраняется ориентация на два из трех названных признаков «русской системы». Между тем сторонники модернистской альтернативы «русской системе» (приоритет интересов личности, ее самостоятельность и ответственность за свою жизнь, открытость страны) составляют треть населения (33%) при несколько большем по численности резерве (37%). Почти все наши сограждане (96%) считают, что в стране сегодня царит произвол властей, причем свыше 50% полагают, что от него нет защиты. Более половины опрошенных (58%) убеждены в том, что власть в России держится сегодня прежде всего на круговой поруке чиновников, их коррумпированности, причем больше всего подобные настроения распространены в ядре «модернистов»: данную точку зрения разделяют почти две трети их представителей. «При таком отчуждении населения от государства последнее не может быть источником доверия, а становится главным источником недоверия» [15].

Согласно этим данным получается: почти 20 лет реформ и власть вернулась в привычную колею. Однако И.М. Клямкин делает вывод о том, что «российское общество переросло „Русскую систему“ еще при коммунистическом режиме, что и стало главной причиной падения последнего и смены традиционных для страны способов легитимации власти. Есть все основания утверждать, продолжает И.М. Клямкин, что таких благоприятных условий для реализации либерально-модернистского проекта, какие существуют сегодня, в стране до сих пор не было. Проблема же в том, что до сих пор обществу не предложено самого такого проекта».

Что общего между либеральными критиками концепций «Русской власти» и «Русской системы»? Во-первых, критике подвергаются не их концептуальные основания, а современная российская государственность как их последнее воплощение. Во-вторых, это вывод критиков о том, что в условиях постиндустри-

[15] *Клямкин И.М.* Модернистский проект в России // Неприкосновенный запас. 2003. №1(27)

ального развития система Русской власти обречена, поскольку ее ресурсы или исчерпаны, или недостаточны для постиндустриального прорыва. В-третьих, критики в большей мере стремятся быть идеологами, чем учеными, или, по крайней мере, политическими философами, которые стремятся поставить политическую реальность под свой контроль, и для которых эта реальность важна не сама по себе, а как предмет рассуждений о том, что в ней не так с точки зрения определенного идеала общественного развития.

Иной вид критики демонстрируют академически настроенные ученые. В частности, В.А. Дубовцев и Н.С. Розов считают, что авторы «Русской системы», а также их последователи стремились прежде всего понять природу русской власти и ответить на вопрос, почему «русский ген власти» после соединения с западными новшествами и краткого периода мутаций и гибридизации вновь проявляет свою твердую, неизменную природу и порождает структуры власти, сходные с прежними.

Однако «Русская система», «Русская власть» – это, как полагают В.А. Дубовцев и Н.С. Розов, не столько понятия, сколько метафоры, которые «нуждаются в рационализации, критическом осмыслении; даже доказав свою надежность, метафоры требуют концептуализации и эмпирической проверки. Легкость метафорической интерпретации хоть и способствует созданию ясного и зримого образа, но оставляет за скобками главный концептуальный вопрос: фатально ли возвращение и при каких условиях возможно поступательное продвижение без циклов и возвратов?». В связи с этим В.А. Дубовцев и Н.С. Розов предлагают использовать концепт «Русская власть» для понимания комплекса устойчивых и воспроизводящихся в российской политической истории свойств политических режимов. Речь идет о самодержавии (в разных формах: от великокняжеской до президентской), о стремлении к максимальной централизации, сосредоточению власти и контролю над ресурсами, нетерпимости к существованию какой-либо оппозиции, привычке делать ставку на принуждение и насилие. Авторы предлагают также некоторые научные, на их взгляд, и эмпирически верифицируемые гипотезы, объясняющие историческую цикличность автократии в России.

В качестве такой гипотезы у них выступает идея «вертикального договора» и расширения российской субъектности.

В течение каждого относительно длительного периода стабильности (30–50 лет) те или иные социальные группы, как считают В.А. Дубовцев и Н.С. Розов, накапливают имущественный ресурс (капитал в широком смысле) и обретают способность к мобилизации и консолидации для отстаивания своих имущественных и иных прав, в той или иной форме претендуют на участие в принятии правовых и политических решений.

В понятиях «вертикального договора» это означает «претензии на превращение его в систему (режим) горизонтальных договоров как способ перераспределения ресурсов. Если верховная власть идентифицирует себя как абсо-

лютная автократия (самодержавие) и не готова к горизонтальным контрактам (которые всегда ее ограничивают), она предпринимает репрессивные действия против групп держателей ресурсов, привлекая для этого силовые структуры и низовые группы. В одних условиях (когда сами проводники этой политики – собственники) верховная власть расплачивается с низовыми союзниками долей экспроприированных ресурсов, и тогда рекурсивное повторение процесса ведет как раз к расширению „привластных“ слоев и дроблению собственности. В других – когда проводниками политики оказываются неимущие чиновники – власть концентрирует ресурсы (вплоть до полной национализации), расплачиваясь „распределением пайков“. В любом случае нахождение некой приемлемой формы вертикального контракта открывает новый период стабильности, и цикл повторяется»[16].

К такой трактовке концепта «Русская власть», которую предлагают В.А. Дубовцев и Н.С. Розов, можно добавить следующее. В рамках деятельностного подхода к пониманию «Русской власти» ее можно рассматривать как средство государственного управления. Одним из основных ресурсов этой власти, определяющих ее специфику, выступает «кормление». Как формальный институт «кормление» было отменено еще при Иване IV, но как неформальный институт оно, по мнению Т.С. Кондратьевой, постоянно реактуализируется в России, в том числе и современной[17]. Автор рассматривает «кормление» как функцию «Русской власти» в двояком смысле: 1) кормление в смысле «править и кормиться», 2) кормление в смысле «править и кормить».

Кормление как «править и кормиться» представляет собой неформальный политический институт. Кормление как «править и кормить» – это атрибут «Русской власти» как средства государственного управления. В связи с этим надо отметить, что в русском языке слова «кормить» и «править» синонимичны, отсюда «стол» и «престол», а также «кормчий», который не только хорошо правит лодкой, но и кормит, ибо лучше других знает, где найти рыбу или зверя.

Расширение концептуального видения проблемы «Русской власти», как полагают В.А. Дубовцев и Н.С. Розов, может привести к превращению специфических российских констант в переменные. В связи с этим они отмечают, что в «Русской системе», в полном согласии с магистральной традицией русской политической истории, фокусируют внимание на решениях и действиях представителей верховной власти («царей–генсеков–президентов» и их ближайших советников), оправдывая свой подход метафизической моносубъектностью «Русской власти». В нашей концепции «расширения российской субъектности», подчеркивают В.А. Дубовцев и Н.С. Розов, «выступают на сцену не только группы держателей ресурсов, но и низовые слои, от сознания и поведения (субъектности!) которых многое зависит».

[16] *Дубовцев В.А., Розов Н.С.* Природа «Русской власти»: от метафор к концепции // Политические исследования. 2007. № 3. С. 8–23.

[17] *Кондратьева Т.С.* Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв. / Пер. с фр. – М., 2009. С. 8–9.

В.А. Дубовцев и Н.С. Розов критикуют Ю.С.Пивоварова и А.И.Фурсова за то, что в их «Русской системе» почти все социальные слои и группы в России движимы инстинктом восстановления «русской власти», тогда как акторы, против нее выступающие (бояре, верховники, декабристы, кадеты, диссиденты), безжалостно выбрасываются на свалку истории. Если же отступить от «метафизики» и опереться на принципы социально-исторической динамики, то, по мнению В.А. Дубовцева и Н.С. Розова, приверженность тех или иных групп и слоев «русской системе» (читай: монополизации власти, принуждению и насилию, «сильной руке», «вертикали власти», подавлению любой оппозиции и пр.) «должна пониматься как зависимая величина, на которую влияют некие опять же меняющиеся факторы. Тем самым открываются возможности целого спектра социологических, сравнительно-исторических и сравнительно-политологических исследований».

Могущество и устойчивость «русской власти» напрямую зависят от поддержки ее разными группами населения, в том числе и от ее легитимации историками и политологами. Однако поддержка и легитимация – не единственно возможная реакция на «русскую власть»; последняя отнюдь не вечна. «Русская власть» – это вполне «реальная историческая субстанция, и ныне, – подчеркивают В.А. Дубовцев и Н.С. Розов, – мы вновь вкушаем ее плоды. Следует признать потрясающую живучесть данного феномена, его способность возрождаться и набирать силу. Однако разве не может (и не должен!) наметившийся „метафизический“ пиетет перед этим идолом-мутантом, – вопрошают авторы, – смениться концептуализацией, критическим обсуждением, выдвижением и проверкой гипотез, широкими сравнительными исследованиями – и все это ради получения ответа на вопрос: при каких условиях „русская власть“ сменится в России на нечто более приемлемое?».

В связи с бурным обсуждением концепции «Русской системы», предложенной Ю.С.Пивоваровым и А.И.Фурсовым, необходимо высказать несколько суждений по поводу системы русской власти и ее фатального характера. Нам представляется, что «Русская система» – это не столько концепция социального порядка в русском обществе, как пишут ее авторы, а концепция российской государственности как государственно-организованного общества. Специфика российской государственности определяется не столько формальными институтами государственной власти (хотя здесь тоже есть своя специфика), сколько неформальными, которые задают, с одной стороны, модели взаимодействия государства и общества (патернализм), государства и человека (этатизм), государства и природной среды (экстенсивизм), государства и окружающего мира (мессианизм), а с другой – модели поведения «власть предержащих» (насилие и мобилизация), «подданных-бессубъектников» (терпение и легитимация) и «лишних людей-диссидентов» (юродство и безнадежность).

Что же касается вопроса о фатальной обреченности России на «Русскую систему» и «Русскую власть», то полагаю, что при решении этого вопроса сле-

дует опереться на новые методологические подходы, прежде всего в рамках неоклассической модели научного познания. Один из таких подходов связан с идеей нелинейного времени, позволяющей по-новому интерпретировать отношения между старым и новым. В соответствии с этой идеей, прошлое, настоящее и будущее, разворачиваясь в действиях людей, являются не последовательными, а одновременными состояниями.

Пример реализации такого подхода предложил немецкий историк Р. Козеллек, изучавший «время истории» через отношения между прошлым и будущим (или, в антропологических терминах, между опытом и ожиданием). В частности он пишет: «Опыт и ожидание – это две категории, которые, переплетая прошлое и будущее, вполне подходят для того, чтобы работать над историческим временем». Конкретная история реализуется па пересечении определенного опыта и определенного ожидания. Но эти понятия «обнаруживаются не только в процессе осуществления конкретной истории, в той мере, в какой они помогают ей двигаться вперед. В качестве категорий они также дают для нашего познания истории формальные дефиниции, которые позволяют расшифровывать это осуществление»[18].

Новизна такого подхода заключается в том, что ученый сознательно направляет свое исследование на тяжбу или зазор между «полем опыта» и «горизонтом ожидания», индивидуальным или коллективным, при этом ясно понимая, что реализация проектов будущего обновляет смысл внутреннего опыта героев его повествования и тем самым определяет содержание их настоящего. Иначе говоря, современность, изученная ученым без учета прошлого, реактуализованного в настоящем благодаря новому видению будущего, теряет свою полноту, рассыпается на единичные явления и вещи. Если ученый стремится реконструировать эту полноту, он должен маневрировать так, «чтобы не подвергать себя двустороннему риску тирании наследия и свободы преобразования (или их сиюминутной детерминации)»[19].

[18] *Koselleck R.* Le futur passe. Contribution a la semantique des temps historiques / Trad. J. Hoock. M. C Hoock. Paris: EHESS, 1990. P. 310–311.

[19] *Lepetit B.* Le present de l'histoire // Les formes de I'experience. line autre histoire sociale. Paris: Albin Michel, 1995. P. 290.

«СВОЙ ЧУЖОЙ»: КОНЦЕПТ РУССКОЙ ВЛАСТИ

В.П. Макаренко
Южный федеральный университет

Моя концепция русской власти включает общую, особенную и специальную части. Вначале я формулирую исходные понятия анализа. Затем использую их для поиска правил и закономерностей генезиса и функционирования русской власти. Эмпирическим материалом служат главные события истории России от Киевской Руси до 1917 г. При этом я подвергаю систематической критике официальную версию советской историографии[1], опираясь на труды Кембриджской школы экономической истории. В третьей части применяю полученные выводы для анализа процесса и результатов революций 1917 г. в России. В данной статье в сжатом виде излагаются основные пункты моей книги[2]. Это необходимо для изложения моей позиции в дискуссии на тему «Система русской власти: диссонансы или созвучия концептов?»

1. Главные проблемы и понятия исследования

При описании русской власти я анализирую следующие методологические проблемы: соотношение социальных и политических ценностей; политический язык, культ государства и социального порядка; политическое отчуждение; кумуляция господства на протяжении истории Московского царства, Российской империи и СССР. Рассмотрю их последовательно.

1.1. ***Соотношение социальных и политических ценностей***. При описании социального бытия невозможно исключить влияние ценностей. Они затрудняют проведение строгого различия между философской рефлексией и мифологизацией. Большинство вариантов философии истории не определяют эту границу, постулируя взамен связь индивидов со становлением и развитием государств. На деле эта связь всегда дискуссионна. Государства не являются носителем социального порядка, а действия государственных мужей и аппарата управления государством не воплощают смысл истории. Любая философия ис-

[1] См.: История СССР с древнейших времен до конца ХУШ в. Под ред. Б.А.Рыбакова. М., 1983

[2] См.: Макаренко В.П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов-на-Дону, изд.СКНЦ ВШ, 1998

тории – это разновидность нормативно-ценностного порядка, прилагаемого к историческому процессу. Разные варианты философии истории обычно состоят из мифологических утверждений, которые не удовлетворяют критериям истинности и лжи, но используются для аксиологической квалификации социальных (исторических, политических) фактов. Все разновидности философии истории, которые пытаются учитывать *«уровень развития»* индивидов, социальных групп, этносов, наций и пр., есть модификации политической мифологии. Понятия свободы, прогресса, порядка, равенства, рациональности и т.д. обычно используются как мифические конструкции при отражении и попытках изменения пространственно-временных определенностей. Поэтому философско-политическое обоснование любых действий любых государств в большинстве случаев есть произвольный отбор одних и исключение других параметров социальной жизни, исторического процесса, политической ситуации и т.п.

Существует множество вариантов мифологизации социально-исторической реальности. Все классические идеологии Нового времени (либерализм, консерватизм, социализм, марксизм) содержат мифические утверждения, которые ведут к противоположным следствиям в теории и на практике. Я считаю, что политическая теория может строиться на основе анализа мифических (ошибочных) утверждений всех идеологий, а не одной из них[3]. Однако весь массив социогуманитарных знаний последних трехсот лет и вытекающие из него проекты социально-политического переустройства базируются на опережении оценки над познанием. С этой точки зрения различия идеологий несущественны. Все они превращали отдельные параметры социального развития в критерии сравнения обществ и стран. На этой основе невозможно построить теорию исторического процесса. Общая ошибка всех идеологий – отсутствие строгого различия фактов и теории. То же самое относится к концепциям «*тоталитаризма»*, «*модернизации»*, «*открытого общества»* и т.п. Все они теоретически бесплодны, поскольку любая социально-политическая ценность может быть доказана теориями, которые базируются на противоположных посылках.

Теория политических объектов и типов политического мышления предполагает синтез концепций рациональности, философии науки и философии языка. Такого синтеза в современной науке пока нет. Значит, ни одна идеология не может считаться образцом для подражания и практического воплощения. Дело в том, что: в большинстве исторических текстов при описании исторического процесса не проводится различие имен и дескрипций; все идеологии при описании природы политического воображения тоже не проводят различие имен и дескрипций; возникшие на основе такого воображения проекты политического управления и переустройства общества ложны или к ним неприменимы классические и релятивистские критерии истины и лжи; вытекающие из этих проектов

[3] Например, аксиологические основания либерализма и этатизма едины, но различаются акцентами на индивидуальную или групповую свободу. Либерализм не разработал теории *человеческой природы*, которая сопоставляется с фактами, модифицируется, уточняется или отбрасывается из-за невозможности их объяснить.

теории пренебрегают проблемой адекватного описания социополитического мира; грамматики, в которых используется предикат бытия в отношении социально-политических объектов (в классическом смысле слова) укрепляют политические мифологии и идеологии; писаная история культуры снимает различие актуального и потенциального бытия.

1.2. Вытекающие отсюда следствия я иллюстрирую на примере ***соотношения политического языка, культа государства и социального порядка***. Политический язык отличается следующими свойствами: скрытая аксиология; перемещение смысла политических текстов в сферу непроверяемости; оперирование смыслами, которые ложны или выходят за рамки критериев истины и лжи; рост агрессивности по мере использования СМИ; привлечение теоретических моделей для маскировки этой агрессивности. С учетом этих свойств политические факты всегда дискуссионны или ложны.

В современной методологии существуют нормативно-элиминационная и конструктивно-генетическая концепции факта. Обе позволяют эксплицировать универсалистские концепции политики, государства и власти и типологически их локализовать в зависимости от эмпирического содержания, влияющего на процедуру выбора. Методологическое пространство процедуры задается возможностью полной редукции политических фактов к языковым системам при нормативности последних или отожествлением политических фактов с теми аспектами человеческого опыта, сознания и бытия, которые не поддаются строгому определению.

Если согласиться с первой возможностью, то государственные деятели и политики всех времен и народов были «*идеальными логиками*», а свойства политического языка являются нормой научного исследования. Первое следствие не соответствует действительности, второе снимает различие науки и политики. Если согласиться со второй возможностью, то политический язык совпадает с религиозно-мистическим освоением мира, а процессы образования государств во времени и пространстве совпадают с формированием языков и вообще духовной культуры человечества.

Оба вывода фиксируют предельные основания политического языка и не являются образцами для подражания. Значит, познание мира политики может базироваться на логическом круге (и продуцировать парадоксы политического бытия), или на утверждении собственной достоверности (и продуцировать догмы для укрепления естественного догматизма и оппортунизма людей, вовлеченных в социополитические процессы не по своей воле, или профессиональных политиков, сражающихся за власть добровольно).

Кроме проблемы методологического выбора существуют социальные и институциональные факторы, которые затрудняют дистанцирование исследователей от социальной и политической коньюнктуры. В либерализме, марксизме, социал-демократизме и ленинизме образцом такой апологетики является категория *интереса*. Если считать интересы конституирующими, грань нормы и па-

тологии в социальном бытии становится неуловимой. Эта грань заполняется иллюзорными представлениями о государстве и социальном порядке, вследствие чего указанные направления политической мысли и действия смыкаются с консерватизмом[4]. Основанием такой смычки являются разные модификации этатизма.

Культ государства и социального порядка привносят в научное исследование более или менее осознанную апологетику. Этатистские концепции обычно базируются на категории интереса, трактовке власти как волевого отношения и представлении об обществе как организме. Данные концепции используются классическими (либерализм, консерватизм, социализм, марксизм) и романтическими (традиционализм, фашизм, национализм) идеологиями. Эти категории и концепции становятся тем более популярными, чем большее число государств применяют классическую концепцию суверенитета для достижения явных и скрытых политических целей. То же самое относится к идеологеме *выбора*. Она используется тогда, когда реального выбора уже нет. В итоге весь комплекс социальных наук используется для манипуляции обществом.

Нормативно-ценностный порядок всех государств базируется на отождествлении прав и обязанностей индивидов, идее иерархии ценностей и отождествлении обязанностей и ценностей. Все государства используют данные схемы мысли и преобразуют их в *нормы* деятельности госаппаратов независимо от специфики политических режимов (особенно это относится к органам полиции, разведки, вооруженных сил, дипломатии). Данные аппараты через СМИ и другие идеологические службы навязывают указанные схемы мышления всему населению. Институциональный схематизм политического мышления не зависит от специфики государств и идеологий, но всегда маскирует господство госаппаратов над обществом. Поэтому политическое отчуждение входит в структуру теоретического мышления и обычно определяет его содержание.

Отождествление индивида с данным социальным и институциональным порядком – это интегральный консерватизм, который может уживаться с любыми типами идеологии. Интегральный консерватизм культивирует специфическую философию: человек рассматривается как продукт внешних обстоятельств (биологических, экономических, политических, социокультурных) или трансцендентных сил (идеи, судьбы, провидения и т.п.). Приспособление к данным обстоятельствам и силам толкуется при этом как главная гарантия обоснованности индивидуального поведения. Ядром такого поведения является социальная мимикрия, характерная для всех обществ и государств и влияющая на политическое отчуждение.

1.3. ***Феномен политического отчуждения*** – это целостность интересов, властно-политических технологий и идеологий. Идеи «естественных прав», «общественного договора», «прав человека» и вытекающие из них концепции власти не позволяют постичь природу **политического отчуждения**, которое

[4] См.: Макаренко В.П. Проблема общего зла. Расплата за непоследовательность. М., Вузовская книга, 2000

обусловлено формированием государств. В его состав входят: формы мышления, которые объясняют властные отношения экономическими, политическими, идеологическими и культурными факторами; толкование воли (единичной, особой, всеобщей) как основания власти; формы иллюзорной общности людей (семья, этнос, нация, корпорация, гражданское общество, партия, государство); преобладание групповой солидарности (примордиальной, этнической, национальной) над духовными связями людей; разделение государственной власти на исполнительную, законодательную и судебную; властные формы политической, юридической и бюрократической софистики; государственные налоги, займы и долги; толкование государства и государственного управления обществом как «необходимого» и «естественного» процесса социальной жизни; специфические свойства лиц, осуществляющих власть и управление; типы вооруженных сил, полиции, дипломатии и госаппарата; мононациональный или полинациональный характер государства; способы освоения властью времени и пространства.

Указанные свойства политического отчуждения универсальны и отражаются в реальной истории и историографии наций и государств. История любой страны есть конкретизация общих свойств политического отчуждения. В результате властная регуляция социальных отношений рассматривается как «объективный» процесс по типу природных и космических.

Власть как социальное явление есть непредвиденное следствие множества частичных действий множества частичных властителей. Она вытекает из соперничества, борьбы и сотрудничества групп людей, располагающих средствами насилия и манипуляции[5]. Отношение властных действий к общему числу действий индивидов определяет меру **гражданского отчуждения**. Оно существует при любом государственном строе. Монополия на применение средств насилия и манипуляции была и остается у государства, включая демократию. Поэтому демократия не является ни идеалом, ни нормой государственного устройства. Прежде всего потому, что отказ от прямых методов физического насилия при демократии сопровождается культивированием опосредованных методов манипуляции гражданами[6]. Чем больше манипуляция входит в состав политической технологии государств, тем важнее учитывать уровень гражданского сопротивления.

Если власть с помощью насилия и манипуляции контролирует публичные действия, отношения, высказывания и мнения индивидов, наступает атомизация общества. В результате коллективные действия вне официально санкционированных форм становятся невозможными. Граждан как социальной группы не

[5] В состав средств насилия и манипуляции входят: грабеж, реквизия, уничтожение имущества, убийство, заключение в тюрьму, лишение воли, переселение, интернирование, нанесение телесных повреждений, отравление, иные методы физического и психического воздействия (террор, пытки, обман, клевета), правовые, экономические и социальные ограничения свободы индивидов и групп, отказ от сотрудничества, материальные вознаграждения и символические отличия, привилегии, коррупция, провокация и скрытая помощь.

[6] «Происхождение демократии – это переодетая полиция, это штатскость – для конспирации наблюдения». Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии. 2-е изд. М., ИМЛИ РАН, 2006, с.150

существует, они деклассированны, десоциализированы, маргинализованы. Так возникает социальная почва гражданского отчуждения. Оно существует при всех формах политического устройства общества, поскольку нет государств, которые не используют насилие и манипуляцию.

Понятие **гражданского сопротивления** позволяет эмпирически измерить абсолютное и относительное количество граждан, не согласных с данной политической системой и системой осуществления власти. Они могут культивировать мирные и вооруженные способы борьбы с властью (оппозиция, гражданское неповиновение, восстание, революция) в зависимости от того, какие средства она применяла на протяжении определенных периодов времени. Любое государство в его пространственно-временных параметрах есть пересечение политического и гражданского отчуждения с мерой гражданского сопротивления. Это обстоятельство не учитывается большинством политических теорий, которые предлагают разные варианты властно-политической технологии.

Властно-политическая технология – это способность властвующих и подвластных применять методы насилия и манипуляции для достижения целей, правомерность и обоснованность которых всегда дискуссионна. Невозможно утверждать, что либеральный, консервативный, социалистический и марксистский проекты развития общества имели когда-либо на своей стороне абсолютное большинство человечества. Поэтому ни один из них не может претендовать на доминирование. Каждый лишь выдвигает свою гипотезу об идеальном состоянии общества и соотношении средств и целей по его достижению. Эта гипотеза обычно объективируется в нормативно-ценностном порядке, которому подчинены политическая теория и практика. Однако соотношение средств и целей при реализации любого проекта остается вечной проблемой. Для ее блокировки обычно используется социальная инженерия. В ее состав вошла и наука. Поэтому последняя заслуживает не больше доверия, нежели религия.

Для критического отношения к властно-политическим технологиям предлагаю развести критерии силы и успеха власти. *Сила власти* – это отношение общего числа властных приказов и к числу выполненных гражданами приказов. *Успех власти* – этот параметр позволяет судить, насколько выполняемые гражданами властные приказы приводят к реальным состояниям, соответствующим замыслам властвующих. Чем более крупны и широки по охвату властные замыслы, тем меньше шансов их реализации. Между социальными проектами, властными замыслами, приказами и реальными состояниями всегда существует пространственно-временной зазор. Это – мера утопичности политики, от которой не может целиком освободиться никакая власть. Власть тем меньше эффективна, чем больше при реализации своих проектов и замыслов использует средства насилия и манипуляции. Политическое воображение обычно отождествляет данные критерии и трактует власть как творческое начало при реализации любых идеей и проектов. В итоге возрастает политическое и гражданское отчуждение.

Трактовки власти как «рационального действия» смешивают данные критерии и не являются истинными, хотя широко распространены в социальных науках и властно-политической практике. Это свидетельствует о том, что власть всегда обладает тенденцией к десоциализации граждан и превращению науки в средство собственной апологетики. Универсальный интерес любой власти – максимальное расширение сферы регуляции. Поэтому наибольшим доверием пользуется наиболее репрессивная власть, которая использует манипуляцию гражданами как вспомогательное повседневное средство. Если демократия не в состоянии предотвратить манипуляцию, она тоже не заслуживает доверия.

Стремление повелевать и подчиняться есть выражение животного, а не социального, творческого и духовного начала в человеке. Властно-политические технологии выражают животное начало, поскольку никаких универсальных средств его искоренения еще не придумано. Ни одна из религий и государств пока даже не ставит такой задачи.

Большинство социальных теорий используются для обоснования идеологии власти. Такая идеология извращает отношение власти и граждан, скрывая следующие социальные факты: отношение власти и граждан обычно опирается на насилие и манипуляцию; интерес власти – подчинение общества до пределов возможного и самостоятельное определение этих пределов; деление людей на властвующих и подвластных вечно, а общность их интересов – явление случайное и выполняет служебную роль в политических системах. Ни одно государство не смогло отменить эти факты. Поэтому любая государственная власть может заслоняться разными идеологиями. Они обычно систематизируют мотивы, с помощью которых жители всех государств оправдывают собственное послушание перед силой, на которую они либо не имеют влияния, либо одной силе и манипуляции вынуждены противопоставить другую силу и манипуляцию.

Если признать истинность теорий цивилизационных циклов (которые были и останутся дискуссионными), то любая власть в равной мере может быть признана одновременно легитимной и нелегитимной. Задача социальных наук – распредмечивание любых форм политического и гражданского отчуждения. Массы нуждаются в способности к гражданскому сопротивлению во всех пространственно-временных координатах, где и когда власть использует хотя бы один метод насилия и манипуляции, если он выходят за пределы соблюдения элементарных форм человеческого общежития.

1.4. Я рассматриваю историю Московского княжества, Российской империи и СССР как ***процесс аккумуляции господства***. В СССР после 1917 г. сложился класс тройного господства, который сосредоточил в своих руках экономическую, политическую и идеологическую власть. Официальная идеология скрывала следующие факты и тенденции: антагонизм между интересами трудового народа и класса тройного господства; природу советской эксплуатации человека человеком; роль индивидов и групп в освобождении от экономической

эксплуатации и политического господства. Одновременно марксизм сомкнулся с либерализмом, трактуя экономические интересы и развитие экономики как надысторический феномен, средством реализации которого выступает государство. В результате комплекс социальных наук в СССР скрывал факты и тенденции, которые способствовали тому, что уже на рубеже XIX-XX вв. «отсталая царская Россия» применяла такие способы воздействия на экономику, к которым «передовой Запад» пришел лишь полстолетия спустя: вмешательство государства в циклы конъюнктуры; активная роль государства как экономического субъекта; рост контроля над частной собственностью; переплетение госаппарата с экономической бюрократией.

В настоящее время социальные науки России и стран Запада широко культивируют ленинские, социал-демократические и либеральные догмы. Все они используют телеологию при обсуждении процессов социально-исторического развития и заканчиваются территориальным противопоставлением Запада и России. После 1991 г. это противопоставление стало универсальным. В результате отечественная социальная наука отброшена почти на двести лет назад. Эта тенденция укрепляется за счет использования тех схем эмигрантской и западной социально-философской мысли, в которых история России XX в. трактуется как воплощение «тоталитаризма» или «модернизации».

Данные схемы и шаблоны объясняются тем, что большинство социальных теоретиков в России и на Западе пока не освободились от связи с комплексом «власть-собственность-идеология». У социальных теоретиков не хватает мужества порвать все связи с официальным миром власти, денег и массовой культуры. Толпы западных интеллектуалов и русской интеллигенции по-прежнему хотят жить под крышей власти и богатства. Большинство в этой толпе не может освободиться от культа государства и связанных с ним иллюзий. Однако материальное своекорыстие, властолюбие и стремление к духовному господству никогда не были благородными человеческими побуждениями. Чтобы обнаружить их низменность, надо исходить из принципиального различия мотивов и реальных следствий человеческой деятельности.

Для анализа данных различий социальная наука должна отбросить иллюзии органичности государства и обосновать антиэтатистскую познавательно-практическую установку. Однако индивиды и группы, профессионально занятые в политико-управленческих и идеологических сферах, преобразуют своекорыстие, властолюбие и стремление к духовному господству в «норму» социального и политического бытия людей. На этой основе формируется квазиполитика.

Квазиполитика – это следствие отождествления единичных, групповых и общих интересов с историческими и политическими формами их институционализации. Социальные и политические институты преобразуют интересы в формальные действия и ликвидируют возможность теоретического обсуждения и практического решения проблем политического и гражданского отчуждения.

Государственная власть при этом квалифицируется как универсальное явление, а социальные конфликты власти и граждан осознаются и решаются в пользу данного государства. Квазиполитика создает и культивирует мнимые формы участия граждан в политике, сгущает абстрактные характеристики индивидов, а государство транслирует конфликты социального и политического бытия индивидов. Политико-управленческая деятельность есть множество случайных актов и событий, выступающих в упаковке «государственных интересов», «государственной необходимости» и т.д.

Политическая и властно-управленческая деятельность не создают материальных и духовных ценностей, а в лучшем случае их распределяют. Однако критерии справедливого распределения были и останутся дискуссионными. Взамен постоянного обсуждения данных критериев политическая и властно-управленческая деятельность претендует на главную роль в обществе и способствуют этатизации социально-политической мысли. Для критики данной тенденции требуется такое описание всех социальных конфликтов, которое было бы свободно от материальных, политических и идеологических интересов, т.е. от любых форм связи власти с собственностью и идеологией. Осуществить эту задачу крайне сложно, поскольку требуется отрыв сознания от институционализованных социальных и политических форм, а также от иллюзорных форм отражения действительности. В этом смысле антиэтатистская методология может быть только тотальной. Ее состав определяется совокупностью конфликтов социально-политического бытия.

Антиэтатистская методология связана с определенным политическим идеалом, который не тождествен ни идее (ценности) государства, ни реально существующим государствам, ни способам распределения в них власти, ни этатистским политическим теориям. Любая связь власти с собственностью и идеологией при создании такого идеала квалифицируется как абсолютно отрицательная ценность. В реальных государствах власть абсолютно или относительно неподвижна, а собственность или идеология только укрепляют эту неподвижность. Все проекты переустройства общества по либеральным, консервативным, социалистическим и т.п. сценариям не свободны от указанных связей и потому являются вариантами квазиполитики.

Политическая история России и русской политической мысли – один из показательных примеров этатистской традиции. Я использую эту историю для конкретизации теории политического отчуждения и анализирую главные события этой истории под углом зрения сформулированных принципов исследования.

2. Аккумуляция господства

Вторая часть теории власти посвящена описанию генезиса властно-собственнического синдрома в истории России. При этом рассматриваются кон-

кретные конкретные проявления политического отчуждения. Выделяются следующие крупные проблемы: начало русской власти; первая суперклассовая борьба; система русской власти; формы государственного обогащения; государство как верховный учетчик и контролер.

2.1. При описании ***начал русской власти*** вычленяются три феномена: социальный смысл «татаро-монгольского ига»; украденная независимость; «объединение земель вокруг Москвы» как двойное угнетение.

2.1.1. Социальный смысл «татаро-монгольского ига». Монголы стремились расколоть коренное население и православную церковь. Ее клир первым начал сотрудничать с врагами. Одновременно монголы использовали местных князей для собирания дани. По этим причинам православная религия и власть становились **чужими**. Монастыри и княжества обогащались за счет собственного населения. Типичный князь целые столетия был монгольским сборщиком дани. Верноподданность князей в отношении чужой власти позволила преодолеть феодальную раздробленность и создать собственное государство. Монголы создали также механизм конкуренции кандидатов на центральную власть. В результате происходил отбор лиц, обладающих низкими моральными качествами. Эти качества позволяли подавлять свой народ, достигать успеха в политической конкуренции и были конкретным проявлением животного начала возникающей русской власти. Основанная на них система конкуренции стала предпосылкой для «скачка в ее развитии» (как сказал бы гегельянец). Для укрепления своей власти использовалась чужая военная сила. Поэтому при генезисе Московского княжества интересы русской власти стали параллельны интересам врагов. Так татаро-монгольское иго стало московским игом.

2.1.2. Независимость Московского княжества была украдена у монголов. Московские князья культивировали насилие в отношении населения. Преобразование внешнего насилия во внутреннее – архетипический элемент власти Москвы. Она с самого начала боялась населения, выступая представителем чужого государства и противостоя обществу в целом. Таков был общий интерес власти Московского княжества.

2.1.3. Двойное угнетение. После устранения монгольского гнета власть оказалась перед выбором: быть свергнутой или усилить угнетение. Она пошла по второму пути. Первое проявление этой тенденции – подавление и присоединение к Москве Новгородской республики. Объединение земель вокруг Москвы заключалось в навязывании им модели абсолютной власти. Православная церковь освятила данную тенденцию.

Для социальной опоры Московское княжество создало первый в истории Европы двойной класс помещиков-дворян. В его поведении соединились властолюбие с корыстолюбием, политическая власть с экономической. Из таких людей состоял госаппарат – главный элемент политического отчуждения. Поместная система служила власти и усиливала этот процесс. Государство создавало классы по своему усмотрению. Русское дворянство – первый в истории

Европы носитель политического и экономического отчуждения одновременно. Связанная с Московским княжеством власть кажется автохтонной, а на деле с самого начала своего существования была чужой населению.

2.2. На этой основе в России возникла ***первая суперклассовая борьба*** в истории Европы.

2.2.1. Рост военно-чиновничьей касты – общая тенденция генезиса государств. Специфика ее проявления в России состоит в том, что данная каста сформировалась как класс властителей-собственников. Вершина политической иерархии была вынуждена считаться с его общими интересами. Класс двойных угнетателей (дворян-помещиков) начал борьбу с классом одинарных угнетателей (бояр). Властители-собственники выступили против обычных собственников. Главной ставкой борьбы было двойное (политическое и экономическое) господство над населением.

Одновременно возникающий госаппарат выступал как проявление верховного произвола. Этот произвол постепенно распространялся на все слои населения, включая православный клир. Центр возникающей державы заселялся людьми, готовыми быть опорой власти. Они стали исполнителями возникающей системы массового террора, что привело к еще большему росту абсолютной власти. Опричнина соединила готовность опричников к массовому истреблению населения с достижением материальных интересов данного слоя. В итоге центр стал верховным эксплуататором, а система террора ударила прежде всего по классу одинарных собственников.

2.2.2. Смысл опричнины и социальный характер государства. Опричнина – естественное продолжение процесса политического отчуждения. Основной интерес класса властителей-собственников – устранение прежнего класса собственников. Чтобы сломить его сопротивление, первые прибегли к социальному террору и разрушили характерную для феодализма автономную структуру собственности. Это привело к упадку экономики (крестьянского хозяйства), затрагивая интересы обоих классов одновременно. Сопротивление политике террора со стороны класса властителей-собственников привело к тому, что острие террора постепенно направлялось против самих исполнителей.

В период опричнины впервые было создано государство в государстве: интересы вершины политической иерархии переплелись с интересами исполнителей террора. Социальный состав опричнины был общенациональным и интернациональным – принадлежность к опричникам давала право на поместье. Московскому государству не надо было заботиться о равновесии сил, поскольку сословий в европейском смысле слова здесь не существовало. Сословия в России означали ранги государственной службы. Верховная власть представляла интересы властителей-собственников, образующих ядро госаппарата. Русские дворяне никогда не угрожали власти царя, поскольку он наделял их квазисобственностью, которую они в любой момент могли потерять. Право собственности надо было подтверждать в каждом поколении – идти на «государеву

службу». Русские помещики тоже трепетали перед произволом верховной власти и вынуждены были приобретать мерзкие человеческие свойства ради победы в борьбе за квазисобственность.

Органы самоуправления в России (Земский собор, земства) выражали прежде всего интересы абсолютной власти. Их главная задача состояла в собирании налогов и передаче их в государственную казну. Чиновники этих органов обязаны были действовать по принципу «круговой поруки» – коллективной ответственности за свою вину и вину своих сотрудников. Смертная казнь назначалась не только за обычные злоупотребления (взятка), но и за недонесение на *злые умыслы* населения и собственных коллег. Наградой за донос были земля и имущество конкретных лиц. В итоге двоедушие стало внутренним свойством госаппарата и органов самоуправления. Поэтому социальный смысл русского феодализма и самодержавия один и тот же: нивелировка населения страны перед госаппаратом и его главой.

2.2.3. Первая гражданская революция и русский национальный характер. В период становления самодержавия (особенно опричнины) акты индивидуального сопротивления были делом «юродивых во Христе». «Нормальные» люди не могли сопротивляться насилию, поэтому от имени общества выступали «ненормальные». Первые понимали, вторые не понимали бессмысленности индивидуального сопротивления. Поэтому норма и девиантность в России неразличимы. Юродивые во Христе как социальная фигура канонизировались православной церковью и сыграли роль в становлении русской интеллигенции.

Крестьянские восстания в истории России направлялись прежде всего против властителей-собственников – членов госаппарата и непосредственных исполнителей государственного угнетения. Массовое бегство населения из центра на окраины – естественная реакция на хаос в центре, порожденный сочетанием верховного произвола с деятельностью госаппарата. Волна крестьянских восстаний XVI в. завершилась первой в истории России крестьянской войной 1606-1607 гг., поддержанной разными слоями общества. Само государство вызвало первое мощное гражданское сопротивление. Общность интересов граждан превалировала над различиями экономических интересов социальных слоев. Государство-собственник впервые было осознано как главный социальный враг населения. Все слои общества выступили против собственного равенства в бесправии.

Крестьянская война начала XVII в. – первая гражданская война населения с государством. Толкование гражданской войны как «Смуты» отражает стремление официальной историографии и социальной науки связать господ вчерашнего дня с господами сегодняшнего, выражает сервилизм научного сообщества. В состав граждан входит не только неимущее население (народ), но и собственники, которые владеют собственностью независимо от вершины власти и госаппарата. Война граждан с государством как социальное явление шире войны с конкретными эксплуататорами. В такой войне независимые собственники ста-

новятся естественной политической элитой масс, усиливают сопротивление и притягивают к гражданской войне нерешительных. В этом смысле гражданская война – универсальное явление истории государств, в которых власть переплетена с собственностью. Она может рассматриваться также как зачаток всех народно-религиозных движений, выступающих против госаппарата и связанного с ним клира.

Непосредственным результатом первой гражданской войны было введение принципа наследования, применение которого растянулось на целое столетие. Связь власти с собственностью постепенно ослаблялась. Но этот процесс был формой бюрократизации государства, а не правовой тенденцией. Русское правительство не могло контролировать данный процесс. Гражданская война ограничивает связь власти с собственностью и вынуждает государство выступать в виде обычной политической власти. В этом смысле для истории России восстания, революции, гражданские войны органичны, поскольку были предпосылкой и главным критерием становления снизу гражданского общества. Но эта предпосылка до сих пор не реализована.

Европейские критерии гражданского общества (городское самоуправление), легитимное (на основе права) сопротивление власти и корпоративная организация общества неприменимы к истории России. Первая гражданская война была единственной, которая непосредственно угрожала столице царей. Впервые центр осознавался как источник социального зла. В этом состояла специфика гражданского общества в России. Последующие восстания и гражданские войны происходили уже в провинции. Отстранение русской власти от прямой связи с собственностью связано с тем, что она прекращает даже минимальную заботу о подданных и отдает их во власть частных собственников. Но гнет последних был все же меньше властно-собственнического угнетения. Главный кошмар России – постоянная роль государственной власти в ее истории.

На протяжении XVII в. сформировалась единая форма собственности: собственник мог произвольно распоряжаться землей, но всегда был обязан служить государству. Тем самым оно могло скрываться за произволом собственника и одновременно выступать в маске «покровителя» и «радетеля» интересов всего общества и каждого подданного. В результате патернализм приобрел ранг политической и экономической традиции: дворян заставляли нести государственную службу в армии или администрации, а крестьян – платить налоги и нести другие повинности.

Эти процессы повлияли на становление русского национального характера (ментальности). Главной причиной различных форм классовой борьбы в русской истории было государство. Его экономическая политика всегда была направлена против интересов населения. Об этом свидетельствуют даже названия бунтов (соляной, медный, картофельные и т.п.). Поэтому неверно вслед за А.С.Пушкиным называть русский бунт «бессмысленным и беспощадным». В

любом восстании был смысл, поскольку оно позволяло скорректировать политику государства. За жестокость бунтов тоже отвечает государство: русским людям на протяжении столетий было у кого научиться жестокости. Ведь никто не заставлял русских князей соединять власть с собственностью. Бессмысленной и беспощадной была политика государства, которая никогда не отличалась смыслом и милосердием.

Социальная структура России уже в XVII в. переплелась с государственной властью. Социальная структура в целом состояла из «служилых людей», контролируемых государством. Каждый элемент структуры имел обязанности, но не имел прав, гарантирующих влияние на государство. Переплетение власти и собственности стало принципом бытия и функционирования государственного аппарата. Этот принцип культивировал взаимное предательство (измена) – главный мотив политического поведения аппарата (впервые этот мотив проявился в поведении руководителей дворянских отрядов в гражданской войне под руководством Болотникова). Классы и группы в России создавались по произволу государства.

Такой способ формирования социальной структуры отличался от западноевропейского. В Европе самостоятельность сословий базировалась на происхождении и правовых привилегиях; каждое сословие обладало особым локальным и профессиональным статусом, который передавался через систему унаследованных политических прав. В России класс властителей-собственников создан сверху для социальной опоры ненавистной власти, после краха ее татарских покровителей. Этот класс никогда не был независимой от власти социальной силой, подобно западным сословиям земельных собственников.

3.1. На этих основаниях возникала ***система русской власти***. Государство стало элементом базиса русского общества уже в период феодализма. Социальные и революционные движения России XVII-XVIII вв. не нарушили отношения собственности, поскольку государство было главным фактором их трансляции и консервации. Оно нивелировало борьбу экономических классов и не способствовало прогрессу и социальной динамике. Государство свело механизм социального развития к выравниванию распределения экономических благ. В Европе этот механизм начал формироваться лишь в последней трети XIX в., после крушения классического либерализма. В России он существовал уже в феодальную эпоху. Русское государство свело борьбу экономических классов к роли второстепенного фактора социального развития. Главным фактором выступала борьба политических классов, обладающих или претендующих на монополию власти-собственности.

3.1.1. В русском обществе на протяжении столетий экономика и политика выступали способами социального контроля. Общая модель развития частнособственнического уклада включает следующие элементы: деление на сельский и городской уклады; тождественность отношений между ними; циклы развития обеих укладов включают следующие фазы: рост отчуждения труда-социально-

революционные движения-эволюция отношений собственности; в результате такой эволюции распространяются отношения собственности с более высоким показателем развития.

В России третьим элементом отношения между городом и деревней выступало государство, точнее – властно-собственнический госаппарат. Он подчинялся другим закономерностям и воздействовал на развитие других сфер. Поэтому не был механизмом формационного перехода и всегда нарушал общую модель развития.

По сравнению с экономической системой развитие политической системы происходит иначе: рост политического насилия способствует росту гражданского отчуждения; отчуждение граждан от государства ведет к социальным и революционным движениям; власть подавляет эти движения за счет преимущества в средствах насилия и тактике; происходит усиление аппарата власти и расширение политического гнета; гнет порождает деклассирование и десоциализацию граждан; за счет деклассирования государство достигает равновесия, поскольку разрушение социальных связей не позволяет организовать новое гражданское сопротивление.

Отсюда вытекают два правила развития государств: выход из фазы революционных движений увеличивает гражданское отчуждение; государство поддерживает гражданское отчуждение выше границы гражданского деклассирования. Власти выгоднее десоциализация граждан, нежели их мирное отношение к распорядителям средств насилия. Для выхода из революционного кризиса власть увеличивает сферу насилия и контроля. Поэтому в мирное время она может уменьшать то и другое. В любом случае власти выгодно доводить гражданское отчуждение до пределов. Она провоцирует гражданские волнения для того, чтобы в будущем располагать не только социальным миром, но и расширенной сферой насилия и контроля.

Отсюда вытекают еще два правила: при давлении граждан на частную собственность распорядители производительных сил вынуждены улучшать положение трудящихся до тех пор, пока те не прекращают давления; при давлении граждан на власть она увеличивает насилие до тех пор, пока не лишит граждан малейшей возможности дальнейшего сопротивления. Экономическая сила частных собственников усиливается в ходе эволюции отношений собственности и ослабевает в результате революционных волнений. Политическая сила властителей возрастает в период роста гражданского отчуждения. Но они стремятся так укрепить свою власть с помощью технических и организационных средств, чтобы навсегда подчинить себе граждан. В этом смысле всякая система власти претендует на вечность и переплетается с религией.

Если властители являются одновременно собственниками, это ведет к следующим модификациям: при экономических конфликтах с непосредственными производителями материальных и духовных ценностей власть использует преимущественно политические методы разрешения конфликтов; частный соб-

ственник может оказаться беззащитным перед производителями, государство всегда готово к защите и нападению; власть осуществляет эскалацию репрессий для разрушения социальной структуры сопротивления и десоциализации граждан; поэтому любой экономический конфликт обладает политической тенденцией и угрожает взрывом в масштабах всего общества; эта тенденция усиливает естественную склонность власти к расширению своей сферы за счет ограничения и лишения сферы свободы всех граждан; власть осуществляет десоциализацию – разрушение автономных социальных связей граждан; десоциализация осуществляется путем физического уничтожения, репрессий и принуждения граждан к разрыву социальных связей.

Государство-собственник – больший угнетатель, нежели обычная иерархия власти. В государственном секторе рост производительности труда исключен по определению или укрепляет властно-собственническую иерархию. Связь власти-собственности политизирует всю экономику. В результате госаппарат может не только подавлять производителей, но и вести игру с классом собственников в целом. Частные собственники тоже могут нуждаться в государстве для подавления непосредственных производителей. Связь власти-собственности ведет к тому, что власть самостоятельно определяет, кто является и не является частным собственником. Из-за этого частный сектор тоже погружается в стагнацию. Трудящиеся и частные собственники вынуждены кормить растущий слой надзирателей-управленцев.

3.1.2. Все указанные свойства экономики и политики сложились в России в начале XVII в. Государство стало верховным собственником-эксплуататором. После восстания Болотникова шла дальнейшая бюрократизация госаппарата и превращения его в самого крупного земельного собственника[7]. Для регламентации жизни государственных крестьян и управления ими было создано особое министерство. Госаппарат стал верховным эксплуататором, отнимая прибавочный продукт и накладывая на население огромные налоги. Эта дань в основном шла на содержание аппарата.

Государство установило и транслировало монополию на производство и продажу особо доходных товаров. Внутренняя и внешняя торговля были монополией государства. Для этого оно заимствовало у Западной Европы политику меркантилизма. На протяжении столетий (при царях, большевиках и нынешних правителях России) государство присваивало прибавочный продукт промышленности и сельского хозяйства, грабило население налогами и осуществляло вторичную перераспределение доходов без участия населения. Этот факт до сих пор не учитывается большинством направлений русской социально-исторической мысли и политики. Зато упорно транслируется другой стереотип: русское государство было и есть двигатель прогресса во всех отраслях экономики и социальной жизни. На деле государство было и остается главным собственни-

[7] На протяжении 180 лет (1678-1858 гг.) число государственных крестьян в России возросло почти в 13 раз, тогда как число помещичьих крестьян - только в 3 раза.

ком-эксплуататором российского общества и прилегающих территорий. Значит, русская социально-политическая мысль должна быть направлена на разрушение этого стереотипа.

Связь насилия и эксплуатации повлияла также на отношение «нация – государство». В Европе Нового времени связь между ними была главным социальным отношением. Оно повлияло на всю социально-политическую мысль. Таков критерий для оценки классических и современных теорий интересов и институтов.

Тогда как социальная структура России была и все еще остается следствием регламентации социальной жизни. Обычно правовые определения санкционируют уже сложившуюся социальную дифференциацию. Бюрократическая регламентация есть акт вмешательства официальной статистики и социальной науки в социальную структуру и процессы. При этом границы социальных классов и групп устанавливаются сообразно интересам госаппарата. Он присваивает себе право решения сомнительных и неопределенных ситуаций, а социальная наука ему не противодействует. Поэтому бюрократическая регламентация противостоит правовым определениям социальной структуры. Переплетение правовой и бюрократической регламентации впервые реализовано в Табели о рангах и до сих пор определяют социально-групповую структуру.

Отсюда вытекает принципиальное различие сословий в Европе и в России: в Европе принадлежность к сословиям (происхождение) была связана с привилегиями и правами, в России любые привилегии были связаны с произволом царя, а права никогда не получали политического оформления; в Европе государственная служба никогда не была основанием допуска в «благородные» сословия, в России достижение определенного ранга на государственной службе автоматически влекло за собой принадлежность к «благородным» сословиям. Иначе говоря, в России критерием «благородства» была и остается сфера занятий, не создающая ни материальных, ни духовных ценностей. Поэтому сами критерии дифференциации социальной структуры отражают связь власти-собственности. Следовательно, русская власть никогда адекватно не отражала ни общие интересы населения, ни интересы слоев и групп (производителей и собственников), а реализовывала свои интересы, придавая им ранг государственных[8].

3.1.3. Русское государство и проблема Петра I. В Европе цеховая организация обладала монополией на средства производства и сбыта и стала предпосылкой автономных цеховых связей, независимых от государственной власти. В российской промышленности и торговле не было европейских цехов (корпораций). Государство преобразовывало богатых горожан в чиновников, сообразуясь прежде всего со своими интересами, а не интересами возникающей буржуазии.

[8] Эту идею можно использовать для оценки любых отечественных и зарубежных работ по описанию социальной структуры Российской империи, СССР и современной России.

Возникающие абсолютные монархии в Европе вели политическую игру с прежними и новыми классами собственников. В России социальные и политические процессы шли в другом направлении. Если термин «абсолютная монархия» понимать в социально-политическом (а не юридическом) смысле, в России она существовала задолго до европейских абсолютных монархий. На рубеже XVII-XVIII вв. (реформы Петра I) русское государство осуществило одну из наиболее эффективных попыток вернуться назад и стать исключительным собственником.

Для абсолютных монархий Европы характерна модель политики как лавирования между социальными силами для реализации определенной программы. Эта модель неприменима к русскому государству, поскольку она сконструирована для обществ, условием равновесия которых является состояние социального мира, а не насилия над обществом. Петр I насильственно создавал промышленность, торговлю и новые классы. Эта модель не может быть применена и к периодам относительно «нормального» развития России (например, царствование Екатерины II). Русская власть взяла на себя инициативу создания и ликвидации целых классов и групп. От этой модели Россия не отступала никогда, включая современные преобразования.

Суть реформ Петра I – усиление (а не разрушение) связи власти-собственности. В итоге его деятельности любая частная инициатива ликвидировалась, а возникающая русская буржуазия наглухо привязывалась к государственной телеге. Петр I реализовал политику Ивана Грозного другими методами. Суть его политики – бюрократизация, а не терроризация общества (как при Иване Грозном). Петр создавал русскую буржуазию как средство полного подчинения дворянства государству. Поэтому Петр I двигал Россию назад, а не вперед.

Такова же специфика восходящего к Петру I русского государственного атеизма: он инициирован верховной властью, а не был следствием длительного развития рационализма в лоне религиозной традиции и добровольного свободомыслия граждан.

3.1.4. Реальная агрессия и миф реформаторства. Со времени Ивана Грозного захват других земель, морей и гор стал постоянной тенденцией внешней политики русского государства. Петр I придал традиционной агрессивности русского государства европейские измерения. В общем виде агрессия – важнейшее средство расширения сферы контроля одной властной иерархии на другую властную иерархию. Эта тенденция начала проявляться после того, как в России власть уже полностью подчинила себе население (с помощью конкретно-исторических средств технического контроля). Власть не может быть агрессивной до тех пор, пока не овладела собственной социальной территорией. Она становится агрессивной после установления контроля над всеми социальными территориями (т.е. различными группами населения). Ради расширения контроля власть готова вступить в войну с другой властной иерархией. Поэтому главная причина агрессивности Российского государства – насилие над собственны-

ми подданными. С учетом дополнительных факторов (размеры страны, количество населения, минеральные богатства, политическая традиция) внутреннее насилие есть условие внешней агрессии.

Миф Петровских реформ базируется на первом догмате ленинизма: отсталая страна «обязана» развивать экономику; государство свободно от мотивов своекорыстия и прибыли и может выражать интересы всего общества; никто (кроме государства) не в состоянии выражать интересы, направленные на вхождение страны в разряд «цивилизованных»; для развития экономики можно применять «варварские» методы. Последний тезис соединяет ленинизм с либерализмом. В основе этого мифа лежит убеждение об экономике как главном факторе социального развития, а его составными частями являются телеологизм, идеализм и индивидуализм.

Петр I не изменил ранее указанные закономерности генезиса и функционирования системы русской власти. Реформы Петра I объясняются следующими обстоятельствами: на рубеже XVII-XVIII вв. власть в России была слабой для того, чтобы повторить опричнину, и потому стремилась найти союзника; русская буржуазия в то время тоже была слабой; поэтому Петр I направил свою деятельность на создание подчиненной государству буржуазии; а поскольку сила буржуазии зависит от распоряжения производительными силами, постольку власть развивала промышленность руками буржуазии. Реформы Петра не превратили русскую буржуазию в сильного союзника государства (как на Западе), а воплотили в жизнь и усилили гражданское отчуждение. Производительность труда в России была низкой, поскольку население одновременно подвергалось политическому насилию и экономической эксплуатации. Петр I превратил государственных холопов-крестьян в государственных холопов-рабочих. Государственный холоп-рабочий трудится еще хуже по сравнению с государственным холопом-крестьянином. Поэтому реформы Петра еще больше снизили производительность труда. Русская власть превратила холопов-крестьян в современных рабов. А поскольку власть связала буржуазию со своими интересами, постольку государство еще более усилило эксплуатацию. Одновременно оно ограничило спрос на продукцию собственной промышленности. Насилие государства ликвидировало также волю к гражданскому сопротивлению. В этом смысле реформы Петра I обнажили до предела конфликт власти и собственности, политики и экономики.

3.1.5. Бюрократический хаос, властный произвол и большой скачок. Введение Табели о рангах обеспечило воспроизводство госаппарата уже в начале XIX в. Этот факт отражает главные тенденции русской власти: количественный рост госаппарата доказывает, что он становился господином русского общества; это укрепляло положение государства как третьей силы (между народом и дворянством) и способствовало тому, что оно приобретало надклассовый характер; одновременно оно затрудняло образование политических и интеллектуальных элит народа – способные индивиды получили канал социального продвижения

при условии верноподданности государству. Особенно опасной была третья тенденция. Она ликвидировала казачество как потенциальную социальную и интеллектуальную силу крестьянства. Казачество потеряло свой социальный и революционный потенциал – главную предпосылку политической и интеллектуальной элиты.

Госаппарат выражал прежде всего свои собственные интересы и интересы государства, а не интересы общества, что объясняется его общими и специфическими свойствами:

Русская система управления эффективна в смысле предельного усиления интересов власти, а не в смысле выражения интересов общества, которому обязано служить государство (а некоторые действительно служат). Русское государство минимально служило общим интересам населения страны прежде всего из-за своей неэффективности. Это кажется патологией, если рассматривать госаппарат с нормативной точки зрения – т.е. полагать государство и его аппарат слугами общества. Но государственную власть можно считать машиной господства над обществом, которая действует независимо от намерений конкретных лиц (властно-управленческой иерархии) и может быть ограничена только силой граждан. Поэтому количественный рост госаппарата – естественный результат расширения власти водителя над пассажирами государственной машины. Положение отдельного служащего в структуре власти зависит от числа подчиненных ему людей. Поэтому каждый рекрутирует столько людей, сколько должностей ему удается создать. Функционеру безразлично, служат или не служат они обществу. Ему важно, чтобы они служили лично ему. Интерес каждого чиновника – создание новых должностей, расширение сферы государственной регуляции социальной жизни, выполнение указаний начальников, не вникая в их смысл.

Бюрократический хаос в сфере законов, указов и инструкций тоже соответствует интересам власти. При таких условиях легче принимать произвольные решения сообразно интересам служащих каждого уровня власти. При хаосе укрепляется социальное положение чиновника – ему приписывается знание запутанной сферы законов, уставов и инструкций по причине времени, которое он проводит в государственных учреждениях. В нормальной политической системе знание законов и прав принадлежит юристам. В бюрократической системе власть, вытекающая из знания законов и прав, оказывается в руках государственной службы. Хаос в сфере законов, уставов, инструкций затрудняет контроль каждого уровня власти сверху и снизу. Если вершина власти (в данном случае царь) не обладает всей информацией о социальных процессах, это тоже соответствует интересам аппаратчика, ибо уменьшается вероятность раскрытия его действительной роли. Аппаратчик прекрасно чувствует себя в состоянии правового хаоса, среди толпы подобных, занимающих кабинеты и коридоры государственной пирамиды. Наиболее выгодная ситуация для него возникает тогда, когда вершина власти выполняет роль орнамента бюрократиче-

ской пирамиды, поскольку она поглощает и «представляет» гражданское общество. В этом и заключается интерес власти как социального (политического) класса, социальная база которого была закреплена петровской Табелью о рангах. Таков механизм российского преобразования гражданского общества в бюрократическое государство.

Следовательно, реформы Петра I – это становление системы политико-экономического двоевластия, в котором бюрократическая система уже существовала, а системы массового террора еще не было. Зато интересы госаппарата уже господствовали над интересами частных собственников.

Екатерина II создала предпосылки «новояза» (извращения смысла слов в политических целях) и систему тотального господства дворянства над подданными при одновременном сохранении за подданными права на донос. В этой системе бюрократия и дворянство определяли государственные интересы – совокупные интересы властителя и собственника. Государство все более приобретало духовную власть за счет надзора за церковью, культурой и наукой. В этом и состояла модификация европейской системы «равновесия» и «гармонии» интересов указанных классов, определяющих «общие интересы» русского государства. Отсюда вытекает следующая закономерность функционирования русской власти: уменьшение государственного вмешательства в одну сферу социальной жизни («освобождение дворян» при Екатерине II) компенсируется ростом вмешательства в другую сферу (духовное производство) для возмещения потери и сохранения возможно большей сферы глобального контроля государства над социальной жизнью.

К русскому обществу неприменима марксова схема, поскольку в истории России не было периодов, когда государственные интересы выражали или хотя бы приспосабливались к интересам частных собственников. Власть всегда распоряжалась средствами насилия и средствами производства. Главный интерес государства был прежде всего политическим, а не экономическим. Поэтому русское государство никогда не выражало ни интересы частной собственности, ни интересы «всего общества» и не служило социальным целям. Власть отвергала любые социальные проекты, связанные даже с малейшими социальными преобразованиями. Со времени Николая I в политическую культуру бюрократии вошло отрицательное отношение к любым социальным инициативам, даже если они предлагались привилегированными лицами и группами. Наиболее широкие социальные проекты декабристов закончились виселицей и каторгой. Поэтому безусловно прав Дж. Кеннан: при анализе системы управления Россией надо удивляться не тому, что «…ссылка административным порядком создает террористов, а скорее тому, что она еще не сделала террористами весь народ»[9].

[9] Кеннан Джордж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885-1886). Т.1. СПб, Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999, с.240

Таковы следствия воспроизводства бюрократии и крестьянского менталитета чиновников. Русское государство как верховный собственник-эксплуататор было самым консервативным. Вопросы социально-экономического развития интересовали его лишь в той мере, в которой позволяли поддерживать прежний уровень насилия и расширять контроль над гражданами.

При сравнении стран Запада и России зарубежная и отечественная либеральная историография обычно подчеркивают, что в России не сложилась идея правового государства. Это положение фиксирует лишь истину о фактах, а ссылка на византийскую или монгольскую традицию просто сдвигает проблему в прошлое. Теория политического отчуждения позволяет истолковать этот факт иначе:

1. Власть свободна больше при выполнении указаний сверху относительно конкретных лиц и ситуаций, нежели при применении абстрактных норм права. Начавшаяся при Петре I и завершившаяся при Николае I тенденция бюрократизации расширила сферу властного произвола. Власть и управление сводились к выполнению приказов вышестоящих лиц, а не к применению норм права.

2. Отсутствие прав и обязанностей властвующих и подвластных позволяло власти произвольно расширять свою компетенцию и контроль над гражданами и потому было ей выгодно, особенно с учетом принципиального отличия идеи единства прав и обязанностей в Европе и России.

3. Идея главенства закона над властью ограничивает ее, поскольку обязывает искать правовые основания решений, а граждане на основе законов могут ставить под сомнение властные решения. Законы и права в некоторой степени ограничивают рост господства власти над гражданами

В целом европейские концепции власти неприменимы к анализу России. Идея и система правового государства не была принята в России, поскольку противоречила элементарным интересам автохтонной власти. Россия «прыгнула» из феодализма в социализм потому, что уже при феодализме связала власть с собственностью. Она намного раньше достигла состояния, к которому страны Запада пришли лишь в период позднего капитализма – т.е. после второй мировой войны.

4.1. При анализе ***форм государственного обогащения*** надо учитывать: деятельность державы как средства грабежа и наживы; движение от бюрократической опричнины к государственным имуществам; реформа 1861 г. как новая Табель о рангах; проблема выбора процедуры объяснения.

4.1.1. Держава как средство грабежа и наживы. Главные источники первоначального накопления в России состояли в следующем: расхищение общинных и государственных земель; колониальная политика; война и казенные поставки; фаворитизм; внешняя и внутренняя торговля; система государственного кредита; откупа, монополии, выкупные операции. Все источники связаны с деятельностью государства. Все русские капиталисты более-менее опирались на военно-экономическую силу государства. В такой степени она не применялась

нигде. Здесь Россия тоже опередила страны Европы. Поэтому ложна всякая аналогия между ролью протестантов на Западе и ролью старообрядцев в России в формировании капитализма. В России только государство было «нормальным каналом» социального продвижения. На успех могли рассчитывать только верноподданные и пассивные люди со средними способностями. Предприимчивость и инициатива как социальные свойства были и остаются вне государства и этатизированного общества.

Накануне аграрной реформы 1861 г. значительно возросла абсолютная и относительная экономическая сила государства-собственника. На эту тенденцию мало обращают внимания дореволюционные, советские и нынешние отечественные историки (проверить по современным учебникам для обсуждения вопроса о причинах реформы).

4.1.2. От бюрократической опричнины к государственным имуществам. Классический тезис либерализма: государство есть орган обслуживания интересов и потребностей граждан – ложен и неприменим к истории России. Главный интерес русской власти – колонизация крестьян и огосударствление всех подданных. Для обоснования этого интереса использовалась мораль. Русские законы формулировались «по совести» – т.е. на основе морали. Чем более моральной была власть, тем она была хуже. Поэтому в России идея приоритета морали над политикой и наоборот имеет другой смысл, чем в Европе. Зато свободу в России можно было купить за деньги.

Реформа 1861 г. выразила уже сложившиеся властно-собственнические интересы. При Иване Грозном они привели к опричнине, при Петре – к бюрократической, при Александре-Освободителе – к экономической опричнине. Законодательное творчество русского правительства соответствует всем признакам бюрократического. На протяжении 300 лет государство трижды (Грозный, Петр I, Александр II) подрывало экономическую силу класса, на которую (согласно схемам советской и либеральной историографии) оно опиралось. Одновременно никто из русских дворян не соблюдал принципы христианской морали. Нет оснований полагать, что русская бюрократия по своим моральным принципам была выше.

Социальный смысл всей внутренней (экономической) политики власти заключался в ослаблении ее главного экономического соперника. Огосударствление – главная причина деполитизации русского дворянства. Отсюда вытекает правило: чем больше социальный слой (класс, группа) привязан к государственной телеге, тем больше его деполитизация. Перед реформой 1861 г. было проведено огосударствление жителей городов.

Таковы были предпосылки реформы 1861 года.

4.1.3. Реформа 1861 г. была просто новой Табелью о рангах. Ее социальный смысл состоял в ослаблении экономической и политической силы дворянства как главного соперника власти и усилении государственного контроля над крестьянами. С помощью реформы государство сломило экономическую силу

дворянства. Реформа не была реализацией стремления царского правительства попасть в ногу с прогрессом и вывести Россию на рельсы цивилизационного развития. Такая посылка образует суть современных цивилизационных и историографических теорий. Но она не дает возможности понять интересы политического класса России. Определение русского дворянства как главной опоры трона и резервуара государственных служащих фиксирует его второстепенные социальные свойства. Сущностная характеристика политического класса – это социальные интересы, которые реализует человек при вхождении в структуру власти, независимо от принадлежности к привилегированному экономическому классу. По мере вхождения он подчиняется ее правилам, главное из которых – укрепление собственного политического положения.

Реформа проведена для усиления власти на местах. Она еще более уравняла население страны перед властью и расширила сферу государственной регламентации. Реформа повторила Табель о рангах в новых обстоятельствах. Земские собрания (на которые уповали русские либералы) повторило главную характеристику Земского собора: законодательная власть полностью зависела от исполнительной. Земские собрания не могли выполнять свои решения без согласия исполнительной власти, а губернатор мог их просто отменить. Реформа самоуправления – следствие политико-бюрократической тенденции русской власти. Общее правило состоит в том, что никакая власть не отказывается добровольно от расширения сферы регуляции, а принуждается к такому отказу только под давлением гражданского сопротивления. Земства не ограничили права бюрократии и не увеличили права городской буржуазии и рабочих. Основное содержание реформы – рост контроля над крестьянами с помощью представительных учреждений.

Зато реформа 1861 г. позволяет постичь природу политических уступок. Госаппарат (ГА) России противодействовал введению всеобщего образования и парализовал инициативы земств в этой сфере, сводил к минимуму все уступки при ослаблении гражданского сопротивления, постоянно воздействовал на вершину политической иерархии и создал миф об абсолютной власти для маскировки собственных интересов[10], заменил идею представительства в принцип передачи управленческих полномочий низовым органам, но это управление осуществлялось под надзором правительства. Одни бюрократические действия вызывали другие и потому всякая реформа увеличивала власть бюрократии. Решающая сила перехода к капитализму в России – материальные интересы ГА, а не буржуазии. В процессе перехода ГА осуществил еще большую нивелировку общества и расширил сферу властной регламентации. Возникающая русская буржуазия была новым социальным классом, созданным для опоры власти.

[10] Напомню, что к мифу о *культе личности* русская/советская бюрократия всегда прибегала в кризисных ситуациях.

4.1.4. Есть две возможности решения проблемы выборы процедуры объяснения реформы 1861 г.:

1. Реформа была осуществлена потому, что русское общество уже состояло из класса властителей-собственников и класса собственников. Интерес первых заключался в элиминации вторых и этатизации экономики. Накануне и после реформы класс собственников раздваивался на землевладельцев и капиталистов. Государство поддерживало новый класс собственников исключительно для трансляции собственных интересов и ослабления прежних собственников.

2. Основная цель правительства России – укрепление ее международного положения; в период индустриализации международное положение страны зависит от ее промышленного развития, а последнее предполагает ликвидацию феодальных отношений; цель правительства после Крымской войны заключалась в сохранении статуса России как мировой державы; правительство осознало необходимость поддержки нового и ослабления старого класса, а также цивилизационную отсталость России по отношению к странам Запада; по этим причинам осуществлена аграрная реформа.

Какую из процедур объяснения избрать? Надо учитывать, что цивилизационные теории с момента появления служили для обоснования либеральных, социал-демократических и ленинских схем объяснения истории Европы и России. Эти теории более-менее поддерживали сциентистский миф о том, что существуют некие «чистые факты», не деформированные теорией, а государство является абсолютно положительной ценностью. Этот миф до сих пор успешно используется разными отрядами русской бюрократии и ее идеологической обслуги. Концепция власти-собственности позволяет подорвать сциентистско-этатистский миф и объяснить политическую историю России удовлетворительнее других историографических, философско-исторических и цивилизационных концепций. Этим объясняется мой выбор первой процедуры объяснения, хотя он нуждается в дальнейшем доказательстве.

5.1. Тема ***государство как верховный учетчик и контролер*** включает следующие проблемы: анализ марксистской и либеральной концепции степени экономического развития России; властно-экономический хищник; русская община: факты и теория; этатистская эрозия российского общества.

5.1.1. Проблема степени экономического развития России. Либеральные политики и историки полагают: промышленная и аграрная политика России на рубеже XIX-XX вв. свидетельствуют о переходе страны на фазу ускоренного развития капитализма. Но существует операциональные критерии измерения ускоренного развития экономики: быстрый рост ВНП; понижение доли продукции сельского хозяйства с 50-60% до 10-20% ВНП; повышение доли продукции промышленного производства до 40-50% ВНП; рост сектора услуг в национальном доходе[11]. Применение данных критериев к исследованию развития России в указанный период свидетельствует: оно не подпадает ни под либеральную, ни

[11] Хотя критерий ВНП сомнителен, он до сих пор используется для анализа социальных трансформаций.

под марксистскую схему. Власть произвольно навязала схему развития стране, преследуя прежде всего свои интересы. И потому квалификация развития промышленности в России как «бурного» или «революционного» противоречит действительности. Проблему надо сформулировать иначе: если существовал цивилизационный разрыв между развитием промышленности и стагнацией сельского хозяйства, то кто главный виновник и одновременно транслятор такого разрыва?

5.1.2. Властно-экономический хищник. На протяжении всего периода после реформы 1861 г. до 1913 г. доходы русского государства росли за счет следующих источников: участие в капиталистических предприятиях; государственные налоги; монополия на табак и водку. Госсобственность на землю осталась нерушимой. Значит, после реформы государство оставалось самым зверским эксплуататором населения. Одновременно оно начало эксплуатировать и контролировать класс буржуазии, который создан государством еще до реформы. Новые собственники были вынуждены приспосабливаться к навыкам «государственных мужей» России.

Существовали следующие формы связи власти и капитала в России:

- самый крупный в мире государственный сектор экономики (предприятия, отрасли хозяйства, банки);
- государственные заказы на производство определенных видов продукции способствовали развитию одних сфер производства за счет других;
- экономика удовлетворяла потребности власти и государства, а не рынка и граждан;
- государство участвовало в организации транспорта, больших предприятий, банков;
- переводило в состав госсобственности обанкротившиеся (близкие к банкротству) фирмы;
- свобода действия промышленных капиталистов в целом административно ограничивалась, но некоторые предприятия получали особые привилегии;
- госзаказы служили средством развития крупных предприятий;
- крупные предприятия и банки в больших масштабах финансировались из государственного бюджета;
- антикризисная деятельность государства и соучастие в образовании больших монополий;
- обмен чиновниками между госаппаратом и экономическими организациями;
- капитал контролировался государством.

Развитые страны Запада только в конце XX в. достигли такого состояния. Современные мыслители (например, Ю.Хабермас) определяют его как «самопрограммируемую циркуляцию власти». Россия инициировала эту циркуляцию в начале XX в., опередив Запад в переплетении политической власти с экономи-

ческой. Поддержка государством русской буржуазии на рубеже XIX-XX в. была параллельным своекорыстием.

Идеальный тип русского капитализма включает следующие свойства: переход госчиновников в аппарат промышленных предприятий; этот переход происходил прежде всего в столицах и включал в свой состав бюрократию, аристократию, лиц из царской семьи; обмен чиновниками вытекает из стремления обоих к богатству и образует ядро российского капитализма; укрепление связи власти-собственности за счет новых властителей-собственников; русская буржуазия – это новое издание прежних дворян-помещиков; главный интерес этого класса заключался в контроле общества путем одновременного применения политических и экономических средств; чиновники поддерживали интересы капиталистов против интересов помещиков; концентрация российского капитала и производства – результат стремления властителей-собственников к тотальному контролю; при размещении государственных заказов русское правительство руководствовалось прежде всего личными связями, а не экономическим расчетом. В этом контексте формировались и другие свойства русского капитализма.

Взятка была и остается государственной формой прибавочного продукта в иерархии «промышленная прибыль-торговая наценка-финансовый процент». Взятка – это та часть прибавочной стоимости, которая соответствует месту в иерархии власти, если от нее зависит возможность хозяйственной деятельности. Чем больше производитель и промышленник самостоятельны, тем меньше они тратят прибавочного продукта на взятки представителям власти. Если без разрешения последних хозяйственная деятельность невозможна, расширяется социальная база коррупции политико-управленческих элит. Коррупция в России не ограничивалась элитами, а затрагивала низшие уровни управления и социальные низы. В этом смысле она транслировала связи, характерные для азиатской системы дара.

Административные ограничения любой социальной деятельности связаны с применением законов – главного средства властителей-собственников. Последние распоряжаются законами по мере приоритета власти над законом. Ограничения «рациональны» с точки зрения властителей-собственников, поскольку они руководствуются соображениями максимальной власти, а не максимальной прибыли. Главный критерий экономической деятельности в России – наличие своих людей в аппарате власти. Такова специфика русского корпоративизма, лоббизма и тип управленца. Он был и остается следствием следующих процессов: на первом этапе происходила организация промышленников; затем они устанавливали контакты с госаппаратом; по мере развития контактов возникало представительство промышленников в структурах законодательной и исполнительной власти; но оно не выражало интересы промышленников, а стимулировало их оперативную реакцию на сигналы госаппарата. Тем самым система управления русской промышленностью начала воспроизводить государственную систему управления.

Русские властители-собственники начали вмешиваться в коньюнктурные, формационные и цивилизационные циклы раньше своих западных коллег. Развитие капитализма в России сформировало класс, который стремился одновременно к росту наживы и сферы социального контроля. Концентрация финансов и подчинение ей экономики – естественный способ вмешательства властителей-собственников в экономическую жизнь страны. Отсюда вытекает общее правило русского капитализма: чем больше участие государства в сфере производства, тем ниже ее экономическая эффективность.

Из правила вытекают два следствия: по мере вхождения любой сферы производства в орбиту влияния государства ее эффективность понижается; самой низкой экономической эффективностью отличаются сферы производства, целиком организованные государством. Примером могут служить картели и синдикаты царской России и деятельность ВПК в советской и современной России.

Реальная история капиталистических предприятий России – это подчинение экономики власти и навязывание экономике политических критериев. Так формировался класс властителей-собственников. Русская военная промышленность до революции предвосхитила будущее социалистическое общество в российском исполнении, в котором экономика целиком подчинялась власти. Русское государство всегда выражало интересы класса властителей-собственников. Он возник в результате слияния аппарата власти с капиталом. С политической точки зрения русская власть не выражала интересов всего общества, а с экономической – не выражала интересы класса собственников[12].

5.1.3. Русская община: факты и теория. При ликвидации общины государство руководствовалось двумя мотивами: развитие сельского хозяйства будет способствовать развитию промышленности и обеспечит больше прибыли для буржуазии; эти прибыли увеличат доходы членов аппарата власти. Из них вытекает главный социальный мотив: разрушение общины подчинит крестьян государственному контролю, поскольку они будут вырваны из своего социально-мировоззренческого мира, в который до сих пор власть не могла проникнуть. Главная цель столыпинской реформы – замена общины прямым подчинением госаппарату.

5.1.4. Этатистская эрозия российского общества. По мере укрепления капиталистического государства происходит этатистская эрозия экономики. Ее политическим следствием является тоталитаризм в его советской и фашистской модификациях. Целые столетия русская власть занималась угнетением и подавлением подданных в такой мере, которая неизвестна европейской цивилизации. Эта власть лишила русский народ возможности самостоятельно организовать свою жизнь и сформировала рабскую (холопскую) ментальность. Без нее невоз-

[12] Нетрудно понять, что идеальный тип русского капитализма можно построить и по принципу отрицания всех перечисленных реальных свойств для оценки прошлого, настоящего и будущего России, а также меры эффективности государственной политики. Такая процедура будет принципиально отличаться от веберовской методологии идеальных типов. Но данную проблему я здесь не рассматриваю.

можно было выжить. А затем *государственные мужи* из состава русских либералов и марксистов-ленинцев начали ссылаться на эту ментальность для легитимизации собственной власти.

Механизм русской конкуренции – это подмена принципа зарабатывания на основе деятельности другого человека принципом господства над этой деятельностью. Поэтому русское государство проскочило капитализм как стадию социального развития и уже в начале XX в. начало обгонять страны Запада. Первая догма ленинизма (по сравнению со странами Запада Россия была отсталой страной, главной социальной базой которой было крестьянство, а капитализм только развивался; господствующим классом России были помещики-дворяне, а их интересы выражало царское государство), повторяемая социал-демократами и либералами, ложная. Если бы в России велась только классовая борьба и не было класса властителей-собственников, то в стране не возник бы реальный социализм и Россия просто повторила бы путь развития других европейских стран.

3. Парадигма революционной власти

Политическое наследство России стимулировало несколько процессов: развитие экономики способствовало преобразованию феодальных властителей-собственников в капиталистических; рост госаппарата усиливал связь власти и собственности путем вмешательства в экономику; рост численности буржуазии, связанной с данным аппаратом. Эти процессы повлияли на Февральскую и Октябрьскую революцию и феномен отчуждения революции.

Эта крупная проблема распадается на ряд подчиненных: становление двойного класса; предпосылки закабаления граждан; революционные иллюзии; революция как предмет рефлексии.

3.1. Проблема ***становления двойного класса*** включает подпроблемы: суперклассовая структура и государственная экономика; интервенция и институционализация; мнимая альтернатива и действительные интересы.

3.1.1. Суперклассовая структура и государственная экономика. Накануне революции русское общество состояло из городского и сельского общества. Первое базировалось на системе распределения, второе – на иерархии и социальной изоляции. В капиталистическом секторе было легче обогатиться. Члены аппарата власти обычно стремятся укрепить политическое положение за счет движимого и недвижимого имущества, реального и символического капитала. В государственной экономике возможность экономической деятельности зависит от властных решений. Взятка в России (наряду с процентом и земельной рентой) стала новой формой прибавочной стоимости. Русские капиталисты находились в ситуации выбора: чем больше они стремились накопить капитала и имущества и чем меньше давать взятки, тем более высокое политическое положение должны были занимать – входить в аппарат власти или в «светские кру-

ги». Любой выбор снижал производительные и профессиональные способности бизнесмена.

На рубеже XIX-XX вв. в России сложилась суперклассовая структура, завершившая длительную традицию: в состав распорядителей средств насилия входили чисто авторитарный слой и класс властителей-собственников; в состав распорядителей производительными силами (капиталистов) входили класс властителей-собственников и чисто буржуазный слой. К чисто авторитарному слою принадлежали две группы: царь и его ближайшее окружение; часть бюрократической иерархии (Министерство Внутренних Дел и Военное Министерство), которая по роду занятий не имела доступа к решениям в сфере экономики. Зато в России полицейское и военное ведомство имели возможность влиять на цену государственной формы прибавочного продукта. Госаппарат в целом состоял из бездарных и коррумпированных чиновников. Механизм их отбора действовал на протяжении столетий, а взяточничество не имело равных на Западе. Обычно война увеличивает бюрократию. Во время войны класс властителей-собственников поглотил большую часть чистой буржуазии, количественно вырос и укрепил свое преимущество над другими слоями господствующих классов.

Основанные на переплетении власти-собственности системы кажутся сильными и непобедимыми. Но их слабость сразу обнаруживается при конфликте с системами, базирующимися на разделении власти и собственности. Пораженная структурами власти экономика обычно проигрывает экономике, которая диктует власти свои правила. Властитель-эксплуататор получает деньги за принятие экономических решений, выгодных для обычных эксплуататоров. Наиболее показательным примером в России является ВПК. Первая мировая война показала, что этатизация экономики и социальной жизни противостоит развитию техники (в том числе военной). Поэтому поражение России в войне было обусловлено не ее экономической отсталостью, а именно **опережением** других стран в соединении власти с собственностью.

3.1.2. Интервенция и институционализация. Государственная форма прибавочного продукта отличается от обычной прибыли экономическим бесплодием и сращиванием коммерческой и государственной тайны. Мотив социального контроля начала переплетаться с мотивом финансовым. Война увеличила количество и социальное положение властителей-собственников, к которым начали подключаться журналисты. Властители-собственники во время войны создали разветвленный аппарат военно-государственного управления экономикой. Этот класс увеличил государственное вмешательство в экономику с одновременным привлечением частной собственности. Госсобственность не является высшей ступенью исторического прогресса по сравнению с частной. Война усилила этатизацию экономики в самой этатизированной стране мира и институционализацию буржуазии. Государство создало военно-промышленные комитеты (ВПК) для управления экономикой, а в обществе были многочисленные общественные

организации (включая органы по самоуправлению промышленными предприятиями).

Отсюда вытекает общее правило: властитель-собственник наносит вред любой конкретной деятельности, включая само осуществление власти и управления.

В России до революции уже существовала не одна, а две бюрократии. Они начали сближаться, поскольку в основе обоих лежала связь власти и собственности. Русская буржуазия отреагировала на войну институционализацией собственной деятельности. Буржуазная бюрократия заимствовала все стандарты поведения у царской бюрократии.

3.1.3. Мнимая альтернатива и действительные интересы. Во время войны сложились тенденции этатизации и институционализации. Интересы русской буржуазии совпали с интересами царской бюрократии даже в сфере методологии социального познания и вытекающих из нее программ социального развития. Примером может быть либерально-бюрократические варианты социальной теории и практики (типа отношения между фактами и оценками).

Для оценки разных вариантов экономического национализма и национальных интересов поставлю вопрос: возможен ли вообще глубокий патриотизм наряду со страстью к наживе? Именно во время войны начала действовать громадная институциональная структура, вовлекающая в себя сотни тысяч людей. Причины ее создания не объясняются «любовью к Родине». Дело в том, что эта структура гребла деньги лопатой в своей собственной стране, жирела за счет собственного населения. Это противоречит патриотической трескотне, распространившейся во время войны. Значит, интересы возникшего в России двойного класса невозможно объяснить при помощи экономического детерминизма, обыденного здравого смысла, современных позитивистских и нормативистских теорий организации. Количественный рост бюрократии и организаций объясняется не их внутренней природой, а потому, что организаторы извлекают из этого экономический и политический капитал.

3.2. Теперь рассмотрим ***предпосылки закабаления граждан***. Русская буржуазия выиграла от институционализации экономики и общественной жизни. Вслед за бюрократией она приобрела деньги и власть. Для буржуазии власть становилась менее инструментальной и более самостоятельной ценностью, а для госаппарата – более инструментальной и менее самостоятельной ценностью. Но оба пути социального продвижения не были связаны с соблюдением прав и законов на каждом начальственном месте. Соединение чина с собственностью – типичная форма русской власти. Русская буржуазия пошла по этому пути. Она начала во время войны создавать единую организационную структуру, которая охватила все российское общество. Эта структура давала ее творцам и участникам деньги и власть одновременно. Власть стала знаком собственности, а собственность давала возможность власти. Для полного симбиоза властителей с собственниками надо было устранить чисто авторитарный слой

госаппарата (руководствующийся только властными мотивами) и чисто капиталистический слой буржуазии (руководствующийся только экономическими интересами). Первый процесс завершился в Феврале, второй начался в октябре 1917 г.

3.2.1. Милитаризация труда. После катастрофы первых месяцев войны производство вооружения было переброшено из казенных предприятий в частные. Благодаря этому вооружение и снабжение армии улучшилось без всякой милитаризации труда. Система принудительного труда распространилась в то время, когда положение на фронте ухудшилось. Главная причина этого явления – появление властителей-собственников из состава госаппарата и буржуазии. Милитаризация труда ускорила этот процесс. Члены этого класса стремились максимизировать доходы и власть **одновременно** и постепенно отделялись от чисто авторитарных властителей и чисто капиталистических собственников. Милитаризация труда направлялась против чисто капиталистических собственников и против рабочих. Властители-собственники расширяли контроль над неохваченными сферами социальной жизни. Ломали сопротивление традиционных собственников с опорой на институциональную структуру, которая еще до революции начала пожирать социальные ткани российского общества. Эта структура предвосхитила русский социализм. Одновременно гражданское сопротивление властно-собственническому симбиозу еще до революции показало неорганичность русского государства.

3.2.2. Положение царя и социальный хаос. Полное господство бюрократии в России началось в период первой мировой войны. Для этого она использовала институциональные структуры, возникшие в результате инициативы снизу. Эти люди ежедневно принимали решения о промышленных объединениях фабрик и заводов России и переходе их под контроль государства. Бюрократия столкнула традиционных собственников на вторые роли. От нее начинала зависеть любая деятельность во всех сферах экономики, поскольку она располагала громадными суммами денег. Всеобщий интерес заседающего в созданных во время войны конторах класса был тождествен интересу традиционных властителей: поставить в зависимость от себя как можно большее число людей, постоянно демонстрировать свое социальное присутствие и силу, расширять формальные действия в обратной пропорции от умения содержательно действовать. Этот всеобщий интерес переплетался со специфическим интересом русской власти – распространение власти на производителей и потребителей одновременно. Обе группы граждан оказывались в зависимости от власти.

Царская Россия – первая капиталистическая страна, в которой сформировался властно-собственнический класс. В этом смысле она действительно опередила страны Запада, в которых экономика, техника и технология были более развиты, чем в России. Одновременно Россия была (и остается) первой страной, которая обрела опыт слабости мнимо-всесильной системы власти. Этим опытом она не воспользовалась на протяжении всего XX в. Дело в том,

что марксисты и либералы объясняли данный опыт как следствие экономической и технико-технологической отсталости России. Этим объясняется популярность в нынешней России теории модернизации в ее различных версиях. Все они более-менее пренебрегают данным опытом.

3.2.3. Либеральные воры и их политические представители. Главная причина кризиса снабжения накануне Февральской революции – этатизация и институционализации экономики, а социальная функция голода обусловлена интересами властителей-собственников. Этот класс формировался из либеральной бюрократии и буржуазии. Под прикрытием патриотических лозунгов он с самого начала делал ставку на авторитарную власть, подчинил бюрократическому комплексу все наличные организационные структуры и постоянно создавал новые (типа Прогрессивного блока). Такова специфика русского либерализма.

3.2.4. Как падала царская корона. Либеральные черви в интересах нового класса вовсю пожирали Россию, включая ее государственный и общественный аппарат, и сожрали царя – вершину власти. Этот класс контролировал огромный госаппарат и большую часть экономики. Специфика русского либерализма – акцент на необходимость авторитарной власти при одновременном отсутствии строгой идеологии и программы действий. Из-за политической бездарности либералы не смогли планировать голод. Зато они предвосхитили методы социального действия большевиков, предоставляя событиям (до поры до времени) развиваться своим чередом. Деятельность русского либерально-бюрократического комплекса – эталон и идеал политической деятельности либералов: вначале комплекс пожирает экономику и приводит ее в состояние разрухи; затем ответственность за собственные действия перебрасывает на вершину иерархии; это вызывает раздражение всего общества; вершина иерархии падает, а новые властители-собственники моментально занимают освободившиеся должности. Связь власти и собственности «протолкнула» Россию через капитализм к социализму.

3.3. При анализе ***революционных иллюзий*** надо учитывать, что после Февраля 1917 г. Россия вступает в период, над которым все больше клубится идеологический туман. Чем больше действительное развитие России отклонялось от постулатов марксизма, тем больше последний в его ленинско-сталинской и националистической интерпретации выполнял роль идеологии.

3.3.1. Идеологический туман и всеобщая регламентация экономики и общественной жизни. Идеологический туман базируется на одном и том же убеждении: настоящая (будущая) революция имеет (будет иметь) характер буржуазной. Это убеждение вытекает из догмы: царская Россия – отсталая страна с точки зрения уровня социального развития. Данная догма характерна для либерализма, социал-демократизма и ленинизма. Все они рассматривают материальные интересы людей как главный фактор социального развития или базис

иерархии фактов и ценностей и не учитывают переплетение власти с собственностью. В этом смысле Россия не отставала, а опережала страны Запада.

Февральская революция ликвидировала чисто авторитарный слой. После революции государство усилилось, а не ослабло, поскольку завершился процесс переплетения власти с собственностью. Об этом свидетельствует экономическая политика Временного Правительства, прежде всего монополизация сбыта товаров и установление твердых цен. Буржуазное правительство проводило антибуржуазную политику, поскольку государственная монополия на товары уменьшала прибыль определенной категории капиталистов. Только слабость Временного Правительства не позволила ввести всеобщую государственную монополию на все товары. Следовательно, возникшее после Февральской революции государство было протосоциалистическим, поскольку оно связывало власть с собственностью и стремилось подчинить экономику государственной власти. Попытки планирования народного хозяйства осуществлялись до Февральской революции, а после нее стали тенденцией. Временное правительство увеличило налоги (подоходный, с оборота и т.д.) и вело регулярную экономическую войну с остатками чистой буржуазии. В этом смысле советское государство – законный наследник Временного правительства. Основание действий того и другого – материальные интересы людей, одновременно удовлетворяющих своекорыстие и властолюбие. Пренебрежение данной связью свидетельствует о том, что ложь одинаково присуща либеральным, социал-демократическим и ленинским концепциям.

3.3.2. Политическая ложь и возможность антибюрократических действий. Временное правительство и Советы выражали типичную для России тенденцию властно-экономического контроля общества. Эта тенденция выразилась в общей схеме правительственных действий: вначале властители-собственники устранили различие между реальным и формальным выражением соотношения сил в госаппарате; затем установили контроль над аппаратом насилия (МВД, армия) и аппаратом управления экономикой; после этого происходит рост и укрепление господства над всеми гражданами; для этого могут использоваться два способа: насилие и голод; второй метод – следствие ранее установленного государственного контроля экономики; после этого власть одновременно комбинирует разные пропорции насилия и голода.

Госаппарат России никогда не выражал интересы граждан и не заботился об «общем благе». Его интерес концентрировался на власти и деньгах. Эти ценности до сих пор претендуют на универсальность. Поэтому подлинный либерализм, демократизм и социализм состоит в борьбе с властью и деньгами одновременно. Однако русские либералы, меньшевики и социалисты предали социализм как ценность в пользу социализма как необходимости. А русский госаппарат всегда претендовал на ранг носителя такой «необходимости». Ее природа в том, что в России государство всегда хотело оставаться исключительным собственником.

Временное правительство вело политику в двух направлениях: ослабление буржуазии путем лишения ее новых источников дохода; раскол масс, спонтанно создававших органы контроля за властителями-собственниками. Массы были вынуждены тратить время на удовлетворение элементарных нужд. Поэтому не могли генерировать такой потенциал социальной инициативы, которая нужна для превращения населения в постоянную угрозу бюрократии. Эту возможность Временное правительство успешно блокировало в городе.

3.3.3. Консервация аграрных отношений и расширение социальной базы революционной власти. Временное правительство стремилось нейтрализовать деревню за счет поддержки существующих аграрных отношений и социального неравенства деревни. В период от февраля до октября 1917 г. оно вело одновременно внешнюю и внутреннюю войну. Это вызвало ослабление государства и увеличило крестьянские выступления. Данное государство тоже не отражало интересы народа. Февральская революция осуществлена в интересах аппарата власти, который проводил политику в двух направлениях: стремился отрезать систему советов от народных масс и втянуть членов советов в бюрократический процесс управления страной.

Вовлечение ведущих деятелей социалистических партий в управление страной объясняется тем, что аппарат данных партий получил от этого выгоду. Переплетение аппаратов данных партий с частью бюрократического аппарата и частью буржуазного аппарата начался задолго до Февральской революции. Тем самым властители-собственники имели в распоряжении властно-бюрократические, либерально-буржуазные и социалистические элементы. Советы тоже были поглощены властителями-собственниками. В обмен на включение партийных деятелей в аппарат власти партийные аппараты изменили программы социалистических партий и устранили из Советов революционно-гражданскую составляющую. В результате идея социализма толковалась так, что она обосновывала и рационализировала одновременный контроль политики и экономики. В России 1917 г. не было социальной силы, которая смогла бы противостоять классу властителей-собственников и разорвать связь власти и собственности – основной принцип организации общества в России. Эта возможность осталась нереализованной, а социальная структура данной связи была сохранена и перенесена в новые условия.

4. Проблема *анализа Октябрьской революции* является предметом столетних разговоров. До сих пор большинство оттенков политической мысли рассматривало эту революцию как начало новой социалистической формации (социально-экономической). Тогда как цивилизационный подход просто вливает старое вино в новые мехи. Взамен я предлагаю другой набор проблем.

4.1.1. Одна или две революции? Если либералы признают регулирующую роль государства в отношении общества, падает различие между ними и социалистами. Все они в разной степени (это различие количественное и не имеет существенного значения) не свободны от культа государства и связанных с ним

противоречий политического мышления, типичных для консерватизма. Тем самым консервативная составляющая входит в структуру либерального и социалистического мышления. Государство и общество (отношение между ними) воспринимается через призму «порядка» как главной ценности. Поэтому ни один из типов политического мышления не в состоянии сделать проблему соотношения фактов и ценностей центральной (подумать).

По отношению к истории и нынешнему состоянию России это означает пренебрежение или одобрение связи власти и собственности как «естественного», «необходимого», «объективного»» «единственно возможного» факта и тенденции русской жизни. Ни один тип политического мышления не ставит задачу разрыва связи власти и собственности как центральную проблему практической политики и динамики России.

Судить об этом можно на основе сравнительного анализа национальных типов революционности. Любую стратегию любой политической партии кто-то должен выдумать, а затем склонить партию к ее применению. Последняя задача значительно сложнее. Особенно в том случае, если естественное стремление к власти толкает партию в другом направлении. Именно так обстояло дело в случае с РСДРП(б). После Февральской революции она ничуть не меньше других социалистических партий стремилась попасть в аппарат власти, поддержать Временное правительство и таким образом обрести политический вес и влияние. Об этом свидетельствует факт цензуры в «Правде» ленинских «Писем из далека». В них Ленин первоначально сформулировал тезис о буржуазном характере Временного правительства. Редакция «Правды» не только изъяла те части текста, в которых формулировался данный тезис и выдвигался лозунг «Никакой поддержки Временному правительству» со стороны революционного пролетариата, но и осуществила редакционные поправки в опубликованных частях. Поправки заключались в изъятии фамилий членов Временного правительства и поддерживающих его социалистов.

Иначе говоря, при отсутствии вождя среди большевиков господствовало естественное желание войти в возникающую систему правления. Ленин сразу выступил против этого. И только его авторитет стал препятствием объединения большевиков с другими социалистическими партиями. В этом убеждает тот факт, что на Всероссийской конференции РСДРП(б), в которой участвовало 120 членов партии, Сталину с большим трудом (большинством в четыре голоса) удалось устранить из текста резолюции пункт, выражающий поддержку Временному правительству. Позиция самого Сталина заключалась в выжидании иного момента, когда Временное правительство исчерпает свои силы и дискредитирует себя в ходе реализации революционной программы.

Нетрудно убедиться, что в условиях нормальной борьбы за власть грузину Джугашвили было далеко до русского Ульянова. Грузинский политик-революционер подходил к делу просто: Временное правительство реализует ту же программу, под которой и мы подписываемся; но если ему не удастся ее реализо-

вать, то мы получим большие политические дивиденды, поскольку сразу его не поддержали. Русский политик-революционер был хитрее грузинского. Ленин заслонил простодушие Сталина мастерски. Для этого он выдумал целую доктрину о «перерастании буржуазной революции в социалистическую», а затем нашел поддержку для нее в укладе социальных сил, вытекающих из внутренней войны с русским обществом, которую вело Временное правительство.

Если воспользоваться словами Макса Вебера, русский революционер был «политическим виртуозом». Грузинский революционер просто выражал естественное желание партийной массы как можно скорее попользоваться хоть частью власти. Русскому революционеру куска власти было недостаточно, он хотел захватить ее в исключительное пользование. Для этого ему пришлось увлечь за собой всю партию. Но сделать это было непросто. Большинству русских революционеров куска власти вполне хватало. И мираж немедленного участия в ней был настолько силен и заманчив, что идея нового объединения с меньшевиками пользовалась большой популярностью в большевистской партии. По инициативе меньшевиков на 4 апреля было назначено объединенное заседание большевиков и меньшевиков, на котором предполагалось принять решение об объединительном съезде обеих партий. Едва приехав в Россию, Ленин сразу выступил против участия большевиков в заседании. Однако большинство большевиков решило участвовать в нем, и Ленин тоже вынужден был явиться. С громадным трудом ему удалось сорвать заседание. Из 50 большевистских делегатов зал заседания покинули вместе с Лениным 30 человек. Партия была накануне раскола. И все же в ближайшие недели Ленину удалось склонить партию принять его стратегию. Затем события показали, что он был нрав.

Смысл этой правоты первоначально был изложен в телеграмме большевикам, отъезжающим в Россию: «Наша тактика: полное недоверие, никакой поддержки новому правительству; Керенского особенно подозреваем; вооружение пролетариата – единственная гарантия; немедленные выборы в Петроградскую думу; никакого сближения с другими партиями»[13][2]. Ее трудно было понять партии, стремящейся к участию во власти. Однако Ленин был выдающимся русским революционным политиком, убежденным в том, что борьба с Временным правительством принесет партии большую власть, нежели союз с ним. На чем базировалось это убеждение и почему партия поверила Ленину?

Дело в том, что ленинская доктрина двух революций позволяла обосновать один из главных политических мифов советского государства и общества: независимо от последующих событий начало советской власти вытекает из действительной воли народа. Как известно, представление о «начале» – главный и исходный элемент мифологического мышления, идеологических рационализаций и определенного нормативно-ценностного порядка. В этом смысле либеральная

[13] Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.31, с.7

и марксистская концепция прогресса могут использоваться для легитимизации любой власти.

4.1.2. Политические чудеса. Советы стали началом социальной бюрократии. Акцент на технику движения выражал не личные пристрастия большевиков, а предпочтение технологии власти ее идеологическому обоснованию еще до взятия власти. Партия становилась совокупностью организаций, а не множеством индивидов с единой программой, стремящихся к ее реализации. Этатизм стал главным элементом организации большевистской партии еще до того, как она взяла власть. Идея рабочего контроля заимствована Лениным у военно-промышленных комитетов и Временного Правительства. Этот контроль должен быть тотальным на уровнях отдельных предприятий и страны в целом и осуществляться всеми организациями, включая политические партии. Социальный смысл постулата всеобщего контроля: чем большее число предприятий находится под рабочим контролем, который уже контролировался партией, тем большее число экономических решений перейдет в руки партии и будет изъято у государства и частных собственников. В итоге партия станет контролером экономики. Большевики идеологически санкционировали анархистские элементы гражданского сопротивления, становясь вначале руководителями, затем участниками и наконец единственными субъектами рабочего контроля.

Советы были второй властью. Они возникли в результате сопротивления народных низов концентрации и централизации насилия и собственности на вершине власти. В итоге революции русский властно-собственнический комплекс выполз из трехсотлетней кожи. Политический смысл лозунга «Вся власть Советам» – организация с помощью масс нового тоталитарного государства в старом. Социалистические партии предали интересы рабочих и крестьян во имя учреждений и должностей. Любая партия так толкует исходную идеологию и программу, чтобы за счет толкования захватить учреждения и должности для кадров своей партии. Лозунг «Земля крестьянам» имеет два исторических и политических смысла: 1. Стремление большевиков ослабить бюрократический комплекс, затрудняя политику изоляции деревни. 2. Действительный смысл состоял в трансляции древней российской традиции: земля принадлежит государству. Смысл лозунга «Мир народам»: солдаты были готовы поддержать любую партию и правительство, которые выдвинут лозунг мира.

4.1.3. Рождение тройного класса. Ленинская программа социалистической революции и связанные с ней лозунги объясняется тем, что Ленин сделал ставку не на борьбу экономических классов России, а на происходящие в ней социальные процессы, которые были следствием реакции народа на действия властно-собственнического комплекса. Эта программа выражала стремление к организационному господству над социальными процессами, вызванными действиями властителей-собственников. В результате в идеологию партии вошел исторический и политический идеализм. Идея о том, что громадное количество людей сможет добровольно отказаться от привилегий, связанных с рас-

поряжением средствами насилия и производительными силами – вершина исторического, социологического и политического идеализма. В результате концепция власти как волевого отношения (со всеми ее практическими и теоретическими следствиями) вошла в политическое действие русских коммунистов. Исторический и социологический идеализм Ленина и других вождей большевистской партии был идеологической модификацией, бездарно привязанной к экономической интерпретации политики.

Идеологическая мистификация действительных интересов большой организации может быть проиллюстрирована сравнительным анализом идеальных типов чистой власти и власти-собственности.

Интерес чистой власти, не основанной на собственности, заключается в осознании поддержки власти со стороны граждан, если даже они не считаются ее источником. При этом часть граждан (собственники) располагают независимым от власти источником социальной силы, а остальные (непосредственные производители материальных и духовных ценностей) создают определенный минимум для защиты от власти в собственных интересах. Чистый властитель должен заботиться хотя бы о пассивной поддержке со стороны граждан, поскольку они от него независимы экономически. Но такая схема власти неприменима к интересам русской власти.

Русский властитель-собственник находился в иной ситуации, так как граждане на протяжении всей русской истории, начиная со времен Ивана Грозного, постепенно теряли независимые от власти источники существования. Русские властители-собственники не должны были заботиться о собственной поддержке со стороны подданных, хотя она бы им не помешала. Тогда как русско-советский или советско-русский (под термин «русский» в данном случае подводятся все нации и народности, находящиеся в составе Российской империи и Советского государства) властитель-собственник-жрец (идеолог) не должен был заботиться о поддержке со стороны подданных-собственников-верпоподдаиных, ибо такая поддержка для него была вредной. Русско-советский и советско-русский властитель-собственник-жрец сам был и остается единственным основанием своей физической, экономической и духовной власти. Если подданные отваживались поддерживать этого «тройного» господина (по причине «усердия не по разуму», «преданности коммунистической идее», «патриотизма» и т. п.), то это означало, что они считали свою волю значимой для властителя. А такая мысль для «тройного» господина опасна, потому что она ограничивает его власть. Поэтому русско-советские и советско-русские властители-собственники-жрецы не только не заботились о поддержке со стороны подданных, но манифестировали им же свое собственное пренебрежение и презрение. Идеальный властитель, сложившийся в условиях Российской империи и Советского государства, всегда мог сказать: «Даже в вашей поддержке я не нуждаюсь, вы – лишь предметы моих действий, которые сами себя легитимизируют».

Таким образом, интерес власти, переплетенной с собственностью и духовным господством, состоит в презрении ко всем, кто зависит от нее в сферах экономики, политики и духа. Так сложилась система троевластия.

Этот момент важен для оценки теорий модернизации. Непонимание качественного различия между классовым обществом и системой троевластия обычно ведет к тому, что вся совокупность экономических программ коммунистов рассматривается как продолжение более ранних программ модернизации России, восходящих прежде всего к Петру I. И ранее и теперь, и в нашей стране и за рубежом многие ученые и политики считают, что сталинская программа индустриализации существенно не отличалась от целей его царских предшественников, поскольку и русские цари, и коммунисты хотели преодолеть традиционную отсталость России и обеспечить ее независимость от внешнего мира.

Такой взгляд совершенно не учитывает, что социальные функции индустриализации в системе троевластия были связаны с усилением и развитием до самых крайних пределов экономического, политического и идеологического отчуждения. Акцент только на экономическую сторону данного процесса, присущ как марксистской, так и либеральной историографии: «Запоздание промышленной революции в России несет ответственность за политическую революцию, в ходе которой власть перешла в руки диктаторского правительства. Такое правительство может удержаться у власти лишь тогда, если сможет убедить людей в том, что оно выполняет важные социальные функции, которые без него не могут быть реализованными»[14].

Однако на протяжении почти всего XX в. «такое правительство» совершенно не нуждалось в выработке указанного убеждения на основании производства тракторов и паровозов, комбайнов и самолетов. Значительно более эффективным средством его выработки был террор. Именно в результате массового применения террора советские граждане вынуждены были наперегонки манифестировать свое абсолютное подчинение, включая убеждение об «исторической неизбежности» коммунистической системы троевластия. Нельзя считать такое убеждение неискренним, потому что неискренность убеждений при Сталине вообще не давала шансов па выживание, а после Сталина принуждала к чисто вегетативному существованию. Тот факт, что данное убеждение было обусловлено монополией экономического, политического и духовного насилия, не дает оснований его игнорировать. Конечно, сила есть грубый и малоприятный факт. Зато изменения, которые она вызвала в психике советских людей нескольких поколений, весьма тонкие и загадочные. Невозможно утверждать, что сегодня они до конца понятны. В то же время эффекты систематического применения силы могут исчезать очень быстро, под влиянием революционных изменений. История царской России и Советского Союза может рассматриваться как резервуар фактов в подтверждение того и другого вывода.

[14] Black C. The Transformation of Russian Society. Camdridge, 1960, p. 28

Таким образом, система троевластия сложилась раньше модернизации, и потому ее социальные функции были связаны с усилением и развитием до крайних пределов экономического, политического и идеологического отчуждения. Ленинцы, социал-демократы и либералы не учитывают этого момента.

4. Резюме: на пути к троевластию

В момент осуществления Октябрьского переворота духовное закабаление всего населения бывшей Российской империи было делом уже недалекого будущего. Все еще выходили газеты других партий. Русская интеллигенция была еще далека от марксизма в его ленинско-сталинской версии. Большинство народа находилось под влиянием православной церкви. Чтобы партия большевиков могла монополизировать функцию жреца-идеолога и соединить ее с властно-собственническими функциями, она вынуждена была немало потрудиться. Эта работа не прекращалась на всем протяжении существования советской власти, а наследники большевиков из либерального, социалистического и консервативного лагеря ведут ее и сегодня.

В октябре 1917 г. партия взяла бразды правления страной в свои руки из рук представителей бюрократического комплекса. Начался процесс социального, а затем физического устранения и уничтожения класса властителей-собственников, который образовывался на протяжении нескольких десятилетий развития государственного капитализма в России. Прежние властители-собственники частично рекрутировались из государственного аппарата или из буржуазии. На их место пришли новые «государственные мужи» из рабочих и солдатских организаций. Они тоже были властителями-собственниками, так как продолжили тот же самый процесс контроля над силами принуждения и производительными силами. Правда, «красные дворяне и вахлаки», если воспользоваться метафорой А. Платонова, были чужды «белоручкам» с точки зрения социального происхождения, а идеологический туман затемнял их действительную роль. Но это способствовало еще большей жестокости в применении к русскому пароду и обществу сильнодействующих методов.

Персональный состав класса властителей-собственников менялся, места «белых воротничков» занимали последовательно «кожанки», «синией блузы», «толстовки», «сталинки» и, наконец, обычные пиджаки. Однако социально-политическая структура России оставалась нерушимой. Новые господа по-прежнему аккумулировали власть и собственность, хотя и более успешно, будучи генетически связанными с социальными низами. Но в истории России подобный процесс мало что изменил, а в истории русской власти не изменил ничего. Благодаря большевикам история развивалась в том же самом направлении концентрации власти и собственности в одних руках. Правда, теперь эти руки остервенело писали, что народные массы принимают ключевые политические и

экономические решения, что они руководят страной, а завтра будут руководить всем миром.

Следовательно, Октябрьская революция не вела от капитализма к социализму как общественному строю, основанному на началах справедливости. Русское общество, в котором она совершалась, уже не было капиталистическим ни в марксовом, ни в веберовском смысле слова. Это общество было переходной и достаточно развитой формой на пути к тоталитарному обществу. Оно состояло из двойных классов – властителей-собственников и подданных – непосредственных производителей. Это было классовое общество в квадрате, однако данный факт экономической и социальной жизни марксова теория успешно маскировала и потому стала его идеологией.

Октябрьская революция не вела сразу к реальному социализму как к системе троевластия. Русско-советские властители-собственники не могли в один прием связать свои жреческо-идеологические функции с властью и собственностью. Этот процесс был длительным и после Октября 1917 г. делал только первые, несмелые шаги. Поскольку эта революция не изменила социальную структуру, она не была также межформационным переломом. Причем персональные изменения в социальной структуре стали возможны лишь потому, что предшественники новых властителей-собственников своей политикой вызвали гражданское сопротивление русского народа и всех других народов, населяющих Российскую империю. Но это сопротивление умело направлялось и контролировалось новой государственной структурой. Без такого гражданского сопротивления рабочих, крестьянских и солдатских масс Ленин со своим политическим именем и большевики со своими организационными способностями и самоотверженностью в действиях не сделали бы ничего. Да и так они сделали немного: одних помещиков заменили другими – и только!

Иначе говоря, Октябрьская революция была процессом гражданского сопротивления русского общества социал-либеральной власти, конечным этапом которого стал большевистский переворот. Изолировать эти процессы и события невозможно, ибо в противном случае нельзя объяснить победу большевиков в гражданской войне и всеобщую ненависть русского народа к прошлым «кадетам» и нынешним «либералам» и «демократам». Однако такая изоляция постоянно встречается в исторической и политической литературе. Прошлые и нынешние сторонники «умеренного» или «демократического» социализма пренебрегают этим неудобным фактом – именно социал-либеральная политика вызвала бунт рабоче-крестьянских масс, которым умело воспользовались большевики.

Чем же был революционный процесс в России в XX в.? Почему его хотят забыть представители почти всех направлений современной политической мысли России? Он был выражением гражданского сопротивления масс существующей русской власти. После любых восстаний и революций на некоторое время происходит уменьшение политического и фажданскош отчуждения. Новая

власть пытается в определенной мере удовлетворить ожидания и потребности масс. Так было и в данном случае. Первый декрет советской власти дал землю крестьянам, в результате чего 150 млн десятин земли перешло в их распоряжение. Достаточно сравнить эту цифру с длящейся более полувека царской аграрной реформой и нерешительной аграрной политикой «умеренных» социалистических партий, чтобы понять причины победы большевиков в гражданской войне. В этой войне против них выступили все силы царской России вместе с силами «умеренного» социализма. Массы пошли за большевиками, потому что первоначально их политика была наиболее близкой интересам и чувствам большинства русских людей. Из-за этого «десять дней» действительно потрясли мир. Русская революция па целые десятилетия стала источником вдохновения художественного авангарда Запада. А почти все цепное в художественной культуре великого русского народа в XX в. связано с первыми годами и десятилетиями после революции и ее импульсом.

Однако Февральская и Октябрьская революции незаметно надели на русский пород кандалы и наручники, в результате чего первичное гражданское сопротивление своей чужой власти было опутано по рукам и ногам. Первичные уступки массам были сведены на пет все более усиливающимся бюрократическим комплексом. Спустя полгода с небольшим после октября 1917 г. те же самые крестьяне, которые получили землю, были подвергнуты первому давлению аппарата, которое по ошибке или недоразумению (злой умысел тоже нельзя исключать) нарекли «военным коммунизмом». Десять лет спустя землю у крестьян отобрали, ее властителем-собственником стал партийный аппарат. Как назвать поворот от революционной анархии к диктатуре'? К сожалению, пока не выработано надежное теоретическое понятие для описания этого процесса. Воспользуемся пока метафорой «политические кандалы и наручники», к которым вскоре добавились и духовные.

В русском языке есть слово «сволочь». Оно означает аркан, который татары набрасывали на толпу наших предков перед их уводом в плен. Из романов Н. Лескова можно узнать, что таким же арканом пользовались русские помещики при переселении крепостных на новые земли. Действительно, русское государство долго вило аркан переплетения власти и собственности для русского народа. Февральская революция закрепила систему двоевластия. Октябрьская революция открыла перспективу троевластия, и такую перспективу коммунисты успешно использовали. Здесь они тоже никакой Америки не открывали – достаточно вспомнить систему троевластия иезуитов в Парагвае или государство ордена крестоносцев, недалеко отстоящее от системы троевластия. Коммунисты начали использовать все три источника социального могущества. Данный процесс уже был слабо связан с идеологическим содержанием марксизма. Наоборот, идея борьбы с эксплуатацией в интересах угнетенных масс составляла определенную угрозу для новой власти (достаточно вспомнить «рабочую оппозицию» и реакцию Ленина на нее). Правда, и эта опасность была незначи-

тельной. Идея любви к ближнему тоже была помехой в стремлении церкви к тотальной власти, однако духовные отцы ее умело обошли и обходят до сих пор. М. Вебер показал, что всякая идеология первоначально стремится изменить мир. Но едва эта цель связывается с материальными интересами ее пропагандистов и распространителей (жреческим сословием или идеологическим аппаратом), начинается процесс ее приспособления к существующим социальным и политическим отношениям. Вообще говоря, влияние идеологий на интересы незначительно. В случае конфликта между ними за дверь выбрасываются всегда идеологии. Подтверждением истинности данною тезиса является тот факт, что та же самая судьба постигла марксизм.

Итак, Октябрьская революция была выражением действительного гражданского сопротивления русского народа социал-либеральным властителям-собственникам. Этот процесс нарастал на протяжении всего 1917 г., хотя гражданское сопротивление было слепым. Оно сразу начало опутываться теми, кто хотел «вышибить из седла» прежних властителей-собственников и занять их место. Тем не менее русский народ воспротивился связи власти и собственности. Четыре года спустя этот процесс привел к восстанию матросов и рабочих Кронштадта. Все восстания против советской власти, вплоть до событий в Новочеркасске (1962 г.), могут рассматриваться как ею развитие. После второй мировой войны тенденция усилилась в странах-сателлитах СССР: Берлин (1953 г.), Будапешт и Познань (1956 г.), Чехословакия (1968 г.), польское побережье Балтийского моря (1970 г., 1980-1981 гг.). Поэтому сравнивать революции в Югославии, Китае, во Вьетнаме и па Кубе с Октябрьской революцией нельзя. Их родоначальником была Февральская революция в России.

В октябре 1917 г. большевики направили гражданское сопротивление русского народа своей чужой власти в иное русло. Результат получился абсолютно противоположным. Октябрьская революция была началом новой цепи исторических и политических событий – народных движений против фашистского насилия и эксплуатации, а затем против социалистического насилия, эксплуатации и духовного господства. Февральская революция стада родоначальником ряда социалистических революций. Октябрьский переворот открыл ряд революций, направленных против социализма.

Смогло ли руководство России выступить во главе процесса разрыва связи власти и собственности или же события последних лет просто возрождают связи, уже накопленные в русской истории? Напомню, что революция не изменила социально-политическую структуру страны. Новые господа попрежнему аккумулировали власть и собственность, хотя делали это более успешно, поскольку генетически были связаны с социальными низами. Революционный процесс с России XX в. был выражением гражданского сопротивления масс существующей русской власти. Это сопротивление потерпело поражение. Поэтому своя власть по-прежнему остается чужой. Россия пока не смогла стать во главе процесса разрыва власти и собственности.

Не менее важно то, что в современных социальных науках произошла реабилитация понятия «идеология», а концепция отчуждения оказалась почти позабытой. Теоретическая и политическая проблема состоит в следующем: как культивировать политическую ментальность, которая будет способствовать разрыву с указанными стереотипами мысли и действия?

Научное сообщество

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ?

А.В. Павлов
Государственный университет – Высшая школа экономики

«Что мы знаем о лисе? Ничего. Да и то не все». Этот забавный афоризм очень верен не только в отношении лисы. Точно так же, как с этой самой лисой, обстоят дела и с политической философией. Каждый думает, что знает, что это такое и стремится навязать свою точку зрения другим. Каждый более или менее честный исследователь (мы уже не говорим о бездарных отечественных публицистах, превративших политическую философию в нечто совершенно нереспектабельное) считает, что хорошо осведомлен о ее предмете. Однако ее предметное поле в описаниях исследователей оказывается каким-то уж чересчур бескрайним, начиная с демократии, продолжая свободой и справедливостью и заканчивая государством. И что же? У нас дело еще хуже.

В России любой, кто хоть когда-то и хоть что-что слышал о политической философии, абсолютно убежден, что знает о ней в достаточной степени, чтобы с гордостью провозглашать себя специалистом в этой области или, даже более того, мнить себя выдающимся экспертом, способным написать учебник или монографию.

В итоге политическая философия в России настолько себя дискредитировала, что дальше уже просто некуда. Точнее довели ее до такого состояния ее «выдающиеся» представители. В Российской ассоциации политической науки даже боятся называть исследовательский комитет именем «политической философии», потому что уверены, что в него набегут такие «эксперты», которые на самом деле либо некомпетентны, либо попросту являются сумасшедшими.

Самое печальное здесь то, что это – чистая правда. Достойных, действительно сто́ящих того, чтобы на них можно было обратить внимание, представителей политической философии, к сожалению, не так много. Пожалуй, можно назвать Артемия Магуна и Бориса Капустина. Причем весьма характерно, что оба имеют очень хорошую «западническую» закваску и такую же «западническую» ориентацию. Плохих примеров можно привести огромное количество. Однако чтобы никого не обижать, лучше не называть конкретных имен. Подавляющее большинство «исследователей» политической философии в России

твердит о каких-то политических гносеологиях, политических онтологиях, политических аксиологиях; также очень большой популярностью среди них пользуется термин праксиология. Что нам дает это попугайничанье и механический перенос категорий из систематической философии[1]? Абсолютно ничего. Пустую схоластику и никакой эвристической ценности.

I

Однако и у западной политической философии в XX столетии были грандиозные падения, после которых она с трудом оправлялась. Не знаю, есть ли еще хоть одна отрасль философского знания, которая была бы столь сильно дискредитирована в XX столетии. Чего только она не натерпелась, чего только ей не приходилось пережить. Уже в середине 1950-х ей поставили диагноз: «Политическая философия умерла»[2]. Об этом также заявили виднейшие представители политической науки Дэвид Истон[3] и Альфред Коббан[4]. Лео Штраус, едва ли не больше всех сделавший для американской политической философии в 1950-1970-х, и тот писал о деградации политической философии с Древних времен[5].

Однако врачи ошиблись с диагнозом, и смертельно больной пациент продолжал влачить жалкое существование, кашляя, задыхаясь, теряя сознание. Большинство молодых практикующих ветеринаров, явно не имеющих большого представления о том, как лечить больного, все же предприняли несколько попыток. Для того чтобы хоть каким-нибудь образом продлить жизнь больному, они стремились подвести под основание политической философии те или иные принципы отдельной отрасли философского знания. Это могла быть, например, феноменологическая традиция философствования, как в случае с Арнольдом Брехтом, издавшем в 1959-м году книгу[6], в которой он изложил свое видение политической философии, основываясь, главным образом, на работах Эдмунда Гуссерля и Альфреда Шютца.

Интересно, что в 1950-е годы тенденция «спасения» больной политической философии наметилась и в Британии. В то время как американские политические ученые потихоньку «срастались» с немецкими эмигрантами, привезшими в США философские принципы и основания для оплодотворения тамошней политической науки, то англичане, чувствуя себя достаточно уверенно в отноше-

[1] Здесь следует обратить внимание, что разделение «систематической» философии и «аналитической» не заслуживает даже поверхностного анализа. Систематической – это какой? Гегель, Маркс? Маркузе? (Последних двух я бы не назвал «систематическими» в силу того, что они не строили системы). В смысле «построения систем» большинство американских философов в отличие от Витгенштейна, вполне себе «систематические». Линия Гудмен – Куайн – Дэвидсон – Льюис – это линия создания систем. А в силу того, что доминирует именно она (помимо различных «нейрофилософов»), «аналитическая» философия на настоящее время является одной из немногих «систематических» философией, говорящей о мире и месте в нем человека, природе души и Бога.

[2] P. Laslett (Ed.), *Philosophy, Politics and Society* (N.-Y, 1956), P. 9.

[3] D. Easton, “Decline of Modern Political Theory,” in *Political Science Quarterly* (1953), Volume 68, № 3.

[4] A. Cobban “Decline of Political Theory,” in *The Journal of Politics* (1951), Volume 13, №1.

[5] Подробнее см.: Штраус Л. Введение в политическую философию. М., 2000.

[6] A.Brecht, *Political Theory* (Princeton, 1959).

нии новаторских концепций, привносимых в общую философскую теорию, стали применять принципы аналитической философии[7] в области политического знания. Однако привели ли эти попытки к чему-нибудь продуктивному? Удалось ли им создать «традицию» аналитической политической философии?

По большому счету, оправданное использование этого понятия весьма сомнительно. По крайней мере, на Западе оно сейчас точно не пользуется спросом. Изредка тот или иной исследователь может заикнуться о влиянии аналитической философии на английскую (и лишь слегка на американскую) традицию политической мысли, но не более того. И хотя некоторые исследователи в 1950-60-е годы достаточно часто использовали термин «аналитическая политическая философия», предмет как таковой оставался известным лишь узкому кругу британских специалистов.

Питер Ласлет, один из первых вестников смерти политической философии, задумав порвать со всеми не устраивающими его и, по его же мнению, устаревшими наработками в сфере политических исследований, решил создать традицию аналитических исследований в области политической теории и даже относительно преуспел в этом отношении. Под его редакцией вышло три сборника под названием «Философия. Политика. Общество». Большинство статей из этих сборников так или иначе касались аналитического подхода в сфере политических исследований. К примеру, там были опубликованы статьи Майкла Оукшота, Исайи Берлина и Герберта Харта, – все трое имели хорошую «аналитическую закваску»[8].

Однако было ли все это действительно аналитической политической философией? Скорее всего, нет, хотя и имело хорошие перспективы стать таковой.

В «Энциклопедии философии» Питер Ласлетт и его верный соратник в деле создания новой традиции политического исследования Филипп Каммингс говорят об «аналитической политической философии», употребляя именно этот термин[9]. В списке литературы, относящемуся к разделу «аналитическая политическая философия» они упоминают множество работ. Однако если вглядеться повнимательнее, список сочинений в этой области крайне невелик. Кроме того, принадлежность к аналитической традиции политической философии некоторых из упомянутых ими сочинений может вызвать, по меньшей мере, сомнения.

---

[7] В данном контексте, хотя это и не вполне корректно, очень часто я отождествляю аналитическую философию с оксфордской традицией «лингвистической философии». (При этом не следует отождествлять «лингвистическую философию» с философией языка, которая действительно является обязательным элементом «аналитической философии»). Именно для «лингвистической философии» основной задачей был анализ языка, «прояснение и уточнение», тавтологии и т.д. Вопрос же об определении того, что называется «аналитической философией» – отдельная тема.

[8] Здесь следует оговориться. Дело в том, что, несмотря на их стремление относиться к языку очень осторожно, Берлин и Оукшот, помимо прочего, исповедовали ту или иную разновидность идеализма, что для того времени в Британии означало «неаналитичность». В данном случае «аналитичность» можно понимать скорее как принадлежность к «лингвистической» философии, которая, как уже отмечалось, является необходимым элементом аналитической философии.

[9] *Encyclopedia of Philosophy: in 10 Volumes*. Donald R. Borchert, editor in chief (N.-Y., London, Munich, 2006). Volume 7, P. 673.

Например, книги Карла Поппера «Открытое общество и его враги» и «Нищета историцизма» вряд ли содержат большие открытия в области аналитического подхода к политике. Более того, можно лишь удивляться, насколько резкими и оценочными становились суждения Поппера, когда он «изобличал» философию Платона и Маркса. Примечательно, что, скажем так, «научные» труды Поппера, те, в которых он писал о «логике научных открытий» и «росте научного знания», коренным образом отличались от его сочинений, посвященных политической философии.

II

Существует точка зрения, что аналитической политической философии не существует, и вот почему. Дело в том, что многие из представителей этого направления современной западной философии, помимо своих главных аналитических штудий, иногда также писали статьи «на злобу дня», в которых не применяли разрабатываемых ими методов аналитической философии. Почему? Существует точка зрения, с которой, пожалуй, можно согласиться, что для этой категории исследователей существовало четкое разделение тех предметов, которым они уделяли свое внимание. Во-первых, существует область знания, где мы обязаны писать об истине. Во-вторых, существует область мнения, где мы вправе говорить и писать все, что угодно, не слишком заботясь об истинности или ложности наших высказываний. А так как в политике истина – дело спорное, то, вне всякого сомнения, здесь не может быть никакой философии, но только артикуляция наших мнений о насущных вопросах. Действительно, к примеру, Бертран Рассел, наряду с Витгенштейном стоявший у истоков «новых веяний современной философии», не слишком-то заботился о развитии аппарата аналитической и лингвистической философии в своих сочинениях на политические темы, будь то «Азбука большевизма», «Политические идеалы» или социально-философский анализ власти.

Однако в современной России дела обстоят не совсем так, как на Западе. Не столь давно на русском языке появилась довольно объемная книга известного ростовского ученого Виктора Макаренко «Аналитическая политическая философия»[10]. После прочтения такого претенциозного заглавия даже невольно начинаешь верить в то, что аналитическая политическая философия все же существует. Однако, ознакомившись с трудом поподробнее, только убеждаешься, что нет, точно не существует. Дело в том, что постоянные ссылки и упоминания «аналитической философии», ее крупнейших представителей, ее основных принципов в связи с рассказом о западной политической науке XX столетия, не делают последнюю «аналитической». Вне всякого сомнения, Виктор Макаренко талантливый ученый и в отличие от многих своих коллег-«политологов» хорошо осведомлен о последних наработках в западной политической науке. Цитирование и пересказ англоязычных книг, неординарные мысли и живой и ин-

[10] См.: Макаренко В.П. Аналитическая политическая философия. М., 2002.

тересный язык, конечно, делают ему много чести. Однако название книги все-таки не отражает ее содержания, поскольку «аналитической политической философии» сегодня просто-напросто не существует, а ее существование на Западе в XX столетии, по крайней мере, в столь большом объеме, в каком представил ее Виктор Макаренко, вызывает некоторые сомнения.

Однако этот эксперимент отечественного ученого, несмотря на то, что он, по-видимому, во многом провалился, не достигнув тех целей, которые ставил перед собой, выглядит более удачным, чем ужасающие бесплодные размышления о «политических праксиологиях» и «политических антропологиях». Кстати, только на философском факультете МГУ можно насчитать три совершенно непохожих друг на друга курса по политической антропологии, что свидетельствует о плачевном состоянии политической философии в России. (Похоже, в России эта отрасль знания «развивается» по принципу «что хочу, то и ворочу»).

Однако чтобы не углубляться в рассуждения о предмете, не заслуживающем нашего внимания, вновь зададимся вопросом: существует ли «аналитическая политическая философия»?

III

Лучшим примером аналитической политической философии, опять-таки в ее британском варианте, могут считаться некоторые из работ Майкла Оукшота, хотя и не все из них[11]. Что касается американских авторов, то, разумеется, можно было бы вспомнить о работах Роберта Нозика и Рональда Дворкина – политических философах, которых, как правило, непреклонно связывают с аналитической традицией современной американской философии[12]. Тем не менее, подробное рассмотрение работ этих авторов, к счастью, переведенных и на русский язык, заняло бы очень много место, а также вывело бы нас далеко за пределы темы статьи. По этому давайте вернемся к Майклу Оукшоту.

Например, в статье «Что такое политическая теория?»[13] Оукшот подробнейшим образом разобрал два понятия: «теория» и «политика», так и не ответив при этом на вопрос, что такое политическая теория. Таким образом, если присмотреться к этой статье повнимательнее, то можно увидеть, что она лишена, собственно, политической составляющей. Скрупулезное прочтение работы «Что такое политическая теория?» оставляет горькое чувство, будто тебя обманули, пообещав разрешить актуальную проблему, но даже не предприняв попытки к этому. Здесь Майкл Оукшот действует в соответствии со всеми правилами метода аналитической философии. Но, к сожалению, долгое рассуждение и подробнейшее экспериментирование с двумя-тремя словами, пусть даже эти

[11] Например, единственная изданная на русском языке книга Оукшота, несмотря на то, что она заявлена как работа в русле «аналитических исследований в философии», фактически не содержит статей, о которых можно было бы сказать, что они «аналитические». См.: Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи. М., 2002.

[12] См., например: Предисловие издателя // Нозик Р. Государство, анархия и утопия. М., 2007. С.; Дворкин Р. О правах всерьез. М., 2004.

[13] M. Oakeshott, “What is Political Theory?” in Michael Oakeshott, *What is History, and other essays* (London, 2004).

слова «политика» или «государство», выхолащивает из них весь смысл. Остается ли такая философия политической[14]? Нет. С полным правом ее можно назвать лишь аналитической философией, которая рассматривает политические понятия. Ведь нельзя не согласиться с тем, что аналитическая политическая философия должна представлять собою нечто большее, чем обыкновенное механическое распространение методов лингвистической философии на политические понятия.

Кажется, без соотнесения своих высказываний с анализом языка американский консерватор середины XX столетия Рассел Кирк вдруг увидел, что некоторые политические понятия просто-напросто лишены определения[15], а потому таким понятием, у которого отсутствует значение, можно назвать практически все, что угодно. Кирк рассуждал следующим образом: «Каждая политическая система нашего века претендует на то, что она – самая демократичная. Соединенные Штаты – демократия, Россия – демократия, Индонезия – демократия, Британия – демократия, Югославия – демократия, коммунистический Китай – демократия, Греция – демократия, Египет – демократия, Израиль – демократия! Короче говоря, *вследствие своего триумфа это слово утратило всякий реальный смысл* [курсив мой. – *А.П.*]. И удивляться тут нечему: ведь „демократия“, если дать ей верное определение, есть не какая-то определенная форма правления, а лишь крайне общая характеристика состояния социума»[16]. Я нарочно оставил последнее предложение, потому что оно хорошо демонстрирует, каким образом, верно увидев суть проблемы, мыслитель тут же не только не пытается разрешить ее, но и лишь еще больше ее усложняет. Верно подметив бессмысленность или отсутствие содержания у слова «демократия», Кирк дает ей «верное определение», которое, разумеется, настолько же не соответствует смыслу этого слова, насколько все прочие дефиниции, отвергаемые Кирком. Похоже, именно поэтому Уэлдон, наблюдая за такими нехитрыми приемами, пришел к следующему суждению: «Проблемы социальной и политической философии возникают из-за особенностей языка, на котором мы пытаемся описать социальные и политические институты, а не благодаря чему-то таинственному в самих этих институтах»[17].

---

[14] Если мы будем механически переносить методы аналитической философии в политические исследования, то это будет аналитическая философия, «играющая» с политическими понятиями. Если наоборот, то – исследования в политической науке, лишь декларирующие свою «аналитичность», однако ничем не оправдывающие свои пышные декларации. Хотя термин «играющая» принадлежит другой философской традиции, он вполне применим и в данном случае. Например, им также пользуется Питер Уинч, пытавшийся объединить континентальную и англо-саксонскую традиции философствования. См.: Уинч П. Идея социальной науки. М., 1996. С. 11.

[15] Хотя, надо заметить, что определениями испещрены почти все отечественные учебники по «политической философии». И здесь, конечно, скорее дело не в определениях, а в том, как они делаются. То есть, какой схемой пользуется автор для конструирования определения.

[16] Кирк Р. Какая форма правления является наилучшей для счастья человека? // Полис. №3. 2001.

[17] T. D. Weldon, *The Vocabulary of Politics* (L., 1953). Естественно, такая позиция не могла не вызвать возражений. Питер Уинч отметил, что проводить границу между миром и языком, а также считать, что все философские проблемы возникают из языка, «на котором мы пытаемся описать мир», все равно что выхолащивать всю проблему философии. См.: Уинч П. Идея социальной науки. М., 1996. С. 11.

Как правило, крупнейшим представителем аналитической политической философии называют также Джона Ролза, однако и его отношение к этому направлению весьма отдаленное. Ролз лишь использовал наработки Уиларда Куйана в сфере политики, и, по-видимому, тоже не слишком-то преуспел в сохранении политической составляющей собственной философии. К такому выводу, кстати, совершенно справедливо и обоснованно пришел британский исследователь Джон Грей, усмотрев в философии Ролза ее «антиполитическую сущность»[18].

Квентин Скиннер, выдающийся представитель кембриджской школы истории политической мысли, когда-то попытался оставить на некоторое время свои профессиональные интересы и обратиться к исследованиям в области языка, кое-как увязав их с политикой. Результат: ошеломляющая критика со всех сторон и издание книги «Скиннер и его критики». После этого неудачного и одновременно в каком-то смысле совершенно удачного опыта Скиннер, поджав хвост (думаю, что это выражение выглядит довольно удобоваримо в данном контексте), вернулся к своим давним друзьям – Николо Макиавелли и Томасу Гоббсу – друзьям, которые, кажется, приносят ему гораздо большую славу, нежели его периферийные изыскания.

Разве все это – аналитическая политическая философия? Разве существует традиция аналитической политической философии, которую так усердно, но все-таки тщетно пытался искусственно создать Питер Ласлет? Действительно ли возможно приложение методов аналитической философии к политической, чтобы каким-то странным образом получилась новая дисциплина? Как это может быть?

Здесь можно было бы спросить, а разве нет сочинений Герберта Харта, Исайи Берлина, Аласдера Макинтайра, Франка Анкерсмита, Артура Данто, которые обычно упоминают в связи с «традицией аналитической политической философии»?

Дело в том, что «Понятие права»[19] Герберта Харта, как бы ни был силен у нас соблазн отнести эту работу к традиции аналитической политической философии, в конце концов, остается лишь блестящим примером аналитической традиции в области правовой теории[20]. Работы Артура Данто[21] и Франка Анкерсмита[22] остаются лишь интересными примерами «аналитической философии истории». Как бы ни был велико искушение рассматривать Исайю Берлина и

[18] Подробнее см. Грей Д. Поминки по Просвещению. М., 2003.

[19] Харт Г. Понятие права. СПб., 2007.

[20] Здесь, кстати, было бы вспомнить о критике некоторыми представителями правовой теории в отношении «аналитической теории права», которая могла бы стать и хорошим основанием и для критики «аналитической политической философии». В середине 1970-х годов немецкий исследователь Кунц в работе «Аналитическая теория права: „правовая“ теория без права?» поставил под сомнение продуктивное использование «аналитического метода» в правовой теории – метода, отрицающего ценностную ориентацию права. Именно поэтому он написал: «Аналитическая теория права вообще не может познать право, являющееся предметом ее исследования; в этом смысле она есть правовая теория без права». См.: L.-S. Kunz, *Die analytishe Rechtsheorie: eine "Rechts" – theorie ohner Recht* (Berlin, 1977), S. 12.

[21] Данто А. Аналитическая философия истории. М., 2002.

Аласдера Макинтайра в свете «аналитического метода в истории идей»[23], такое предприятие вряд ли не будет выглядеть натяжкой. Ни Берлин, ни Макинтайр, сколь бы долго они ни прожили в Британии, общаясь со своими коллегами из цеха аналитической философии, сами все же не принадлежат к этой школе.

IV

Однако эти попытки политических ученых освоить просторы аналитической философии с целью создания новой традиции и нового философского знания были лишь одной стороной медали. Оборотной стороной медали оказывалось сокрушительное воздействие принципов аналитической философии на понятия, относящиеся к истории политической теории.

Аналитическая философия, конечно, очень выручает политическую теорию, в особенности в той ее части, которая касается понятий и языка, однако она может оказать и медвежью услугу исследованиям в области политики, поставив под сомнение существование практически всех понятий и концептов политической философии. Таким образом, сам язык и политической теории, и политической науки, и, более того, самой политики попадает под угрозу полнейшего истребления. Эту дилемму очень хорошо в свое время сформулировал виднейший представитель политический теории Гривз: «Никто не станет оспаривать заслуг лингвистической философии в том, что касается ее попыток прояснить значение слов и понятий естественного языка, а также той крайней осторожности в их употреблении, которую она защищала. И в том, и в другом отношении ее вклад неоценим. Она должна приводить, и есть факты, говорящие в пользу того, что она ведет, к более строгому отношению к политической теории и применению более точных научных методов. Но так называемая революция в философии пошла, конечно, намного дальше. Сосредоточившись на проблеме неправильного употребления языка, она, казалось, поставила под сомнение саму возможность существования утверждений, имеющих значение. (Не пришел ли Витгенштейн к такому результату?). Из-за ее сильного влияния теперь стало невозможным руководствоваться основными идеями, используемыми политическими теоретиками – поскольку те заражены „микробами“ естественнонаучного подхода. Понятия становятся тавтологиями. Обобщения становятся настолько размытыми, что их трудно (если вообще возможно) хоть как-то интерпретировать. По сути, многое из того, о чем писали политические теоретики от Платона до Джорджа Эдварда Мура, считается бессмысленным. Неудивительно, в таком случае, что сейчас мало отважных посвятить себя занятию, пользующемуся такой плохой репутацией»[24].

---

[22] См.: Анкерсмит Ф. Нарративная логика. М., 2003; Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М., 2007.

[23] Такое «опасное» предприятие задумал питерский исследователь Сергей Никоненко. Его гипотезы и выводы на этот счет увлекательны, хотя и не бесспорны. См.: Никоненко С.В. Аналитическая философия: основные концепции. СПб., 2007. С. 416-452.

[24] H.R.G. Greaves, “Political Theory Today,” *Political Science Quarterly*, Volume 75, № 1, P. 6.

Более того, аналитическая философия, а точнее политические ученые, обратившие на нее свое внимание, поставили под сомнение пользу от исследования истории политической теории и понятий, которые она использует. Между тем, разве они не были правы? Разве понятие «справедливость» одинаково понимается Платоном, Джоном Ролзом и Ричардом Рорти? Отнюдь. Лари Спэнс, теоретик, глубоко разочаровавшийся в том, чем он занимался большую часть своей жизни – историей политической философии, – очень хорошо сформулировал эту проблему языка истории политической теории: «Вероятно, вопросы вроде: „Что такое справедливость?“, „Что такое свобода?“, „Что такое государство?“ являются способом смягчить политические требования. Ошибочно полагать, что афиняне – граждане, женщины, рабы и метеки – не знали, что такое справедливость в условиях существовавшей политической системы. Возможно, они не знали, как достичь справедливости или чего-то похожего, но они, должно быть, были в высшей степени разочарованы платоновским решением этого вопроса. Сложно увидеть какую-либо связь между постановкой проблемы и ее решением у Платона, Гоббса, Маркса и Кропоткина, поскольку используемые ими понятия, принадлежа к разным теориям, не тождественны по смыслу. Именно поэтому концепции мыслителей прошлого мало или вовсе не помогают нам в разработке политических понятий, которые могут быть использованы в качестве элементов современных теорий»[25].

В общем, самое интересное во всей этой истории то, что идея упадка, заката или смерти традиционной политической философии в 1950-х, анонсируемая Истоном, Коббаном и Штраусом, стала проявляться вне сферы политической науки – исключительно в сфере философского знания. Смерть политической теории явилась продуктом претензий позитивистской этической теории и аналитической философии на статус морального объяснения и представлений рациональности в нормативном рассуждении.

Такие философы, как Т.Д. Уэлдон[26] (один из самых ярких критических представителей, применивших принципы аналитической философии в политической теории), утверждали, что традиционная политическая философия основывалась на ошибочной вере, будто моральные и политические принципы, подобно эмпирическим научным утверждениям, в их содержательном смысле являлись непорочными. Они стали подвергать безжалостной критике одно понятие за другим, не оставляя от понятийного аппарата традиционной политической философии камня на камне. Но лишение понятия какого бы то ни было смысла – а назвать его фикцией и значит лишить всякого значения – иллюстрирует движение современной философской мысли в направлении анализа значений вне понятия, таким образом, показывая его несостоятельность и стремясь к тому, чтобы, по сути, вовсе запретить его употребление.

[25] L. D. Spence, “Political Theory as Vacation,” *Polity* (1980), Volume 12, № 4, P. 704.

[26] T. D. Weldon, *The Vocabulary of Politics* (L., 1953); T. D. Weldon, “Political principles,” in Las1ett P. (Ed.) *Philosophy, Politics and Society* (N.-Y., 1956).

Что остается делать нам в этом случае? В таком случае, как этот, мы должны дать новую трактовку подобным, в сущности, верным понятиям, делая их более плодотворными, творческими, более дальновидными и пригодными для употребления. Однако на этом весьма позитивном и благородном стремлении критики «застряли», так и не вытянув свой грандиозный проект. Оставив здание «аналитической политической философии» недостроенным, британские первопроходцы открыли «стройку века» для всех желающих. По одному кирпичу положили туда и Харт, и Окушот, и Ролз, в то время как Рассел, обладая знаниями и умениями прораба, даже и не прикоснулся к работе. В общем, великий проект здания так и остался в плачевном состоянии. К каким выводам нас приводит этот краткий экскурс в несостоявшуюся «аналитическую политическую философию»?

V

Аналитическая философия чрезвычайно важна и полезна для политической в том смысле, что аналитический метод мог бы вдохнуть новую жизнь в «застоявшуюся» политическую теорию – ту теорию, к которой мы давно привыкли. На основе наработок аналитических философов исследователи политической науки могли бы попытаться построить новую отрасль социального знания. Однако надо признаться, что полнейшее и безболезненное слияние двух этих областей философского знания невозможно. Более того, если попытаться искусственно объединить их, то есть сделать очередной гибрид нового поколения, то, вероятно, к какому-то результату мы все же придем, однако вряд ли он будет полезным и хоть сколько-нибудь положительным. Скорее, он будет контрпродуктивным.

Аналитическая философия может научить политическую более внимательно относиться к словам и выражениям, понятиям и словосочетаниям, тщательно отыскивать и анализировать смысл сказанного, прежде чем объявлять его истиной в последней инстанции, изучать языковые конструкции, прояснять настоящее значение слов, не оставлять термины без проверки, не доверять предшествующим поколениям мыслителей, критически относиться к самым общим понятиям, не имеющим ясного, четкого и вполне себе определенного значения.

Чтобы говорить без обиняков, повторюсь. Аналитическая политическая философия невозможна, как бы мы ни ухищрялись в гибридизации и фрагментации философского и политического знания. Однако сам по себе метод аналитической философии чрезвычайно полезен, в особенности для отечественной политической философии, которая, похоже, вообще не заботится ни об определениях, ни о смысле того, о чем говорит. Если уж и заимствовать (но не переносить искусственно и механически, как это делают русские «политические философы») концептуальные схемы из всего сонма философского знания, то уж точно не из систематической философии, а из аналитической.

О СМЫСЛОВОМ ПОТЕНЦИАЛЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ М.К. ПЕТРОВА

А.И. Субботин
Педагогический институт
Южного федерального университета

1. Краткий обзор попыток использования терминов М.К. Петрова. Терминология М.К. Петрова никогда не пользовалась большой популярностью, и отношение к ней всегда колебалось от открыто негативного до признания ее относительно полезной. Так, В.П. Макаренко в своей статье[1] упоминает мнение Ф. Гиренока о том, что такие термины есть не более, чем слова-фикции, порождение советской интеллигентской фантазии.

В наше время все чаще исследователи более внимательно относятся к терминологии М.К. Петрова. Все такие попытки можно разделить на те, в которых его термины просто используются (чаще всего – «социокод» и «человекоразмерность», которые наполняются соответствующим контексту исследования содержанием), и те, когда исследователь хочет проанализировать его термины как таковые, понять их исходный смысл и историю, соотнести их с современным контекстом для более глубокого его анализа.

Так, в статье В. Егорова[2] термин «социокод» прямо используется для анализа социально-политического кризиса в России; как он пишет, «использование понятия „социокод“, предложенного М. Петровым, облегчает анализ функционирования социальных стабилизирующих и деструктивных механизмов», но при этом содержание термина в этом контексте, фактически, сводится к «образу общественной жизни». В статье П.И. Бублика[3] термин «человекоразмерность» рассматривается в аспекте определения объективных субъективных возможностей человека, в духе И. Канта, как то, что «устанавливает границы притязаниям разума». Но такой взгляд не помогает автору понять, почему в исто-

[1] Макаренко В.П. Социокультурный фон исследований М.К. Петрова: проблема освоения и разработки // http://anthropology.ru/ru/texts/makarenko_vp/modphil02_42.html; С. 325.

[2] Егоров В. Общественный кризис в России, его истоки и пути преодоления с позиции теории общества // http://www.rol.ru/~yegorov/index.htm

[3] Бублик П.И. Человекоразмерность как посильность социального опыта // http://www.netgorod.narod.ru/…/Bublic_4elovekorazmernost.htm

рии общества тысячелетиями сохранялись явно нечеловекоразмерные формы человекоразмерности. В других статьях авторы делают попытки применять эту терминологию в таких контекстах и аспектах, которые не встречаются у самого М.К. Петрова[4].

И тем не менее, по мнению В.П. Макаренко, в литературе все еще «апология Петрова соседствует с оценкой его как второстепенной фигуры советской философии. Как объяснить это явление?»[5].

Одно из объяснений, очевидно, заключается в достаточно глубоком смысле терминологии М.К. Петрова, который он сам не торопился раскрывать. Даже сегодня терминология М.К. Петрова выглядит, в представлении его исследователей, как некий «семантический калейдоскоп» – красивая мозаичная картина, меняющая свою структуру от малейшего смыслового сдвига. Но в ней имеются и фундаментальные идеи, которые выделяют все. Именно на них указывается в статье Т.Г. Лешкевич и Л.В. Евсеевой[6]; в ней выделяются две концептуальные установки, задающие предельно общий смысловой горизонт его идей и менталитета в целом, это – «*фактор вневременной функциональной идентичности всякой социальности*» и «понимание индивида *как субъектного определителя культуры*»[7]. Первая установка, очевидно, выражает идею инвариантности функциональной структуры социокодов, а вторая – идею индивидоцентрированности социокода: социокод (социокоды) нужны индивиду для самоопределения внутри социума[8]. Эти установки, хотя и выраженные очень общо, вполне могут использоваться как ориентиры в деле углубления смыслового содержания терминологии М.К. Петрова, чем и занимались многие исследователи.

Так, в статье Н.И. Басиной термин «социокод» используется для анализа мультикультуральных проблем: «Конфликт культур в условиях мульти-

[4] Здесь не рассматриваются работы, напрямую посвященные контекстам общебиографического, историко-философского, общекультурологического и семиотико-культурного анализа идей М.К. Петрова, как, например: Криволапов А.А. Концепция социокода М.К. Петрова // Идеи М.К. Петрова и политическая концептология. Ростов-на-Дону, 2007; Макаренко В.П. Научно-техническая контрреволюция: актуальность идей М.К. Петрова // http://polittheory.narod.ru/Makarenko/Scientific_and_technical_counterrevolution.do; Неретина С.С. Михаил Константинович Петров. Жизнь и творчество. М., 1999; Рогожкин Л.П. Философия творчества М.К. Петрова и проблема возникновения нового знания // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия. Материалы Третьего Российского философского конгресса (16-20 сентября 2002 г.). В 3 т. Т. 2. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. Задачей автора является попытка (опираясь на: Субботин А.И. Проблема самосознания и становление рационализма в философии XIX-XX веков. РГПУ. Ростов-на-Дону, 2006, гл. 3, § 5) рассмотреть, хотя бы частично, ту сторону менталитета М.К. Петрова, которая касается понимания его терминологии им самим, и на этой основе попытаться очертить ее смысловой потенциал.

[5] Макаренко В.П. Социокультурный фон исследований М.К. Петрова: проблема освоения и разработки // http://anthropology.ru/ru/texts/makarenko_vp/modphil02_42.html; С. 326.

[6] Лешкевич Т.Г., Евсеева Л.В. В развитие теоретико-социологических установок наследия М.К. Петрова // Идеи М.К. Петрова и политическая концептология. Ростов-на-Дону, 2007

[7] Лешкевич Т.Г., Евсеева Л.В. В развитие теоретико-социологических установок наследия М.К. Петрова // Идеи М.К. Петрова и политическая концептология. Ростов-на-Дону, 2007. С. 148.

[8] Видимо, именно здесь надо искать главное различие позиций М.К. Петрова и Э.В. Ильенкова: позиция второго всегда была социоцентрованной. Именно это различие до сих пор определяет две уставновки современных исследователей творчества М.К. Петрова и все связанные с ним недоразумения: индивидоцентризм и институтоцентризм.

культуральных практик выступает в качестве *борьбы социокодов*»[9]. Речь идет об аккультурации иммигрантов в Европе, т.е. о столкновении базового и «пришлого» социокодов и возникающих при этом проблемах. Новой мыслью здесь является явное соотнесение термина «социокод» с конкретными национальными группами, общностями, личностями, попавшими в неблагоприятные условия реализации своего «социокода». По-видимому, это – простейший пример проявления двуслойной структуры социокода. Фактически, по М.К. Петрову, это случай десоциализации неких социальных групп, но без возможности их самоорганизации (т.е. «лишние люди» *без* палубы пентеконтеры).

С.С. Неретина[10] прямо пишет об эволюции людей, потерявших свой социокод (вернее, возможность его реализации): «Палуба пиратского одиссеева корабля становится местом рождения новой культуры с универсально-понятийным кодом …*сначала* захват (захват мира из-за захваченности и охваченности миром) обрел форму грабежа, и лишь *затем* появляется **безличный знаковый регулятор всех человеческих отношений закон-номос, соответственно — номотетика как принятая на основании закона жизнедеятельность,** поскольку родилась двучленная формула социализации индивида: это уже не земледелец традиционного общества, а пират + земледелец, или пират + воин (занимаясь профессией на малом острове, нужно быть готовым к его охране), или всеобщее + частное, поскольку „палуба“ и организованный по палубному принципу дом-государство производит перевод во всеобщность профессию воина, а затем законодателя»[11]. Речь идет о генезисе *организационной* деятельности в социуме и организации социума как деятельности; универсально-понятийный социокод есть функция по отношению к профессионально-именному, структуры которого он организует по собственным законам (генезис номотетики включает: произвол, естественное ограничение произвола, узаконение границ, инкультурация границ). Смысл этого отношения-функции, например, в ополчении, когда воинами становятся все, независимо от профессии, и возвращаются обратно к своим профессиям, когда опасность миновала. Деятельность воина на войне и в бою отличается предельно высоким уровнем самоорганизации, в скоротечно меняющихся обстоятельствах, и особыми формами соорганизации с другими воинами, основанными на принципиально ненормативных решениях и действиях (чтобы враг не смог их разгадать).

Похоже, именно это М.С. Константинов имеет в виду, когда пишет о «проекте нелинейного мышления М.К. Петрова»: «6. Снятие выбора действием в пользу того или иного состояния есть монополия живущего поколения людей ***(отсутствие авторитетной инстанции)***. 7. В виду нестабильности совре-

---

[9] Басина Н.И. Концепт мультикультурализма и проблема уникальности социокода // http://www.isras.ru/abstract_bank/1208424537.pdf; курсив мой. – А.С.

[10] Неретина С.С. Творчество как сущность (о концепции культуры М.К. Петрова) // Петров М.К. Язык, знак, культура, М., 1991

[11] Неретина С.С. Творчество как сущность (о концепции культуры М.К. Петрова) // Петров М.К. Язык, знак, культура, М., 1991. С. 66, 67; подчеркнуто мной. – А.С.

менного социального мира и отставания развития институциональной организации от развития человеческих способностей, необходима перманентная сознательная переделка и перестройка социальной структуры под возможности и способности современного человека либо (более радикально) редукция социальности к человеку ***(„революционная практика“)***. 8. Сознательность этой „революционной практики“ востребует ***каузального описания социальной системы***: „Прежде чем менять тенденцию, необходимо знать, чем она вызывается, что именно будет затронуто ради ее изменения и какие из этого могут произойти следствия“»[12]. Речь снова идет о причинах и режиме генезиса, точнее, – изменения, социокода – самим человеком, исходя из естественных и порожденных им самим причин. Но сделать это человек может только из рефлексивной позиции самосознания, которое только и может поставить такую цель.

В тезисах Л.П. Рогожкина есть такая цитата из М.К. Петрова: «...мы будем понимать под знанием продукт мышления, который соотнесен с тем или иным типом объективной реальности и *создан по априорно заданному набору правил и требований к продукту данного типа*...»[13]. Это значит, что М.К. Петров различает научное знание, содержание которого определяется методологией его получения, и то, что определяет выбор, содержание и смысл той или иной методологии. Второе по отношению к первому, конечно, является априорным, и в этом заключается специфика деятельности проектирования. Что же это? Очевидно, это то, что порождается и определяется самосознанием человека – его позиция. Необходимость осознать свою позицию возникает у человека, когда он вынужден выйти за пределы своего социокода и пересамоопределиться, т.е. заново определить для себя, в каком мире он находится (живет), в каком его месте, в какой роли и т.д. Для него это выглядит как «Вызов», нарушение его привычной гармоничности бытия, на который обязательно надо дать «Ответ», т.е., так или иначе, вернуть себе эту гармоничность. Если он это делает не в одиночку, а в масштабе социума, то возникает пространство политических позиций (индивидуальных и/или групповых), соорганизация которых возможна только на принципе самоорганизации, исходя не из обычных культурных норм, а на основе понятийных форм.

В этом свете интересной является функциональая трактовка социокода, в контексте власти, в статье В.Ю. Даренского[14]: «между разными типами политической власти и типами „социокодов“ культуры нет вполне однозначных соответствий, но есть лишь соответствия, которые можно назвать функциональными». По В.Ю. Даренскому, «греческое чудо» состояло в том, что «возник

[12] Константинов М.С. Элементы институционально-эволюционной теории в социальной философии М.К. Петрова. Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2005. С. 6; подчеркнуто мной. – А.С.

[13] Рогожкин Л.П. Философия творчества М.К. Петрова и проблема возникновения нового знания // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия. Материалы Третьего Российского философского конгресса (16-20 сентября 2002 г.). В 3 т. Т. 2. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. С. 322; курсив мой. – А.С.

[14] Даренский В.Ю. «Коды» знания и «коды» власти: к политологической экспликации идей М.К. Петрова // http://credonew.ru/content/view/768/33/

социокод нового, универсально-понятийного типа. Последний основывается на „кодировании“ знания и деятельности не через личностные или групповые образцы-модели, а через особое пространство универсальных ментальных и знаковых структур, впервые понятое и концептуализированное самими греками как „мир идей“. Соответственно, зарождается и новый способ моделирования, воспроизводства и эволюции политической жизни»[15]. Как отмечал М.К. Петров, «новый социокод создает и новые трудности… Всеобще-распределенные навыки гражданственности, добродетели не поддаются передаче традиционными средствами семейного воспитания… Новый социокод приходится локализовать „где-то там, неизвестно где“… Но раз через семейный контакт добродетель не транслируется, то это заставляет изыскивать каналы трансляции, основанные не на семейно-наследственном, а на индивидуальном принципе».

Это «пространство идей» и есть на самом деле теоретическая основа индивидуальной конструктивно-проектировочной деятельности. «Новые же трудности» социокода заключаются в сдвиге критериев человекоразмерности в сторону индивида, в его новом отношении к необходимости. И М.К. Петров, ссылаясь на это новое понимание необходимости у Аристотеля, прямо пишет: «Выбор и необходимость образуют уже новый мир, в котором человек пользуясь необходимостью как „соучаствующей причиной“ и двигаясь через последовательность выборов, может реализовать собственные цели. Отсюда необходимость – свойство материи оставаться в преемственных изменениях единой по числу – становится орудием в руках человека и его союзником; необходимость есть то, „без чего благо не может существовать или возникнуть, а зло нельзя устранить или от него освободиться“ (Метафизика, 1015 а)… в рамках новой модели мысли имеет смысл говорить только в применении к разумным существам, способным осознавать и выделять программы: „...ни неодушевленное существо, ни зверь, ни ребенок ничего не делают случайно, так как у них нет способности выбора...“ (Физика, 197 в)»[16].

Очевидно, что генезис социокода, по Петрову, есть шаг вынужденного выхода за пределы наличного социокода в свободное пространство деятельности и выработка новых форм самоопределения в нем (т.е. жизнеобеспечения, самоорганизации, социального самостроения и обеспечения воспроизводства). Эта схема (вполне соответствующая логике Гегеля), описывает шаг развития социокода по Тойнби, с его идеей «Вызова-и-Ответа». В этой идее смысл «Вызова» полагается естественным, но стоит задуматься, откуда вообще берутся эти «Вызовы». Ясно, что любой «Вызов» может быть порождением объективных, не зависящих от человека обстоятельств, типа природных катастроф. Так же могут пониматься и столкновения с чуждой и непонятной культурой, враж-

[15] Впоследствии В.Ю. Даренский занялся исследованием религиозного аспекта социального кодирования, т.е. фактически – религиозным ментокодом (см. ниже); см., например его статью «Гегель как экзистенциальный тип» / Хора. Журнал современной зарубежной философии и философской компаративистики, № 1, 2009, с. 108-122 // jkhora.narod.ru.

[16] Петров М. К. Язык, знак, культура. – М.: Наука, 1991. С. 99-100.

дебность которой приравнивается к природному катаклизму. Но это могут быть и причины, порожденные самим человеком (хотя он может этого и не понимать – «не ведают, что творят»). Очевидно, что имеет место возрастание значимости последних, как и приравнивание их к первым. Это значит, что человек, уже в глобальном масштабе, сам создает себе «Вызовы», на которые и «отвечает», успешно или нет.

2. Организационно-деятельностная природа социокода. По М.К. Петрову, трансмутация и есть механизм реализации, осуществления и проявления, социокода: «Трансмутация ниже будет означать все разновидности общения, в результате которого в социокоде, в одном из фрагментов и в соответствующем канале трансляции появляются новые элементы знания, или модифицируются наличные, или одновременно происходит и то и другое. Европейскому типу культуры этот тип общения известен как познание»[17]. М.К. Петров объясняет это подробнее: «…речь становится осмысленной и понятной для говорящего и слушающего (пишущего и читающего) лишь в процессе опосредования прошлым, т. е. в том только случае, когда стороны общения располагают общим массивом наличных результатов общения, в котором один (говорящий) сдвигает обоюдопонятные значения знаменательных элементов (знаков), а другой или другие (слушающий, „2-е лицо“) вынужден под давлением говорящего сдвигать эти значения, порождать новый „сдвинутый“ смысл для себя, включая в массив наличных результатов новые результаты и связывая новое с наличным тем способом, который предлагается говорящим»[18].

Логика трансмутации является в том, что «трансмутационный акт объяснения, берется ли он в членениях, производных от вместимости человека, или как интегрированная целостность акта речи, всегда, и в частях и в целом, имеет ориентированную во времени каузальную структуру типа: если верны *известные вам, понятые, принятые и признанные вами* А, Б, В, Г..., предшествующие нашему разговору, то вы с большей степенью вероятности обязаны будете понять, принять и признать то Х, которое *я сообщу вам* с опорой на А, Б, В, Г..., в предстоящем акте речи»[19].

Об этом пишут и В.Н. Дубровин, А.Н. Ерыгин и Ю.Р. Тищенко: «С **его** (М.К. Петрова. – А.С.) точки зрения, в любой ситуации **осмысленного** общения, **в** которой А действительно что-то **нужно** сказать В, сообщить В нечто для него новое, известное А, но неизвестное В, будет обнаруживаться разность: T_1 минус T_0, и задачей акта речи будет во всех случаях уничтожение этой разности, перевод текста T_0 в текст T_1, который станет T_0 последующих актов общения»[20]. То есть, «**язык есть инструмент творчества по преимуществу,** а классическая модель лингвистов, модель общения между А и В, если в нее через это введена ис-

[17] Петров М. К. Язык, знак, культура. – М.: Наука, 1991. С. 44.
[18] Петров М. К. Язык, знак, культура. – М.: Наука, 1991. С. 70.
[19] Петров М. К. Язык, знак, культура. – М.: Наука, 1991. С. 74-75; курсив мой. – А.С.
[20] Дубровин В.Н., Ерыгин А.Н., Тищенко Ю.Р. Культура и философия, наука и образование: теоретико-методологические новации М.К. Петрова // http://ippk.edu.mhost.ru/elibrary/elibrary/uro/v15/a15_predislovie.htm; С. 41.

тория прежних актов общения **между** ними, должна рассматриваться как **универсальный, навязанный любому владеющему языком индивиду микроакт творчества, освоения нового знания, перевода нового (тезаурусное отношение) в наличное, в условие осуществимости будущих актов освоения нового и перевода его в наличное.** Словом, владеть языком — значит быть пожизненно **приговоренным** к творчеству»[21].

Логическая структура так описываемой трансмутации – чего – знания? – соответствует правилу modus ponens: если импликационная связь высказываний и антецедент истинны, то необходимо истинен и консеквент. Но у М.К. Петрова логический контекст существенно дополняется коммуникативным: практичность этого «вывода» – в «объяснении», которое кто-то, имеющий право, возможность или способность придавать статус истинности импликационной связи и антецеденту, дает кому-то, кто не может (не хочет) понять их необходимую связь с консеквентом, то есть, кто-то кому-то объясняет личностно определенный смысл этих трех моментов (кто тут кто). В этом контексте оборот «если верны» легко может потерять всякое значение. В лучшем случае T_0 у М.К. Петрова содержит принадлежащую А установку на непреложные границы интерпретации T_1, т.е. рамки, не исключающие творческие варианты. Чем обусловлена эта непреложность? Общностью культурных оснований для обоих? Или невозможностью для В понимать T_1 по-своему, в соответствии со своими интересами, не полностью совпадающими с интересами А? В последнем случае творчество В приобретает революционный характер, не теряя своей базовой культуротворческой функции.

Это значит, что схема трансмутации через коммуникацию, между прочим, задает управленческую структуру общества: иерархию начальников и подчиненных (или «господ и рабов», по Гегелю). В этом свете «ритуалом», по М.К. Петрову, будет тот специфический способ, в рамках которого оформляется это «объяснение» (от простого наказания, угрозы и шантажа до устранения из поля самоопределения всех альтернатив). Институтом же тогда будет совокупность всех факторов, обеспечивающих эффективность ритуала.

Из этого следует, что никакой *социальный* институт не способен к самоизменению, тем более – к самоуничтожению; как и пишет М.К. Петров: «Не было в истории человечества ни одного социального института, будь то государство или контора по сбору утильсырья, который добровольно решился бы на самоотмену – самоубийство и не нашёл бы сотни причин для дальнейшего существования с обязательным расширением штатов»[22]; «процесс самообновления не выглядит **внутренней потребностью** социальных институтов, он вполне очевидно навязан им внешним и принудительным образом»[23]. М.С. Константинов отмечает трудности определения такой функции социальных институтов, как

[21] Дубровин В.Н., Ерыгин А.Н., Тищенко Ю.Р. Культура и философия, наука и образование: теоретико-методологические новации М.К. Петрова // http://ippk.edu.mhost.ru/elibrary/elibrary/uro/v15/a15_predislovie.htm; С. 42.

[22] Петров М. К. Язык, знак, культура. – М.: Наука, 1991. С. 52.

[23] Петров М. К. Язык, знак, культура. – М.: Наука, 1991. С. 108.

обновление «социальной данности»[24]. Но существует институт более общего, общекультурного характера, который, оказывая влияние на более глубоком уровне, исторически приводит к изменению социального института, так сказать, изнутри.

У обычного социального института система положительных и отрицательных обратных связей, стабилизирующих его функционирование и воспроизводство, стандартна и никогда сама собой не меняется. Факторы, способные изменить характер такой связи находятся глубже – на уровне индивидуального творчества, способного изобрести новые, более полезные и выгодные, но нетрадиционные, средства производства, обеспечения производства или предоставления услуг.

Но между отдельным изобретением и вхождением его в культуру – сложнейший механизм социализации: требуется, чтобы сложилось общественное мнение о том, что это изобретение: не является вредным; что имеет некоторую полезность; что важные люди уже не возражают против него; что кто-то берется его внедрять бесплатно и т.д. и т.п. Что это такое – мы знаем на примере советского изобретательства. В развитых странах этот процесс обеспечивается рекламой. И если все пойдет успешно, то через несколько лет или поколений социальные институты перестанут включать это изобретение в сферу негативной обратной связи (типа: «тот, кто пользуется подтяжками – не наш человек»), а еще через столько же – оно, как бы само собой, войдет в сферу позитивной обратной связи (типа «только тот, кто пользуется подтяжками, наш человек). При этом социальный институт не сознает, что произошло, т.к. с мнением его престарелых ветеранов («А вот в наше время?..») уже никто не считается, а когда они уйдут, все будут думать, что так и было всегда (т.е. за время сохранения памяти поколений). Это касается и обновления ритуалов – по форме, но не по содержанию: например, ритуал назначения маркиза в Средние века в наше время сменился ритуалом выборов конгрессмена или губернатора, но цель этих ритуалов осталась как и была: делегирование власти.

Таким образом, наука все же не является автоматическим институтом трансмутаций, изменения социокодов или ритуалов, хотя ее целью является получение новых полезных для общества знаний (это отмечает и В.П. Макаренко[25]). Мы уже хорошо знаем, как «прикрываются» научные открытия только потому, что, попав на свободный рынок, они сразу изменят конфигурацию экономических сил, так что одни разорятся, а другие обогатятся «без всякого на то основания», т.е. не по справедливости. Так экономика, как социальный институт, охраняет себя. И здесь не стоит вопрос, как сделать, чтобы изобретение побыстрее вошло в культуру; спрашивать надо: зачем и кому это нужно и какие

[24] Константинов М.С. Проект нелинейного мышления М.К. Петрова как ответ на кризис гносеологии социальных наук // http://www.polittheory.narod.ru/library.htm; С. 22.

[25] Макаренко В.П. Воспроизводство бездарей и телегробы // Медиафилософия. Основные проблемы и понятия. Материалы международной научной конференции «Медиа как предмет философии»// http://www.intelros.ru/…/2974-mediafilosofija.-osnovnye-problemy-i.html; С. 55-57.

последствия – ближайшие и/или отдаленные – это вызовет и для кого (ср. с определением знания у М.К. Петрова, выше).

Таким образом, видимо, следует различать трансмутацию как средство управленческой организованности общества (т.е. реализации социокода и создания социальных институтов), и трансмутацию как процесс изменения социальных институтов и социокодов. Ясно, что эти явления определяются разными факторами и имеют разную структуру.

3. Структурно-функциональное соотношение социокодов в их историко-культурном генезисе. Из вышесказанного естественно предположить, что любой социокод представляет из себя двухуровневую структуру: уровень самоорганизации и уровень организации (древнегреческое представление этого выражено в схеме «хаос-творение-космос»). Последний задается механизмами управленческой трансмутации, а включенность человека в социальную структуру определяется двумя типами факторов: субъективными, т.е. способностью человека принуждать себя к подчинению (психофизиологический аспект этого я не рассматриваю), и объективными – исторически сложившимися социальными нормами принуждения человека к повиновению (как пишет М.С. Константинов: «„Человекоразмерность“, оставаясь субстанциональным качеством человека, может изменяться в процессе развития индивида, обнаруживая обратную зависимость „человекоразмерности“ и вспомогательных институтов»[26]). Нормативное соотношение (распределенность) и взаимосвязь (переход) этих двух типов факторов и задает то, что называется у М.К. Петрова «человекоразмерностью». Нормы верхнего уровня есть формы ограничения свободного самоопределения человека на нижнем уровне, и в этом суть их функциональной связи. Если по каким-то причинам эти нормы перестают иметь для человека значение и смысл, то его самоопределение переходит на нижний уровень, что резко повышает степень его свободы.

Описать соотношение двух уровней социокода проще всего именно на понятии «человекоразмерность», начав с такого вопроса: что такое социокод мертвеца, отверженного, разбойника, пирата, еретика, юродивого, сумасшедшего, изобретателя, хиппи, любого неформала? Смысл всех этих ролей можно определить только в рамках двухуровневой структуры соответствующих социокодов. Так, мертвец – по любой мифологии – изгнанник из мира живых, человек с разрушенным *биокодом*, который иногда занят тем, что хулиганит в мире живых; отверженный – изгнанник рода – человек с разрушенным *лично-именным* кодом: для своего социума он – никто, но для себя он вовсе не никто, его самоопределение переходит на уровень биокода, т.е. животного, и он становится разбойником; далее эта форма самоопределения развивается до групповой и приобретает функционально-деятельностную структуру, например, пиратского корабля (ср.: коллективная охота у львов, волков и т.п.); еретик, юродивый, су-

[26] Константинов М.С. Проект нелинейного мышления М.К. Петрова как ответ на кризис гносеологии социальных наук // http://www.polittheory.narod.ru/library.htm; С. 13.

масшедший, изобретатель, хиппи – все это люди с разрушенной духовно-организационной частью *профессионально-именного* социокода: они не всегда отвергаются обществом и могут уже жить в нем на определенных условиях, – так возникает иерархия структур профессионально-именного социокода; когда эта иерархия становится ведущим механизмом организации общества, возникает *понятийно-всеобщий* социокод – новая эпоха в развитии социума.

В истории общества мы имеем факты стихийного изменения планки «человекоразмерности»: в состоянии стабильности эта мера отражает равновесие между самоощущением (соотношением самооценки и самоидентификации) индивида в обществе и общественным мнением по вопросу о благополучии/неблагополучии жизни в обществе. Сдвиг этой меры возможен как со стороны индивида – он переходит на нижний уровень социокода, так и со стороны «общества»: на «недовольных» и примыкающих к ним «нарушителей» объявляется общая охота (будь то ведьмы, алхимики, еретики, инородцы, иноверцы, диссиденты и т.д.). Возникновение новой меры «человекоразмерности» происходит, когда стихийно возникшие формы самоопределения на низшем уровне постепенно включаются в структуру соответствующего социокода – на новых организационных основаниях: мертвец «оживает» на рождество, отверженный становится диаспорой, разбойник – наемником, пират – капером, еретик – необходимым условием доказательства рвения в вере официальной конфессии (в лице ее инквизиции), юродивый – прямым доказательством существования гласа Божьего, сумасшедший – свидетельством гуманизма властей, изобретатель – свидетельством «силы науки» и т.д. и т.п.

Так, нетрадиционное и контртрадиционное самоопределение хиппи, в рамках понятийно-всеобщего социокода, быстро стало социально оформленной его частью, а именно – в рамках экономического контекста: поскольку у хиппи не произошло провала в низшие, социально-разрушительные формы самоопределения, их использовали как экзотический товар, дающий прибыль, а на мнение ревнителей культуры, морали, закона и традиций уже никто не обращал внимания – бизнес важнее.

Почему хиппи как социальная группа и культурное явление могли существовать так долго? Здесь, видимо, нужно говорить о материально-экономических условиях реализации социокода и форм его трансмутации: те формы трансмутации социокода жизнеспособны, которые обеспечены материально-экономически. Именно это объясняет возникновение парадоксальных – «антикультурных» – форм культуры: там, где материальный достаток гарантирован и не зависит от биокода, лично-именного социокода, профессионально-именного социокода, универсально-понятийный социокод допускает их расщепление на относительно противоположные, материально обеспеченные, существующие самостоятельно в пространстве объемлющей культуры и практически не взаимодействующие формы (т.к. их существование не зависит друг от друга). С другой стороны, если некие формы социкода не обеспечены материально-эко-

номически, то они сразу вырождаются в более примитивные («борьба за жизнь», пентеконтера), что мы и наблюдаем сейчас.

Здесь мы и сталкиваемся с новыми явлениями в культурной жизни: что происходит, когда разные, например, национальные, социокоды совмещаются? Этому посвящена статья Н.И. Басиной[27], в которой она пишет: «Массовое политическое сознание сегодня утратило понимание того, что социальный индивид, взятый как существо политическое, – не есть „исходное состояние“ человека. Современные политические стратегии не должны исходить из того, что *культурная составляющая периферийна, а механизм межэтнического уподобления работает стихийно*. Социокод – это „бессознательное“ культуры, с неопредмеченной „бездной“ культурно-эволюционных автоматизмов»[28]. Здесь видно, что у Н.И. Басиной «неопредмеченная „бездна“ культурно-эволюционных автоматизмов» и есть нижний уровень реализации социокода, который по отношению к верхнему, управляющему, выглядит как стихия, хаос всех форм проявления всех нижних социокодов. Когда верхний и нижний уровни социокода принадлежат разным нациям, мы имеем «необъяснимые» взрывы враждебной социальной активности «снизу» (как это имело место во Франции 1968 года или в России, в разгар перестройки). Но так это выглядит только «сверху», а «снизу» все это означает борьбу за возможность реализации собственного социокода. Практика пиратской пентеконтеры повторяется вновь.

То же самое имеет место в сфере культуры с постмодерном: принципиальный выход за пределы традиционной методологии, философии и культурных норм все же не ведет к разрушению материальной культуры общества, породившего эти явления. А далее в силу вступает принцип: чем бы дитя не тешилось… Но стремление новой «пиратской» формы социокода к тому, чтобы стать единственно значимым, внушает опасения, т.к. не понятны субъективные и объективные условия, способные сделать «новых пиратов» законопослушными и приличными гражданами – в каком обществе и государстве? Экспансия разбоя разрушительна и губительна даже для самих разбойников, но когда это станет очевидным – для самих разбойников или/и для обычных жителей?

4. Социокод и ментокод как схемы самоопределения человека в социуме. Вышесказанное можно подытожить следующим образом.

а) Каков социокод пентеконтеры?[29] Конечно, он не профессионально-именной, т.к. эти люди – отверженные их культурой. Лично-именной? Нет, т.к. их имена погибли вместе с их социальностью (хотя в ходе своего пиратствования они могут заработать себе новые «имена» – оперативные клички). Остается – биокод, задающий животные, стайные, более или менее развитые, формы их самоорганизации для выживания (охота). Но что представляет из себя фактор,

---

[27] Басина Н.И. Концепт мультикультурализма и проблема уникальности социокода // http://www.isras.ru/abstract_bank/1208424537.pdf

[28] Басина Н.И. Концепт мультикультурализма и проблема уникальности социокода // http://www.isras.ru/abstract_bank/1208424537.pdf; С. 2; курсив мой. – А.С.

[29] Об этом вопросе см.: post scriptum.

активизирующий самоорганизационные механизмы сознания при утере привычного социокода? Назовем его ментокодом[30]. В его основании лежит самосознание человека, которое включается в состоянии тотальной его дезориентации в социуме.

б) До эпохи понятийно-всеобщего социокода ментокод индивида (функция самоопределения) совпадает с социокодом (функция социально-ролевой идентификации); их разделение и активизация ментокода как такового имеет место только при утрате индивидом своего социокода (точнее, привычных условий его реализации). Проявление ментокода в рамках социокода осуществляется через самоидентификацию и самоорганизацию (т.е. самостоятельное создание коллективных форм собственной организованности).

в) Ментокод существует в трех аспектах: историко-генетическом (социокультурные условия и формы выделения и отделения от социокода); индивидуально-генетическом (формы самоопределения в структуре социокода – социальные роли и т.д.); самоорганизационном (деятельностное отношение к собственному социокоду и социокодам вообще.) На любой стадии развития общества в его культуре наличествуют и работают все виды социокода – в функциональном режиме (т.е. с разной степенью значимости в разных социальных ситуациях).

Заметим, что в историко-генетическом аспекте сначала выявляется отсутствие ментокода: когда экспансия обычных социокодов приводит человека к выходу за пределы природоразмерности, т.е. к созданию собственными руками очередного «Вызова» самому себе; затем начинается противостояние и соревнование частных ментокодов и т.д.

г) Трансмутация задает организационно-управленческую («ритуальную», по М.К. Петрову) структуру социума через иерархию социокодов: лично-именной социокод подчиняет себе биокод (рабство), профессионально-именной подчиняет себе лично-именной (материально-производящие профессии и классы), понятийно-всеобщий подчиняет себе профессионально-именной (информационно-производящие, т.е. управляющие профессии и классы).

Схема трансмутации реализуется в трех вариантах: насильственно-организационном, разрушающе-самоорганизационном и договорном. Первые два отличаются несимметричностью базового отношения, что в историческом контексте ведет к маятниковому эффекту; последний опирается на идею гармонии как ценности и, фактически, составляет организационную основу генезиса ментокода.

д) В социологическом контексте ментокод есть генетико-функциональная система социокодов, т.е. функция распределения ценностных ориентаций индивидов на фокус-социокод из четырех имеющихся (когда ценности одного из социокодов оказываются для индивида целевыми, а ценности остальных – обеспе-

[30] Это понятие впервые введено в: Субботин А.И. Схемы кодификации в современной науке о языке // Труды по когнитивной лингвистике: сборник научных статей. Вып. 10. Кемерово, КемГУ, 2008.

чивающими). В индивидуально-личностном контексте ментокод есть ценностно-функциональная система социокодов, т.е. функция самоопределения индивида в конкретной ситуации, когда он решает, в каком социокоде он должен самоопределяться (или в каком варианте соотношения или взаимосвязи социокодов).

По-видимому, «человекоразмерность» есть мера гармоничного соотношения социального и личностного фокусов самоопределения в культуре (проще говоря: в какой мере любой человек в данном обществе может найти для себя подходящее ему, с его точки зрения, место).

е) В эпоху понятийно-всеобщего социокода отделение ментокода от всех остальных видов социокода становится особым явлением. Ментокод *сам по себе* включает все содержание, не связанное (не связываемое) с *критериями и условиями реализации* идей, – любые возможности, не связываемые с действительностью. Это значит, что ментокод работает в двух режимах: созерцательно-мифологическом (критерий субъективной непротиворечивости ментальной продукции индивида) и организационно-деятельностном (критерий практической полезности так или иначе реализуемых идей индивида). Эти два режима работы ментокода порождают и два типа (фокуса) современного сознания: мифологический и организационно-практический.

ж) Мифологический режим самореализации ментокода является основой современного массового сознания и культуры. Отрыв материально независимого мышления от практики, воображения от реализации, т.е. ментокода от социокода, на данном этапе порождает неуправляемую стихию индивидуального самоопределения на уровне простого восприятия, каковая, будучи включенной в экономический контекст, порождает новые, нетрадиционные и контртрадиционные формы социальной кодификации (новая пентеконтера в глобальном масштабе). Все эти формы, по-видимому, складываются в социокод, возвышающийся над понятийно-всеобщим (научным) – *информационно-управляющий*. Функция и механизм этого социокода – в продуцировании (в условиях массовой и глобальной информационной соорганизации человечества) информационно-понятийных, манипулятивных, массовых и индивидуальных, средств управления.

з) Исследования процесса формирования этого социокода идут так же стихийно и бессистемно, большей частью – в конкретно-содержательных (практически важных) контекстах. Но и в этих исследованиях можно заметить две тенденции: на исследование ментокода самого по себе (см., например, интернет-журнал «Хора») и на анализ – пока – способов защиты от информационных манипуляций за счет включения самосознания, т.е. самофокусировки на ментокоде (см., например, материалы конференций по медиафилософии[31]).

[31] Кудряшова Т.Б. Об эпистемологии «идеи в медиасреде» // Медиафилософия II. Границы дисциплины. Материалы международной научной конференции «Медиафилософия. Границы дисциплины» // http://www.intelros.ru/…/4419-mediafilosofiya-granicy-discipliny.html; Макаренко В.П. Воспроизводство бездарей и телегробы // Медиафилософия. Основные проблемы и понятия. Материалы международной научной конфе-

и) В антропологическом контексте понятие ментокода своеобразно выражает единственное абсолютно неотчуждаемое достояние индивида – личности – его Я; по-видимому, понятие ментокода можно считать элементом такого фундаментального понятия антропологии как «антропологическая константа».

5. Вывод. Хочется присоединиться к мнению В.С. Библера (о книге М.К. Петрова[32]), что она «не только значительный факт культурологии, но феномен самой культуры XX в.»[33], и добавить, что, судя по темпам анализа, смысловой потенциал терминологии М.К. Петрова ведет нас далеко в XXI век.

P.S. Словосочетание «смысловой потенциал терминологии», вынесенное в название этой статьи, означает не столько способность исследователя, пользуясь некоей терминологией, расширять содержание теории или концепции, которой он занимается (в этом плане терминология М.К. Петрова весьма полезна, чего никто не отрицает), но также способность самой этой терминологии выталкивать сознание исследователя в рефлексивную позицию, из которой можно развивать (изменять) саму теорию. Но это выталкивание может иметь и негативный результат: так называемую «критическую позицию исследователя», когда он, не будучи в состоянии осмыслить и использовать теоретические возможности, вытекающие из некоей концепции, начинает ее критиковать (т.е. выявлять факты ее несоответствия уже известным и неоспоримым концепциям и идеям).

Так, некоторые исследователи заметили, что идея пентеконтеры у М.К. Петрова, как некоей фактической, простейшей, изначальной деятельностно-языковой формы самоорганизации, в рамках универсально-понятийного социокода, далеко не сразу и не просто ведет к формированию философии как развитой формы этого социокода. Н.Н. Зубков пишет: «Нелепо было бы отрицать, что социальная (социально-этическая) проблематика *может* занимать центральное место в философии; вероятно (об этом судить специалистам по истории философии), так оно действительно и было в Античности. Но полагать („подкладывать“*) схему действительности* как непосредственно *действующую причину* мысли (да еще в модальности долженствования) есть, по-моему, несомненный „фетишизм“»[34]. Об этом же пишет и С.С. Неретина: «Математик может перестать заниматься математикой и начать философствовать, а может и не переставать заниматься математикой и быть философом (Рассел), Одиссей – не философ, хотя и хитроумен, как надлежит быть философу, и, скорее всего, на пентеконтере сложилось единоначалие слова-дела, как на любом другом

ренции «Медиа как предмет философии» // http://www.intelros.ru/…/2974-mediafilosofija.-osnovnye-problemy-i.html; Медиафилософия IV. Методологический инструментарий медиа-философии. Сборник тезисов // http://philosophy.pu.ru/index.php?id=446

[32] Петров М.К. Язык, знак, культура. – М.: Наука, 1991.

[33] Библер В.С. О книге М.К. Петрова «Язык, знак, культура» // Михаил Константинович Петров // [под ред. С.С. Неретиной]. – М., РОССПЭН, 2010. С. 244.

[34] Зубков Н.Н. История без «фетишей» // Михаил Константинович Петров // [под ред. С.С. Неретиной]. – М., РОССПЭН, 2010. С. 256.

корабле (у викингов, например), если это корабль, а не бумажная лодочка, предоставленная ветру, течению и прочим радостям мятежного путешествия. Аргумент от корабельной палубы с ее единством слова-дела, почему-то вдруг онаученным, бьет мимо цели происхождения философии»[35].

Но эти аргументы («фетишизация» как онаучивание чего-то заведомо «ненаучного»: палуба пиратского корабля и социальный институт!) имеют значение только в историко-культурном контексте, для позиции институтоцентризма, при которой *не ставится* вопрос о *происхождении самих социальных институтов как организационно-деятельностных систем* (точнее – о зарождении их из того состояния общества, когда их еще не было), их видов и форм. Но если поставить этот вопрос, то становится ясно, что зарождение социального института начинается с отдельной личности, с малой группы и что оно проходит большой ряд этапов самоорганизации и соорганизации под-институтов и множества обеспечивающих служб, включая идеологию и *философию*. Какое значение для древнегреческой демократии имела философия, развиваемая отдельными личностями? Чтобы как-то ответить на этот вопрос, надо выйти за пределы древнесоветской темы «о роли личности в истории» и не сводить ее к альтернативе «великих людей», которым законы не писаны, и серой массы, способной действовать только по законам истории.

С методологической точки зрения, очевидно, что «пентеконтера» М.К. Петрова имеет смысл не только и не столько как культурно-исторический факт, но как *модель социальной самоорганизации*, которая действует в обществе во все времена, включая и наше. Чтобы это обосновать, достаточно вспомнить, например, основные этапы истории партии большевиков. Разумеется, древние греки одевались не так, как русские в конце XVIII века в России, и говорили не по-русски, но не по таким признакам производится системное сравнение: в этом случае сравниваются деятельностные, организационные и самоорганизационные (мировоззренческие) качества людей. Все начиналось с разночинцев-маргиналов, десоциализация которых (суды и ссылки) загнала их за границу. Там они начали сбиваться в команды, самая решительная из которых и стала «пентеконтерой», поставившей задачу завоевать Россию. Они дождались только благоприятного случая, захватили власть и начали создавать свое государство, беспощадно, по-звериному, уничтожая всех, кто не соответствовал их представлению о «гражданине». Очень скоро понадобилось «обоснование» этого представления – идеологическое, культурное, *философское*. И таких примеров можно набрать сотни, во все эпохи. Интересно, видел ли сам М.К. Петров это соответствие? На мой взгляд, скорее, да.

[35] Неретина С.С. Социокод философии (о философских работах М.К. Петрова) // Вопросы философии, № 10, 2008. С. 98

Литература

1. Басина Н.И. Концепт мультикультурализма и проблема уникальности социокода // http://www.isras.ru/abstract_bank/1208424537.pdf

2. Басина Н.И. Концепт мультикультурализма и проблема уникальности социокода // http://www.isras.ru/abstract_bank/1208424537.pdf

3. Библер В.С. О книге М.К. Петрова «Язык, знак, культура» // Михаил Константинович Петров // [под ред. С.С. Неретиной]. – М., РОССПЭН, 2010. – 295 с.

4. Бублик П.И. Человекоразмерность как посильность социального опыта // http://www.netgorod.narod. ru/…/Bublic_4elovekorazmernost.htm.

5. Зубков Н.Н. История без «фетишей» // Михаил Константинович Петров // [под ред. С.С. Неретиной]. – М., РОССПЭН, 2010. – 295 с.

6. Даренский В.Ю. «Коды» знания и «коды» власти: к политологической экспликации идей М.К. Петрова // http://credonew.ru/content/view/768/33/.

7. Дубровин В.Н., Ерыгин А.Н., Тищенко Ю.Р. Культура и философия, наука и образование: теоретико-методологические новации М.К. Петрова // http://ippk.edu.mhost.ru/elibrary/elibrary/uro/v15/a15_predislovie.htm.

8. Дубровин В.Н., Тищенко Ю.Р. М.К. Петров. Два эпизода и вся жизнь. М.; Ростов н/Д, 2006.

9. Егоров В. Общественный кризис в России, его истоки и пути пре-одоления с позиции теории общества // http://www.rol.ru/~yegorov/index.htm.

10. Константинов М.С. Проект нелинейного мышления М.К. Петрова как ответ на кризис гносеологии социальных наук // http://www.polittheory.narod.ru/library.htm.

11. Константинов М.С. Элементы институционально-эволюционной теории в социальной философии М.К. Петрова. Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2005.

12. Криволапов А.А. Концепция социокода М.К. Петрова // Идеи М.К. Петрова и политическая концептология. Ростов-на-Дону, 2007.

13. Кудряшова Т.Б. Об эпистемологии «идеи в медиасреде» // Медиафилософия II. Границы дисциплины. Материалы международной научной конференции "Медиафилософия. Границы дисциплины" // http://www.intelros.ru /…/4419-mediafilosofiya-granicy-discipliny.html.

14. Кузьменко Н.М. Теории локальных цивилизаций и лингвокультурология М.К. Петрова. Ростов н/Д, 2001.

15. Лешкевич Т.Г., Евсеева Л.В. В развитие теоретико-социологичес-ких установок наследия М.К. Петрова // Идеи М.К. Петрова и политическая концептология. Ростов-на-Дону, 2007.

16. Макаренко В.П. Социокультурный фон исследований М.К. Петрова: проблема освоения и разработки // http://anthropology.ru/ru/texts/makarenko_vp/modphil02_42.html.

17. Макаренко В.П. Научно-техническая контрреволюция: актуальность идей М.К. Петрова // http://polittheory.narod.ru/Makarenko/Scientific_and_technical_counterrevolution.do.

18. Макаренко В.П. Воспроизводство бездарей и телегробы // Медиафилософия. Основные проблемы и понятия. Материалы международной научной конференции "Медиа как предмет философии" // http://www.intelros.ru/…/2974-mediafilosofija.-osnovnye-problemy-i.html

19. Медиафилософия IV. Методологический инструментарий медиафилософии. Сборник тезисов // http://philosophy.pu.ru/index.php?id=446.

20. Неретина С.С. Творчество как сущность (о концепции культуры М.К. Петрова) // Петров М.К. Язык, знак, культура, М., 1991.

21. Неретина С.С. Михаил Константинович Петров. Жизнь и творчество. М., 1999.

22. Неретина С.С. Дисциплина ли философия? // Идеи М.К. Петрова и политическая концептология. Ростов-на-Дону, 2007.

23. Неретина С.С. Социокод философии (о философских работах М.К. Петрова) // Вопросы философии, № 10, 2008.

24. Петров М. К. Язык, знак, культура. – М.: Наука, 1991.

25. Петров М.К. Самосознание и научное творчество; Ростов-на-Дону: 1992.

26. Петров М.К. Пентеконтера // http://vif2ne.ru:2009/nvz/forum/arhprint/106095.

27. Рогожкин Л.П. Философия творчества М.К. Петрова и проблема возникновения нового знания // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия. Материалы Третьего Российского философского конгресса (16-20 сентября 2002 г.). В 3 т. Т. 2. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002.

28. Семенков В.Е. О возможностях использования теории социокодов М.К. Петрова в современной социологии знания // Идеи М.К. Петрова и политическая концептология. Ростов-на-Дону, 2007.

29. Субботин А.И. Проблема самосознания и становление рационализма в философии XIX-XX веков. РГПУ. Ростов-на-Дону, 2006, гл. 3, § 5.

30. Субботин А.И. Схемы кодификации в современной науке о языке // Труды по когнитивной лингвистике: сборник научных статей. Вып. 10. Кемерово, КемГУ, 2008.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НАУКИ В АНГЛИИ В XVII ВЕКЕ: СЛУЧАЙ ИМПЕРСКО-КОЛОНИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАУКИ И ВЛАСТИ

М.Р. Гатина
Саратовский государственный университет

В XVII в. в Англии возникло особое культурное явление, именуемое иногда «чисто английской наукой»[1]. Речь идет, прежде всего, о Лондонском королевском обществе, организованном группой исследователей-энтузиастов, увлеченных преимущественно экспериментальными способами изучения природы. Официальная история Общества начинается в 1660 г. Она очень проста.

28 ноября 1660 г. 12 крупнейших ученых Англии на своем собрании приняли «Меморандум» о решении создать «Коллегию для развития физико-математического экспериментального знания», получившую название «Лондонского королевского общества». 15 июня 1662 г. Карл II (1660-1685) подписал хартию, в которой говорилось что «основателем и патроном» общества является король.

Безусловно, здесь мы имеем дело только с верхушкой айсберга. Если мы ограничимся только изучением учредительных документов, мемуаров и некоторых официальных историй первых лет деятельности Общества, таких, как история, написанная Томасом Спратом[2], то многие вещи так и останутся непонятными. Например, останется неясным вопрос о глубинных причинах возникновения английской науки, олицетворением которой на несколько десятилетий стало Общество.

Над решением этого вопроса уже не первый десяток лет работают многочисленные специалисты из разных стран – философы, социологи и историки науки. При этом количество исследований, посвященных анализу социально-культурных механизмов возникновения английской экспериментальной науки XVII в., возрастает с огромной скоростью. Обозреть их все даже при самом настойчивом желании вряд ли представляется возможным. Во всяком случае, можно определенно говорить, что этот вопрос относится к компетенции *социальной истории науки*.

[1] Дмитриев И.С. Чисто английская наука (природознание в посткризисном социуме) // Наука и кризисы. Историко-сравнительный очерк. Редактор-составитель Э.И. Колчинский. СПб: Дмитрий Булавин, 2003.С. 26-121.

[2] Sprat T. History of Royal Society. London, 1667. (репринт).

По-видимому, следует согласиться с тем, что одним из первых исследований такого рода была знаменитая работа Б.М. Гессена об Англии времен Ньютона, подчеркивающая роль преимущественно социально-экономических факторов научной революции в этой стране[3]. За ней последовали многие другие, не раз перевернувшие взгляд на причины быстрого и успешного развития науки в Англии.

Знаменитое исследование С. Шейпина и С. Шеффера 1985 г. о начальном периоде английской науки решительно порвало с традицией выводить истоки науки в Англии исключительно из макроэкономических и макросоциальных характеристик английской действительности[4]. Акцент в нем был перенесен на *микроуровень*, в лабораторию, которая была представлена как обособленный уголок реальности, где был налажен настоящий процесс производства научных фактов, чистый от примесей внешней среды.

Ценность такого рода анализа, как представляется, не отменяет необходимости продолжать разговор от внешних, макроскопических факторов становления научного знания. Ясно, что научная работа в лаборатории Лондонского королевского общества, хотя и стремилась максимально дистанцироваться от воздействия внешней среды, все же была зависима от нее в довольно значительной степени.

Возвращая анализ на этот уровень, мы должны указать, по крайней мере, на четыре группы взаимосвязанных причин, стимулировавших быстрое развитие «чисто английской науки». Это следующие причины:

1. ослабленность королевской власти и всего государства гражданской войной;
2. моральное и культурное влияние аристократии;
3. интеллектуальные перемены в обществе, спровоцированные религиозными процессами первой половины XVII в., и потребность преодоления известного религиозного кризиса;
4. очевидные успехи колониальной политики, первые плоды которой были обретены во времена Кромвеля.

Какая из перечисленных причин возникновения самобытной английской науки оказалась решающей, сказать трудно. Во всяком случае, первые три из них довольно часто обращали на себя внимание специалистов. Последняя, как нам кажется, изучена все еще недостаточно обстоятельно. Нам придется здесь говорить обо все них. Однако наибольшее внимание мы постараемся уделить именно роли четвертой причины – английскому колониализму XVII в.

---

[3] Грэхем Л. Социально-политический контекст доклада Б.М. Гессена о Ньютоне // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. №2. С.20-31.

[4] Shapin S., Shaffer S. Leviathan and Air-pump: Hobbes, Boyle and the Experimental Life. Princeton: Princeton University Press, 1985.

1. Слабость королевской власти

30 января 1649 г. в Лондоне был казнен английский король Карл I Стюарт. Вспыхнувшая за несколько лет до этого гражданская война, фактически, достигла своего апогея. Волнения в стране, однако, не прекращались и после этого. Для наведения порядка в стране через несколько лет после этой казни был приведен Оливер Кромвель, получивший звание лорда-протектора. Годы его правления стали периодом самой решительной политики по реформированию английского общества. Реформы были настолько радикальными, а меры проведения их настолько суровыми, что Англия едва не была ввергнута в пучину новых бедствий.

После смерти Кромвеля английский народ, в сущности, остался без лидера. Не за горами была новая гражданская война, главными противниками которой на этот раз могли стать бедные и богатые. Желая предотвратить ее, английское общество было готово смириться с любым мирным исходом по выходу из кризиса. Такой выход был найден в форме реставрации королевской власти. На английский престол был возвращен законный наследник – король Карл II Стюарт. Однако нельзя сказать, что вновь обретенный английский монарх получил абсолютную власть. При всей священности королевской особы, английский король никогда не обладал той полнотой власти, что другие европейские и тем более восточные правители. Не обладали английские короли такой властью и в прежние столетия, что хорошо известно из многочисленных фактов более ранней английской истории.

Вернувшийся на престол Карл II, безусловно, искал самые разные способы для укрепления своего авторитета. В Новое время одним из таких способов была *политика покровительства искусствам и наукам*. Ее примеры во множестве обнаруживаются уже в XV и XVI вв., особенно в городах Италии, где могущественные герцоги и сеньоры окружали себя учеными и художниками. Не менее яркий пример такого патронажа можно было найти в германских странах, где император и правители более мелкого уровня также имели при себе дворы, отличающиеся не только пышностью, но и интеллектуальным наполнением.

Подписывая в июне 1662 г. хартию об учреждении Лондонского королевского общества и представляя себя его патроном, Карл II, безусловно, шел уже проторенным путем. Этой мерой он, конечно, хотел завоевать уважение со стороны просвещенных людей своего времени. В конечном итоге, он хотел укрепить свою власть. То, что эта власть была преимущественно *символической* ясно из следующего обстоятельства. Король не нашел денежных средств на поддержку деятельности Общества. Члены Общества самостоятельно принимали решения о принятии в свои ряды новых лиц. Финансовые средства Общества складывались из взносов, уплачиваемых членами Общества, и пожертвований благодетелей.

В отличие от королевских академий, возникших немного позднее в странах континентальной Европы, Лондонское королевское общество с самого начала не было инструментом государственной королевской власти. Оно было организацией, претендующей на самостоятельность. До появления Общества в Англии была только одна организация такого рода – парламент. Демонстрируя независимость от короля, Общество тоже стало напоминать парламент.

Аналогия между Королевским обществом и английским парламентом уже не раз рассматривалась в литературе. Примером недавнего изучения этой аналогии может служить работа Ю.Л. Менцина, показывающего роль Общества в становлении конституционной монархии в Англии в период «Славной революции»[5].

Мы можем указать и на другие, прежде всего, культурно-символические основания для такого сравнения. Они вычитываются из сообщений Самуэля Сорбьера (1617-1670) – одного из важных информаторов этого времени[6]. В частности, он оставил описание комнаты в Грешэм-колледже, предназначенной для проведения заседаний Королевского общества. Согласно Сорбьеру, вся обстановка в этой комнате – большой стол, президентский стул, стулья для выдающихся посетителей, скамейки для рядовых членов Общества, расположенные ярусами, поклоны докладчиков президенту, жезл власти в его руках и пр., – все напоминало обстановку в палате Общин.

Динамика взаимоотношений королевской власти и английского парламента во второй половине XVII в. хорошо известна. От военного противостояния в эпоху гражданской войны – к урегулированному диалогу на исходе столетия. Подобную же эволюцию прошли и отношения между королевской властью и Обществом.

Реставрация королевской власти в 1660 г. не смогла снять всех противоречий между Короной и парламентом. Потребовалась Славная английская революция 1689 г., чтобы в эти отношения была внесена ясность, чтобы между двумя несущими опорами вновь выстроенного политического здания ограниченной монархии начался, наконец, равноправный диалог.

Отношения Общества и королевской власти не были столь драматичны. Но они тоже претерпели свою эволюцию. Первые десятилетия своего существования Общество не пользовалось поддержкой королевской казны. Но уже к началу XVIII в. королевская щедрость распространилась и на членов Общества. Важно подчеркнуть, что деньги, поступающие в Общество от короля, не были не жалованием ученых, как это имело место в Париже или Берлине. Для ученых-джентльменов принятие денежных милостей от короля было *знаком* расположения. Корона становилась поборницей Просвещения, ученые оказывались ближе к самому древнему в государстве источнику власти.

---

[5] Менцин Ю.Л. Лаборатория и парламент (У истоков современной политической культуры Запада)//Вопросы истории естествознания и техники. 1993. №4.С. 15.

[6] Sarasohn L.T. Who Was then the Gentleman?: Samuel Sorbiere, Thomas Hobbes, and the Royal Society // History of Science. 2004. Vol. 42 (2). P. 211-232.

2. Моральное и культурное влияние аристократии

К началу Нового времени Англия все еще отставала по численности населения от многих европейских стран. Тем не менее, высокая плотность жителей на юге Острова, быстрый рост населения Лондона и некоторых других городов, – все это вело к быстрой трансформации социальной структуры. Резко выросла роль торговых кругов, занятых организацией новых выгодных видов производств, прежде всего суконной мануфактуры, кораблестроения, изготовления пушек и пороха.

К началу XVII в. сохраняла свое значение и старая земельная аристократия, которая на фоне быстрого развития городской жизни начала приобретать новый культурный облик. Но достижение тех масштабов потребления и той роскоши, которые были привычны для аристократии на континенте, в Англии было едва ли возможно. Между английской знатью и английским народом не было той культурной пропасти, которая существовала в это время в Италии или во Франции.

Важной стороной английской социальной истории этих столетий был процесс освобождения Англии из-под власти Римской католической церкви. XV-й и XVI-й века стали временем умаления католичества и процветания того, что Дж. Тревельян назвал «домашней религией» англичан[7]. Отсутствие в Англии большого многочисленного духовенства, бывшего повсеместно проводником и распространителем культурных благ, побуждало некоторых англичан самим браться за дело просвещения. В большей степени к этому были расположены английские дворяне и вообще люди с достатком, имевшие досуг для занятий искусствами, литературой и философией.

Очевидно, культурное влияние старых английских университетов в первой половине XVII в. было уже недостаточным. Во всяком случае, с этого времени несколько поколений выходцев из знатных английских семей то и дело пускаются в путешествия, стремясь как можно лучше познакомиться с лучшими достижениями народов континентальной Европы, получить образование в европейских университетах[8]. Как следует из биографии Роберта Бойля, например, обязательным для юных джентльменов становится посещения культурных центров Италии и Франции.

Политические события середины XVII в. наложили сильный отпечаток на судьбы английской аристократии. Открыто принявшие сторону короля в годы гражданской войны либо погибли, либо вынуждены были покинуть Остров, ведя жизнь в эмиграции. На фоне быстро развивающегося среднего класса, старая английская знать понемногу сдавала свои позиции. Вместе ни политические, ни экономические основы могущества аристократии нигде разрушены не

[7] Тревельян Дж. М. Социальная история Англии. М: ИЛ, 1959.

[8] О культурном влиянии путешествий см: Lux D.S., Cook H. J. Closed Circles or Open Networks?: Communicating at a Distance during the Scientific Revolution // History of Science. 1998. Vol.36. P.179-211.

были. Более того, английская аристократия продолжала играть важную роль в жизни своего народа, оставаясь носителем морального авторитета и культурной силы.

Для многих поколений англичан представления о честности и благородстве ассоциировались исключительно с поведением джентльменов. С точки зрения простых англичан, в отличие от папистов, сектантов и религиозных реформаторов разных мастей джентльмены XVII в. выглядели людьми, чьим словам можно было доверять в наибольшей степени. Фигура джентльмена повсюду вызывала уважение, а слово джентльмена – доверие.

Как показывают С. Шейпин и С. Шеффер, этика джентльменов стала моделью для сложившейся в эту эпоху этики научной работы[9]. Чтобы иметь возможность получать надежные научные знания, ученым пришлось вести себя поджентльменски, т.е. быть абсолютно честным. Роберт Бойль, выступивший методологом новой английской науки, нашел наиболее удачный способ для достижения этой цели. На заседаниях Общества было принято не только докладывать о результатах своей научной работы, но и демонстрировать все ее значимые элементы, с тем чтобы собравшиеся могли своим присутствием, своими замечаниями и вопросами засвидетельствовать истинность предъявленного научного знания. Коллективное удостоверение научной истины стало наиболее лучшим способом ее подтверждения, отменявшим прежнюю логику доверия к высказываниям авторитетов. Рассуждая о надежности своих экспериментов, Бойль опирался на параюридическую метафору: заслуживающие доверия, состоятельные и достойные уважения очевидцы, собравшиеся вокруг сцены, на которой проводится опыт, могут свидетельствовать о существовании факта, даже если сами они ничего не знают о подлинной природе.

Такая позиция нашла поддержку не только среди ученых Общества, но и тех, кто был далек от науки. Работой Общества интересовались государственные деятели. Публичные демонстрации экспериментов посещали члены королевской фамилии, а некоторые восторженные (в основном из числа теологов), писали, что видят в этом собрании ученых мужей прообраз новой церкви, которая спасет мир, и сравнивали при этом экспериментальную лабораторию с алтарем[10].

3. Борьба с религиозным энтузиазмом

Гражданская война середины XVII в. стала временем великого раскола в английском обществе, временем великих бедствий. Не случайно после ее окончания лучшие умы Англии бились над вопросом о том, как больше не допустить ничего подобного. Ответ лежал на поверхности. Следовало покончить с религиозным энтузиазмом – столь сильным в первой половине столетия. Следо-

[9] Shapin S., Shaffer S. Leviathan and Air-pump: Hobbes, Boyle and the Experimental Life. P.327.

[10] Менцин Ю.Л. Лаборатория и парламент (У истоков современной политической культуры Запада) // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. №4.

вало покончить с деятельностью сект и религиозных фанатиков. Но как этого можно было добиться в условиях английского общества середины XVII в., которое отличалось столь разными религиозными и политическим взглядами?

Как показали С. Шейпин и С. Шеффер, а затем Б. Латур, в Англии в этот период возникло два самых известных решения этой проблемы. Одно из них было предложено политическим философом Томасом Гоббсом в его теории единого политического тела – государства-Левиафана.

«Левиафан» Гоббса замышлялся, чтобы показать, каким способом можно гарантировать порядок в государстве. Согласно Гоббсу, порядок был нарушен во время гражданской войны, потому как клерикальная интеллигенция присвоила себе часть власти, и сделала она это на основании веры людей в сверхъестественные сущности. Одна из самых больших опасностей для гражданского мира проистекает из веры в нематериальные тела, в такие, например, как духи, призраки или души, к которым люди обращаются, чтобы противостоять решениям, принимаемым гражданской властью. «Невежество и склонность к ошибкам, присуща всем людям вообще, а особенно тем из них, кто обладает значительными знаниями естественных причин и природы, и интересы людей таковы, что ими можно легко злоупотребить при помощи многочисленных и легких трюков», - пишет он[11]. И необходимо любой ценой избежать того, чтобы мятежные фракции могли обращаться к высшей Сущности – Природе или Богу, которую правитель не может контролировать полностью. Гоббс хочет остановить гражданскую войну, и точно также хочет лишить как просвещенных джентльменов, так и простой народ права свободно толковать Библию[12].

Другое решение было предложено Робертом Бойлем и его коллегами по Королевскому обществу. Согласно И.С. Дмитриеву, к началу 1660-х гг. ученых объединяла не только любовь к науке, но и опасность продолжения гражданской смуты, боязнь того, что кто-то вновь пожелает вломиться в поток событий с топором и с криком «Счастье для всех или смерть»[13]. Главный источник идеологической и социальной опасности Бойль и его единомышленники видели в деятельности радикальных сект. Неприятие идеологии радикальных сект вылилось в постреставрационной Англии в движении против «энтузиастов», нашедшее свое выражение во многих явлениях английской интеллектуальной жизни. «Энтузиастами» в XVII в. стали называть людей придерживающихся экстравагантных взглядов и убеждений, а в самом крайнем смысле как синоним фанатизма и экстремизма[14].

---

[11] Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1991. Т.2. С.340-341.

[12] Латур Б.Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. С.80.

[13]Дмитриев И.С. Чисто английская наука (природознание в посткризисном социуме)// Наука и кризисы. Историко-сравнительный очерк. СПб: ИИЕТ РАН, 2003.С. 53.

[14] Дмитриев И.С. Чисто английская наука (природознание в посткризисном социуме)// Наука и кризисы. Историко-сравнительный очерк. СПб: ИИЕТ РАН, 2003.С. 54.

Отсюда естественный для Бойля взгляд на развитие научного знания. Оно должно быть нейтральным, свободным от ценностей. Английские ученые стремились обеспечить стабильность своего собрания, отбирая в члены Общества исключительно социально и материально благополучных людей, а также людей умеренных взглядов. Такая политика позволяла избегать всех крайне острых ситуаций, обезопасить себя и свою деятельность от возможного преследования.

Две эти позиции оказались антагонистическими. Как показали впервые С. Шейпин и С. Шеффер, Гоббс резко критиковал подход Бойля, а тот ему возражал. Гоббс увидел в деятельности Общества угрозу шаткому политическому равновесию, достигнутому в Англии с большим трудом. В самом деле, с позиции Гоббса, можно воспринимать Лондонское королевское общество как мятежное, поскольку оно с самого начала заявило о самостоятельности и независимости в своей деятельности. Гоббс полагал, что проект коллективного экспериментального исследования приведет не к порядку, а к хаосу, поскольку все равно найдутся такие вопросы, по которым не удастся достичь консенсуса.

Но наибольшее раздражение у Гоббса вызывал тот факт, что Лондонское королевское общество присвоило себе право не просто рассуждать о природе, но и толковать природные законы. Интуитивно он понял, что отныне небольшое собрание ученых под предводительством Бойля получило неограниченную власть, непоколебимый авторитет в области знания устройства природного мира. На глазах у изумленного Гоббса зародилась новая власть – власть научного знания.

Новая английская наука XVII в. была нацелена на преодоление крайностей религиозного энтузиазма. Ее творцы видели в ней не только средство познания тайн мира, но и орудие для поддержания политического порядка.

4. Английский колониализм и эксплуатация природы

Необходимо теперь сказать, что хотя новой английской науке XVII в. предписывалась задача по стабилизации общественной жизни, а также необходимость быть свободной от ценностей, едва ли она могла совершенно соответствовать этим требованиям. Наука оказалась столь чудесным изобретением, что ей с самого начала выпало решать не одну, а много, притом самых разных задач. Это становится ясным, если рассматривать процесс рождения науки в более длительной временной перспективе.

Прежде всего, бросается в глаза, что возникновение новой английской науки приходится не только на эпоху гражданской войны и последующей за ней реставрации королевской власти, но и на эпоху зарождающегося английского колониализма. Тем самым, возникает возможность говорить о том, что появление науки было не только ответом на вызов гражданской войны – вызов, имевший сугубо внутреннее, английское происхождение, но и ответом на вызов, связанный с открытием Нового Света, – вызов, имеющий внешнее происхожде-

ние, поскольку в результате этого Англия встретилась совсем с другими проблемами, не теми, о которых шла речь выше.

Рассмотрим все по порядку.

А) Великие географические открытия и возвышение Англии

Великие географические открытия позволили не только значительно расширить представление человека о земном шаре, но и дали важный толчок для экономического преуспевания Запада. Завоевание Америки и безудержное выкачивание из ее рудников серебра и золота испанцами в XVI в., в следующем веке сменилось более изощренными стратегиями эксплуатации ресурсов, которые были осуществлены с участием других европейских колониальных держав. Колониальная политика Запада в Новое время развивалась по линии: грабёж, пиратство, работорговля, государственный долг, протекционизм, купеческие компании.

Классической страной, сумевшей использовать вновь приобретенный капитал на благо собственного экономического роста, стала Англия. Колониальная экспансия Англии в XVII в. разворачивалась преимущественно в западном, атлантическом направлении. Посредством военных экспедиций Кромвеля (1649-1652) была присоединена – на правах внутренней колонии – Ирландия. Затем началась «Торговая война» с Голландией (1652-1654). Победа в ней принесла Англии желанное господство над морскими путями в Атлантике, а затем и на других океанах. В 1655 г. Англия завладела Ямайкой, утвердившись в Вест-Индии. Был создан плацдарм для английского проникновения в обе Америки.

В начале XVII в. англичане занялись перевозкой рабов из Африки. В метрополии на доходы от работорговли и морского разбоя приобреталось сырьё и оборудование. Колонии не только являлись источником дешевого сырья, но и значительно расширяли рыночные возможности английской промышленности. Англия, крупнейший производитель и экспортер этого времени, успешно развивала горнорудное дело, кораблестроение, изготовление пороха, в стране повсеместно строились мануфактуры. Успехи сукноделия были непосредственно связаны с овцеводством, и для того чтобы умножить количество пастбищ, крупные землевладельцы захватывали общинные угодья и превращали в пастбища пахотные участки йоменов, лишая массы английского крестьянства средств к существованию и вынуждая его с надеждами смотреть на богатства Нового Света.

Б) Instauratio Magna Scientiarum: философский проект Френсиса Бэкона

Англия стала той страной, где стремление к *всеобщему благу* впервые приняло форму государственной политики, подчинило ему все стороны общественной деятельности, в том числе «знание», которому отныне предписывалось быть «полезным». Френсис Бэкон (1561-1626) – лорд-канцлер и пэр Англии, великий «глашатай Новой науки» – заявлял, что «Великое восстановление наук» призвано вернуть и осуществить первоначальную власть Адама над видимым

творением, которую Адам получил от Бога и которую потом частично утратил через грехопадение. Бэкон называл его также восстановлением «Царства человека». По его мысли, естественная философия только тогда начнет играть подобающую ей роль, когда сумеет глубоко заглянуть в природу. Там, где на протяжении столетий царил «мрак преданий, круговращение силлогизмов или случайность», должен утвердиться опыт, коренящийся в эксперименте.

Наиболее важная задача естественной философии состоит в том, чтобы помочь людям овладеть силами природы. О себе и своих целях Бэкон писал: *«Я всего лишь трубач и не участвую в битве... И наша труба зовет людей... к тому, чтобы они… стали на борьбу с природой, захватили штурмом ее неприступные укрепления и раздвинули... границы человеческого могущества»*[15].

В) Человеческое могущество и штурм природы

Философский проект Френсиса Бэкона был не только отражением происходящих в Англии и в целом на Западе перемен, но и *проектом* в собственном смысле слова, т.е. программой преобразования человеческого сознания, планом очищения его от былых сомнений и страхов, от так называемых «призраков», и предоставления ему новых, надежных источников власти над мирозданием. Бэкон был первым реформатором такого типа, но в XVII в. в Англии, как и в других западных странах, появилось большое число других авторов, мысливших в тех же понятиях, – Т. Гоббс, Р. Бойль, Дж. Локк, Г. Боерхаве и др. Философы Нового времени, обсуждавшие вопросы приумножения «знания» и «власти», призывали не бояться природы и свободно пользоваться ее ресурсами. Важным условием укрепления «власти» считалось именно укрепление человеческого могущества над «природой», как бы широко не понималось это слово. «Покорять природу», как это требовал Бэкон и его последователи, означало пересекать океаны, проникать в девственные леса Нового Света, усматривать в небесах невидимые прежде звезды, обнаруживать ценные виды растений, добывать из земных недр жизненно важные металлы, созерцать мир мельчайших тел и пр., и пр. Важную роль в этом утверждении власти человеческого разума над природой должны были сыграть многочисленные помощники разума – *инструменты*: компас, навигационные приборы, телескоп, микроскоп, новые химические реактивы.

Непрекращающиеся рассуждения о человеческом могуществе и силе разума не только стимулировали ученых Нового времени совершать *научные открытия*, но и утверждали уверенность в полезности *эксплуатации* природы. Шел подлинный штурм природы. К началу Нового времени уже были почти полностью истреблены леса в Германии и Франции, шло активное осушение болот в Италии и Нидерландах, осуществлялся массовый отстрел крупных хищников в Англии, где, кроме того, шли и другие процессы вмешательства в природу. Великие географические открытия позволили приступить к эксплуатации природных богатств Нового Света – но на этот раз уже не силами многочислен-

[15] Бэкон Ф. Сочинения: В 2 т. Т.1. М.: Мысль, 1971. С.38.

ного населения собственных стран, а усилиями колонистов, поселенцев, плантаторов, предпринимателей и немногочисленных исследователей-разведчиков, занятых сбором информации о полезных богатствах[16].

Таким образом, в период Нового времени западные философы и ученые не только одобрили активное освоение человеком природы, но и считали эту деятельность необходимым условием укрепления могущества человека. Использование универсального философского языка несколько приглушало *национальный* и *политический* смысл этой стратегии, однако реальная практика подчеркивала именно такую направленность идеи могущества. Перед лицом проблемы овладения богатствами Нового Света западное человечество оказалось расколотым на нации. Впервые в истории разгорелись войны за колонии и ресурсы, начался раздел мира на зоны влияния между европейскими колониальными державами. Эксплуатация природных ресурсов превратилось в особую разновидность *политики*.

Г) Наука и национальные интересы

Научная жизнь в старой Европе не признавала национальные границы. Идеалы всеобщей республики ученых уходили корнями в средневековые формы организации научного знания, соответствующие христианскому идеалу вселенского государства верующих. После того, как Англия вслед за другими державами включилась в политику колонизации, ситуация радикально переменилась. Соперничество между странами привело к тому, что наука стала служить национальным интересам.

Лондонское королевское общество, по праву, дарованному Королевской хартией, подписанной Карлом II 15 июня 1662 г., вело беспрепятственную переписку с другими обществами и частными лицами как внутри страны, так и за границей. Члены Общества переписывались с известными учеными, научными кружками, академиями и ассоциациями едва ли не всех европейских стран и активно использовали данные, поступающие от путешественников, моряков, торговцев, в общем, всех тех, кто по какой либо причине был за границей. На заседаниях Общества часто зачитывались письма зарубежных коллег-ученых Гюйгенса, Мариотта, Пикара, Гевелия, Стено, Мальпиги, Лейбница, Левенгука. Велась официальная переписка с Академией дель Чименто в Тоскане, с обществом Монмора в Париже.

Однако в 1667 г. непременный секретарь Общества Генри Ольденбург угодил на несколько месяцев в тюрьму по обвинению в том, что его эпистолярные «наслаждения» нанесли ущерб Короне[17].

Приняв во внимание этот факт, члены Общества вынуждены были перейти к другой стратегии. В начале 1670-х гг. ими был принят ряд мер, чтобы обезопасить английские открытия и изобретения от «узурпации иностранцами»,

[16] Schiebinger L. Plants and Empire Colonial Bioprospecting in the Atlantic World. New Haven: Harvard University Press, 2004.

[17] Дмитриев И.С. Чисто английская наука (природознание в посткризисном социуме) // Наука и кризисы. Историко-сравнительный очерк. СПб., 2003. С.102.

ибо, по мнению членов Лондонского Королевского общества слишком часто случалось так, что «новые изобретения и приспособления оказывались украденными у их подлинных авторов случайными «наблюдателями», вследствие чего честь открытия приписывалась иностранцам, некоторые из которых любили пускать пыль в глаза и торговать тем, что отсутствовало в их странах»[18].

Кроме того, обсуждался вопрос, о том, не запретить ли вообще иностранцам присутствовать на заседаниях Общества. Это предложение не было принято. Зато была принята резолюция о сохранении членами Общества в тайне некоторых сведений, которые они получали на своих еженедельных собраниях.

Подобного рода шаги осуществлялись и во Франции, где с марта 1666 г. в Парижской королевской академии вообще запретили всякую переписку с иностранцами. Жесткий контроль за научным сообществом во Франции привел к тому, что практически исчезла традиционная для Англии связь с французскими учеными.

Богатства Нового Света, борьба за природные ресурсы, осознание роли ученых в этом процессе привели к тому, что уже очень быстро наука стала элементом колониальной имперской машины – если уж не покорной прислужницей государства, то, по крайней мере, его заинтересованным партнером.

[18] Дмитриев И.С. Чисто английская наука (природознание в посткризисном социуме)// Наука и кризисы. Историко-сравнительный очерк. СПб., 2003. С.104.

УЧЁНЫЕ И ПРИМАТЫ ПЕРЕД ЛИЦОМ ГОСУДАРСТВА: К СОВЕТСКОМУ ОПЫТУ ЭТАТИЗАЦИИ НАУКИ

Е.В. Пантелеева
Саратовский государственный университет

Октябрьская революция 1917 г. ознаменовала становление нового государства. Для науки возникли новые условия развития. Большевистское правительство поддерживало инициативы, исходящие от научного сообщества и финансировало создание новых исследовательских институтов. Но ситуация осложнялась тем, что в СССР приоритет отдавался «прикладным» наукам[1]. В первую очередь, это было связано с необходимостью восстановления народного хозяйства и промышленности, а также со стремлением достигнуть уровня экономически развитых стран Запада.

Одним из характерных примеров развития науки в новых советских условиях стали опыты по изучению приматов, которые до Революции практически совершенно отсутствовали.

Прежде всего, отметим, что большевистское правительство искало свои выгоды, поддерживая исследования приматов. Так, в 1926 г. при содействии Н.П. Горбунова (1892-1938) была организована поездка профессора И.И. Иванова (1870-1932) в Африку с целью проведения опытов по гибридизации человекообразных обезьян. Большевики видели в исследованиях И.И. Иванова шанс вырваться вперед и опередить западную «капиталистическую» науку. Многие ученые Европы проявляли большой интерес к опытам гибридизации человекообразных обезьян и человека, но они не решались пойти на их реализацию, боясь протеста со стороны общества и Церкви[2]. Таким образом, инициатива И.И. Иванова была встречена радушно со стороны видных государственных деятелей СССР. Наибольший интерес к предложениям И.И. Иванова проявил Н.П. Горбунов, который обладал достаточной властью и связями, чтобы выступить в качестве «патрона» ученого. Именно благодаря его поддержке И.И. Иванов получил средства для своей поездки в Африку. И это несмотря на то, что

[1] Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Под ред. Э.И. Колчинского. СПб.: Дмитрий Буланин, СПб., 2003. С. 376.

[2] Россиянов К.О. Опасные связи: И.И. Иванов и опыты скрещивания человека с человекообразными обезьянами // ВИЕТ. 2006. №1. С.16.

проект по гибридизации человека и высших обезьян не был одобрен в стенах Академии Наук[3].

У советского правительства были свои причины поддерживать инициативу профессора. С одной стороны, опыты Иванова как нельзя лучше вписывались в антирелигиозные установки большевиков. Положительные результаты экспериментов позволили бы приоткрыть тайну происхождения человека и, тем самым, подтвердить эволюционную теорию Ч. Дарвина, а с другой, в условиях расцвета евгеники[4], эксперименты И.И. Иванова выглядели, как продолжение попыток улучшить человеческую природу.

Так, к концу 1920-х гг. большую популярность стали приобретать идеи, связанные с борьбой со старостью. Например, А.А. Богомолец высказывал мысль о важности соединительной ткани в организме человека. Она, по его мнению, оказывает регулирующее влияние на процессы обмена[5]. Однако, он отводил значительное место и профилактике старения[6]. В то же время широкое развитие получила идея переливания крови в целях передачи иммунитета и «для пополнения недочетов» или «выравнивания крайностей»[7].

Возвращение И.И. Иванова из африканской экспедиции в 1927 г. ознаменовало создание Сухумского питомника обезьян, где ученый при поддержке Коммунистической Академии, собирался продолжить свои эксперименты.

Придавая большое значение экспериментальной деятельности И.И. Иванова, ученые-коммунисты не просто боролись за научную истину. Они всячески пытались выстоять в конкуренции с АН, которую считали «пережитком» прошлого. Вскоре и сам Иванов испытает на себе отрицательное отношение молодых специалистов к «старым», дореволюционным кадрам. По донесению его собственного ученика, О.Ф. Неймана, он будет осужден и сослан в Казахстан[8]. Жертвой репрессий стал и «патрон» Иванова – Н.П. Горбунов. Он был арестован 19 февраля 1938 г. по обвинению в связях с германской разведкой. Причиной тому послужили советско-германские экспедиции 1929-го и начала 1930-х гг., в которых участвовал Н.П. Горбунов.

1920-е гг. ознаменовались ростом исследовательских институтов. Однако новое правительство не имело достаточных средств для обеспечения работы всех научных учреждений[9]. Вполне вероятно, что финансирование получали

[3] Россиянов К.О. Опасные связи: И.И. Иванов и опыты скрещивания человека с человекообразными обезьянами // ВИЕТ. 2006. №1. С. 22.

[4] Юдин Б.Г. История советской науки как процесс вторичной институционализации // Философские исследования. 1993. № 1.

[5] Богомолец А.А. Продление жизни. Киев: Изд-во АН УССР, 1938. С.27. См. также: Михель Д.В. Переливание крови в России, 1900-1940 // ВИЕТ. 2006. №2. С.99-113; Михель Д.В. Переливание крови: Советская Россия и Запад (1918-1941) // Отечественные записки. 2006. №1. С.157-174.

[6] Богомолец А.А. Продление жизни. Киев: Изд-во АН УССР, 1938. С.88-91.

[7] Богданов А. Борьба за жизнеспособность. М.: Новая Москва, 1927. С.137-138.

[8] Россиянов К.О. Опасные связи: И.И. Иванов и опыты скрещивания человека с человекообразными обезьянами // ВИЕТ. 2006. №1. С. 42.

[9] Александров Д., Колчинский Э.И. Наука и кризисы XX века: Россия, Германия и США между двумя мировыми войнами // Наука и безопасность России: историко-научные, методологические, историко-технические аспекты. М.: Наука, 2000.

только те ученые, чьи исследования были наиболее приоритетными в условиях конкуренции с Западом. Так возникли Сухумский питомник обезьян и Биостанция в Колтушах.

Создание Сухумского питомника преследовало не только чисто научные цели. Это был своеобразный «героический подвиг», который совершило Советское государство, тем самым, показывая свое превосходство над «капиталистическим миром». В связи с этим большую роль в основании питомника сыграли советский нарком здравоохранения Н.А. Семашко, профессор И.И. Иванов, директор Института экспериментальной эндокринологии (ИЭЭ) профессор В.Д. Шервинский, помощник директора ИЭЭ ветеринар Я.А. Тоболкин[10].

Изучая приматов, ученые выполняли своеобразный «социальный заказ»[11]. В XX веке в Европе широкую известность стали приобретать эксперименты по пересадки половых желез обезьян человеку в целях омоложения[12]. Данные эксперименты проводились С.А. Вороновым. Он утверждал, что от половых желез зависят не только вторичные половые признаки, но и «интеллектуальная и физическая энергия»[13]. По-видимому, советские ученые также были заинтересованы в проведении такого рода исследований. Именно поэтому ИЭЭ поддержал проект Иванова по разведению приматов в неволе.

Однако при создании питомника учитывалась не только необходимость ведения исследований над приматами в медицинских целях. Для большевистского правительства было очень важно повысить международный авторитет советской науки. Для этого необходимо было идти в ногу со временем.

Первоначально питомник создавался под названием «Научно-исследовательский питомник обезьян Института экспериментальной эндокринологии Наркомздрава РСФСР», т.к. в нем предполагалось изучать деятельность желез внутренней секреции.

В 1932 г. питомник был переименован в Субтропический филиал Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ)[14]. Это переименование совпало с установлением нового политического курса, известного как «Великий перелом», «построение социализма в отдельно взятой стране».

Вообще, с появлением питомника изучение приматов приобрело более широкий масштаб. В нем проводились разнообразные исследования – от медицинских экспериментов до наблюдений за поведением и стадными взаимоотношениями приматов.

---

[10] Фридман Э.П. Самые мудрые обезьяны: об обитателях Сухумского питомника обезьян. М.: Алашар, 1979. С.20.

[11] Юдин Б. Г. История советской науки как процесс вторичной институционализации // Философские исследования. 1993. № 1.

[12] Фридман Э.П. Лабораторный двойник человека. М.: Наука, 1972, С.48.

[13] Воронов С. Пересадка желез животным. Практическое применение к домашнему скоту. М.: «Новая деревня», 1926. С.15. Подробнее о его методе: Воронов С. Завоевание жизни. М.: Гос. мед. издат., 1928; Воронов С., Александреску Г. Пересадка семенников от обезьяны человеку. М.; Л.: Гос. издат., 1930.

[14] В 1945 г. он был переименован в Медико-биологическую станцию Академии медицинских наук СССР (МБС). В 1957 г. МБС стала самостоятельным научным центром под названием Институт экспериментальной патологии и терапии АМН СССР (ИЭПиТ АМН СССР).

Помимо создания новых исследовательских центров, большевики стремились также использовать в своих интересах авторитет некоторых видных ученых. Например, И.П. Павлова.

Государство всячески поддерживало И.П. Павлова, создавая ему благоприятные условия для работы. Так, в 1920-е гг. начинается строительство Биостанции в Колтушах. Будучи крупнейшим физиологом, И.П. Павлов имел популярность на Западе, и поэтому его исследования над приматами не могли не повлиять на международный авторитет советской науки. Важно отметить, что строительству научного центра в Колтушах способствовал Н.А. Бухарин. Смело критиковавший советскую власть в период руководства страны В.И. Лениным, И.П. Павлов, в конечном итоге, вынужден был признать значение государственного патронажа в его работе. В 1935 г., несмотря на продолжающиеся репрессии и усиление власти партии, он скажет следующие слова: «Вся моя жизнь состояла из экспериментов. Наше правительство тоже экспериментатор, только несравненно более высокой категории. Я страстно желаю жить, чтобы увидеть победное завершение этого исторического социального эксперимента[15]».

В 1933 г. П.К. Денисов привез из Франции двух шимпанзе – Розу и Рафаэля – в подарок И.П. Павлову от С.А. Воронова[16].

Первоначально И.П. Павлов, изучая приматов, имел целью доказать влияние условных рефлексов на поведение высших обезьян. Однако, в результате своих наблюдений, он пришел к выводу о наличии у приматов способности улавливать связи между предметами. Уже после первых экспериментов Павлов указал на высокое развитие исследовательского рефлекса этих животных. Но одновременно он отметил, что данный рефлекс отличается от человеческого, так как любознательность людей стоит на более высоком уровне.

Придя к власти, большевики провозгласили курс на создание «советской науки», тем самым, прервав все попытки вести продуктивный разговор с Западом. И.П. Павлов, как и многие ученые того времени, подвергал критике и проверке данные зарубежных авторов. Вместо введенного в Америке «метода ошибок и опыта»[17] он предложил использовать термин «хаотические реакции», считая его наиболее подходящим для объяснения поведения животных.

Наибольшее внимание с его стороны привлекли исследования В. Келера[18] и Р. Йеркса[19]. Он обвинил их в уходе от истины, в стремлении провести разде-

[15] Павлов И.П. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1951. Т.I. С.19.

[16] Самойлов М.О., Болондинский В.К. Павловские Колтуши // Природа. 1999. №8, С.76.

[17] Американский зоопсихолог Дженнингсон под методом «опытов и ошибок» понимал способ реагирования на раздражение. Его суть заключается в том, что в ответ на стимул животное совершает ряд движений, пока случайно произведенное движение не выведет его из-под влияния стимула.

[18] Вольфганг Келер (1887-1967) - немецкий психолог, вместе с Вертгеймером и Коффкой основал гештальтпсихологию.

[19] Роберт Мирнс Йеркс (1876–1956) - американский психолог. В 1930 г. организовал при Йельском университете питомник для человекообразных обезьян.

ление между обезьяной и собакой. По Павлову же поведение обезьян есть ассоциация и анализ, лежащие в основе высшей нервной деятельности[20].

В 1933 г. вышла книга В. Келера «Psychologische Probleme», которая вызвала только негодование со стороны Павлова. Ознакомившись с данной работой, И.П. Павлов обвинил В. Келера в противоречивости высказываний и анимизме[21], а также объявил войну психологии от имени физиологии[22]. Но И.П. Павлов и не мог догадываться о том, что после его смерти психологии как науке на самом деле будет объявлена война.

В 1950 г. состоялась объединенная сессия Академии Наук (АН) и Академии Медицинских Наук (АМН), которая сыграла решающее значение для развития физиологии, психологии и многих других наук. Она была посвящена учению Павлова о ВНД. Проведение сессии двух академий не было неожиданностью для многих представителей науки. Всем было известно, кто стоит за её организацией. Незадолго до этого, в 1948 г., состоялась сессия ВАСХНИЛ, в ходе которой мичуринская биология объявлялась единственно верной. Все несогласные были подвергнуты репрессиям.

В 1950 г. главным обвиняемым стал никто иной, как ученик И.П. Павлова Л.А. Орбели. Ему приписывалось отступление от Павловского учения, искажение его сути. Причем, современники понимали, что сессия добивается не восстановления чистоты учения о ВНД, она была направлена против тех, кто был неугоден власти, тех, кто слишком выделяется своими заслугами и, значит, был более независим[23]. Тем не менее, против Орбели выступили даже некоторые его ученики, боясь потерять свое служебное положение[24].

Акции такого рода как «Павловская» сессия ярко характеризуют тоталитаризм большевистского правительства. Стремясь поставить под свой контроль советскую науку, правительство способствовало установлению монополий в различных сферах научного знания[25]. Так, отдав приоритет учению Павлова о ВНД, оно определило дальнейшее развитие приматологических исследований. Отныне ученые должны были смотреть на приматов через призму физиологического учения, отметая в сторону иные интерпретации поведения обезьян.

Внедрение диалектического материализма в науку сопровождалось большими переменами в культуре печатных работ. Необходимость приспосабливаться к новым условиям заставляла ученых перерабатывать свои концепции в соответствии с требованиями государственной идеологии. Отныне помимо цитирования К. Маркса и Ф. Энгельса необходимо было обязательно ссылаться

[20] Павловские среды. Протоколы и стенограммы физиологических бесед. М.; Л.: АН СССР, 1949. Т.2. С.388-389.

[21] Павловские среды. Протоколы и стенограммы физиологических бесед. М.; Л.: АН СССР, 1949. Т.3. С.18.

[22] Павловские среды. Протоколы и стенограммы физиологических бесед. М.; Л.: АН СССР, 1949. Т.3. С.43.

[23] «Павловская сессия» 1950 года и судьбы советской физиологии // ВИЕТ. 1988. №3. С.138.

[24] Лейбсон Л.Г. Трагические страницы жизни Л.А. Орбели // Репрессированная наука / Под ред. М.Г. Ярошевского. Л.: Наука, 1991. С.287.

[25] Александров Д.А., Кременцов Н.Л. Путеводитель по неизведанной земле: предварительный очерк социальной истории советской науки // Вопросы истории естествознания и техники, 1989, №4. С. 68.

на учение И.П. Павлова. Так был создан специальный научный совет для контроля деятельности физиологов, в который вошли академик К.М. Быков, А.Г. Иванов-Смоленский, Э. Айрапетянц. Они собственно и были главными проводниками государственного контроля в физиологии.

«Павловская сессия» 1950 г. имела свои последствия не только для физиологии, но и для психологии. К.М. Быков[26] отмечал: «Психология допавловская построена на идеалистическом мировоззрении, психология павловская – по существу своему материалистическая»[27]. Это мнение собственно и выражало дальнейшую судьбу психологии. Психологи теперь должны были изучать психическую деятельность с точки зрения нормы, патологии и учения об условных рефлексах[28]. Судьба этой науки решалась в 1952 г. на первом Всесоюзном совещании по психологии. Как отмечает В.В. Умрихин[29], дискуссии на совещании носили менее драматический характер, чем в 1950 г. благодаря правильной тактики выступающих. Так, директор Института психологии А.А. Смирнов, согласившись в своем докладе с необходимостью перестройки психологии на основе Павловского учения о ВНД, в то же время предложил нереальную программу этой перестройки[30].

Провозглашение материалистического подхода осложняло проведение исследований в сфере сравнительной психологии и антропологии. Однако и из этой ситуации ученые нашли выход. К концу 1950-х гг. все большую важность приобретают идеи Ф. Энгельса о роли труда в становлении человека. Проблема антропогенеза начинает привлекать многих исследователей. Обосновывая свои наблюдения за приматами с этой точки зрения, они снова получили возможность печатать результаты своих исследований.

Таким образом, к середине XX в. многие ученые-приматологи занимались проблемой орудийной деятельности приматов. Это было связано в одной стороны, со стремлением проверить результаты опытов западных исследователей и высказать свою отличную точку зрения, с другой – подтвердить теорию Ф. Энгельса о роли труда в становлении человека.

Н.Н. Ладыгина-Котс (1889-1963), одна из первых кто стал изучать приматов в России, уделяла большое внимание орудийной и конструктивной деятельности шимпанзе. После многолетних наблюдений она пришла к выводу о наличии у шимпанзе «упорядоченной подсобной обработки, направленной на ви-

[26] К.М. Быков – ученик И.П. Павлова, выступал на сессии двух Академий в 1950 г. в защиту Павловского учения о ВНД.

[27] «Павловская сессия» 1950 года и судьбы советской физиологии // Вопросы истории естествознания и техники. 1988. №3. С.133.

[28] «Павловская сессия» 1950 года и судьбы советской физиологии // Вопросы истории естествознания и техники. 1988. №3. С.135.

[29] В.В. Умрихин - кандидат психологических наук, Институт Истории Естествознания и Техники АН СССР, выступал на круглом столе «Павловская сессия» 1950 года и судьбы советской физиологии // Вопросы истории естествознания и техники. 1988. №3. С.94.

[30] «Павловская сессия» 1950 года и судьбы советской физиологии // Вопросы истории естествознания и техники. 1988. №3. С.95.

доизменение предмета для дальнейшего его использования»[31]. Однако она отмечала, что шимпанзе не способен создать вещь[32]. Человек же умеет делать оформленные вещи, которые сохраняют для него свое значение вне времени их употребления. Таким образом, Ладыгина-Котс внесла свой вклад в развитие дискуссии о возникновении трудовой деятельности человека, указав на качественное отличие предтрудовой деятельности шимпанзе. Это отличие она объясняла отсутствием у шимпанзе способности усваивать причинно-следственные отношения, которые составляют основу для осуществления трудовых процессов[33].

Н.Ю. Войтонис (1887-1946) также как и Н.Н. Ладыгина-Котс считал, что способность заметить простое пространственное соотношение предметов и направить деятельность на его создание является пределом достижения обезьяны.

Таким образом, Н.Ю. Войтонис, как и большинство исследователей считал, что обезьяны способны для достижения недоступной приманки использовать не только обходные пути, но и разнообразные предметы, которые в этой ситуации получают характер орудия. Но, по его мнению, этот предмет является орудием только в первичном смысле этого слова.

Характерной чертой научных трудов, публикующихся в 1940-60 гг. является полемика с зарубежными учеными, критика результатов их исследований. На это в большей степени повлияла Холодная война, которая разделила мир на два противоборствующих лагеря.

Наибольшей критике в СССР подвергались опыты и теоретические высказывания В. Келера. Как отмечал Г.З. Рогинский, В. Келер не улавливал качественного своеобразия в манипуляциях с палками у шимпанзе. Он рассматривал действия обезьян по обработке предметов как «создание орудий». Сам Г.З. Рогинский считал, основываясь на теории Ф. Энгельса, что «орудия возникли в социальной и трудовой жизни людей»[34]. Именно поэтому обезьяны не способны к труду и к изготовлению орудий.

Таким образом, если на Западе опыты по употреблению предметов как орудий проводились с целью выяснить интеллектуальные способности обезьян, то в СССР на основе этих данных стремились понять, как возник человек «разумный», чем он отличается от животных предков. Причем здесь большую роль сыграла теория Ф. Энгельса, в подтверждение которой собственно и искались экспериментальные данные.

---

[31] Ладыгина-Котс Н.Н. Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С.301.

[32] Ладыгина-Котс Н.Н. Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С.304.

[33] Ладыгина-Котс Н.Н. Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С.309.

[34] Рогинский Г.З. Навыки и зачатки интеллектуальных действий у антропоидов (шимпанзе). Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1948. С.128.

Во второй половине XX в. разговоры об употреблении «орудий» приматами приобретают новый характер. В это время Л. Лики (1903-1972) совершает свои открытия в Олдувайском ущелье[35]. В джунгли Африки отправляются трое энтузиастов, чьи имена на фоне падения системы колониализма приобретают особое звучание. Джордж Шаллер[36] (род. 1933), Джейн Гудолл[37] (род.1934) и Дайан Фосси[38] (1932-1985) не были профессионально подготовленными специалистами, но их работы получили большую популярность, как на Западе, так и в СССР.

Одним из первых, кто попытался дать свой ответ на сообщения, поступающие с Запада, был К.Э. Фабри (1923-1990) - ученик Н.Н. Ладыгиной-Котс.

На основе исследований, проведенных в Московском зоопарке и Сухумской медико-биологической станции АМН СССР К.Э. Фабри пришел к выводу о том, что у обезьян, содержащихся в неволе, наблюдаются действия в виде «рычаговых манипуляций». Отмечая чисто внешнее сходство данных действий с трудовой деятельностью человека, он стремился понять причину их возникновения. В результате анализа манипуляций обезьян с различными предметами, К.Э Фабри определил данное поведение как «компенсаторное движение», позволяющие животному приспосабливаться к новым условиям окружающей среды[39].

Что касается проблемы возникновения орудийной деятельности у предков человека, К.Э Фабри считал, что она неразрывно связана с необходимостью изучения хватательной функции руки приматов. Он утверждал, что только у приматов главная (локомоторная) и дополнительная (манипуляционная) функции передних конечностей не являются антагонистичными друг другу[40]. И именно это стало биологической предпосылкой возникновения трудовой деятельности.

К.Э. Фабри предложил свою точку зрения на возникновение трудовой деятельности человека. В работе «Манипуляционная активность низших обезьян и проблема антропогенеза»[41] он писал: «Зарождение трудовой деятельности можно себе представить лишь в условиях мощного развития компенсаторных действий», вследствие этого у обезьян, живущих в естественных условиях тропических лесов, проявляются лишь формы биологической адаптации, которая не может перерасти в трудовую деятельность[42].

---

[35] Л. Лики в 1960 году нашел останки Homo habilis, древнейшего африканского человека, который умел создавать каменные орудия труда.

[36] Шаллер Д. Год под знаком гориллы. М.: Мысль,1968.

[37] Лавик-Гудолл Дж. ван. В тени человека. М.: Мир, 1974;

[38] Фосси Д. Гориллы в тумане. М.: Прогресс, 1990.

[39] Фабри К.Э. Обращение с предметами у низших обезьян и проблема зарождения трудовой деятельности // Советская антропология. 1958. Т.2. №1. С.29.

[40] Фабри К.Э. Хватательная функция руки приматов и факторы ее эволюционнго развития. М.: Наука, 1964. С.264.

[41] Фабри К.Э. Манипуляционная активность низших обезьян и проблема антропогенеза. Доклад по трудам, представленный на соискание учен. степени канд. биол. наук. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1966.

Основываясь на сообщении Шаллера о том, что им никогда за время наблюдений не было замечено употребление гориллами орудий[43], Фабри пришел к выводу, что «орудийные действия являются лишь дополнительным, резервным способом приспособления к особым, экстремальным случаям жизни»[44].

Советские ученые прилагали большие усилия, чтобы сохранить границу, отделяющую человека от животных. Даже способность к творческому использованию предметов подверглась пересмотру. Еще Н.Н. Ладыгина-Котс отмечала, что ее шимпанзе любил «рисовать», используя для этого не только карандаши, но и другие объекты. И хотя шимпанзе часто заменял орудия действия и видоизменял способы рисования, она приписывала ему лишь способности, присущие ребенку, но никак не взрослому человеку[45].

А.И. Кац (ум. в 1975 г) подверг специальному изучению «спонтанное» рисование шимпанзе. Но в данных действиях он видел только проявление двигательной активности приматов, которая является пределом их способностей[46]. К.Э Фабри же уточнил, что «чирканье» обезьян является «компенсаторным» поведением, которое аналогично проявляется при использовании палок[47]. Все эти теоретические выводы свидетельствовали о том, что советские исследователи не хотели, а может и не могли, признать за приматами тех способностей, которыми обладает человек.

В 1960 г. свой взгляд на орудийную деятельность обезьян представила С.Л. Новоселова (1933-2005). Проведя ряд опытов с шимпанзе Султаном, она пришла к выводу, что при использовании обезьянами орудия играют роль «лишь сенсомоторные навыки, являющиеся биологической предпосылкой трудовых действий человека»[48]. Но данная деятельность проявляется у обезьян как условно-рефлекторный акт, вызванный определенными условиями обстановки при добывании пищи, и «носит характер индивидуальной, а не видовой приспособляемости животных».

Однако многие исследователи приматов в СССР, проводя свои наблюдения в лабораторных условиях, были склонны отвергать мысль о том, что приматы, обитающие в естественных условиях могут также развивать свои способности по употреблению различных объектов.

В предисловии к вышедшей в 1974 г. книге Дж. Гудолл М.Ф. Нестурх хоть и отмечает чрезвычайную важность предоставленных ею сведений, но, тем не

---

[42] Фабри К.Э. Манипуляционная активность низших обезьян и проблема антропогенеза. Доклад по трудам, представленный на соискание учен. степени канд. биол. наук. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1966. С.14-15.

[43] Шаллер Д. Год под знаком гориллы. М.: Мысль, 1968. С.224.

[44] Фабри К.Э. Орудийные действия животных. М.: Знание, С.47.

[45] Ладыгина-Котс Н.Н. Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях. М.: Издание Государственного Дарвиновского музея, 1935. С. 232-234.

[46] Кац А.И. «Рисование»-чирканье у шимпанзе и маленьких детей // Вопросы антропологии. 1978. Вып.59. С.143-145.

[47] Фабри К.Э. К статье А.И. Каца «”Рисование”- чирканье у шимпанзе и маленьких детей» // Вопросы антропологии. 1978. Вып.59. С.146.

[48] Новоселова С.Л. Образование навыка использования палки у шимпанзе // Вопросы антропологии. 1960. №2. С.32.

менее, он высказывает категорическое несогласие с ее мнением о необходимости пересмотра самого определения человека[49]. Эта позиция отражала состояние советской науки. С одной стороны, ученое сообщество проявляло интерес к тому, что происходит на Западе, а с другой, оно не было готово отступиться от официальной идеологии, которая так долго определяла ход развития науки в СССР.

* * *

Процесс огосударствления науки в СССР наложил отпечаток на исследовательскую деятельность ученых-приматологов. Если зарубежные исследователи стремились объяснить происхождение человека биологическими закономерностями, то советские ученые больше склонялись к важности социального фактора. На страницах научных трудов часто велась полемика, где советские авторы отстаивали свою точку зрения, обвиняя зарубежных исследователей в приверженности ложным идеалистическим концепциям. Все усиливающееся вмешательство государства в научную жизнь заставляло ученых придерживаться официального курса. В результате этого тенденция на противопоставление своих достижений «буржуазной» науке приобрело массовый характер.

[49] Лавик-Гудолл Дж. ван. В тени человека. М.: Мир, 1874. С.7.

Книжная полка

НЕМЕЦКИЕ МАНДАРИНЫ: КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

В.А. Куренной
Государственный университет – Высшая школа экономики

Выход книги Фрица Рингера «Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890-1933» на русском языке – важное событие, включающее этот труд в широкий оборот в отечественной научной и образовательной среде. Работа вышла в отличном переводе и с информативным и интересным послесловием Даниила Александрова.

В настоящей рецензии я не буду задерживаться на пересказе содержания этой обширной работы. Намного полезнее, мне кажется, использовать выход этой работы для того, чтобы развернуть более широкую дискуссию о методологии социологии знания. Поэтому здесь я ограничусь некоторыми критическими замечаниями в отношении как работы Рингера в целом, так и его методологии. Они не являются новыми[1], но выход работы в полном виде на русском языке – хороший повод, чтобы их уточнить. Изложенные ниже аргументы не следует рассматривать как критику социологии знания в целом – как раз я являюсь горячим сторонником этого подхода. Но работа Рингера, на мой взгляд, на сегодняшний день уже не является хорошим образцом социологии знания. По этой причине мне представляется не совсем удачным стремление канонизировать Рингера, настаивая на «классическом характере» этой работы[2], а ведь «классический» – это и значит образцовый.

На сильных сторонах работы Рингера я не стану задерживаться. Но в первую очередь они связаны с огромной работой над текстами соответствующего периода, которые не часто попадают в фокус внимания исследователей. Например, можно узнать, что Зомбарт в 1911 году уже анализировал связь между технологическими и культурными изменениями, очевидно, опередив в этом Вальтера Беньямина и других медиа-теоретиков. А вот Леопольд фон Визе предвосхищает Г. Шельски с его идеей современных интеллектуалов как «нового клира»: в 1918 году фон Визе в аналогичных терминах рассуждает про взаи-

[1] См., например, *Куренной В*. Философия и институты: случай феноменологии // Логос 2002 5/6 (35).

[2] См. *Александров Д*. Немецкие мандарины и уроки сравнительной истории // *Рингер Ф*. Немецкие мандарины. М.: НЛО, 2008. С. 592. Эту же характеристику повторяет в своей рецензии и Р. Фрумкина «Наука и ее творцы в исторической перспективе: Заметки о книге Фрица Рингера «Закат немецких мандаринов»» [http://www.polit.ru/author/2009/01/30/science.html].

моотношения писателя и государства (С. 313). Также мало где встретишь хотя бы введение в педагогические дискуссии межвоенного периода в Германии, которые отчасти нашли отражение в работе Рингера. Но я с сожалением должен констатировать, что многочисленные попытки эксплицировать позиции рассматриваемых им немецких гуманитариев далеко не однородны – где-то это получается у Рингера хуже, где-то лучше, где-то совсем не получается. Поэтому книгу я бы рекомендовал к прочтению с большой осмотрительностью: суждения Рингера иногда просто неадекватны и требуют перепроверки (некоторые такие случаи я приведу ниже). Но было бы нелепо винить в этом автора – в свое время он новаторски взял в работу очень большой материал, не опираясь на какие-то устоявшиеся интерпретации или исследования. Но с тех пор прошло уже достаточно времени, и наше знание о многих из этих вещей немного расширилось. Впрочем, моя задача состоит не в том, чтобы посредством комментария исправить эту ситуацию, а в том, чтобы обратить внимание на эвристические особенности подхода Рингера и его ограничения.

Рингер называет свой подход выполненным в рамках «идеологической каузальности»: «некоторые немецкие научные теории можно рассматривать как выражение коллективных эмоциональных предпочтений» (С. 9) – это аппликация, прежде всего, идей Карла Мангейма[3]. Эти «эмоциональные предпочтения» трактуются, по сути, как социально-психологическая особенность того, что Рингер называет «идеальным типом», каковой и есть «мандарин». Мандарины – социальная группа, представляющая собой образованную элиту. Как замечает сам Рингер, история мандаринов – это «в большой степени история бюрократии» (С. 12). Но Рингер быстро сужает этот широкий заход, ограничившись анализом лишь немногих представителей этой немецкой бюрократии, а именно университетскими гуманитариями. Особый тип немецкого мандарина Рингер объясняет спецификой модернизационного процесса в Германии, когда немцы осуществляли переход от аграрного общества к индустриальному. Специфика здесь состоит в том, что здесь аристократия – это уже уходящая натура, а буржуазия еще не сформировалась как сильная социальная группа. Таким образом, «Закат немецких мандаринов» – это история одной из бюрократических групп Германии, поскольку ординарный профессор является чиновником, а университет готовит тех, кто играет решающую роль при такой специфической конфигу-

[3] Рингер, правда, упоминая здесь же Мангейма, замечает: «Манхейм рассматривает этот термин [«идеология» – В.К.] в еще более узком смысле, относя его исключительно к сознанию, направленному в прошлое, – к защитно-оправдательной позиции класса, отживающего свой век» (С. 8-9). Эта фраза ставит меня в тупик на фоне следующего недвусмысленного высказывания самого Мангейма, который в работе «Идеология и утопия» (1929) указывает, что «на наших глазах» произошел переход ко «всеобщему» применению понятия «тотальной идеологии». Это означает, что под понятие идеологии подводится теперь «не только позиция противника, но и все возможные позиции, в том числе и своя собственная» (*Манхейм К.* Идеология и утопия // *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 70-71). Это мелкий, но характерный пример неадекватности. Но важнее здесь понять процитированный вывод Мангейма во всей его полноте: если вы заняли позицию «идеологического объяснения», то будьте уверены – ваша позиция также, в конечном счете, не сможет уклониться *от симметричного идеологического рассмотрения*. А самое главное, что в конечном счете придется искать выход из тупика взаимного идеологического разоблачения.

рации модернизационного процесса, то есть других чиновников. Сразу же надо заметить, что, отметив это в начале книги, Рингер больше не обращается к вопросу о связи университетской профессуры и бюрократии. А жаль, поскольку остается совершенно непонятно, как и почему лояльнейшая бюрократическая группа университетских преподавателей вдруг становится такой нелояльной в Веймарский период[4]. Является ли поведение университетских мандаринов признаком того, что бюрократия в целом утрачивает свой социальный статус? Или же идут какие-то процессы дифференциации в недрах самой бюрократической группы? Все эти и другие вопросы остаются не только без ответа, но и вообще не поставлены.

Согласно Рингеру, в анализируемый им период (1890-1933) процесс индустриализации в Германии ускоряется, университетские мандарины утрачивают свой статус элиты и духовных менторов, что порождает специфический строй их идей и теорий. Тип этот формируется в конце XVIII- начале XIX вв., а в своей университетской ипостаси локализуется в гумбольдтовской модели университета. Принципы университета Гумбольдта являются также выражением мандаринской идеологии, включая такие ее особенности как неутилитарность, претензия на формирование у студентов мировоззрение посредством культивирования/воспитания, идеализм и т.д.

На мой взгляд, «идеальный тип», посредством которого Рингер пытается организовать и объяснить специфику немецких гуманитариев, не выдерживает никакой критики. Его можно сфальсифицировать сотнями разных способов. Рингер, впрочем, прекрасно осознает, что «идеальный тип» не может претендовать на строгость и точность (об этом правда, упоминается лишь в связи с его пересказом методологических идей Вебера (С. 396-397)) – он сам работает в русле «понимающей» методологии, на которую столько раз обрушивается в своей книге[5]. Но даже если мы не можем точно сказать, какое именно число примеров должно служить основанием для отказа от предложенной модели, все же систематические и принципиальные искажения, вносимые ей, имеют некоторый предел. Сказанное не означает, что исходная догадка Рингера не верна – для всякого, кто знаком с немецкими текстами рассматриваемого Рингером периода, очевидно, что они обнаруживают множество дискурсивный регулярностей, и многие из них совершенно верно описаны Рингером. Но я придерживаюсь со-

[4] Ср. С. 258 и далее – пример такого рода нелояльности, доходящей, как пишет Рингер, «до намеренных оскорблений в адрес новой власти».

[5] Испытывая слабость к Максу Веберу, Рингер сравнивает свой подход с подходом Вебера (и в какой-то степени Мангейма), но напрочь отказывается опознавать его сходство, например, с «идеальными типами» Э. Шпрангера (ср. 455). (Есть старый герменевтический принцип: коль скоро ты взялся чтение чьих-нибудь произведений, то читай благожелательно – настолько, насколько это возможно. Рингер, мне кажется, благожелательно прочел только некоторых из своих героев.) Во вводных методологических пояснениях Рингер говорит о «каузальном» характере своего подхода. Но если говорить серьезно, то никакой каузальности исследование не фиксирует – это сугубая метафора. Подход Рингера убедителен постольку, поскольку мы *понимаем*, что немецкий профессор мог болезненно воспринимать утрату своего статуса и пытаться компенсировать эту утрату пропагандой определенных взглядов. Причинное объяснение имеет намного более жесткую форму: «если, то».

всем других гипотез о происхождении этих регулярностей. И вопрос здесь несколько глубже проблемы, является ли феномен «мандарина» сугубо немецким или не только немецким понятием, исчез ли он после прихода к власти нацистов или позже и т.д. То, что Рингер описывает как единый тип «мандарина», и это первое возражение, является намного более сложным явлением, в котором соседствует *множество разных по своему генезису уровней*. Например, Рингер считает, что особенности немецкой модернизации оформили специфически мандаринское понимание позиции немецкого ученого как заботящегося об «общем благе» народа, идеальной культуре, нравственности и проч. Получается, и следующее высказывание должно принадлежать немецкому мандарину:

«Что же подходит для человека заслуженного и в то же время бедного, который нуждается в досуге вашего же ради назидания? Для подобного человека, о мужи афиняне, нет ничего более подходящего, как получать даровой обед в Пританее, по крайней мере для него это подходит гораздо больше, нежели для того из вас, кто одержал победу в Олимпии верхом, или на паре, или на тройке, потому что такой человек старается о том, чтобы вы казались счастливыми, а я стараюсь о том, чтобы вы были счастливыми, и он не нуждается в даровом пропитании, а я нуждаюсь. Итак, если я должен назначить себе что-нибудь мною заслуженное, то вот я что себе назначаю – даровой обед в Пританее».

Этот «немецкий мандарин» по имени Сократ выступает в 399 г. до н. э. на суде в Афинах (Апология Сократа, 36 d-e). А вот как рассуждает еще более древний «мандарин» – Ксенофан из Колофана (DK, B 2):

Если кто скоростью ног одержит победу [в ристаньи],
Иль в пятиборьи – там, где Зевса священный удел,
У Писийских брегов в Олимпии – или в боренье
[В первые выйдет], а то – в тяжком кулачном бою,
Иль в состязаньи ужасном, которое кличут «панкратий»,
Сразу в глазах горожан станет он много славней,
Станет сидеть впереди на видном месте в агонах,
Станет паек получать он за общественный счет
От государства, на память дадут ему ценный подарок.
Кони его победи – то же получит сполна!
Хоть не достоин того он, что я, ибо лучше, чем сила
Мужей или коней наше уменье (σοφίη) [стократ].
Вздорен обычай сей, право, и несправедливо к тому же
Силу предпочитать мудрости [нашей] благой.

Эти примеры указывают, что в модели «немецкого мандарина» с его претензией на социальную исключительность, обусловленную спецификой его когнитивных компетенций (попечение об общем благе), нет, по сути, ничего ни немецкого, ни мандаринского (бюрократического) – это общие места того типа

дискурса, которые традиционно производят носители светского знания в европейской культуре. Такого рода примеры можно множить и дальше, но и без того читатель легко может сообразить, что такого рода претензии – свойственные, как полагает Рингер, немецким мандаринам, – в равной степени характерны, например, для позитивизма, который Рингер регулярно противопоставляет философии немецких мандаринов, – вспомним роль, которую отводит социологам Огюст Конт. Но если «мандарины» окружают нас в истории повсюду, то возникает вопрос, в чем состоит продуктивность описания таким образом именно немецких университетских профессоров?

Но не нужно обращаться даже в прошлое, чтобы фальсифицировать этот аспект используемой Рингером модели «мандарина». Сравним две цитаты. Первая в типичном для Рингера оценочном ключе:

«Даже Эрнст Трёльч однажды позволил себе туманное высказывание о «веке прессы и журнализма, который вульгарно развенчивает [zerschwatzen], преждевременно вытаскивает на свет и стремительно растрачивает все, что можно». Подобного рода обобщения на тему влияния демократии на культуру сделались распространенной болезнью того времени. Безусловно, ортодоксов эта болезнь поразила куда сильнее, чем умеренных, однако ее микробы кишели повсюду» (С. 290).

Если во этих (и многих похожих) рассуждениях Рингера заменить «демократию» на «рынок» или «неолиберализм», то мы получим вот такие фигуры речи уже вполне современного французского автора:

«Я действительно считаю, что телевидение с помощью различных механизмов ... подвергает большой опасности самые различные сферы культурного производства: искусство, литературу, науку, философию, право. Я даже полагаю, что они, вопреки тому, что думают и говорят, ... подвергают не меньшей опасности политическую жизнь и демократию»[6].

Мандарин, который таким вот образом опасается за высокую культуру, протестуя против натиска рынка и усредненного сходства под маской многообразия[7], а также против торжества общих мест[8], в данном случае Пьер Бурдье. Напомню, что именно этот типичный мандарин по структуре своей аргументации в период своей непримиримой борьбы с неолиберализмом, воодушевившись работой Ф. Рингера, в более молодые годы азартно выводил на чистую воду «политическую онтологию Хайдеггера». Но я не вижу никакой существенной разницы между ламентациями позднего Бурдье относительно сугубой вредности свободного рынка и критикой торжества вульгарной демократии или «масс» в сочинениях немецких авторов начала XX в. Можно взять также огром-

[6] *Бурдье П.* О телевидении и журналистике. М.: Прагматика культуры, 2002. С. 21.

[7] «Наиболее бросающиеся в глаза отличия, в частности связанные с политической окраской тех или иных изданий (которая, впрочем, "линяет" все больше и больше ...), скрывает за собой глубинное сходство, связанное с ограничениями, накладываемыми источниками информации и целой серией механизмов, главным из которых является логика конкурентной борьбы». (*Бурдье*. Указ. соч. С. 37)

[8] «Существуют уже готовые собеседники, и это освобождает [журналистов – В.К.] от необходимости искать кого-либо, кому действительно есть что сказать» (Там же. С. 45).

ную массу критической литературы по поводу Болонского процесса – во всей это критике можно без труда опознать аргументы «немецких мандаринов», сформулированные немного более современным языком. Да и то необязательно – в потоке этой критики постоянно твердится об окончательном разрушении Гумбольдтовой модели университета.

Сказанное не означает, что я намереваюсь развенчать Бурдье как «мандарина» (хотя я настаиваю, что позднего Бурдье с его критикой неолиберализма можно описать в точном соответствии с этим «идеальным типом»). Это говорит лишь о том, что модель, предложенная Рингером, далеко не объясняет *специфику* немецкой гуманитарной науки анализируемого периода. Она описывает какой-то другой, но, очевидно, намного более широкий феномен, связанный с более фундаментальными аргументативными рефлексами носителя светского знания в западной культуре.

Вторая группа критических аргументов по поводу эвристической продуктивности используемой модели «немецкого мандарина» может быть сформулирована несколько иным образом. Если эта модель Рингера нечто объясняет, то она должна показывать, что взгляды мандаринов действительно специфичны. Т.е. у мандаринов не должны встречаться определенного рода позиции, которые встречаются у других социальных групп, и, напротив, встречаться определенные позиции, которые у других групп не встречаются. Но это не так. Представители немецкого академического сообщества воплощают *весь спектр* идеологических взглядов своего времени. Более того, этот тезис можно даже усилить, сказав, что они его в первую очередь и воплощают. Исключение, пожалуй, составляют лишь наиболее радикальные позиции[9], которые противоречат минимуму социального контракта, существующего между немецким университетом как государственным учреждением и государством (кстати и сейчас, насколько мне известно от коллег, любой университетский преподаватель в той же Германии подписывает контракт, где подтверждает свою лояльность конституционному порядку страны). В подтверждение этому я приведу только одно высказывание по этому поводу Карла Мангейма, который – в отличие от Макса Вебера – говорит не о норме ценностной нейтральности, а о *фактическом* положении в немецком университете в Веймарский период: «***современное образование*** исконно является сферой борьбы, миниатюрной копией борющихся в социальной сфере стремлений и тенденций»[10].

К сожалению, этот момент полностью заретуширован Рингером. Почему возникает различие между мандаринами-ортодоксами и мандаринами-модернистами? Как среди «мандаринов» могли взяться такие «радикалы» как Эрнст фон Астер[11]? Куда девались из изложения Рингера все марксисты-франкфуртцы – а ведь именно они, а вовсе не «ортодоксы» в первую очередь набросились на К.

[9] Да и они, как правило, репрезентированы немецкими приват-доцентами, а поскольку Рингер фактически игнорирует важное социальное различие роли приват-доцента и штатного профессора, то это позволяет включить в университетское сообщество всех, кто формально имел возможность преподавать.

[10] *Манхейм*. Указ. соч. С. 133. Выделение автора.

Мангейма после выхода работы «Идеология и утопия»[12]. Более того, даже в период первой мировой войны, как вынужден признать и сам Рингер, среди немецких университетских ученых существуют значительные расхождения, что вообще удивительно, учитывая ситуацию военной мобилизации. Период первой мировой войны – это вообще уникальная ситуация, в период которой наука *во всех* воюющих странах оказывается втянутой в пропагандистскую компанию. Этот период продуктивно рассматривать кросстрановым образом, и тогда можно заметить, что риторика «философов, пошедших на войну» во всех странах удивительно похожа – как и пропагандистские плакаты всех воюющих стран. Возьмите, например, работу *непримиримого критика* немецкой философии Владимира Эрна «От Канта к Крупу», и вы без труда подведете его под понятие «ортодоксального немецкого мандарина» по критериям Рингера (только вот Эрн с этим, конечно, никогда бы не согласился). Еще более удивительно, что Рингер отказывается замечать действительно страшные последствия первой мировой войны для сциентистской установки. Напомню, что число жертв этой войны было поистине колоссальным в сравнении со всеми предшествующими. А эти массовые жертвы были бы невозможны без достижений научно-технического прогресса (таких, например, как газ иприт). Критика сциентистского рационализма и техники в первую очередь объясняется именно этим, а вовсе не социальными комплексами немецких университетских ученых.

«Углубляющиеся расхождения» существуют и в послевоенный период, как признает и сам Рингер (ср., например, С. 278), но никаких внятных объяснений по этому поводу у него нет. Она подменена некой риторикой, утверждениями, что «модернисты» – это обладатели «реалистического взгляда», «интеллектуальной честности» и прочими добродетелями, с помощью которых Рингер обычно описывает позицию лично более симпатичных ему мыслителей (вроде Макса Вебера). Лишь в одном месте он пытается поставить вопрос о причинах «неортодоксальных взглядов» фон Астера, фон Визе и некоторых других авторов-модернистов. Но это объяснения сугубо ad hoc, со ссылкой на

[11] Ученика, кстати, Теодора Липпса, писавшего у него диссертацию о законе причинности. Замечу в связи с этим, что характеристика Т. Липпса у Рингера (С. 370) является фантастически избирательной – Липпс до самого последнего периода был сторонником каузальной психологии, и лишь когда его ученики отвернулись от него и встали на позиции Гуссерля, он старался реформировать свою позицию в ненатуралистическом ключе. Рингер цитирует одну из немногочисленных работ этого времени, игнорируя все предшествующее творчество Липпса – одного из самых влиятельных психологов этого своего времени (достаточно взглянуть на количество его работ, переведенных на русский язык).

[12] На мой взгляд, его работа более полемизирует с марксизмом, а вовсе не представляет собой «заостренную атаку на всю мандаринскую традицию созерцательного знания и чистой истины» (С. 515). Можно аргументированно показать, что пресловутая «свободно парящая интеллигенция» (которая, как это обычно и водится по отношению к Мангейму, описана у Рингера примитивизированно) в понимании Мангейма – это, в первую очередь, именно университетское сообщество (т.е., получается, что Мангейм типичный мандарин). Вообще Рингер изменяет свой критический тон, как только речь заходит о социологах, которые стали на то время респектабельными фигурами в англоязычном научном мире. Но того же Макса Вебера, которого Рингер всячески противопоставляет прочим мандаринам, можно, изменив акцент цитирования, описать как типичнейшего ортодоксального мандарина.

некий «уникальный личный опыт» (С. 285). Получается, что Тённис был модернистом, *потому что* был сыном фермера, а вместе с Визе они еще и *много путешествовали*. Необоснованным выглядит и замечание о том, что «среди критиков ортодоксально-мандаринских взглядов было немало евреев» (С. 286), так как евреев полно и среди тех, кого Рингер причисляет к ортодоксам (Гуссерль, например, множество других феноменологов и неокантианцев). Если резюмировать эти замечания, то можно сказать: даже задействованный Рингером материал можно описать существенно иначе, чем делает он, стремясь во что бы то ни стало представить «мандаринов» как единый социальный тип. С не меньшим успехом на его же материале можно показать, что немецкие университетские ученые стоят на разных позициях, а немецкое академическое пространство – это, повторю компетентное суждение Мангейма, «миниатюрная копия борющихся в социальной сфере стремлений и тенденций». Читателю книги я очень рекомендую следующий мыслительный эксперимент: пусть он попробует сконструировать позицию, которая бы противостояла рингеровскому «мандарину», – интересно, *кто* у него в итоге получиться?

Но это критическое соображение можно усилить, указав на то, что Рингер *систематически* отсекает массу позиций: они или крайне избирательно включены или вовсе исключены из рассмотрения. Трудно объяснить причину столь последовательного искажения, если не прибегать к идеологической критике и подозрению (а я все же не буду этого делать, хотя соблазн велик). Но, возможно, автор просто настолько очарован своей моделью, что невольно выбирает то, что ее подтверждает, вытесняя все то, что ее фальсифицирует. Или же все дело в круге источников, с которыми работает Рингер. А последнее далеко немаловажно. Дело в том, что автор не раскрывает характер выборки своего материала, но при этом его работа пестрит высказываниями типа «большинство» (это отъявленные, «ортодоксальные» мандарины) и «меньшинство». Но это произвольные оценки, во всяком случае они вызывают у меня аргументированные возражения, когда я читаю подобного рода рассуждения автора, стремящегося создать впечатление полноты и «слоновьего эмпиризма», как выражается Д. Александров (С. 600)[13]. Если он и слоновий, то, мне кажется, лишь в том смысле, как мы говорим о «слоне в посудной лавке». При чтении Рингера складывается впечатление, что «антипозитивизм», полемика против материализма, психологизма, натурализма или историцизма – это некая специфичная для немецких университетских профессоров позиция, подпитываемая их неприятием английской, американской и прочей «западной» науки, страхом индустриализа-

[13] По какой-то причине описание этих не вошло в русское издание Рингера, а цитируется только в послесловии Д. Александрова. Я не сомневаюсь, что Рингер прочитал много. Но не могу понять, откуда такие пробелы и избирательность. Рингер пишет: «Я прочитал все, написанное этими людьми в эти годы, что имело методологический характер или было относительно (??) неспециальным» (С. 600). Может быть дело в последний оговорке? Для меня она совершенно непонятна: как оказалось, например, что из огромного корпуса текстов Т. Липпса в поле зрения Рингера попал один маргинальный текст, а все остальные работы были проигнорированы?

ции, возрастания социальной роли и самостоятельности «масс» и проч. Например, он утверждает: «Антипозитивистская полемика двадцатых годов не может служить доказательством того, что позитивизм обладал существенным весом в интеллектуальной жизни Германии» (419). Я вообще не понимаю, как можно было упустить из виду не просто рассеянные работы, но огромные институциональные проекты, существовавшие на протяжении многих десятилетий *в рамках* немецкой университетской науки. Например, один из мощнейших и старейших немецких журналов «Vierteljahrsschrift fuer wissenschaftliche Philosophie» – орган позитивистской философии, выходящий с 1877 г. (первоначально под редакцией Р. Авенариуса). Этот журнал является намного более ранним и устойчивым предприятием, чем множество немецких философских журналов «идеалистической» направленности (включая «Kantstudien», которые выходят только с 1897 г. (и это при том, что Рингер настаивает на тотальном торжестве кантианства)). Если бы позитивизм был столь чужд немецкой и австрийской академической культуре (а Рингер не различает два эти явления), то как объяснить его колоссальное влияние даже в России (надо ли напоминать, критике какого течения единственная философская работа В. Ленина?) Также невозможно понять, как от внимания Рингера ускользнули *три главных спора* в немецкой университетской философии второй половины XIX-го века – спор а материализме, спор о дарвинизме и спор об «ignorabimus»? Так, для справки, отмечу, что самой популярной по числу изданий и переводов немецкой философской работой XIX века является «Сила и материя» Л. Бюхнера, а один из самых тиражных учебников по философии начала XX в. принадлежит «критическому позитивисту», как он сам себя называл, Вильгельму Ерузалему?[14] Вот и посудите, было ли с кем полемизировать «идеалистам»? Вывод из этого прост: Рингер больше ориентируется на саморепрезентации некоторых историй философий (Виндельбанд, Фришайзен-Кёллер и т.д.), влияние которых нетрудно опознать в его тексте, а не на реальную конфигурацию направлений в немецкой науке этого времени.

Теперь про психологизм. Начнем не с Рингера, а с того, к чему приводит некритичное чтение Рингера. В уже упоминавшейся рецензии Р. Фрумкиной читаем: «изучение психологии долгое время представлялось немецким мандаринам чем-то чрезмерно «прикладным», в силу чего кафедры, где психология преподавалась достаточно глубоко, до поры возглавлялись философами». Появление этого удивительно неверного, на мой взгляд, суждения нетрудно объяснить, если прочитать то, что говориться, например, на С. 376-377 работы Ринге-

[14] В период между 1899 и 1923 гг. учебник вышел 10 изданиями. Дважды (!) был переведен на русский язык. В предисловии ко второму русскому переводу Н. Виноградов пишет: «За время, протекшее с первого издания (1899), книга получила большое распространение не только в немецких странах, но и далеко за пределами их, будучи переведена на языки: русский (1902), польский (1907), английский (1910) и японский (1913)» (*Ерузалем В*. Введение в философию. М.: Московское книгоиздательство, 1914. С. V). Мартин Бланкенбург, обративший внимание на это обстоятельство, замечает, что работа, например, Г. Зиммеля «Основные проблемы философии» в период с 1910 по 1964 гг. претерпела всего 8 изданий (*Blankenburg M*. Philosophie als Institution // Dialektik I: Beitraege zu Philosophie und Wissenschaften. 1984. S. 110).

ра. Здесь он пишет о статье В. Вундта 1913 года, где тот настаивает на единстве философии и психологии, указывая, в частности, на то, что «психология вышла далеко за пределы той области, где применимы лабораторные методы». Т.е. вот так и получается, что немецкие философы каким-то особым, неэкспериментальным, неутилитарным и неприкладным образом развивают под своим началом психологию, защищая ее от воображаемого позитивистского и натуралистического противника. Но это абсолютно неверное изложение всей этой ситуации. Во-первых, статья Вундта является одной из статей в обширнейшей дискуссии, которая выплеснулась даже на страницы газет после того, как тенденция замещения философов экспериментальными психологами достигла своего апогея в 1912 году. Тогда кафедра Германа Когена была отдана правительством вовсе не какому-то там Э. Кассиреру (которого туда метили марбургские патриархи), а психологу-экспериментатору Э. Йеншу. Добавлю также, что Гуссерль в эпоху, которую Рингер описывает как торжество «идеализма», не мог получить место профессора в Гёттингене даже после публикации «Логических исследований». Этому противились его коллеги-«философы» по факультету – все сплошь *психофизиологии-экспериментаторы*, относившиеся к идеализму еще похуже Рингера[15]. Достаточно было бы проанализировать хотя бы разгром книги В. Дильтея «Идеи к описательной и анализирующей психологии» Германом Эббингаузом в конце XIX в., чтобы заподозрить, что ни о каком торжестве мандаринского «идеализма» и «понимающего» подхода там не было и речи. Массу возражений вызывает и описание Рингером других дискуссий, например, полемики вокруг историцизма. Все эти дискуссии, добавлю, не являются на пустом месте, а имеют, помимо прочего, и вполне определенные *социальные* и *институциональные* причины. Но только это не некий общий «идеальный тип» немецкого мандарина, а сложные процессы и конфликты *внутри* немецкого академического сообщества. Но почему-то все эти основные дискуссии или проигнорированы Рингером, или изложены каким-то причудливо избирательным образом (как в упомянутом случае со статьей Вундта). Если кратко резюмировать существо возникающей здесь проблемы, то можно сказать следующее. XIX – начало XX вв. – это сложный период формирования современной модели научного знания как такового. Этот процесс не является простым – в нем конкурировало множество научных программ, часть из которых уже забыта, тогда как другие смогли одержать победу. В силу ряда обстоятельств, значительная доля этих методологических дискуссий протекала именно в немецкой академической среде. В этой борьбе немаловажную роль играли и социальные факторы – способность опереться, например, на определенные институциональные рычаги и стереотипы[16]. Но все же там была и существенная «идеальная», содержательная составляющая, которая также является фактором

[15] См, например, характерное письмо Гуссерля Наторпу от 23 декабря 1908 года с описанием расклада сил в Гёттингене (*Гуссерль Э.* Избранная философская переписка. М.: Феноменология - Герменевтика, 2004. С. 115-120).

[16] См. *Куренной В.* Уединение университетского философа // Логос. 2007. № 6. С. 63-74.

воздействия и без учета которой нельзя понять эту динамику. Иначе непонятно, почему, например, Майнеке (мандарин-модернист в терминологии Рингера) мог «хотя и без энтузиазма, смириться с выводами из собственных открытий» (С. 235), а другие мандарины были не способны руководствоваться логикой, а озабочены только безнадежными попытками защитить свой падающий социальный статус. Рингер посвящает весьма много места пересказу некоторых элементов этих дискуссий, но, к сожалению, главным образом для того, чтобы подтвердить целостный и единый характер своего «идеального типа» немецкого мандарина (несмотря на отмечаемое различие «ортодоксов» и «модернистов»). Этот исторический период интересен и продуктивен как столкновение *самых разных* позиций, как состязание различных стратегий аргументации, наличие которых неверно отрицать.

Приведенные аргументы можно дополнить и с другой стороны, а именно, показав, что взгляды, которые Рингер считает свойственными тем, кто профессионально связан с университетом, распространены и *помимо* университета. Он включает, например, в свой обзор взгляды интеллигентов из кружка Стефана Георге (С. 228 и далее). Но тем самым важное социальное и институциональное различие стирается – а это означает, что используемая модель объяснения достигает убедительности посредством принципиального упрощения (тот же Мангейм, например, прекрасно понимал и даже описал различие между кружком Георге и университетской средой). Или возьмем, например, столь крупную фигуру как А. Шопенгауэр: согласно реконструкции Ригера его взгляды окажутся идеально мандаринскими, хотя Шопенгауэр является сознательным радикальным критиком немецкой университетской философии. Как это возможно? Приводить другие примеры, иллюстрирующие это критическое возрождение, я не вижу большой необходимости, но, полагаю, понятно, какого рода проблема здесь возникает.

Еще один сюжет, который бы я хотел затронуть, связан с Гумбольдтовской моделью университета, каковую Рингер трактует как важную составную часть мандаринской идеологии. Здесь его недоброжелательный характер, на мой взгляд, просто зашкаливает. Даже такой классик британского классического либерализма как Дж. Ст. Милль отдавал дань уважения работе В. фон Гумбольдта о пределе вмешательства государства в личную жизнь граждан. Но для Рингера и эта работа – часть мандаринской идеологии, поскольку апеллирует к «культуре». Ну что ж, не любит Рингер Гумбольдта, о таких вкусах спорить бессмысленно. Но все же объективно мне непонятно, каким образом можно вменять формирование мандаринской модели Гумбольдту. Проблему мандаринства по Рингеру можно сформулировать вот таким образом: модель Гумбольдта стимулировала складывание особой социальной корпорации, группы привилегированных лиц, которые выступили массивным единым фронтом, когда возник риск для этих привилегий. Здесь надо заметить, что проблема корпоративизации – это бич университета как такового. Собственно говоря – это ключевая

проблема в том числе и для нашей с вами ситуации: автономия это благо, которое, к сожалению, слишком часто в истории университета становится жертвой злоупотребления. И Гумбольдт прекрасно понимал, что «застывание в цеховщине» постоянно угрожает научному и университетскому сообществу. Но неверно, что модель Гумбольдта не предусматривала этот риск и не включала предохранительных механизмов от него. Таковых собственно два: назначение на должность профессора – это прерогатива государства, а не самого университетского сообщества. Поэтому неверно считать, что Гумбольдт требует от государства только средств для того, чтобы университетские мандарины существовали так, как им заблагорассудится. К сожалению, несколько страниц текста Гумбольдта очень мало из его критиков, видимо, смог осилить (что уж тогда критиковать Рингера, имеющего дело с чудовищно сложным материалом?). Итак, цитирую: «государство должно заботиться … о богатстве, т.е. мощи и разнообразии умственных ресурсов – путем правильного выбора привлекаемых к этому делу людей, и о свободе их деятельности. Свободе же опасность угрожает не только со стороны государства, но и со стороны самих учреждений, которые при своем возникновении приобретают определенный дух и впоследствии склонны подавлять проявление иного духа»[17]. Сказано, кажется, яснее некуда: модель Гумбольдта[18] исключает единомыслие, ведущее к корпоративизации и формированию в университете «определенного духа». Второй предохранитель инкорпорировал в фундаментальном принципе «уединения и свободы»: «Поскольку эти учреждения могут достигнуть своей цели только в том случае, если каждое из них по мере возможности будет сопрягаться с чистой идеей науки, то *уединение и свобода* суть господствующие в их стенах принципы». Гельмут Шельски 50 лет назад так комментировал этот фундаментальный принцип, который, похоже, также составляет какую-то необъяснимую трудность для понимания критиков Гумбольдта: ««Уединение и свобода» – эта формула в качестве фундаментального институционального принципа университета сформулирована Гумбольдтом столь ясно и выразительно, что можно только удивляться ее почти полному забвению в современной дискуссии об университете. Когда вы читаете современную обширную литературу, посвященную вопросам университета, то вы видите, что почти на каждой странице пространно обсуждается *свобода* – свобода исследования и преподавания, свобода самоуправления и т.д. Слово *уединение* в большинстве этих работ об университете вообще не содержится, лишь в редких случаях мелькая в придаточных предложениях. Во всяком случае, сама суть этого вопроса не играет какой-то принципиальной роли в современной интроспекции университета. Однако обе эти идеи подобны двум сторонам одной монеты.

[17] *фон Гумбольдт В*. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Неприкосновенный запас. 2002. № 2. С. 7.

[18] Не будем вдаваться здесь в вопрос о том, насколько идеи Гумбольдта были действительно воплощены в немецкой модели, а будем просто следовать посылке Рингера, который исходит именно из такого допущения.

Дело в том, что в понятии «уединение» заключено социальное обязательство университета и ученого, а в понятии «свобода» – их социальные права. Забвение принципа уединения означает, следовательно, что права института привлекают живое внимание, тогда как обязанность, которая является социальным основанием этих прав, игнорируются. Такое поведение, конечно, хорошо известно в нашем обществе всеобщего благосостояния, в государстве, на которое возложена забота о нашем существовании. И оно по праву описывается как эксплуатация институтов в собственных интересах»[19]. Так вот, обязанность «уединения» (помимо принципа картезианской достоверности) указывает на то, что Гумбольдтовская модель нормативно воспрещает сотрудникам университета блокироваться ради преследования корпоративных интересов (в частности, ради поддержания своего утрачиваемого социального статуса) помимо тех, что продиктованы потребностями *конкурентного* научного поиска и свободы преподавания и исследования. А «мандаринство», которое представляет соблазн всякого университета, включая все современные, – это и есть такой неправомерный социально-корпоративный феномен. И прискорбно, что Рингер полностью проигнорировал эти нормы, подгоняя идеи Гумбольдта под свою модель «мандарина». К сожалению, именно такого рода произвол больше всего дискредитирует методы «понимающей» социологии, которые использует Рингер.

Наконец, совершенно непонятно, *почему* настойчиво бытует точка зрения, что «сложившаяся в XIX веке у нас в России система образования …. В главных чертах следовала именно традиции «немецкого университета»»[20]. Если какой «традиции» она и следовала, так это, скорее, бюрократически регулируемой и бюрократически подконтрольной *французской* системе. Во всяком случае я готов доказывать, что попытка привить некоторые (очень и очень избирательные) принципы Гумбольдта ограничены либеральным уставом 1863 года. *А именно*: 1) первым параграфом этого устава («Университет есть ученое и высшее учебное установление, состоящее из факультетов, как нераздельных частей одного целого» (!)), который реформаторы комментировали в духе Гумбольдта; 2) и вводимым этим же уставом института приват-доцентуры с целью поднять чрезвычайно низкий уровень университетского преподавания с помощью механизма конкуренции. Но и этот устав был фактически отменен через 20 лет. Также отмечу, что и следующее суждение, инспирированное прочтением Рингера, является ложным. Р. Фрумкина в своей рецензии замечает: «в целом немецкие университеты осознавались социумом как предназначенные «для вдохновенья» – недаром там стремились учиться тысячи русских студентов и курсисток»[21]. Русских студентов в немецкие университеты в обязательном порядке *направля-*

[19] *Schelsky H*. Einsamkeit und Freiheit: Zur Sozialen Idee der deutschen Universität. (Antrittsvorlesung Münster 24. Juni 1960) Münster Westf.: Verlag Aschendorff, 1960. S. 7-8.

[20] *Фрумкина*. Указ. соч.

[21] Там же.

ло правительство и университеты не для «вдохновения», а для того, чтобы они там хотя бы чему-то могли научиться.

В завершение следует вопрос, который является, несомненно, ключевым в идеологическом отношении также и для работы Рингера. Речь идет о т.н. «вине» немецкого университета. Рингер, конечно, не связывает немецкую интеллектуальную традицию с нацизмом напрямую, но все же связывает с ней создание определенных косвенных предпосылок торжества нацистской идеологии. На мой взгляд, спекуляции по этому поводу – я говорю не о Рингере, а о целом потоке соответствующей литературы – зачастую далеки от корректности и не лишены рессантиментальной подоплеки. Людей продолжают интересовать размышления М. Хайдеггера и К. Шмитта (в отличие от многих их политкорректных современников из других стран) – и вовсе не потому, что они «немецкие мандарины». При обсуждении этих вопросов нелишне вспомнить одно понятие, которое используется в современных философских дискуссиях об этике. Это понятие «удачи». Многие люди проживают добродетельную жизнь не потому, что они более моральны или придерживаются каких-то более добротных этических норм. А просто потому, что они никогда не оказывались в сложной и неконтролируемой ими ситуации, когда любой моральный выбор будет невыносим или в любом случае плох (а таковы, к сожалению, большинство действительно серьезных моральных решений). Но имеют ли они основания, чтобы морализаторствовать в отношении тех, кого обошла эта моральная удача? Немецкие философы оказались в ситуации «политической неудачи», в ситуации, которая только с определенной дистанции кажется ясной. Президент Барак Обама, как и американские философы, также рассуждают об «идеализме» американской политики, о «единстве» американской «нации» и о «патриотизме» – повод ли это для того, чтобы уличать их в культивировании взглядов, в мутной воде которых может родиться черти что? Можем ли мы утверждать, что какие-то действительно серьезные интеллектуальные комплексы взглядов, априори более политически добротны, чем другие? Надо ли напоминать, во что может превратиться трогательный гуманист Маркс, когда его теории было дано определенное политическое употребление? Американским или французским философам политически повезло больше, им не приходилось делать тех выборов, которые приходилось делать немецким или тем же русским ученым. Но вот к роли в этой удаче *характера их теоретических воззрений* стоит подходить с более прохладной головой и с более сдержанным морализаторским пафосом. Это замечание не индульгенция – вопрос ответственности может и должен ставиться, но все же не стоит его сводить к морализаторским обличениям всей интеллектуальной традиции определенной страны.

НАШИ АВТОРЫ

Гатина Мария Руслановна – аспирант Саратовского государственного университета.

Куренной Виталий Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, заведующий отделением культурологии, заведующий кафедрой наук о культуре Государственного университета – Высшей школы экономики, научный редактор журнала «Логос».

Лубский Анатолий Владимирович – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор, Южный федеральный университет.

Макаренко Виктор Павлович – заслуженный деятель науки РФ, академик Академии педагогических наук Украины, доктор политических и философских наук, профессор, Южный федеральный университет.

Павлов Александр Владимирович – кандидат юридических наук, старший преподаватель, Государственный университет – Высшая школа экономики

Пантелеева Екатерина Владимировна – аспирант Саратовского государственного университета.

Субботин Александр Ильич — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Педагогического института Южного федерального университета.

Contents

Editorial
MAKARENKO V.P. Jus resistendi and Trained Rabbits.....4

Russian Power: Descriptions and Reflections
The system of Russian Power: Dissonance or Consonance of Concepts? (Roundtable Materials).....15
LUBSKY A.V. Concept of 'Russian Power': The Metaphorical Opportunities of Intellectual Discourse.....116
MAKARENKO V.P. The 'Own Strange': Concept of Russian Power.....130

Science Community
PAVLOV A.V. What is Analytical Political Philosophy?.....175
SUBBOTIN A.I. On Semantic Potential of M.K. Petrov's Culturological Terminology.....185
GATINA M.R. The Emergence of Science in 17th Century England: The Case of Imperial/Colonial Model of Interaction between Science and Power.....202
PANTELEYEVA E.V. Scientists and Primates in the Face of State: The Soviet Experience of Etatization of Science.....214

Bookshelf
KURENNOY V.A. German Mandarins: Critical Notes.....224

Our Authors.....238
Contents.....239
Summaries.....240
Notes for contributors.....243

Summaries

Makarenko V.P. – Jus resistendi and Trained Rabbits.

Abstract: In order to describe the 'Russian Power', the author has proposed the concepts of political alienation, civil alienation and civil resistance. Civil resistance is the realization of the classical jus resistendi (right to resist) that includes cognitive resistance. The article acquaints us with author's report on the round-table discussion "Scientific and Power" which took place in Saint-Petersburg Humanitarian University of Trade Unions (November 12, 2009). V.P. Makarenko uses concepts developed for analysis of Soviet policy in science as well as for systematization of behavioral patterns of modern Russian scientists. Attention is drawn to the role of those concepts in the discussion about the 'therapy' of scientific life.

The system of Russian Power: Dissonance or Consonance of Concepts? (Roundtable Materials).

Abstract: The round table was devoted to a comparative analysis of the concepts of 'Russian Power' formulated in the 1990-ies by Yu.S. Pivovarov, A.I. Fursov, and V.P. Makarenko. The controversy revolved around the following questions: what is the theoretical and social context of the genesis of concepts; how do the authors specify the object of study; what fundamental concepts, metaphors, and ideas are introduced into the analysis; which rules and laws of behavior of the study object are recorded; what are the socio-political and theoretical consequences of the concepts; are there any anomalies and unresolved issues in the structure and effects of concepts; what is their impact on the socio-political thought of Russia as well as of its individual regions and neighboring states. The round table was attended by scientists, teachers, students and graduates of academic institutions and universities in Moscow, Kiev, Rostov-on-Don, Taganrog, and Novocherkassk.

Lubsky A.V. – Concept of 'Russian Power': The Metaphorical Opportunities of Intellectual Discourse.

Abstract: In the late 1990's, several works devoted to 'Russian power' and 'Russian system' were published in Russia. According to the authors of these texts (V.P. Makarenko, Yu.S. Pivovarov, A.I. Fursov), they help to better understand and more adequately explain: the historical way of Russia, the specifics of its state power, the Russian national mentality, the peculiarities of Russian reforms (including reforms from the era of post-industrial breakthrough), the causes of the current comeback of 'Russian System' as well as reasons of repeatability of this phenomenon in Russian political history. The paper analyzes in detail the strong and week sides of foregoing works as well as the existing interpretations.

Makarenko V.P. – The 'Own Strange': Concept of Russian Power.

Abstract: Author's concept of Russian power includes general, special, and particular parts. In the beginning, V.P. Makarenko formulates the original concepts of his analysis. Then the author uses these concepts to search for rules and regularities of the genesis and functioning of Russian power. At the same time, an official version of Soviet historiography and its imitators is exposed the

systematic criticism by the author. V.P. Makarenko's analysis is based on the works of the Cambridge school of economic history. The empirical data of study is composed of the main events of Russian history from Kievan Rus to 1917. The findings are used to analyze the process and results of Russian revolutions of the twentieth century.

Pavlov A.V. – What is Analytical Political Philosophy?

Abstract: In Russia, anyone who once has heard something about political philosophy is convinced that he knows about it enough to proudly proclaim himself an expert in this field. As a result, the political philosophy in Russia has been greatly discredited itself. In the Russian Political Science Association, one is even afraid to call the Research Committee as "Political Philosophy Committee" because it could be occupied by such 'experts' who really are incompetent or are simply crazy. The author discusses various aspects of this problem.

Subbotin A.I. – On Semantic Potential of M.K. Petrov's Culturological Terminology.

Abstract: The terminology of the great Russian philosopher M. K. Petrov has never enjoyed great popularity. The attitude to it has fluctuated between the negative evaluations and the open acceptance of its relative usefulness. The author enters into a polemic with this trend. He examines the following issues: an overview on the experience of using of terminology from M. K. Petrov's texts; the organizational-actively nature of the social code; structural and functional relationship between social codes during their historical and cultural genesis; social and mental code as a scheme of human self-determination in the society. Based on his analysis, the author concludes: semantic potential of M.K. Petrov's terminology takes us far into the twenty-first century.

Gatina M.R. – The Emergence of Science in 17th Century England: The Case of Imperial/Colonial Model of Interaction between Science and Power.

Abstract: It is a particular cultural phenomenon called 'purely British science' that emerged in 17th Century England. This is the Royal Society of London organized by a group of enthusiastic researchers got carried away with experimental methods of studying nature. At their meeting November 28, 1660 twelve major England's scientists adopted Memorandum of the decision to create a 'College of development of physic-mathematical experimental knowledge' that became known as the Royal Society of London. June 15, 1662 Charles II (1660-1685) signed the charter which stated that 'the founder and patron' of the Society is the king. The author believes that this is only the tip of the iceberg. For, if we restrict oneself to the study of constituent documents, memoirs, and some of the official histories of the first years of the Society, many things remain unclear. It also concerns a question about the deep-seated causes of British science which has become the personification of society. Further, the specific aspects of the problem are discussed.

Panteleyeva E.V. – Scientists and Primates in the Face of State: The Soviet Experience of Etatization of Science.

Abstract: The author shows that the process of etatization of science in the Soviet Union left its imprint on the research activities of primatologists. Foreign researchers have sought to explain the origin of man by biological laws. Soviet scientists were more inclined to the recognition of relevance of social factors. During debate on the pages of scientific papers, the Soviet authors were accusing foreign researchers of the commitment to the false idealistic concepts. The increasing state interference in the academic life forced scientists to adhere to the official state policy. As a result, the tendency to contrast the Soviet scientific achievements with 'bourgeois science' has become the leading one, up to the collapse of the Soviet Union, and until now there are recurrences of this tendency in Russia.

Kurennoy V.A. – German Mandarins: Critical Notes.

Abstract: The author reviews a book by Fritz Ringer ‘The Decline of the German Mandarins: The academic community in Germany, 1890-1933’ which was recently translated into Russian. This is an important intellectual event which put this work in circulation within the domestic scientific and educational environment. Ringer’s book has been published in an excellent translation, with informative and an interesting afterword by Daniel Alexandrov. Vitaliy A. Kurennoy uses the publication of this work in order to launch a discussion on the methodology of sociology of knowledge. The author claims that today Ringer’s book is not a model of the sociology of knowledge. For this reason, Vitaliy A. Kurennoy rejects desire to canonize Ringer as ‘classics’ and cites a number of weighty arguments to justify his point of view.

К сведению авторов

Требования к оформлению статей:

1. Статья должна быть объемом не более 1,0 п.л. – 40 тыс. знаков, набрана в формате .doc (Microsoft Word или OpenOffice.org).

2. В начале статьи приводится аннотация (не более 1000 символов) на русском и английском языках, а также сведения об авторе: Ф.И.О. полностью, ученые степени и звания, должность, место работы, телефоны (рабочий и домашний с кодом города), электронный адрес (обязательно).

3. Параметры текста: шрифт Times New Roman, 14 кегль, интервал 1, поля: сверху и снизу – 2 см, справа и слева – 2 см. Выравнивание текста: по ширине. Абзацный отступ (красная строка): 1 см. Нумерация страниц: не ведётся. Рисунки – чёрно-белые и внедрены в текст.
3а. Допускается использование шрифтов Arial и Courier New для обособленных фрагментов текста. Допускается использование шрифта меньшего размера для участков текста, имеющих вспомогательное (второстепенное) значение. Размер шрифта табличного текста обычно на 2 пункта меньше размера шрифта основного текста. Рисунки можно присылать цветные, но следует иметь в виду, что журнал публикуется чёрно-белым.

4. Сноски обычные (не концевые!) автоматические. Нумерация начинается с цифры «1». (Просим не делать нумерации вручную с круглыми или квадратными скобками!).

5. Текст сносок оформляется следующим образом: Фамилия И.О. Название работы. Город, год издания. С. 23; Фамилия И.О. Название статьи // Название журнала. Год. Номер. С. 15. (без дополнительных тире).

7. Статью следует отправлять в электронном виде по адресам: politconcept@mail.ru, konstantinov-ms@mail.ru (просьба дублировать на оба адреса). В теме письма укажите: «Статья для электронного журнала «Политическая концептология».

Рукописи не возвращаются. Редакция не знакомит авторов с текстом внутренних рецензий, а только уведомляет по электронной почте о своём решении относительно публикации по запросу автора.